

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

**АРТЕМ ГАЙ
ТАТЬЯНА ОРЛОВСКАЯ
ИГОРЬ СМИРНОВ
ЛЕОНИД АГЕЕВ
ВИКТОР ЖИЛИН
ЛЕОНИД СМИРНОВ
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
АНДРЕЙ СТОЛЯРОВ
АНДРЕЙ ИЗМАЙЛОВ
ОЛЬГА ЛАРИОНОВА
МАРК ГОРДЕЕВ
СЕРГЕЙ СНЕГОВ
АЛЕКСАНДР ШАЛИМОВ**

ДВЕРЬ *с твоей* СТОРОНЫ

Сборник фантастики
и приключений

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ленинградское отделение
1990

Составители
В. Дружинин и А. Шалимов

Вступительная статья
А. Балабухи и А. Бритикова

Рисунки и оформление
В. Филиппенко

Д 4803010201—146 без объявл.
М101(03)—90

ISBN 5—08—000254—9

© Балабуха А., Бритиков А.
Вступительная статья. 1990
Дружинин В., Шалимов А.
Состав. 1990

ОТРАЖЕНИЯ ЖИЗНИ

Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.

А. С. Пушкин

...В ЗЕРКАЛАХ ВООБЩЕ

Кусок стекла, покрытого с одной стороны амальгамой, — вот и все зеркало. Да что там стекло! Сколько веков, тысячелетий даже до появления стеклянных зеркал человек пользовался металлическими — отполированными пластинами меди, бронзы или серебра. А еще раньше он просто гляделся в водную гладь, ловя свое зыбкое отражение. Но каким бы ни было зеркало, мы всегда пытливо вглядываемся в него, чтобы увидеть себя как бы со стороны. И зеркальный мир, зеркальный двойник завораживает и неодолимо притягивает воображение. Почему? Трудно сказать. Но английские психологи поставили однажды опыт. Установив зеркало в одном из учреждений, они вмонтировали рядом видеокамеру. И что же? Оказалось, из проходящих людей, неважно — мужчин или женщин, лишь один из тринадцати оказался в состоянии пройти мимо зеркала, не бросив в него хоть мимолетный взгляд...

Зеркала окружают нас. И не только те, что развешаны по стенам наших квартир. Зеркало телескопа-рефлектора приближает к нам звезды, а зеркальные антенны релейных спутников помогают наводить ставшие уже такими привычными телемосты. Зеркала работают в фотоаппаратах и стереотрубах, прожекторах и установках для так называемой зонной плавки металлов. Зеркало стало термином и образом языка науки. С нашего языка привычно срываются слова «зеркальный канал» и «зеркало горения», «зеркальный чугун» и «зеркальный карп»...

Так могло ли случиться, чтобы не стало зеркало излюбленным образом художественной литературы? Вспомним с детства знакомое пушкинское: «Свет мой, зеркальце! скажи, да всю правду доложи...» Или то, которое смастерил дьявол в «Снежной королеве» Г. Х. Андерсена: помните, в нем «все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже». А «Зазеркалье», эта замечательная повесть Льюиса Кэрролла? А чудесная повесть-сказка Виталия Губарева «Королевство кривых зеркал»?.. Мы не взяли бы (да, наверное, и никто на свете не смог бы) перечислить все зеркала, щедро рассыпанные по необъятному книжному миру.

Но о некоторых мы сегодня поговорим.

...В ЛУКИАНОВОМ ЗЕРКАЛЕ

Почти девятнадцать веков назад в Самосате, бывшей столице бывшего царства Коммагена, превратившейся ко II веку в провинциальный город Великой Римской империи, родился человек, которому суждено было прославить свою родину. Он так и вошел в историю под именем Лукиана Самосатского. Туристам, приезжающим сегодня в Самосат, скромный турецкий городок, рассказывают прежде всего о судьбе античного мыслителя, философа-софиста и писателя-сатирика. Он был человеком не только талантливым, не только популярным в свое время, но еще и везучим: в отличие от многих других античных

авторов до наших дней дошло немало его сочинений. Одно из них — «Правдивая история» по праву считается предтечей сегодняшней фантастической литературы. И не только потому, что автор забросил своих героев на Луну, где глазам их предстало великое множество чудес. Впервые в истории литературы Лукиан столкнул людей с обитателями другой планеты, тем самым став родоначальником едва ли не самой пространственной темы научной фантастики — Контакта, встречи человечества с иным разумом. Носителями этого разума чаще всего выступают обитатели далеких миров: жукоглазые марсиане, змеешапки с Веге, мыслящие мхи с планет Арктура и иже с ними. Но партнером по Контакту может оказаться, скажем, и созданный человечьями же руками искусственный интеллект, как происходит это, например, в прекрасной книге Айзека Азимова «Я, робот»; или вполне земное, наше живое существо, лишь относящееся к иному виду, — скажем, разумный дельфин, как в романе французского писателя Робера Мерля «Разумное животное». И все-таки: для чего же великое множество фантастов, начиная с Лукиана Самосатского, описывает Контакт?

Для того чтобы разобраться в этом, вернемся ненадолго к «Правдивой истории». Среди множества лунных чудес есть, может быть, самое главное: «не особенно глубокий колодец, прикрытый большим зеркалом. Если спуститься в этот колодец, то можно услышать все, что говорится на нашей Земле. Если же заглянуть в это зеркало, то увидишь все города и народы, точно они находятся перед тобой». Лукиан первым понял, что Контакт — средство взглянуть на наши, земные дела под непривычным углом зрения, как бы заново и со стороны, а значит, увидеть многое совсем не таким, каким представляется оно нам в привычном традиционном ракурсе.

С тех пор писатели-фантасты великое множество раз пользовались этим Лукиановым зеркалом. Не обошли его вниманием и авторы сборника «Дверь с той стороны»; больше половины их повестей и рассказов посвящены Контакту.

В рассказе Ольги Ларионовой «Короткий деловой визит» Контакт про-

исходит донельзя традиционно — для научной фантастики, разумеется. Появление звездного пришельца, первая встреча, поиски способов общения... И как раз потому, что обо всем этом уже написано множество фантастических произведений, Ларионова, признанный мастер жанра, не пытается даже нащупать здесь какие-то свежие идеи. Ей важно другое. Кто он, «звездный казак»? И какой представилась ему Земля и вся наша жизнь? Причем жизнь не сегодняшняя, а та, грядущая, к которой мы еще только нащупываем подступы. (Тут сплетаются воедино многие мотивы фантастики: и утопическое изображение мира будущего, и взгляд в грядущее через Лукианово зеркало, и фантастическая история инопланетной цивилизации, в трагедии которой проступают черты отнюдь не отвлеченного мысленного эксперимента, а тех проблем, с которыми сталкивается человечество сегодня.)

«...Люди вашей Земли обладают свойствами, столь редкими у нас: они все доброжелательны, ненавязчивы и... такие разные. И кроме того, у вас все, абсолютно все любят детей», — говорит космический пришелец.

Да так ли? Если бы все у нас любили детей, то откуда брались бы вопиющие случаи жестокого обращения с ними даже их собственных родителей? И откуда берутся в таком случае матери, отказывающиеся от своего ребенка? И те, кого лишают родительских прав? И зачем понадобились бы в этом случае законы об охране детства, принятые во многих государствах?

Увы, пока еще до такого идеального состояния нам далеко. Но разве не к этому надо нам стремиться? Разве не про нас это писано: возлюби ближнего своего? А кто же может быть нам ближе, родней собственных детей, причем не только своих, кровных, но вообще — детей человеческих?

Пришелец прав: мы разные, очень разные — и хорошо, что так! В самом деле, представьте себе конструктор, состоящий из одних только винтов, например, — много из него сделаешь? А ведь мы должны из самих себя сотворить такой невероятно сложный организм, как человечество... Правда, разность эта не во внешних признаках,

не в стремлении выделиться из толпы колокольчиком, подвешенным к уху, а в различии наших индивидуальностей, богатстве и разнообразии внутреннего мира. Но любовь, о которой говорит «звездный казак», как раз и есть одно из тех главных свойств, которые позволяют нам рано или поздно ощутить все же себя единым человечеством с единой человеческой моралью, с общечеловеческой нравственностью.

Больше того: это качество должно быть присуще любой цивилизации, где бы она ни находилась — на Земле или в окрестностях какой-нибудь Тау Кита. Уверенность в этом лежит в основе рассказа Святослава Логинова «Взгляд долу». И человек по имени Сонд, и Яфмам, обитатель некоей неназванной планеты, в равной мере соответствуют тому высокому критерию, который мы называем человечностью.

Правда, два общества, которые представляют они, разительно отличаются друг от друга. Земляне продолжают идти тем же путем технологической цивилизации, по которому движемся мы уже тысячи лет. А обитатели планеты магов избрали путь иной, который можно было бы, используя традиционные термины и понятия фантастики, назвать цивилизацией биологической. Для достижения своих целей им не надо сооружать громоздких машин, им не нужен весь наш арсенал технических ухищрений. Зачем? Ведь достаточно подумать, сосредоточиться, приложить энергию собственной мысли, чтобы напрямую, минуя посредничество машин, механических усилителей и исполнителей нашей воли, создать все, что необходимо.

Но за все надо платить. И если мы за неразумное развитие технологии, за сомнительные порой достижения прогресса платим сейчас, например, катастрофическим загрязнением окружающей среды, грозящим в будущем (и недалеко!) необратимой деградацией природы, то обитатели планеты магов за свои односторонние успехи расплачиваются жестким самоограничением, изоляцией от других миров, «взглядом долу».

Обе крайности одинаково неприемлемы. У нас, на Земле, все ширится движение, призывающее человечество со-

знательно ограничить свои потребности, отказаться от всего, что не является жизненно необходимым, во имя сохранения самой биосферы нашей планеты, во имя нашего собственного будущего. С удивительной прозорливостью писал об этом еще в конце 50-х годов классик современной советской фантастики Иван Ефремов в романе «Туманность Андромеды», называя такую фазу в истории общества Эрой Упрощения Вещей. На планете магов в рассказе Логинова находятся люди, которые не в состоянии преодолеть зов неба, те местные Дедалы, Монгольфье и Райты, которые становятся зеркальными магами.

Но если бы идея рассказа заключалась лишь в том, что в любом обществе всегда есть и будут несогласные с общепринятыми нормами поведения, идеями, взглядами, — это было бы слишком просто. Мысль писателя глубже, значительней: в замкнутом, герметичном сообществе, будь то племя, народ или все человечество, преодолевать внутренние противоречия гораздо сложнее, чем в открытом. «Заболевшие небом» обитатели планеты магов легко впишутся в земной мир. И пусть Сонд не пускает туда своих детей, «пока они неизлечимо не заболеют небом». У детей ведь могут оказаться на этот счет свои собственные соображения. Но в том, что среди миллиардов землян непременно сыщутся те, кому окажется близок и дорог образ жизни магов, кто захочет постичь и принять их мир, опустить «взгляд долу», нет сомнений. А значит, оба мира, обе планеты, оба общества нужны друг другу, их союз обоюдно желателен и взаимовыгоден, ибо они помогут друг другу преодолевать свои внутренние несовершенства.

На страницах повести Татьяны Орловской «Ниша забытой жизни» сталкиваются наша современная цивилизация и древнее сообщество доживших до нынешних дней австралопитеков. То же происходит своеобразный Контакт.

Что ж, опыт фантастики знает немало всяческих «затерянных миров», населенных дикивинными существами, обитавшими некогда на Земле, — от динозавров до неандертальцев. Возможно, иные из них и вполне затаились в ка-

ких-нибудь глухих уголках. Во всяком случае, сейчас криптозоологи всерьез обсуждают версию, согласно которой «снежный человек», это загадочное существо, поисками которого занято немало людей в самых разных странах, является дожившим до космической эры неандертальцем. И описанные Орловской агогве тоже, подобно снежному человеку, упоминаются в легендах народов Африки, живущих, правда, в Мозамбике, Уганде, Западной Кении, а не в Капских предгорьях. Это крошечные человечки, по описаниям немногих очевидцев едва достигающие ростом четырех футов, то есть ста двадцати двух сантиметров, покрытые рыжей шерстью и, подобно нам, ходящие на двух ногах. «Действительно ли, — спрашивают некоторые романтически настроенные зоологи, — все австралопитеки вымерли? Может быть... слухи о лесных человечках агогве обязаны своим происхождением уцелевшим в глуши девственных лесов австралопитекам?» — пишет в своей книге «Следы невиданных зверей» биолог и писатель-популяризатор Игорь Акимускин. Что ж, все может быть. И уж во всяком случае, писателю-фантасту никак не возбраняется использовать любую, даже самую маловероятную гипотезу. Пусть ученые спорят о том, были или не были австралопитеки разумны (их мозг достигал пятисот — шестисот кубических сантиметров, ненамного больше, чем у шимпанзе). Неважно, что ничего не известно о тех экстрасенсорных, телепатических способностях наших далеких пращуров, которыми наградила их писательница.

Важно другое.

Подобно магам в рассказе Святослава Логинова, фантастические агогве являют собою сообщество, пошедшее в развитии своим по иному пути, нежели человек. А ведь кроме телепатии и умения пользоваться странными ягодами, пробуждающими наследственную память, других признаков разумности агогве не обнаруживают. Можно ли говорить о цивилизации, пускай и фантастической, как о цивилизации магов, если эти существа ведут полуживотный образ жизни? Разумеется, встреча человека с агогве — это тоже Контакт. Но ведь и с животными у нас устанавливается нечто вроде взаимопонимания...

Тем не менее человеческий мир оказывается куда хуже общества агогве. Люди проявляют лишь жестокость, корыстолюбие, подлость... Единственный претендент в герои, Питер Йоргенс, одержим только своей научной идеей, судить о том, что он за человек, читателю повести трудно.

Получается, что в Контакте с одной стороны участвуют люди, которых почему-то не очень хочется называть этим словом, а с другой — полуживотные, чей «разум еще не стоял между ними и природой», и поэтому они были «совершенны, как мох». Однако именно эти «совершенные, как мох», агогве оказываются едва ли не нравственным идеалом, люди же высокой проверки не выдерживают...

К счастью, не все авторы разделяют подобное недоверие к человечеству. Герои «Теста на совместимость» Виктора Жилина — ленинградского фантаста, рано ушедшего из жизни, — проходят своеобразную пробу как раз человеческих своих качеств, не столько разума, сколько нравственности. И выдерживают эту проверку, признаться, с честью.

В самом деле, задача перед ними не из простых. И мы сейчас говорим не о тех приключениях, которые испытали они на безымянной Планете, хотя и необычные приключения в неземном мире, тысячекратно описанные до него, Виктор Жилин умел заставить нас переживать по-новому. Главное достоинство рассказа — искренняя и убеждающая человечность решений и поступков. Человеческая доброта. И становится не так уже важно, что именно происходит там, на загадочной, укутанной белым туманом Планете. Важно в конце концов, что человек всегда ведет себя как человек. Для него даже в самой невероятной запутанной страшной ситуации альтернативы этому нет. «Потому что другое — это взять мушкет, войти в изолатор и — сонному, в затылок...»

Коллизия Контакта, как видим, совсем не обязательно требует в равной мере выписывать обоих партнеров, обе стороны, встретившиеся друг с другом. Мы понятия не имеем, с кем или с чем пришлось столкнуться на Планете экипажу «Босха». Но это и не важно: сам по себе факт Контакта выступает здесь

тем самым Лукиановым зеркалом, в которое смотрится человек.

Подобное происходит и в рассказе Андрея Столярова «Дверь с той стороны». И здесь тоже до конца остается невыясненным, с кем же вступил в Контакт Мазин. Партнер по Контакту настолько чужд всему человеческому, всем нашим представлениям о жизни и разуме, что ни о каком взаимопонимании не может быть и речи. «Мы слишком разные, — подумал он. — Может быть, это и не Вторжение, но мы слишком разные. ...Мы никогда не поймем друг друга».

Мазин прерывает Контакт — ценой своей жизни. И тем самым вновь доказывает, что даже самый обычный, заурядный на первый взгляд человек, вовсе никакой не супермен, может тем не менее в звездный свой час взять на себя ответственность за все человечество.

Впрочем, различия между партнерами по Контакту не всегда означают невозможность взаимопонимания. Казалось бы, уж как велики различия между элиминаром — искусственным существом, роботом, созданным не то в отдаленном будущем, не то на другой планете, не то в ином каком-то параллельном мире, — и людьми, причем даже не сегодняшним человечеством, а обитателями Франции конца XV века. И тем не менее взаимопонимание — пусть постепенно, трудно — рождается. Нелегко роботу Уайту, герою «Повести о Белом Скитальце» Игоря Смирнова, постичь не логику, но нравственные законы, движущие людьми. Однако постепенно от чисто машинной логики приходит он к человеческой совести. Неслучайно дважды автор ставит его в одно и то же положение — выбора, кого спасти первым, юношу или старика. И если в первом случае, в начале повести, Уайт совершает выбор, исходя из сугубо логических, строго рациональных соображений, то во втором — так и хочется сказать, что руководит им не ум, а сердце (хотя какое уж сердце у робота!). Постепенная эволюция Белого Скитальца, очеловечивание Уайта — это тоже утверждение человеческих ценностей, рассматриваемых в Лукиановом зеркале Контакта.

...В ЗЕРКАЛЕ ГАЛАДРИЭЛИ

Галадриэль, Владычица эльфов Лоррена, одна из героинь прекрасной сказочной повести английского писателя Джона Р. Р. Толкиена «Властелин колец», обладала Магическим зеркалом, которое могло показывать «прошлое, определившее вашу нынешнюю жизнь, или какие-нибудь сегодняшние события, способные повлиять на вашу судьбу, или то, что, возможно, случится в будущем». Ничего необычного — какая же это сказка без волшебного зеркала? Но зеркало Галадриэли умело также открывать взору «события, для которых время еще не настало и, весьма вероятно, никогда не настанет, — если тот, кому оно их открыло, не свернет с избранной им однажды дороги, чтобы предотвратить возможное будущее».

Трудно сказать, были ли этот образ, эта мысль навеяны Толкиену научной фантастикой или нет. Но обширное направление современной научной фантастики выступает сегодня именно в роли зеркала Галадриэли — ради отрицания, предостережения, предупреждения, разоблачения такого будущего, наступление которого надо предотвратить. Корни этого — антиутопического — направления научной фантастики уходят достаточно глубоко в историю политической борьбы, общественной мысли и художественной литературы. Вспомним хотя бы такие романы Герберта Уэллса, как «Машина Времени» или «Когда Спящий проснется».

Заглядывают в зеркало Галадриэли и современные ленинградские фантасты.

Тема ответственности ученого за использование своего открытия, дальнейшую его судьбу также относится к одной из наиболее разработанных в фантастической литературе. Об этом думал еще Жюль Верн, больше ста лет назад заканчивая своего «Робура-Завоевателя». Создатель фантастического воздушного корабля говорит в финале романа: «...я понял, что умы людей еще не подготовлены к тому важнейшему перевороту, который в один прекрасный день должно произвести завоевание воздуха... Граждане Соединенных Штатов, мои опыты завершены, но отныне я полагаю, что ничего не следует делать

раньше времени. Это относится и к прогрессу: успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов... Явись я сегодня, я пришел бы слишком рано, и мне не удалось бы примирить противоречивые и своекорыстные интересы людей». К такому же выводу приходит и герой повести Артема Гая «Наследники» Оноре-Максимилиан Жиро. Правда, избирает он в отличие от инженера Робура не добровольное изгнание, а уход из жизни. Уносит с собой тайну вакцины, которая...

Стоп! Давайте попробуем разобраться, что есть эта вакцина — добро или зло для нынешнего человечества.

Казалось бы, какие тут могут быть сомнения! Разве не требуют отдать в руки людей такое средство против лучевой болезни тени жертв Хиросимы, «Счастливого Дракона», Чернобыля, наконец?

Но нельзя забывать и о том, что история человечества — это еще и история поединка меча и щита. Чем более надежен щит, тем менее эффективен, тем менее страшен меч противника. Но и меч, совершенствуясь, требует нового, лучшего щита. Способные выйти победителями из любой артиллерийской дуэли броненосные корабли оказались беззащитны против нового меча — торпеды, выпущенной с борта подводной лодки. Что и было засвидетельствовано трагической судьбой английских крейсеров «Хог», «Кресси» и «Абукир», в одночасье пущенных на дно немецкой подлодкой. Казалось бы, подводная лодка стала безраздельно царствовать на море. Но родилась авиация, появились противолодочные корабли, вооруженные глубинными бомбами. И вновь понадобилось усовершенствовать меч...

К чему этот разговор? Очень просто: вакцина Оноре-Максимилиана Жиро как раз и могла бы стать непробиваемым щитом, прикрываясь которым так соблазнительно развязать атомную войну. Ведь собственная-то безопасность агрессору гарантирована! И кто знает, какое страшное новое оружие должно будет появиться на свет, чтобы возродить рухнувшее равновесие сил.

Именно эта мрачная картина, отраженная зеркалом Галадриэли, и заставляет героя повести уйти из жизни, унеся с собой тайну великого открытия.

Конечно, с решением Жиро можно было бы и поспорить. Можно вспомнить о том, что открытие, ставшее известным всем, никому не может дать рокового преимущества. Но как в сложном сегодняшнем мире обнародовать такое открытие, сделать его достоянием всего человечества, если со всех сторон тянутся руки, достаточно сильные для того, чтобы заставить молчать кого угодно. Ситуация, в которую попадает герой повести, практически безысходна. И как ни трудно смириться с такой мыслью, но выбор, сделанный им, по сути оказывается единственно верным. Или по крайней мере единственно для него возможным. И воистину человеческим, — вот что важнее всего.

Больше века отделяет «Наследников» Гая от романов Жюль Верна. Но хотя мир изменился чуть ли не до неузнаваемости, проблема эта сохраняет свою актуальность по сей день. И никому не ведомо, сколько должно пройти десятилетий или веков, пока станет она лишь достоянием истории.

Во всяком случае, для того будущего, которое изображено в рассказе Сергея Снегова «Остров, не отмеченный на карте», она столь же актуальна, как для нынешнего дня.

Казалось бы, Нио — рай для любого исследователя. Здесь можно всласть «удовлетворять свое болезненное любопытство за казенный счет», как определил некогда научную деятельность кто-то из великих. Но никогда нельзя забывать о том, что благими помыслами замощены все дороги к аду, а свет суть изнанка тьмы.

Творец никогда не стремится ко злу. Ибо зло противоречит самой его сущности. Альфред Нобель, создавая динамит, думал не о минах и артиллерийских снарядах, а об увеличении эффективности горно-проходческих работ. Творцы атомной бомбы создавали не то оружие массового уничтожения, под дамокловым мечом которого мы все живем сегодня и против которого выступают лучшие умы и сердца планеты. Нет! Они ковали меч для борьбы с фашизмом! Но не сыскать такого открытия или изобретения — словом, такого творения рук человеческих, которое при желании нельзя было бы употребить против самого же человека.

Не сверхсолдата, а помощника видела в своем Бриарее Агнесса Коростшевская. Для продления жизни, а не для уничтожения живых организмов создавал свою теорию доктор Альфред Сток. Но ведь, как известно, техника добра только в добрых руках. В злых — она страшна.

Сам по себе научно-технический прогресс не является ни добром, ни злом. И плоды его могут стать живительными или ядовитыми лишь в зависимости от того, кто нас ими угощает.

Но это не освобождает творцов от ответственности за использование своих творений. Слишком поздно вспомнили об этом доктор Сток и Агнесса Коростшевская. И потому Хирон Спадавекия комментирует их гибель как «всего лишь два маленьких несчастья. И большой успех: Бриарей и импульсатор не повреждены». Слишком поздно заглянули герои рассказа в зеркало Галадриэли. Или не успели заглянуть вообще?

Если от науки мы привыкли уже в своем XX столетии ожидать горьких плодов, то уж спорт, казалось бы, никак не может быть чреват злом. Олимпиады античности, подарившие миру прекрасных Атлетов и Дискоболов, возрожденные в наши дни благородными устремлениями барона де Кубертена, основателя современного олимпийского движения. Красота состязания, благородное торжество победы, честность борьбы...

Но увы, чем дальше, тем больше меняется и спорт. Во-первых, мастерство спортсмена теперь уже зачастую зависит не столько от него самого, сколько от тех, кто создавал гоночный автомобиль или яхту, самолет или бобслей. Во-вторых, и сама состязательность спорта оказалась под ударом — не зря же в конце концов введен на соревнованиях допинговый контроль. И наконец, коммерциализация спорта, продажа игроков из одной команды в другую, тотализатор, денежные призы... И если оборотная сторона спортивной жизни будет развиваться и дальше — что же, тогда нарисованная Андреем Измайловым в рассказе «Только спорт» страшноватая картина вполне может стать когда-нибудь не фантастической, а вполне

реальной. И неважно, будет ли это называться спейсболом или как-то иначе. Прискорбно другое: гладиаторы будущего вырастают из тех семян, что посеяны в мире нашего спорта уже сегодня.

А ведь разглядеть эти семена и есть задача зеркала Галадриэли. Помните? «События, для которых время еще не настало и, весьма вероятно, никогда не настанет, — если тот, кому оно их открыло, не свернет с избранной им однажды дороги, чтобы предотвратить возможное будущее». Зеркало только показывает и подсказывает, а выбор пути и верность этому выбору — наша с вами человеческая ответственность. Так же и в искусстве: не надо думать, что достаточно назвать те или иные проблемы, изобразить их — и благодарное человечество тут же кинется делать все как надо! Нет! Прямого воздействия литературы на жизнь никогда не было и вряд ли будет. Но каждый писатель, обращаясь к этим проблемам, создает зеркало Галадриэли, в которое люди могут заглянуть и получить пищу для размышления. А выбор поступков и действий — это уже дело нашей совести.

...И В АРХИМЕДОВЫХ ЗЕРКАЛАХ

Конечно же, в арсенале писателей есть еще множество зеркал, отражающих мир совсем непохоже, выделяющих из него иные элементы. Судите сами: ведь даже в этой книге совсем в другом ракурсе рассматривает мир, скажем, Александр Шалимов, чей рассказ «Отпущен до особого распоряжения» написан в той традиции, которая породила, например, знаменитое «Путешествие капитана Стормфилда на небо» Марка Твена или изыскную новеллу Мартти Ларни «Сократ в Хельсинки». А «Улыбка королевы» Марка Гордеева и вовсе лежит за пределами фантастики, хотя детектив и роднит с нею логика раскрытия тайны и нравственная установка на поиск истины.

Но все-таки большинство авторов пользовалось теми самыми магическими зеркалами, о которых мы вели разговор. Обо всех же остальных речь пойдет тогда, когда какие-то из них станут глав-

ными инструментами авторов другого сборника фантастики.

Однако еще об одном зеркале, — точнее, системе зеркал — нельзя не сказать напоследок.

Больше двадцати двух веков назад в сицилийском городе Сиракузы, греческой колонии, основанной на этом прекрасном острове за пятьсот лет до того, жил греческий ученый по имени Архимед. Тот самый, что оставил нам архимедов рычаг и архимедов винт, спираль Архимеда и тот закон, который все мы учили в школе. Но с его именем связана и одна легенда.

Когда римляне осадили Сиракузы, Архимед организовал инженерную, как сказали бы мы теперь, оборону города. И рассказывают, что однажды он приказал собрать все зеркала, какие только есть в домах у жителей. Фокусируя солнечные зайчики, отброшенные этими зеркалами, на римских кораблях, стоявших на рейде, Архимед поочередно поджигал их, уничтожив в конце концов всю римскую эскадру.

По сей день неизвестно, правда это или красивый вымысел. Не могут на этот счет сговориться даже специалисты-оптики: одни считают такое вполне возможным, другие убеждены, что этого

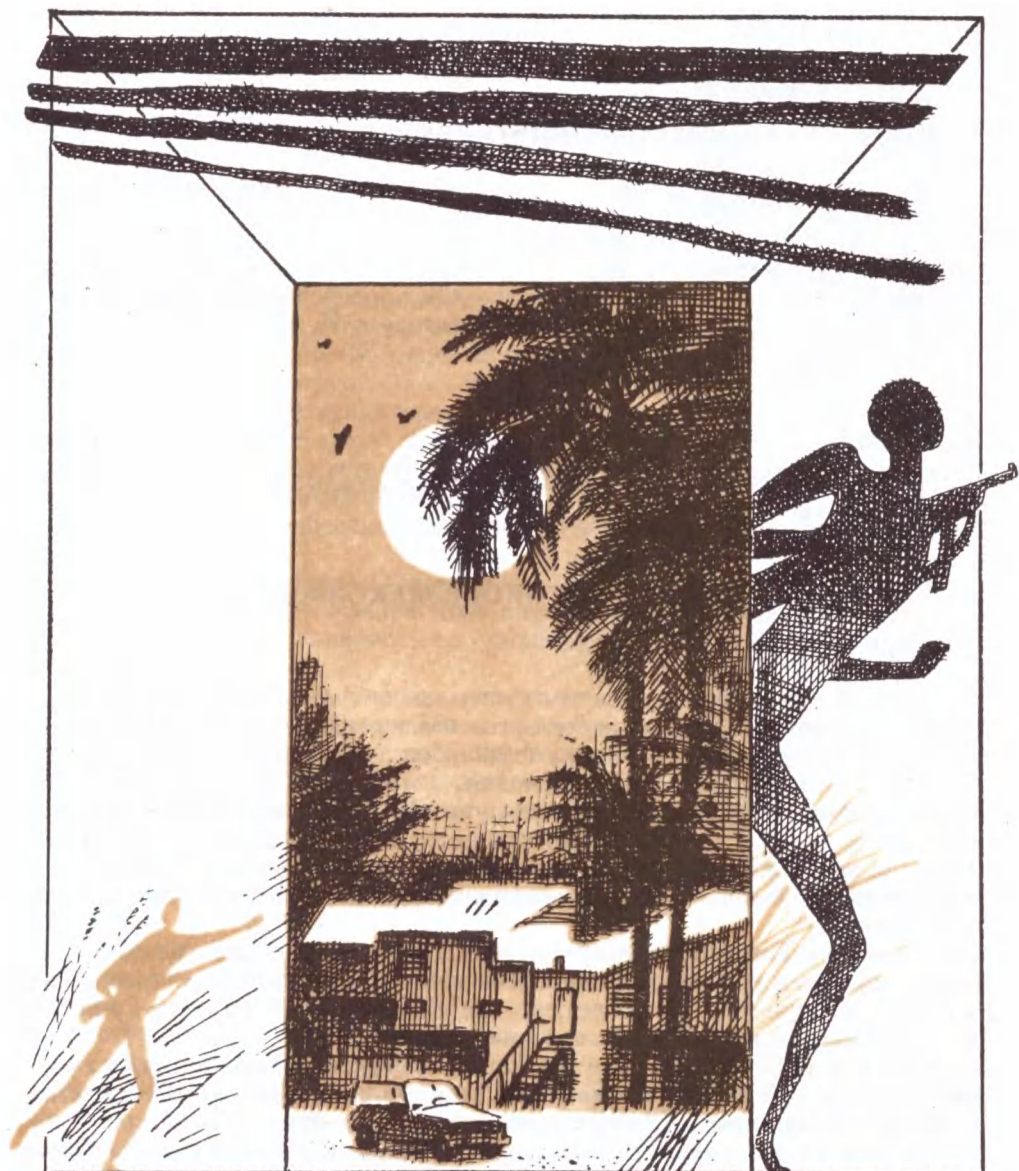
не может быть, «потому что не может быть никогда». Да это и неважно для нас: легенда сама уже стала фактом наших представлений об истории и возможностях человеческого гения. Однако заметим: как раз на таком принципе работают сегодня солнечные коллекторы многих гелиоэлектростанций...

Так вот, все магические зеркала литературы: Лукианово зеркало, зеркало Галадриэли и другие, о которых мы не говорили сегодня, — образуют своего рода архимедову систему. Только в фокусе ее оказываются не римские триеры, а мы с вами — читатели книг.

Они очень разные, эти литературные зеркала. Как, впрочем, разными были и те, что собрал у сиракузских жителей Архимед: роскошное серебряное — из дома модной гетеры и тусклое бронзовое — из каморки какой-нибудь рабыни. Но разве это важно? Нужно было лишь свести все отброшенные ими солнечные лучи в одну точку, чтобы вспыхнул огонь.

И когда оказываются в этой точке наши умы и сердца, — вот тогда-то и начинается непростой, порою даже очень трудный процесс выплавки восприятия и постижения мира.

*АНДРЕЙ БАЛАБУХА
АНАТОЛИЙ БРИТИКОВ*

**АРТЕМ
ГАЙ**

НАСЛЕДНИКИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Париж. 10 ноября

Сэр! По данным известной французской журналистки Мирей, полученным ею от физика-атомщика Луи Кленю, некий господин де Жиро преднамеренно и совершенно безболезненно перенес десятикратно смертельную дозу облучения на атомном реакторе в Н.

Гайлар

Гайлару

Получить достоверное подтверждение сообщенных вами данных. Обеспечить полную их секретность...

ЖАН ОВЕЧКИН И ОНОРЕ-МАКСИМИЛИАН

Ноябрь. Западная Африка

Овечкин сидел под тепловатым душем, завернувшись в простыню, блаженно щурился, морщился, дергал ртом и вспоминал Пти Ма. «Шеф Овэ, рюс!.. — и блеск белоснежных крупных зубов. — Товарищ, товарищ, а любовь — нет! Вот француз был господин, а любовь...» Ох, и чертовка эта Пти Ма! Язык — бритва, совсем хохлушка, только очень черная. Можно себе представить, как она расправляется со всеми на диалекте. Вот Гран Ма — та матрона, неторопливая, малословная, красивая. Сильнющая сибирячка. Ну, в физической силе и маленькой Пти Ма не откажешь. Так руку жмет...

Гран Ма и Пти Ма работают на грейдере, и каждый день не один уже месяц молчаливая толпа пораженных этим зрелищем африканцев стоит у развалов строительной площадки. Все удивляются и гордятся Гран Ма и Пти Ма. А они — обычные девчонки.

«Эй, парень! — кричит Пти Ма парню в драной рубаше, который смотрит на нее целый день не отрываясь и раскрыв рот. — Возьми лучше меня в жены, чем пияться. Родным вместе заплатим, драненький...»

За полгода совместной работы Овечкин освоил кое-что из местного диалекта. По крайней мере, немного понимал. Он вообще был удивительно способен к языкам. Во французской школе на Греческом проспекте его просто умоляли не зарывать таланта и поступать в институт иностранных языков. Не пошел... Его простили в родной школе лишь через шестнадцать лет, когда он собрался уезжать инженером в бывшую французскую колонию помогать ей экономически развиваться. Вот и сидит теперь Ваня Овечкин на стуле под душем в мокрой простыне, вымочаленный за африканский день, вбирает по крохам прохладу льющейся воды. А далеко-далеко в Ленинграде осень, и, может быть, холодная. И восхитительно прохладная постель, которую нужно еще согреть...

Тепло и жизнь неразделимы. Однако сильная жара и жизнь уже входят в противоречие. Особенно душная жара. Иногда ночью Овечкину начинает казаться, что он разлагается. Овечкину словно бы вспоминается тот килограмм говяжьего фарша, который он забыл когда-то у холодильника, отправляясь в пятницу к своим на дачу. И вот он входит в свою квартиру через три дня, и его едва не сбивает с ног удушливый сладковатый запах, будто в закупоренной квартире спрятан расчлененный труп... Почему именно расчлененный и почему непременно труп? Он их в жизни не видел!... Запах разложения в нестерпимой спертый духоте раскаленной квартиры... Кто, кто же это там?! Овечкин мечется под mosquito сеткой, мокрый, измученный душной жарой, полусном, неясными полувидениями.

Хотя Овечкин хронически недосыпает, укладываться в постель он не торопится.

В душевой появляется Оноре.

— Вы еще здесь? — Оноре тоже в простыне. И начинает хохотать: — Мы с вами похожи, наверное, на сумасшедших, принимающих влажное обертывание.

Смущенно смеется и Овечкин, глядя на него снизу вверх. Вот это — с простынями — наука Оноре. Так, в мокрой простыне, и забираешься под mosquito сетку, и несколько терпимых часов сна обеспечены. Особенно когда намотался за день как следует.

— Не смущайтесь, Жан. Мы все здесь рано или поздно сходим с ума. Эта жара не для белых.

Овечкин уступает ему стул, но уйти из-под широкого гриба падающей воды не торопится. Теперь они почти одного роста, сидящий Оноре и стоящий рядом Овечкин.

— Ничего. Теперь-то уже доживем. — Оноре имеет в виду свое долгожданное расставание с Африкой, от которого отделяют его считанные месяцы, — так, по крайней мере, он говорит.

Обстоятельства француза Овечкину совершенно непонятны. И при всем своем любопытстве, он никак не может их постигнуть. Оноре — врач, много лет назад поселившийся в этой африканской глуши. При этом он, как сам говорит, ненавидит «весь континент со всеми его потрохами». Врач он, наверное, неплохой, к нему идут белые со всего района, с ближайших и отдаленных рудников. Об африканцах и говорить нечего. Но сам он рвения определенно не проявляет. Его амбулатория в первом этаже содержится в порядке, однако как же она примитивна! Это ясно даже неискушенному Овечкину. Медицинский инструмент, оставшийся от предшественника Оноре, давно заперт в стеклянных шкафах. Зато автоклав работает не зная усталости. Что там чуть ли не каждый день автоклавирует при своей практике дох, Овечкину болезненно неясно.

Однажды псу дока сильно досталось от восьмиметрового удава. Оноре три дня не принимал больных, лечил собаку. И никакие уговоры не могли его поколебать. Он сидел в своих комнатах запершись и впускал только

приходивших в первой половине дня из поселка слуг — кухарку и немого боя, который следил еще за его «лендровером».

Собака у Оноре действительно была замечательная — громадная, красно-рыжая с проседью. «Одной масти с хозяином», — усмехался док. Однако был стопроцентно прав: его сутулую сухопарую фигуру за метр восемьдесят венчала такая же буйная рыжая шевелюра, тоже с густой проседью. Оноре говорил, что они почти ровесники: псу шел восьмой год, в пересчете на человеческие обоим подкатывало к пятидесяти. Они были удивительно привязаны друг к другу. Оноре, похоже, любил собаку больше всех на свете, хотя никак внешне не проявлял этой любви: редко гладил, никогда не ласкал и звал просто «шьен» — «собака». Но они были неразлучны. И еще: Шьен удивительно чувял всякую нечисть, вроде скорпионов и змей, словно был натаскан на нее.

Иногда Оноре садился в свой старый «лендровер», закинув в машину большой баул, усаживал рядом собаку и они исчезали на неделю или две. При этом немой слуга, кухарка и медицинская практика оставались брошенными на произвол судьбы.

В последние месяцы такие отлучки стали особенно частыми. Возвращались всегда ночью. Овечкин слышал обычно, как, тяжело дыша, француз несколько раз проходил через гостиную. Что он перетаскивал? Овечкин не мог себе даже представить. Ведь, уезжая, Оноре брал с собой лишь баул и постель, да еще слуга сносил в машину несколько ящиков с продуктами. Разве что эти ящики? Но с чем?.. Каждый раз, возвращаясь к машине, Оноре запирал дверь в свою комнату — шелкал замок. Зачем?!

Когда в поселке появились русские и вознамерились поселиться в привезенном вагончике, оборудованном по последнему слову таборной техники, комендант района этому категорически воспротивился. Он был грузным и очень важным африканцем в черном потертом костюме из плотной ткани. Изнывающий от жары Овечкин боялся даже смотреть на тугой воротничок его белой рубашки, затянутый к тому же черным галстуком.

Комендант был полновластным хозяином в районе, вроде вождя. Все его так и звали: Коммандан. Небрежно смахивая пот с лица и смыкая

толстые веки, он сообщил, что русские инженеры будут размещены «как положено».

Поселок был небольшой, но растянулся вдоль реки километра на два. Компактно стояли лишь двухэтажные бетонные дома со вспомогательными строениями, возведенные еще французской колониальной администрацией. В одном бетонном доме на первом этаже помещался банк, а во втором жил одинокий старый банкир. Банк финансировал местных плантаторов, выращивавших кофе, какао и манго. Банкир, худощавый старик с большими грустными глазами, был альбиносом с матовой сероватой кожей и платиновой проволокой курчавых волос. Французы окрестили его «мсье Альбино». Коммандан отобрал у мсье Альбино весь второй этаж и разместил там четверых русских, а банкира переселил в контору. Однако и после уплотнения тот приветливо улыбался, ничем не выражая своего неудовольствия. Возможно, его и не было: ну зачем, в самом деле, такой большой дом одинокому человеку? А ребята разместились с удобствами: общая спальня, столовая, кухня, прачечная. Коммандан выделил им целый штат прислуги: повара-«люкс», служившего когда-то и у англичан, и у французов, боя, шофера. «В гостинице у Альбино!» — смеялись ребята. Овечкину же, как руководителю группы, Коммандан отвел отдельную комнату во втором этаже соседнего дома, у доктора-француза. Овечкин вначале пытался возражать, но Коммандан и слушать его не желал. Да и втиснуть пятую кровать в спальню было бы непросто. Однако от отдельного слуги Овечкин отказался категорически.

Вселять Овечкина к доктору, которого Коммандан называл официально и сухо «медсен» — «врач», он пошел самолично, очень серьезный и неприступный. Овечкин сразу понял, что предстояла ответственная битва, которая для Коммандана была, несомненно, принципиально важной. И тем неожиданней выглядела реакция доктора. Оноре хмуро выслушал тогда Коммандана, стоя в дверях и не впуская их даже на лестницу, быстро глянул на смущенного Овечкина и, обращаясь только к нему, коротко сказал, что тот сможет вселиться завтра с утра.

Так они стали соседями с общей проходной гостиной, из которой Оноре

не забрал даже бар. Когда Овечкин въехал в освобожденную для него комнату, в двери, ведущей на половину француза, стоял свежесрезанный замок, и Овечкин так ни разу и не побывал там. Даже теперь, когда отношения между ними можно было назвать теплыми и вполне дружескими, Оноре никогда не приглашал его к себе. Правда, и сам никогда не заходил в комнату Овечкина. Не заходил и Шьен.

Первый разговор между соседями состоялся лишь через неделю.

После долгих водных процедур и ужина — в столовой «гостиницы у Альбино» обычно долго обсуждали прошедший день — Овечкин приходил к себе поздно, снова принимал душ и, ваяясь с ног от усталости, со страхом заползал под москитную сетку на произвол влажной духоты. Деться от нее было некуда и спасу от нее не было.

Проходя вечерами через гостиную, Овечкин часто видел доктора в кресле у бара. При свете керосинового фонаря, в компании лежавшего у его ног Шьена француз что-нибудь читал с большим ста-

каном в руке. Они коротко здоровались, и все.

В тот день доктор посоветовал принимать душ в простыне. А когда Овечкин, ощущая прохладу мокрой ткани, благодарный, шлепал к себе в комнату через гостиную, Оноре сказал:

— И еще очень советую выпить. Прошу.

Пить Овечкин не любил и не умел, а теперь особенно не хотелось, но странные отношения с человеком, который жил с ним, можно сказать, в одной квартире, начали уже тяготить общительного Овечкина.

— Вы знаете, Жан, я впустил вас к себе только из-за электричества, — говорил подвыпивший француз. — И если бы эта жирная образина Коммандан не привел вас, я бы сам кого-нибудь из вас пригласил. Мне ужасно надоело жить без электричества. Теперь же стало просто невозможно... — Он усмехнулся одним углом рта. Позже Овечкин привык к этой грустной, как взгляд его собаки, усмешке Оноре, за которой словно стояло что-то, чего тот недоговаривал.

— Ну, в амбулаторию мы бы все равно...

— А мне нужно не в амбулаторию, а сюда. — Оноре сделал большой глоток. — И еще совет, Жан. Меньше здесь напрягайтесь, так в Африке вас надолго не хватит. Заставьте работать этих бездельников. Если сможете, конечно. Они бездельники. Только женщины у них и трудятся...

Овечкин сразу понял, что врач Оноре не любит людей, которых лечит, и удивился.

— Вот уже два дня я вижу в поселке людей в драных рубашках с новенькими портфелями. Значит, вы создали бригады из африканцев и назначили бригадиров. Ха-ха-ха-ха, — неожиданно пьяно рассмеялся Оноре. — Имейте в виду, Жан: человек, назначенный здесь старшим даже в паре, сразу покупает большой портфель и перестает делать что бы то ни было. Вы знаете, когда я понял эту страну? Через час по прибытии в ее столицу. Мне понадобился чемодан, но снести его даже пустой в гостиницу не удалось. Здоровенный негр и куча мальцов не дали проходу, пока я не вручил им — «всего за пятьдесят франков, мсье» — этот злосчастный чемодан. Взрослый негр не стал нести его и двух шагов, а за двадцать франков предоставил это право одному из мальчишек. Так мы и шли: мальчишка с пустым чемоданом, этот верзила, а за ними тащился я без своих кровных пятидесяти франков. Ха-ха-ха-ха!.. Вы поняли, Жан?

— Обычный бизнес, так я понял. Разве во Франции по-другому? — Овечкин смотрел на него, похоже, недоуменно, как ребенок смотрит на большого дядю, рассказавшего очень уж незатейливую историю.

Оноре пошевелил рыжими бровями, разглядывая Овечкина, потрогал длинный нос.

— Да, Жан. В принципе везде все одинаково. Всё и все. Может быть, действительно африканцы простодушней и потому кажутся хуже европейцев. Не возражаю: вся эта наша цивилизация — гниль, красивая плесень, под которой одна и та же питающая ее отвратительная слизь. В самом деле, французы лживы, американцы самоуверенны и пустоголовы, англичане надуты, боши — те совсем дерьмо, русские, если судить по прессе, — белые африканцы... Вы, наверное, правы.

— Я ничего этого не говорил, Оноре. И совсем так не думаю. В каждой стране полно разных людей, хороших и плохих...

— Я не знаю вашу страну и ваших людей. Но Европу знаю. И этот одуряющий континент, где все: от Бизерты до Нордкапа, от Зеленого Мыса до Рас-Хафуна, и вдоль и поперек, черные и сильно загорелые, — выдающиеся лентяи и бездельники, знаю наверное.

— А может, они просто на вас не хотят работать?! — И тут Овечкин накинудся на пьяного француза, как Робинзон на первого

англичанина, и опрокинул на доктора такой поток интернационализма, антишовинизма и антирасизма, что Оноре вначале булькал еще, а потом и вовсе утонул, удивленный, деморализованный, а под конец, когда Овечкин запел, просто восхищенный им.

Была у Овечкина особенность: хоть малость выпьет — начинает петь. Причем не просто петь, а очень громко. Он был, конечно, не виноват в этом: в детстве его держали за музыкального мальчика, заставляли ходить с большой папкой в музыкальную школу и даже показывали какому-то доценту по классу вокала. Обо всем этом Овечкин успел давно забыть, но когда алкоголь, как реостат, чуть понижал в нем критическое напряжение, вот так странно давали себя знать давние несбывшиеся надежды его родителей.

Ну, а тут еще был и политический, так сказать, предлог: предметно, наглядно и доходчиво показать этому заблудшему на мирских дорогах французу, как по-своему прекрасны все нации и народности Земли. У Овечкина было сильно развито чувство ответственности, а здесь он все время ощущал себя полномочным представителем своей страны.

Начал Овечкин, естественно, с любимой своей украинской народной «Гей, нальвайте повние чары, щоб через винце лылося». Тут он сразу способен был поразить славянской широтой и мощью своего голоса. И Оноре действительно вздрогнул от неожиданности, словно в комнате вдруг грянул хорошо организованный мужской хор. Затем Овечкин исполнил лиричную грузинскую «Ты стоишь на том берегу». И как всегда, последний куплет выдал по-грузински. Потом пел по-казахски и по-белорусски, всех слов не помнил и делал вид, что просто торопится дальше: программа велика!..

В конце концов они громко пели уже вместе с Оноре «Подмосковные вечера», «Катюшу», «Спи, мой беби» незабвенного Робсона и «Прости мне этот детский каприз» неповторимой Матье. Овечкин стоял, придерживая на животе мокрую от пота простыню, Оноре возвышался напротив него в одних шортах, раскачиваясь в такт песне, и большие тени от керосинового фонаря тоже качались на стенах, пугающе выпадая через окно и тут же исчезая в крошечной африканской темноте. Шьен обреченно спал, лишь изредка приоткрывая глаза, чтобы убедиться, может быть, что существенного улучшения обстановки ждать не приходится.

Позже Оноре говорил: «Одна такая спевка стоит многих лет соседства. — И усмехался углом рта. — Даже в Париже. Правда, в Африке длительное соседство не сближает белых, а разъединяет. Так что поживем — увидим. Но пока...»

В конце каждой недели — с пятницы по воскресенье, — за исключением тех, когда Оноре со Шьеном исчезали в неизвестном направлении, француз по-прежнему проводил вечера в кресле у бара и неизменно приглашал Овечкина разделить компанию. Оказалось, что оба недурно играют в шахматы, и теперь Овечкину не составляло труда проводить с доком часть вечера, не принимая вместе с тем участия в его возлияниях. В остальные дни недели виделись редко, встречаясь на ходу на лестнице или в гостиной. Или вот так — в душевой...

Условия строительства оказались сложными. Рабочие — без всякой квалификации (это если говорить языком современным), от столицы, от-

куда приходилось возить стройматериалы, больше двухсот километров, половина — через джунгли, так сказать, проселком. В России «сто проселком» звучит страшновато, а здесь выглядело совсем паршиво. Нередко работали без выходных.

Оноре тоже работал без выходных, и в амбулатории, и дома, где он, запершись, сидел всю вторую половину дня, а когда не было пациентов, то и целыми днями напролет. Так что понятие уик-энда было условным, но Оноре твердо держался обычая три вечера проводить у бара.

Овечкин уже не сомневался, что Оноре занимается здесь чем-то очень для себя важным, что и является причиной его добровольного заточения. Вначале Овечкина занимал этот «интерклуб», как шутя ребята и он сам называли вечерние посиделки с французом. Веселые переплетения языков: «О-веч-кин... О, де бреби, овн? Ха-ха-ха, овечий!.. Жан де Бреби!» Неожиданные повороты бесед, необычность ситуации: он, ленинградец Ваня Овечкин, живет в африканской глуши бок о бок и даже дружит с осколком колониальной системы...

«Осколок?.. И да, и нет, Жан. Обратите внимание: в моем имени, может быть, основные противоречия Великой французской революции. Вы знаете, что мое полное имя Оноре-Максимилиан! А, каково? Я так же, как Мирабо, смысл жизни вижу только в жизни, и так же, как Робеспьер, упрямя и стоик. Вуаля! Но революции, Жан, отражают национальный характер...»

Нет, Оноре не был хвастуном и позером. Может быть, только чуть-чуть артистом. Овечкин склонялся к мысли, что доктор просто разумный человек, который пытается верно оценить себя в мире и сам этот мир. И еще: был в нем какой-то надрыз.

«Итак, будем знакомы, мсье Жан де Бреби: перед вами Оноре-Максимилиан ле Гран Эритье!» Он смеялся над собой: ле гран эритье — великий наследник — в африканской глуши с собакой, которая не имеет даже имени!

«Почему Выдающийся Наследник, — думал Овечкин, — почему ле Гран Эритье? Только из-за имени?» Были еще какие-то фразы, упоминания о семье «вонючих аристократов и денежных мешков». Может быть, о своей семье? Была в жизни Оноре какая-то драма, Овечкин не сомневался. В судьбе этого одинокого немолодого, очень неглупого француза, бессмысленно влачившего дни в ненавистой ему стране (ведь Оноре не проявлял интереса ни к врачеванию, ни к людям, которых лечил!), эта драма вырастала в глазах Овечкина в значительную, почти философскую трагедию, требовавшую, однако, не только осмысления, но и сострадания. И Овечкин готов был сострадать. Даже после того как исчез первоначальный острый интерес, а копившаяся с каждым днем усталость все настойчивей толкала вечерами в постель, Овечкин терпеливо, не выказывая усталости, играл в шахматы и поддерживал бесконечные беседы.

«Меня не вдохновляют ваши социальные идеи, Жан. Я индивидуалист. Уравнивание людей представляется мне вредным абсурдом». — «Смотря что понимать под уравниванием». — «А что под этим понимаете вы?»

И Овечкин прилежно и доходчиво читал ему соответствующую лекцию. Оноре слушал, иногда серьезно, иногда по-своему криво, но грустно улыбаясь, поглаживая рыжую шевелюру, иной раз вставлял фразу, которая показывала Овечкину неубедительность его доводов, и тогда он, как опытный оратор, все начинал сызнова другими словами.

С каждым месяцем Овечкину, изнуряемому жарой, становилось все труднее вести вечерние беседы.

Оноре нередко раздражал его сарказмом, непонятливостью, артистизмом, бесконечными возлияниями, даже той загадочностью, что прежде влекла его к французу. Теперь нередко из трех вечеров в конце недели они проводили вместе лишь один. Овечкин с радостью отмечал, когда в среду или четверг в гараже не было «лендровера»: это значило, что уик-энда не будет вовсе. И если ему самому нужно было в столицу, он старался уехать в конце недели.

Но наряду с этим Овечкин постоянно чувствовал значительность француза и его обстоятельств, которые никак не мог постигнуть, к которым за многие месяцы соседства, бесед, все возрастающего расположения к нему Оноре никак не мог даже приблизиться. Док, с его непостижимыми занятиями, протекавшей вроде бы на глазах, но совершенно непонятной жизнью, оставался для Овечкина все такой же, если не большей, загадкой, как и в первые дни знакомства. И это так притягивало к нему любопытного, хотя и усталого до полусмерти, Овечкина, что он терпеливо переносил все, что раздражало его в докторе. Терпел, как настоящий марафонец, не ведающий, ждет ли его в конце пути хоть какая-нибудь награда. В этом терпении его поддерживало еще убеждение, что он, Овечкин, стал нужен Оноре. Такое убеждение придавало доброму Овечкину сил. Даже ребятам, даже надежному их «взводному» Сане он и словом не обмолвился, как надоед ему странный француз.

Как-то зашел у них разговор об атомной войне. Прежде они обходили эту тему, скорее всего стараниями Оноре. И сейчас он сказал:

— Оставьте, Жан, глобальные проблемы. Пусть ими занимаются политики. Все равно ни вас, ни меня пока и близко не подпустят к их решению.

Овечкин, с удивлением отметив про себя это «пока», взвился:

— То есть как это?! Оноре, в каком мире вы живете?..

— В чужом, — рассмеялся француз. — В мире политиков и военных.

— И тут многое зависит от нас, — буркнул Овечкин, злясь на него и на себя.

— «От нас»... — все смеялся Оноре. — Вы неисправимый оптимист, Жан. Просто врожденный приходский священник.

— А вы пессимист, гробовых дел мастер.

— О, нет! Тут вы ошибаетесь. От человечества я не жду ничего хорошего, — это верно. Но именно потому, что уверен: кроме жизни, нет ничего стоящего в жизни. И каждый человек стремится к наилучшей, как представляет ее себе, иная — бессмысленна. Разве не так? — Это была его любимая формула: смысл жизни — только в самой жизни.

«Черт бы тебя побрал, — думал Овечкин, отирая пот с лица. — Тут за день намаешься на жаре, еле ноги тащишь... Стремится он, видишь ли, к шикарной жизни. Налижется и тешит свое одиночество за чужой счет... Ну, Овечкин, попался ты с отдельной квартирой! Своего хоть к черту можно послать, если языком ворочать неохота...»

— Мне давно уже понятно, Оноре, что вы убежденный индивидуалист. Я это понял сразу, как только увидел вас здесь вдвоем с собакой. Зарабатываете на шикарную жизнь? Так ведь на всю жизнь даже тут не зарабатываете.

— Это смотря как зарабатывать, Жан.

— Ну, может быть, в свои отлучки вы золото моете килограммами. Но на миллионера вы не похожи и, думаю, никогда им не станете.

— Да? Как это понимать? — Оноре усмехался, но глаза стали серьезными. И говорил он определенно не то, что в эту минуту думал.

— Как комплимент, конечно, в моих-то устах.

— Хм. Знаток миллионеров... А вы зачем сюда приехали? Помогать африканцам строить новую прекрасную жизнь?

— А почему бы и нет, если удастся? И на мир посмотреть, и деньги подзаработать... — «Что так вдруг насторожило его?..»

— А, все же деньги. Зачем вам деньгата, Жан? Seriously. Вы для меня в некотором роде загадка. Зачем вам деньги, если одной духовной жизни вам вполне хватает, а общество, как вы говорите, обеспечивает вас самым необходимым?

Он говорил как-то отчужденно. Такой светской манеры, необязательности Овечкин никогда прежде не ощущал, беседуя с французом. Неужели — золото? Чушь! Во-первых, здесь нет золота, и что Оноре мог делать с ним, если бы даже нашел россыпи?..

— Ну скажите, зачем вам деньги? — допытывался Оноре.

— Машину куплю.

— У вас нет машины?

Фразы повисали, каждый из говоривших определенно думал о своем.

— Пока нет.

— А работа кроме здешней?

— Есть, конечно.

— Так вы что, паршивый инженер?

— Почему? Вроде бы нет... — растерялся Овечкин.

— Я не хотел вас обидеть, Жан. В отличие от вас, кажется. Просто мне непривычно... — Он говорил как прежде, свободно, а Овечкин испытывал угрызения совести: да, конечно, обидел француза. Зачем? Сделал ему, наоборот, больно: «индивидуалист с собакой»...

— Простите, Оноре, я тоже не хотел вас обидеть. К здешнему климату действительно трудно привыкнуть.

— Ну и не привыкайте, какая вам в том надобность?

— Взлся за гуж... Но вы были правы: всякая мелочь раздражает и выматывает, на нее все время непроизвольно обращаешь внимание. Вот, например, даже то, что не загорает. Столько месяцев я здесь, а стал лишь красный как рак, и все. Честно говоря, мечтал загореть сильнее всех в Ленинграде. У нас, северян, очень любят загар. Это всегда предмет зависти.

— О, значит вы тоже любите, когда вам завидуют? Загорать нужно ехать к берегу океана. А тут слишком много испарений, слишком большая влажность. Образуется фильтр, не пропускающий ультрафиолет, только тепловые лучи. Такая буйная растительность, а где ароматы?.. Паршивые края! Нет ничего от живого солнечного тепла: ни винограда, ни яблок, ни груш. И нормальных человеческих чувств нет...

Ночью, лежа в мокрой простыне под mosquito net, Овечкин думал, что впервые пожаловался вслух. И сделал это Оноре, чужаку. Никому из своих ребят, даже способному все понять «взводному» Сане, никогда не сказал бы он того, что сказал сегодня французу.

Как странно прозвучало в его фразе о глобальных проблемах словечко «пока». Что может значить это слово в устах Оноре? Необычное для него слово. Такое в таком разговоре не может быть случайным...

В поселок приехал, возвращаясь с американских концессий, коммивояжер. Далече, однако, его занесло.

Вечером после ужина американец появился в «гостинице у Альбино». Его привел Коммандан. Как всегда, в черном потертom костюме и белой рубашке с галстуком. Но важности в нем как-то поубавилось. И он вдруг стал просто толстым и старым человеком, определенно несуразным в своем несуразном костюме, когда все его сограждане щеголяли в набедренных повязках или шортах и изодранных рубашках (не специально ли они рвали их для лучшей вентиляции?..).

Казалось, прибытие американца сильно смутило Коммандана. Коммивояжер добродушно улыбался и предлагал «рашн инжени» на смеси английского с французским совершенно неограниченный выбор товаров и услуг — от строительных материалов и тропических боксов с кондиционером до служанок всех цветов, достаточно воспитанных и свободно говорящих на одном из европейских языков. Он шутил, мило кивал после каждой фразы, приговаривая «йес, йес» — «да, да», и очень понравился ребятам.

Коммандан отвел Овечкина в сторону и прошептал, отирая платком пот с лица, почти с благоговейным страхом: «Очень богатый человек!» А потом попросил свести американца к «медсен».

Коммандан нередко заходил к ним в «гостиницу у Альбино» выкурить сигарету, посмотреть фильм. Иногда поселянам и рабочим показывали вечером на площадке между бетонными домами советские фильмы. Овечкин рассказывал содержание по-французски, а Коммандан, такой важный и гордый, словно это кино лично им не только организовано, но и отснято, а возможно, даже изобретено, переводил на местный диалект. Любил он пообсуждать самые разные вопросы с «шефом Овэ», как звали местные жители Овечкина, но ни разу за многие месяцы не появился у него в доме. И причиной тому был, конечно, Оноре. Что там между ними произошло — Овечкин не знал, но Коммандан обходил француза за версту и определенно терпеть его не мог. Тут они были взаимны.

Овечкин отвел коммивояжера к доктору.

Оноре встретил американца в гостиной, сухо поздоровался, даже не предложил сесть и коротко сказал, что не пользуется посредниками, все необходимое покупает сам. Оноре был неузнаваем. Он бесцеремонно разглядывал американца, словно пытался смутить или спровоцировать его. Почесывая рыжий затылок, цедил каждое слово так, будто это занятие доставляло ему большой труд. Потом буркнул «адье» и ушел к себе, плотно закрыв за собой крепкую дверь.

Овечкин был смущен и озадачен. К чести американца, вел он себя так, словно ничего не заметил. Любезно поблагодарил Овечкина: «Сенк ю, йес, йес...» — и ретировался.

«Какая муха его укусила? — думал Овечкин об Оноре с раздражением, стоя посреди гостиной. — Или это какой-то еще неизвестный мне приступ местной автоклавной отчужденности?..»

Голос Оноре прозвучал неожиданно резко:

— Я прошу вас, Жан, впредь никого из посторонних в дом не водить. — Сутуловатая фигура дока четко рисовалась в проеме двери. В его руках был пистолет.

Овечкин взорвался. И сказал подчеркнуто спокойно:

— Что это вы себе позволяете, Оноре? Я не снимаю у вас комнату, я та-

кой же хозяин здесь, как и вы. И буду приводить сюда, кого захочу. Не забывайтесь.

Они молча смотрели друг на друга. Овечкин — откровенно зло, а француз — скорее всего озабоченно.

— Простите, Жан. Но дело очень серьезное. Думаю, что в скором времени вы многое поймете. За восемь лет здесь я не видел ни одного коммивояжера. Ждите появления новых людей. И учтите, они могут оказаться более опасными для вас, чем для меня. Вуаля.

На этот раз он был прав, наверное, как никогда.

ПАРИЖСКИЕ ДИАЛОГИ ЗА НЕДЕЛЮ ДО ОПИСАННЫХ СОБЫТИЙ

Утро

— Бобби? Наконец! Я не могу дозвониться до тебя уже два часа.

— Мирей? О-гоу! Май литл герл, девочка! Не ждал, рад, счастлив, готов, эт цетера, эт цетера. Откуда, дорогая?

— Из Парижа, естественно. Ты мне срочно нужен.

— О-гоу! Королеве понадобился Бобби, и вот он уже счастлив вдвойне...

— Бобби, это серьезно.

— О'кей. Но кажется, я еще женат... Однако, когда ты в Берне? Дневным?

— Нет, Бобби, вечерним ты в Париже.

— У меня там, кажется, нет дел. Теперь я торгую преимущественно в Центральной Европе, к сожалению. О, Париж! О, Мирей!..

— Я звоню по твоим торговым делам, между прочим. Сделка может оказаться сверхвыгодной.

— Май диа, я уже не верю в такие сделки. Но чтобы встретиться с тобой... Прилечу вечерним и сразу позвоню.

Вечер

Мирей врубила магнитофон на полную громкость. Кассета какой-то сумасшедшей рок-группы.

— Не оглохнем?

— Главное, чтобы оглохли возможные о н и, Бобби.

— Кто?!

— Ребята вроде тебя.

— О-гоу?!

— Не валяй дурака, Бобби, я знаю, что ты из ЦРУ. Когда-то, очень пьяный, ты сам сказал мне об этом.

— Да-а?.. Май диа, такие разговоры у порядочных людей не считаются.

— Не считаются, не считаются, Бобби. Однако к делу! Некто, похоже, изобрел средство от радиационной болезни. Пока эта версия стопроцентно не проверена, она немного стоит, но доказанная — она бесценна! Надеюсь, ты это понимаешь. Средство от рака по сравнению с этим — сентиментальная забава медиков и старичков. Эта штукавина может перевернуть мир.

— Стоп! Ты понимаешь, как здесь становится жарко?

— Проверь, Бобби! В каждом моем миллионе — твои двадцать процентов.

— Но почему именно мои?

— Такое дело можно доверить только серьезной фирме. Мне нужен весь пакет акций. Сенсация в полную собственность!

— Дело тут не в сенсации.

Помолчали.

— Подумай, Мирей. Это из зоны большой политики. Самой большой. Это — жернова. Тут ничего невозмож-

но предвидеть. Поэтому хорошенько подумай, девочка. Это говорю тебе я, опытный торговец, гайлар из Техаса — боевой парень. И пока ты не скажешь мне «о-гоу!» — никакого разговора у нас не было.

Она рассмеялась:

— О-гоу, Бобби! Проверяй. Источник информации — Луи Кленю.

Днем через два дня

— Мсье Луи, я к вам как представитель специальной комиссии ВОЗ. Прошу ознакомиться с моим мандатом. По письму господина Жиро.

— Де Жиро?!

— Да, мсье. Вам знакомо это имя?

— Конечно. А что за письмо?

— Знаете, нам пишут о чем угодно. Особенно охотно — о выдающихся методах лечения. Чаше всего это чушь, бред, непризнанные гении.

— И что вам написал Жиро? Как вам известно, я ведь не медик...

— Да, мсье. Жиро ссылается на вас, как на очевидца своего открытия или изобретения. Он прямо указывает на вас. Я все понимаю, мсье, и прошу учесть, что в данной конкретной ситуации я выступаю как неофициальное лицо. Хотя Всемирная организация здравоохранения имела право сделать официальный запрос в ваше ведомство.

— О господи!.. Видите ли...

— Шарль Грани, к вашим услугам, мсье.

— Видите ли, мсье Грани, по роду своей работы я не имею права ни на какие разговоры...

— Понятно! И тем более на действия, не так ли? Вот мы и решили не ставить вас в пикантное положение. Нам лишь нужно убедиться, что этот господин Жиро не сумасшедший, а то, что он пишет, хотя бы отдаленно соответствует действительности. Вот и все. Только в этом случае с ним смогут вступить в контакт компетентные люди. Честно говоря, мсье, я сам не медик и даже не знаю содержания письма. Я юрист.

— Ах, так...

— Да, мсье. От меня требуется лишь подтверждение, заметьте, даже не письменное: да, некий господин Жиро существует, и весьма известный специалист в определенной области сам видел его изобретение в действии. Вот, собственно, и все, мсье.

— Ну... Я не видел самого этого изобретения непосредственно...

— Не будем вдаваться в подробности, мсье, поскольку я, судя по всему, осведомлен меньше вас о содержании письма. Но — главное?..

— Да, мсье Грани! Я был потрясен.

— Благодарю вас, мсье. И не беспокойтесь. Ваше имя нигде не будет фигурировать. Если вы, конечно, сами этого не захотите.

— Ну что вы! Для меня это может оказаться плачевным. Но понимаете, де Жиро мой друг, это произошло случайно, по крайней мере, для меня...

— Я вас понимаю, мсье. О-гоу, за нас можете решительно не беспокоиться. Ну, какое дело ВОЗ до нарушенных вами инструкций?

В конце дня через день

— Только моя жена варила такой кофе...

— Еще чашечку, комиссар?

— Не откажусь, мадам. Знаете, не откажусь. Так вы говорите — ничего необычного вчера не заметили?

— Нет, комиссар. Я читаю допоздна. Слышу, как возвращаются все жильцы. Мадам Мирей обычно приходит поздно... Да, теперь уже — приходила. Какой ужас, господин комиссар, какой ужас! Она была очень слабая, добрая и порядочная. В современном понимании, конечно. В наше время такая женщина была бы совсем другой. Я имею в виду стиль жизни, поведение...

— Возможно, вы правы, мадам, нравы быстро меняются, и не в лучшую сторону. Так вы говорите — она пришла не одна?

— Да, комиссар. Но знаете, ее приятели и приятельницы производили очень хорошее впечатление. А один, господин Луи, был определенно из высшего общества. Несомненно, еще тридцать лет назад это была бы совсем другая женщина. Если бы не этот ужасный век, могла бы стать второй Жорж Санд или Кюри... Она ведь была большая умница! Но в наше время люди серьезно задумываются только над тем, как заработать побольше денег. А когда люди не думают о жизни серьезно, это развращает. И знаете, комиссар, особенно развратили нас американцы. Это просто как злокачественная опухоль.

— Да, мадам. Насчет развращения вы правы. А кто с ней был в этот ее последний вечер, вы не знаете?

— Нет, комиссар. Но, поднимаясь к себе, мадам Мирей говорила весело. Это был кто-то из ее друзей... Ах, какой жестокий век, господин комиссар! Люди совсем потеряли жалость друг к другу. Что же это происходит, господин комиссар?

— Хм, мадам... Наверное, жизнь стала слишком быстрой. Люди едва успевают зарабатывать деньги.

— Ах, деньги! Старое заветное «не в деньгах счастье» совсем забыли. Сейчас даже бедняки не утешают себя этим, а берутся за нож или яд... Вы не допускаете самоубийства? Нет, нет, конечно, такая женщина, как мадам Мирей, просто не способна на такое. Она была удивительно жизнелюбива, общительна!.. Еще чашечку?

— Благодарю, мадам. Для моего сердца, знаете, достаточно.

— Куда мы катимся, комиссар, скажите мне? Катимся! Ведь люди сами создают свой мир, а кто же еще, мсье? Разве не так?

— Наверное, вы правы, мадам. Это очень мудро, но жизнь не считается с нашей мудростью. Она прет себе, ей-богу...

— Ах, мсье, вы говорите — она прет. Нет, это мы сами прем. Или, наоборот, лежим, как камни. Так и получается: одни прут, другие лежат. Мы, когда были молодыми, все больше лежали, и от этого вышло много бед. Тот же бандит Гитлер... А нынешние прут, но, кажется, не туда.

Комиссар рассмеялся:

— Мне с вами очень приятно беседовать, мадам, знаете... Но к сожалению — дела. Если разрешите, я еще как-нибудь зайду к вам. А?

— Буду рада, мсье. Вы мне тоже очень понравились.

ЖАРКИЙ МЕСЯЦ РАМАЗАН

Саня числился старшим механиком группы и был ее парторгом. Парень неторопливый и спокойный на грани флегматичности, но по самой физиологии своей натуры был чужд любой поспешности и суеты, а потому вставал на час раньше всех в «гостинице у Альбино», проделывал, невзирая на погоду — в жару ли, в дождливый ли сезон, — свои три километра привычной ленинградской трусцой, купался в речке, из которой после установки на берегу дизеля разбежались перепуганные крокодилы, и шел на кухню к повару-«люкс» за своим кофе и завтраком, когда остальные трое обитателей «гостиницы», хмурые, потные, невыспавшиеся, угрюмо брели только в душ, чтобы потом, уже опаздывая, хлебнуть кофе и на ходу изжевать, как лекарство, свою порцию обязательного, предписанного доктором из по-солства соленого голландского сыра.

Саня являл собой нечастый, вероятно, образец человека, совместимого с любым коллективом в любой экстремальной ситуации. Внешность у него была наиболее удобнейшая: круглое простое лицо с кустистыми бровями Деда Мороза, квадратная мешковатая фигура, — но сколько самодисциплины и терпения!

В это утро Саня принес безрадостную весть: на их землю пришел большой праздник рамазан. А в неведении они оказались по собственной вине, потому что кто же не знает о большом празднике рамазан? Выяснением, на сколько запланирован пророком Мухаммедом этот праздник, Овечкин решил заняться завтра. Не хотелось смущать радостных хозяев своим невежеством. О том, что рамазан — один из месяцев мусульманского лунного календаря, он знал. И что благоверные мусульмане этот месяц будут питаться только по ночам — тоже. Но очень надеялся, что гулять-то они так долго не должны. Может быть, первый денек только? Наверяд ли халифы, шахи, муллы и баи поощряли народное безделье...

Саня, как хороший взводный, организовал профилактику технике, чтобы не расслабиться ненароком в период религиозного праздника.

— А после обеда — кино.

— Заказываем «Белое солнце пустыни». Тематический прогон!..

Фильм этот знали наизусть, но все равно смотрели всякий раз с удовольствием, предпочитая всем остальным, что в железных коробках приносили в углу столовой. Может быть, потому, что чудеса храбрости, ловкости и неутомимости революционный солдат Сухов демонстрировал с шуточкой и улыбкой в знойных песках?..

Как там доставалось солдату Сухову в пустыне, можно было только

догадываться, а тут после дождей стояла невыносимая духота. Казалось, в первый же день уразы Аллах решил серьезно проверить своих детей. «Но мы-то здесь при чем? — горестно думал Овечкин, роняя на чертежные листы капли пота и размазывая на исписанных страницах мокрыми пальцами засохшие чернила. — И вот после всех этих мытарств приедешь домой красный, как вареный рак, — сокрушался Овечкин. — А все небось ждут негра. Вообще не поверят, что человек год прожил в Африке...»

Шум и крики за окном отвлекли его от бумаг и невеселых мыслей. Овечкин неторопливо прошлепал к окну, прихватив полотенце, и стал наблюдать.

Внизу, у дверей амбулатории, несколько человек в шортах, определенно жители поселка, окружили парня в одной набедренной повязке и галдели, размахивая руками, а тот кричал что-то, обливаясь слезами. Наконец в дверях появился Оноре, долговязый, сутулый, с обвисшей от пота рыжей копной седеющих волос и утомленным лицом — просто дух уныния и только. Он стал что-то негромко втолковывать парню в набедренной повязке, но стоило ему замолкнуть, как всеобщий гвалт и крики парня возобновились. Доктор стоял подбоченясь и повесив голову на грудь. Сверху казалось, что он заснул стоя, как утомленная лошадь. В последние дни он, похоже, вовсе не ложился спать. Когда бы Овечкин ни проснулся, он слышал шаги, или скрип дверей, или какой-то шум в комнате, где стоял автоклав... Очевидно, Оноре работал как одержимый. Но над чем? Что это была за работа? Почему он так изнурял себя? Овечкин был почти уверен, что этот всплеск активности связан как-то с появлением в поселке коммивояжера. Но почему?!

Американец укатил через два дня на таком грязном автомобиле, что даже вблизи его кузов казался вылепленным из красной глины.

После памятной размолвки контакты Овечкина и Оноре сильно «пригорели». Они едва здоровались. В очередной уик-энд Оноре был занят своей загадочной работой и у бара не появился вовсе. Шьен примирительно

махал Овечкину хвостом, следуя мимо за хозяином, словно говорил: «Нам теперь не до разговоров и вина, Жан...»

Овечкину стало жаль доктора, и он крикнул:

— Что случилось, Оноре? Я не могу помочь?

— У парня что-то с женой после родов. Но разве их поймешь? Первая, единственная — и баста. Съездил бы, да мой «лендровер» сидит на двух ободьях. И два дня теперь никто за него не возьмется...

— О-о!.. — выл парень.

— О-хо-хо, медсен... Медсен нехорошо, нехорошо!.. Большой праздник — нехорошо... Аллах видит... — галдела, обсуждала, просила и возмущалась неизвестно чем толпа — не то несговорчивым врачом, не то парнем, призывавшим его на помощь в большой праздник рамазан, когда Аллах особенно внимательно смотрит на мусульман и, значит, еще строже выполняет все, что начертал каждому.

Овечкин натянул шорты и спустился.

— А это далеко?

— Нет. Там, где вы брали камень.

— А, это действительно недалеко, — обрадовался Овечкин. — Километров восемь, меньше часа. Давайте на нашей.

Оноре морщился, хмурился, ему смертельно не хотелось ехать. Парень замолк и внимательно наблюдал за белыми, словно понимал их разговор.

— Надо съездить, Оноре.

Француз вяло махнул рукой и пошел в амбулаторию.

Овечкин решил не отрывать никого от дела, оставил записку в столовой, и они поехали. Вчетвером. Шьен полез в кузов вместе с парнем очень неохотно: привык ездить в «лендровере» рядом с хозяином.

Деревушка располагалась на небольшой лесной поляне — несколько круглых хижин из сухих стеблей тростника лалы, который здесь называли слоновой травой. Вход в хижину — дыра, прикрытая циновкой, а за нею — длинный темный коридор вдоль наружной стены дома и дыра во внутренней стене через полкруга. Лабиринт от зверей и гадов. Овечкин, как строитель и ненавистник гадов, сразу одобрил идею. В их поселке хижины тоже были круглыми, но одноконтурными.

Внутри было много народу. На земляном полу посередине горел небольшой костер из трех поленьев, уложенных по-охотничьи торцами к центру,

и старый седой африканец откровенно сдвигал время от времени поленья к огню. Старуха кипятила воду. Большая находилась на одном из бамбуковых лежаков, что приткнулись к стене по периметру хижины. У другого лежака вошло еще несколько женщин.

Овечкин, переминаясь, стоял у входа, всеми забытый, и казался теперь своим неуместным любопытством. Нечего было переться в хижину, где все заняты роженицей и новорожденным, просто неловко...

Оноре между тем закончил осмотр и говорил что-то окружившим его женщинам. Одна из них держала на руках ребенка. Оноре ласково, чем немало удивил Овечкина, похлопал малыша по ручонке, улыбнулся и пошел из хижины. Овечкин поплелся за ним.

Шьен сидел в кабине, заняв привычное место рядом с водительским. Яростное африканское солнце накаляло влажный воздух, как в хорошей парной. В голове стучало, словно туда переместилось сердце.

— Поехали, Жан. Через час мы начнем испаряться в вашей железной коробке.

— А как роженица?

— Обречена. Здесь это часто.

— Да что ты!.. — расстроился Овечкин. — Ничего?..

— «Ничего» тут не подходит, Жан.

Овечкин смотрел на него, открыв рот, не понимая. Возможно, просто дышал с трудом в этой парилке. Одним словом, выглядел довольно глупо.

— Я не понял, Оноре. Что значит «тут не подходит»?

— Ей нужна хорошая больница. Я бессилен.

— Ага, а больница?.. — обрадовался Овечкин.

— И притом быстро. Тогда, возможно, появилась бы надежда. Ну, поехали. — Он обернулся к все еще улыбавшемуся парню и сказал что-то, кивнув в сторону хижины.

— Подождите, Оноре! — решительно сказал Овечкин. — Так мы ответим ее в больницу.

Француз вроде бы даже присел, будто его неожиданно двинули сверху по голове.

— Куда вы собираетесь ее везти?

— В город, наверное. Ближе ведь нет?

— Вы спятили, Жан. Это больше двухсот километров, и половина — только название «дорога».

— Но ведь вы сами говорите, что иного выхода нет! — удивился Овечкин.

— Их помирают тут сотни, рожающих и родившихся. Понимаете, Жан, такая у них тут судьба.

— Какая судьба? У нас же машина...

— А в пяти километрах отсюда? А в десяти, в ста, в тысяче? Там же нет вашей машины! Сумасшедший... За восемь-девять часов пути она может три раза помереть. И вы вместе с нею на этой сковородке.

— Но может, мы ее спасем...

— А всех остальных?

— Что вы предлагаете? — с ужасом спросил Овечкин.

— Не валяйте дурака. Поехали.

Парень переводил взгляд с одного говорившего на другого. И наверное, понял. Складывая руки, как на очередном намазе, он горячо затараторил что-то, но Овечкин никого не видел уже и ничего не слышал.

— Я ее не брошу вот так, Оноре. Слышите?

— А остальных? А остальных?!

— И остальных! — крикнул Овечкин. — Я не могу с этим мириться, Оноре! Это... не по-человечески!

Солнце палило нещадно. Кучка африканцев молча стояла за спиной перепуганного парня. Что они думали об этих двух белых, чего ждали от них?

Оноре растерянно смотрел на Овечкина.

— Скажите им, чтобы собирали больную, — тихо сказал Овечкин и пошел к машине, голенастый, красный и несуразный в этих джунглях, действительно похожий на вареного рака в тропическом костюме.

Он сидел в тени «пикапа», устало вытянув ноги, и ни о чем не думал. Шьен поглядывал на него из кабины свысока. Потом пришел Оноре, сел рядом и закурил. Из деревушки доносились возбужденные голоса.

— Что там?

— Не хотят отпускать ее. Рамазан, и вообще...

— А муж?

— Он один...

Овечкин поднялся.

— Будьте осторожны, — сказал вдогонку Оноре. Потом тоже неохотно поднялся. Шьен выпрыгнул из кабины.

Больную положили в кузове на циновку, муж с калебасом воды и Шьен разместились рядом, и они тронулись в путь. Оноре молча курил, пуская тонкими струйками дым через окно в джунгли. Овечкин вел машину осторожно. Она раскачивалась, кренилась, ныряла в черные озерца, скрежетала железом по притаившимся в воде камням. Оба время от времени оборачивались и заглядывали в кузов.

— Я не поеду с вами в город, Жан. Не могу, дела.

В джунглях было не так жарко, но духота сгустилась до того, что казалось, воздух можно резать ножом, как желе. А еще бы лучше — черпать большой ложкой и куда-нибудь выбрасывать.

— Это два дня, которых у меня нет. Мне нужно торопиться. — Оноре словно оправдывался. Овечкин молчал. — И ей от меня никакого проку. А вам нужен напарник. По такой жаре одному не проехать.

И опять Овечкин промолчал.

— Вы меня слышите, Жан?

— А куда от вас денешься?

Оноре смотрел на него, а Овечкин — невозмутимо вперед на дорогу.

— Напрасно вы так, — сказал наконец устало Оноре.

— Почему же напрасно? Неужели до вас ничего не может дойти?

— А что до меня должно дойти? Может быть, это до вас никак не дойдет, что на этом огромном материке почти везде один врач на несколько десятков тысяч человек, что люди эти темнее своей кожи и нельзя быть донкихотами, хотя бы для того, чтобы постараться помочь по-настоящему не одному, а многим.

Овечкин прибавил ходу.

— Помогать и болтать — разные вещи. Почему они темнее своей кожи в конце двадцатого? — Он быстро смахнул рукой струившийся по лицу пот. — Почему они все безграмотны? Где их врачи, их собственные, а не вы, безразличные французы?..

— Вы не имеете права, Жан...

— Имею! Вы привычно готовы были бросить умирающего человека. Вы здесь сто лет и через сто лет говорите мне, что моя машина тут единственная на тыщи километров. Да это... Ч-черт знает что!..

«Пикап» подпрыгнул, перепуганно хрястнули амортизаторы, но ничего — запрыгал дальше. Овечкин крутнулся, сморщившись, словно этот прыжок причинил боль ему, заглянул в кузов. Парень склонился над женой, обтирал ей тряпицей лоб.

— Не делайте меня ответственным за многовековую политику... — устало сказал Оноре.

— А за что вы, лично вы ответственны?

— Оставьте эту демагогию, Жан, — раздраженно сказал Оноре.

— Демагогия... Так же будет и с атомной войной. Не в ответе он, видишь ли, за политику... — не мог остановиться Овечкин. — Тараканы перепуганные, после вас хоть потоп!

— Послушайте, прекратите! Или я выйду!

— Нет, это вы прекратите! И я вас не держу. Вам торопиться, кстати, некуда. Одна собака и та с вами.

— Вы, оказывается, жестокий хам. А я-то считал вас добряком...

— Заблуждались... — Машину бросало в ямы, на ухабах Овечкин остервенело играл педалями, крутил рулем и головой, заглядывая все время назад, в кузов. Он был взъерошен, мокр и необычно возбужден. — Добреньких теперь им захотелось... Да я бы всех вас передувил собственными руками за этих несчастных африканцев! За сто лет не помогли людям хоть немного на ноги встать. Все «давай», «давай»! Хапуги паршивые! Что тут после вас осталось, кроме двух бетонных домов и нескольких рабовладельческих шахт? Постеснялись бы про доброту хоть говорить! Цивилизованная нация...

— Да что вы, ей-богу! — взорвался Оноре. — А вы несете ответственность за тех, кто после семнадцатого убит или бежал, за их детей и внуков, миллионы которых и сейчас шатаются по всему свету? За всех ваших арестованных и расстрелянных — несете? Вы лично, Жан де Бреби!

Овечкин ударил по тормозам, и машина загнанно ткнулась носом в очередную яму.

— Да! Я, Иван Овечкин, несу за это полную ответственность! Хотя я и не знал... И не потерплю больше рядом бездушного, и знаю: все, что у нас не так, — из-за меня! И дети мои будут такими же, провалиться мне на этом самом месте!.. А эту чертову машину я хочу купить для них же — чтоб не чувствовали себя хуже других!.. — Он кричал по-французски, вставляя русские слова и не замечая этого. По осунувшемуся лицу текли слезы, смываясь с потом.

— Успокойтесь, Жан, прошу вас... — бубнил ошеломленно, успокаивая его, как ребенка, Оноре. Он тоже был мокрый и дрожал, словно в ознобе. Они сидели в тесной кабине друг перед другом, потные, со спутавшимися на лбу волосами, и Оноре горячо бормотал: — Да, да, я понимаю тебя... Я ведь тоже хотел бы... Я был бы счастлив... Однако... Ах, Жан!.. Чистая ты моя душа...

За стеклом, отделявшим кузов от кабины, лаял Шьен и маячило горестное лицо парня.

В поселке Оноре вышел, а за руль сел Саня. Они ехали не останавливаясь, ведя машину по очереди, восемь часов. И ночью еще живую женщину передали по записке Оноре заспанной негритянке в бело-голубом халате. Здесь же у больницы ограды, в машине, они завалились спать, не сказав за последние несколько часов друг другу ни слова, — Овечкин, Саня и парень-африканец.

В обратный путь собрались, пока не взошло жестокое африканское солнце. Столица неизменно отпугивала Овечкина своими раскаленными

улицами. И хотя, отправляясь в город, он обязательно надевал пластмассовые босоножки, поднимавшие его длинными шипами сантиметра на четыре над сковородой семидесятиградусного асфальта, ощущение ненадежности этих защитных мероприятий не оставляло его. А сейчас без них...

Прощание сонных мужчин было коротким.

— Рюс, — сказал парень, крепко пожимая им руки. — Абдулла. Спасибо.

— Абдулла хорошо. Друг, — сказал Овечкин на диалекте и по-русски.

— Друг... — повторил парень по-русски и улыбнулся: — Абдулла друг!

«Ну, Миклухо-Маклай!» — смеялся Саня, выжимая по пустынному шоссе все, на что способен был их «пикап». До восхода на скорости духота была вполне терпимой. Они очень устали, но им было так легко и радостно, как, наверное, никогда еще в этой чужой стране.

Асфальтированную часть пути проскочили за час. Около полудня сделали остановку и пообедали (или позавтракали) неизменным соленым сыром и кофе из термоса, которые захватил, несмотря на спешку, предусмотрительный «взводный» Саня. На привале Овечкин узнал, что уже сутки его ждет корреспондент столичной газеты: очерк о развитии района, о технической помощи русских и все такое прочее.

«Рановато для очерка», — буркнул Овечкин, сам еще не понимая, что встревожило его в Саняном сообщении. Позже, осторожно въезжая в заполненную водой рытвину, он вспомнил слова Оноре: «Ждите новых людей». Слова звучали несомненно угрожающе. Оноре опасался чего-то и предостерегал. От чего? «Они могут оказаться более опасными для вас». Время от времени Овечкин возвращался к этой фразе доктора, несмотря на то что она с самого начала казалась ему невероятной чушью. Чего ему, Овечкину, опасаться каких-то людей? Кого он здесь знает, кто знает его? На всем Африканском континенте не наберется и дюжины таких. Если бы опасность угрожала всей группе, тогда можно было бы понять: мало ли колониального отребья бродило еще по беспокойному континенту — всяких наемников, вооруженных банд, купленных, обманутых, натравленных, запуганных, — но чтобы ему лично...

В «гостинице у Альбино» ребята давно их ждали, открыли несколько баночек кетовой икры и крабов. Стол был праздничный.

«Атеистический вариант праздника рамазан», — определил Овечкин. Лицо осунулось, кожа стала серой, но он довольно потирал руки. Больше всего на свете он любил кетовую икру.

К себе Овечкин отправился, когда ненасытное солнце уgomонилось наконец в джунглях.

В амбулатории горел свет, и, поднимаясь по лестнице, Овечкин слышал, как звенит и рассыпается там стекло. Похоже, Оноре бил посуду. Но сейчас Овечкину на все было наплевать. Он мечтал, как, завернувшись в мокрую простыню, плюхнется наконец под родной противомоскитный балахон, и еще на лестнице снимал рубаху. Но лечь сразу ему не удалось. Возвращаясь из душа, он застал в гостиной своих соседей в полном составе. Оноре стоял посреди комнаты в рубахе такой же мокрой, как простыня Овечкина, взъерошенный больше обычного и очень серьезный. Шьен, не менее серьезный, сидел рядом.

— Алло, Жан, есть новости... Вы довели ее?

— Конечно, — довольно оскалился Овечкин.

Оноре хмуро кивнул:

— Вы молодчина. Так вот, посмотрите, все ли у вас на месте. У нас был основательный обыск.

— То есть как?.. — опешил Овечкин, продолжая улыбаться.

— Я же говорю вам: очень основательный. По крайней мере, у меня.

— Нет, но кто... Как это произошло?

— Посредством взлома замков. Собственно, у вас, по-моему, дверь не запирается. — И Оноре пошел к себе.

Овечкин тупо уставился в его спину.

— Послушайте, а вы сообщили в полицию?

Оноре обернулся.

— Забудьте здесь это слово, Жан.

— Но когда это могло случиться?

— Пока мы путешествовали по джунглям. Кстати, вы знаете, что тут появился журналист из столицы?

— Да.

— Он искал вас. Один раз я его уже выгнал. Вы виделись с ним?

— Еще нет.

— Он такой же журналист, как я французский президент. Вуаля.

Установить, что у него проверяли даже книги, не составило Овечкину труда. Однако никаких пропаж не обнаружилось. Озадаченно почесав затылок, он ругнулся и полез под москитную сетку с твердым намерением с утра серьезно заняться наконец всеми этими, теперь уже возмутительными, обстоятельствами, включая загадочное поведение и намеки француза. Засыпая, слышал стук когтистой лапы Шьена, слышал, как Оноре запирает дверь внизу, потом в гостиной и — черт возьми! — придвигает, как жетя, к ней стол...

За завтраком в «гостинице у Альбино» Овечкин рассказал о случившемся. Все были озадачены. Местные жители о воровстве со взломом неизвестных им замков определенно не имели представления. Поражало наглое бесстрашие: ведь лезли днем, когда Оноре с Овечкиным на несколько часов покинули поселок. Действовали, конечно, профессионалы.

Всем было понятно, что центральная фигура в этой истории — француз, но поскольку никто ничего, кроме его приемов в амбулатории и уик-эндс с Овечкиным, об Оноре не знал (длительные отлучки на «лендровере» приписывали развлечениям в столице: французы не русские, в удовольствиях себе не откажут), то даже версий никаких не возникало. Только треп.

— Может, ревнивый муж ищет даренные жене подвески?

— Тогда надо найти мужа, пока он не замучил Овечкина...

Работы на строительстве благополучно возобновились, но теперь их продвижение сильно замедлилось, пропорционально замедленному движению сонных фигур на площадке. Хотя, по заверениям опытного Сани, успевшего уже построить что-то не то в Иране, не то в Афганистане, «здешний мусульманин совсем не тот», урза соблюдалась довольно строго: ели, пили и веселились ночами исправно. Костры горели допоздна, отражаясь в темных водах реки, пугая зверей, сгущая и без того непроглядную черноту ночей.

Саня, верный своей генеральной линии, проводил атеистическую пропаганду с тонким учетом местных особенностей.

— У тебя сколько жен? — попытался он у постящегося строителя.

— О, только две.

— А у твоего бога — триста.

— Откуда знаешь? — смеялся строитель.

— Не меньше. Иначе какой он бог? Так что днем он спит. Не сомневайся. Ты вон и то на ходу засыпаешь. Свободно можешь есть, не увидит.

И некоторые тайком брали шоколад.

— Э, шеф Овэ! — Пти Ма махала Овечкину рукой. — Подойди, поговори. — Блестела белыми зубами. — Мне — тебе кое-что... — Говорила она с ним на удивительной смеси французского с диалектом при интенсивной поддержке мимики и жестов. «Мне — тебе» она произнесла тихо и серьезно, продолжая при этом улыбаться. Овечкин насторожился. — У твой дом — нехороший человек. Боюсь.

— Когда?

Она показала два пальца и махнула, словно бросая их за спину.

— А что за человек, Пти? Наш? Стройка? Поселок?

Она крутнула головой. И все продолжала улыбаться. Овечкин понял, что она действительно боится.

— Где мой дом, жил. Ушел пиф-пиф... Много... — И опять словно бросила все пальцы обеих рук за спину.

— А где он? Ну, у кого он может жить? Здесь — где?

Пти Ма слегка развела руками. Посмотрела в сторону джунглей.

— Он был вооружен? — Овечкин тоже пытался изображать. — Пиф-пиф?..

Она пожала плечами. Потом, подумав, дотронулась до его рубахи и обвела руками вокруг своей набедренной повязки.

— Боюсь, Овэ. — И широко улыбнулась ему в лицо.

— Спасибо, Пти. — Овечкин растроганно пожал ей руку. — Не бойся, ничего со мной не случится. И больше не говори об этом никому. — Он приложил палец к губам, и она кивнула.

Бандит был вооружен?.. История принимала совсем паршивый оборот... Французу, несомненно, грозит большая опасность. И он знает о ней, но молчит. Может быть, эта опасность как-то связана с его занятиями? Но что же это?! Овечкин решил все рассказать наконец Сане и ребятам. Теперь он не сомневался в словах Оноре, что появление в поселке новых людей не случайно.

Саня внимательно выслушал, удивленно подняв кустистые брови.

«Ну, дела!.. Может, подождем ребят тревожить? А я тебя подстрахую?..»

На том и решили. И еще: серьезно поговорить с доком.

Корреспондент появился на строительной площадке перед обедом. Это был спортивного вида стройный негр, в белоснежной наглаженной рубашке, с часами-браслетом, небрежно болтавшимся на запястье. Овечкин как-то сразу уверился в том, что этот человек совсем не тот, за кого себя выдает. Настораживали и не очень характерные для журналиста мощные борцовские бицепсы, а возможно, сказалось и безапелляционное заключение Оноре: «Он такой же журналист, как я французский президент». По крайней мере, Овечкин решил использовать преимущество человека, знающего о собеседнике больше, чем тот предполагает. Однако вскоре он убедился, что ошибается.

«Корреспондент» и не пытался убедить Овечкина, что он тот, за кого себя выдает. Казалось, он использует маску совершенно открыто, как одно из условий игры. Но в том-то и была беда Овечкина, что ни условий, ни самой игры он не знал. «Корреспондент» о чем-то спрашивал, но ответов даже не слушал. Изучал Овечкина, бесцеремонно разглядывая его, как и Саню, и других ребят, появлявшихся время от времени в поле его зрения. Наконец Овечкин обозлился и сказал вызывающе: «Вот что, милый. Напиши перечень вопросов и оставь адрес. Мы ответим. Нет у меня времени тары-бары разводить. Адьё». И ушел, определенно удивив «корреспондента». Сыграй Овечкин инженера-простачка, такого белого интеллигента в знойной Африке, — кто знает, может, все обернулось бы по-другому. Но очень уж не понравился ему «корреспондент». А тот понял, что парень перед ним крепкий, не трус и скорее всего бескомпромиссный. На языке сыска это, кажется, называется «расколос». А может быть, на языке сыскарей.

Сразу после ужина Овечкин отправился к Коммандану. В свете заходящего солнца под навесом, где обычно Коммандан читал газету, «корреспондент» раскладывал пасьянс и потягивал вино. «Не набожный», — усмехнулся про себя Овечкин, но тут же почувствовал, что его наблюдение очень серьезно: пожалуй, никто из местных африканцев, даже столичных, не станет так открыто пить в уразу вино. Он вдруг ясно понял: дело настоящему нешуточное.

«Корреспондент», как и прежде коммивояжер, остановился у Коммандана. У него обычно останавливались все редкие гости поселка. Приобщенный к цивилизации Коммандан делал свой скудный бизнес.

Сегодня Коммандан, в неизменно потертых брюках и без пиджака, показался Овечкину усталым и неуверенным в себе, возможно, по контрасту с поджарым, спокойно раскладывающим карты «корреспондентом».

— Взломали двери?.. Этого не может быть, шеф Овэ. Медсен клеветает на негров. Этого не может быть... — бубнил Коммандан.

«Корреспондент» небрежно бросил карты, поднялся и легко зашагал от дома, потряхивая браслетом.

— Так что же, по-вашему, он сам взломал?

— Не знаю, шеф Овэ, не знаю... Но медсен не любит темнокожих.

— При чем здесь цвет кожи!

— А как же, шеф Овэ? Вот вы же пришли ко мне?..

— Я пришел к вам, как к представителю власти. А к кому мне обратиться? Не к полицейскому же, что стоит у банка мсье Альбино...

И тут Оноре оказался прав: затея была бесперспективной. Известно, участвовал ли Коммандан во всей этой непонятной игре или нет, но даже одна неприязнь к доктору вполне могла сделать его участником.

Овечкин зашел в «гостиницу у Альбино» и рассказал Сане о посещении

Коммандана. Они договорились, что будут ставить друг друга в известность обо всем, что заметят или услышат.

— Минут пятнадцать назад «корреспондент» поднялся к доку, — сообщил Саня.

Овечкин ринулся домой, и Саня неторопливо вышел следом.

«Корреспондент» и Оноре сидели у столика, почти так же, как в прежние уик-энды Овечкин и док, только француз на этот раз был строг и напряжен, а Шьен не лежал у его ног, а сидел рядом, настороженный, не сводя темных глаз с гостя. Еще открывая дверь, Овечкин услышал голос Оноре: «Как вас там... Скажите вашим хозяевам...»

Оба повернули к вошедшему головы. Только Шьен не отрывал взгляда от «корреспондента».

— Ну как картинка, Жан? Двое рыжих против одного черного, — усмехнулся Оноре. — Хорошо бы вам сфотографировать нас. Уверен, эта фотография пригодится. А, как вас там?..

«Корреспондент» рассмеялся:

— Вы шутник, однако, мсье Оноре. — Он быстро поднялся — и замер: собака, ощерившись, уже стояла перед ним.

— Опасно быть таким резким, господин... как вас там?

— Вы меня выпустите?

— С удовольствием. Но имейте в виду: в следующий раз — через окно.

— О, да вы опасный шутник!

— Ладно, проваливай, — хмуро сказал Оноре. — Сидеть, Шьен.

Когда они остались одни, Овечкин спросил:

— Вы можете мне объяснить, Оноре, что происходит?

— Присядем. — Оноре задумчиво, словно решаясь на что-то, смотрел на Овечкина. Потом сказал: — Он пытался меня запугать. — И по-своему криво усмехнулся.

— А что, это возможно?

— Думаю, что нет, Жан. Я уже умер однажды. Теперь живет лишь видимость меня. Призрак. Можно запугать призрак?

— Я не уважаю мистику, как инженер, атеист и реалист. Не играйте мне Шекспира, Оноре.

Француз рассмеялся:

— А вы совсем не де Бреби. И не русский медведь. Вы лиса, Жан.

— Не будьте обезьяной, Оноре, — рассмеялся и Овечкин. — Не повторяйте глупостей. Я человек. И вы тоже. Совсем не призрак. Кстати, ле Гран Эрите. Вот только я так и не понял: наследник чего?

— Действительно, Жан, чего?...

— Мы просто люди, Оноре. Как бы ни пыжились, что бы о себе ни думали, какие бы должности ни занимали. Весь вопрос в том, какие люди? От этого зависит все и в нашей жизни, и в мире.

Оноре не отрываясь смотрел на Овечкина.

— Ах вы мой агитатор... «Сила и свобода — вот что делает человека прекрасным». Так сказал Жан-Жак Руссо. Понимаете: все или ничего! Наверное, к этому стоит стремиться.

Это «наверное» здесь смазало и «силу», и «свободу», и даже стремление.

— Сила и свобода делают человека прекрасным? — медленно повторил Овечкин. — Вы уверены, что это Руссо?

— Конечно.

— Странно.

— Что?

— Да ведь это фашизм, Оноре, если без обстоятельных разъяснений. Какая сила, для кого и чего свобода, каким путем обретенные? Разве каждый человек может быть сильным, а слабый не может быть прекрасным? Я могу предложить вам еще десятки вопросов, но, по-моему, и без них афоризм рассыпается. А в чистом виде он фашистский. Вам импонируют фашистские идеи?

— Я ненавижу фашизм, как любое насилие. Всякого насильника я готов размазать по стене.

— Но тогда вы сами становитесь насильником, — рассмеялся Овечкин. — Так как же с «силой и свободой»?

Оноре усмехнулся:

— Вы мне нравитесь, Жан. Хотя, честно скажу вам, смущаете. Силу и свободу я понимаю, вероятно, как и Руссо, применительно только к личности.

— Так, наверное, не бывает...

Оноре рассмеялся:

— Сильно вы мне усложняете жизнь. До вас все, кажется, выглядело проще.

— А что я усложнил в вашей жизни? — искренне удивился Овечкин. Он не знал, как принимать слова Оноре — как упрек или похвалу.

— Что-то. В сорок я решил: все или ничего. И много лет твердо шел этим путем.

— Вы сделали открытие, Оноре?

— Если бы не было нашей с вами поездки в джунгли и той женщины, Жан, я бы, наверное, ничего не сказал вам. Но сейчас скажу: да!

— А почему бы не сказали прежде?

— Потому что потому. Вы все были для меня одинаковыми.

— Кто «вы»?

— Все! Сумасшедшие титаны. — Он снова рассмеялся. — А вы оказались совсем не медведем, а милой лисой... Нет, конечно. Котом, простым, добрым, но решительным. Или это и есть медведь?

Овечкин озлился:

— Послушайте, Оноре, перестаньте паясничать! Не стройте из себя полубога. Вы обычный, причем уже не очень молодой человек. К тому же рыжий...

— О!

— А рыжие, говорят, неудачливы.

— О! Вуаля!

— Вам известно, что вокруг вашего... нашего дома бродят вооруженные люди?

— «Корреспондент»?

— Нет, Оноре. По всей вероятности, просто бандиты.

Француз задумался, покачал головой.

— Что ж, вполне возможно. Вы боитесь этих черных мусульман, Жан?

— А вы кто — воинствующий христианин, крестоносец?

— Я безбожник, Жан. В отличие от вас, атеиста. Кстати о крестоносцах: знаете, во французском языке одним словом определить человека, совершающего убийство, можно, произнеся название мусульманской секты ассасинов.

— Вы считаете отсюда, «ассасэн» — «убийца»?

— Вполне вероятно, что даже убийц во Христе — крестоносцев — эти мусульмане заставили содрогнуться.

— Ну, вы-то у нас совершенно бесстрашный...

— Да, Жан, им меня не запугать. К тому же я знаю, что меня они не убьют. А вот вас...

— Меня?!

— Да, Жан, вас, — неожиданно жарко сказал Оноре, придвигаясь к Овечкину через стол. — И тогда я себе этого не прощу! Как ни странно, но меня сейчас больше всего волнует именно это...

ВЕЧЕРНИЕ РАЗГОВОРЫ

В служебном кабинете

— Наверное, было ошибкой, Гарри...

— Ладно, Мак, не будем обсуждать ошибок. Бумаги в чистом виде всегда надежнее людей.

— Да, Гарри. Но он не так прост. Все его бумаги у какого-то юриста. Пакет будет вскрыт и его содержимое опубликовано сразу же, если с ним что-нибудь случится.

— Значит, все закончено?

— Вероятно.

— Планы?

— Возможно, он намеревается связаться через старых дружков, того же физика-атомщика Луи Кленю, со своим правительством и заполнить что-то еще кроме большого куша.

— Логично. Дальше.

— Его поставили в известность, что все рассказал нам сам Луи Кленю, по доверчивому попустительству которого и стал возможным эксперимент. Он должен был понять, что это именно так.

— Результат?

Мак беспомощно развел руками.

— Чего он, собственно, хочет? Он фанатик-националист, маньяк? Кто?

— Из знатной семьи. Единственный сын. Участник ядерной программы и французских испытаний атомной бомбы в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году...

— Я это знаю. Почему такое уединение при его возможностях?

— Во-первых, вероятно, желание с а м о м у реализовать свою идею. Крайне самонадеян. Во-вторых, какая-то любовная история. Семья решительно воспротивилась его браку, слишком решительно. И он порвал с нею.

— С женщиной?

— С семьей. Женщина, кажется, сама ушла.

— Что стало с этой женщиной, кто она и где сейчас? В таком деле «кажется» — непростительный прокол, Мак.

— Нам пока не удалось ничего выяснить о ней. Это было очень давно.

— В мезозой?

— Около десяти лет назад, Гарри.

— Это на вас не похоже, Мак. Стареем?.. Десять лет назад. Поздняя любовь, единственная? Доказать всем?.. Мне нужна эта женщина, Мак. Дальше.

— Система психологического воздействия: дать газетам некоторые подробности гибели известной журналистки Мирей, намекнуть на связь этой смерти с данными, которые она получила у Луи Кленю. Газеты переслать. Второе: убрать Кленю. Как свидетель, он опасен. Тоже известить через газеты.

— Что ж, идея верная — посадить в вакуум и подпустить туда страху. Н-ну...

— Он не выдержит, Гарри. Ему просто некуда деваться. Но все же, если...

— В таком деле, Мак, «если» должно быть исключено. Посмотрите хо-рошенько окружение. Оно мне не нравится. Теперь о вашем странном предложении со скорпионами.

— В них, несомненно, все дело, Гарри. Мы проследили. Что там такое — пока неясно, но точно — они! Затраты невелики. Все равно нам же придется потом заниматься этим. Предусмотрительность...

— Хорошо. Действуйте.

Лишь только закрылась дверь за Маком, Гарри стал набирать длинный номер.

— Сэм? Прости, что поздно беспокою тебя. Завтра я буду в ваших краях и очень хотел бы встретиться.

— Я уже думал, Гарри, что ты забыл старика Сэма. Стал миллионером, задрал нос, э?

Гарри поморщился. Дурашливость Сэма раздражала его.

— Ты хорошо знаешь, Сэм, я никогда не смогу забыть тебя.

— А, да, да, да, не сможешь, не сможешь... Так что там у тебя?

— Нам необходимо встретиться, Сэм.

— Завтра в двадцать, — неожиданно сухо сказал Сэм.

На широкой балюстраде с колоннадой и пальмами. Вечер следующего дня

— Честно говоря, Гарри, мои старые мозги не улавливают такой уж значительности в этом сообщении. Правда, мне трудно было привыкнуть

и к дисплеям, но теперь я их очень люблю, а остальное как-то не вызывает у меня интереса. Что? Ты думаешь, это консерватизм и склероз, да? Говори, говори, что думаешь, объясняй. Мы старые друзья, а твой нюх профессиональной ищейки принес немало долларов и мне и тебе. Хи-хи-хи...

— Можешь мне поверить, Сэм, что по значительности рядом можно поставить изобретение атомной бомбы. Сторона, получающая средство, сразу приобретает подавляющее превосходство над противником.

Старик резко оборвал хихиканье.

— Чей анализ?

— Мой, Сэм. Это средство меняет стратегию и тактику современной войны. Ты первый из тех, кто может решать, посвящен в суть дела. Даже босс не знает. Надо обмозговать, ставить ли в известность президента.

— Это лекарство только у нас?

— К сожалению, оно не у нас. Оно еще ни у кого. У изобретателя.

— Ну, Гарри, а если только у нас?.. Я тебя правильно понял?

— Да, Сэм.

— «Да», «да»!.. У вас все или «да», или «нет». Сколько на этом миллионов сгорело! Вы, шпионы, безответственные люди, потому что рискуете только жизнью. Или к старости и деньжата заводятся? А, Гарри, есть уже чем рисковать кроме этой дешевки — жизни, э? Хе-хе-хе... — И неожиданно сухо: — Покупай за любую цену, Гарри. Риск исключен. Послезавтра докладывай боссу. Президента беру на себя.

НОЧНЫЕ СТРАСТИ В РАМАЗАН

Абдулла пришел днем на строительную площадку. Он стоял в небольшой толпе зевак, которая, уменьшившись в последние месяцы, совсем не исчезала никогда. Даже в дожди кто-нибудь да забредал сюда, чтобы посмотреть, как эти удивительные машины, да еще в руках африканских женщин, плевать хотели на хляби небесные. Возможно, им виделся в этом даже вызов Аллаху?.. Овечкин заметил парня и подошел.

— Как жена?

Абдулла приветственно закивал и вяло улыбнулся. Не понял? И Овечкин повторил слово «жена» на диалекте.

— Спасибо, рюс. Хорошо. — И добавил тихо по-русски: — Друг... — И быстро заговорил. Овечкин ничего не понял, но по тревожно бегающим глазам парня догадался, что дело у того важное. Вокруг было немало африканцев, которых Овечкин в последнее время хорошо уже понимал, однако никого из них он не стал привлекать в толмачи, а попросил парня зайти вечером.

Мсье Альбино, пользовавшийся их полным доверием, перевел Овечкину и Сане сбивчивый рассказ перепуганного Абдуллы. Смысл его сводился к тому, что рюс будут убивать. Это так же верно, как то, что он — Абдулла, который очень не хочет, чтобы рюс убивали. Он пришел не только затем, чтобы сказать это, но и защитить рюс. Мсье Альбино взволновался. По реакции Овечкина и Сани он понял, что для тех рассказ Абдуллы не был большой неожиданностью.

«У меня есть ружье, жаканы и старый револьвер, надежный, — предложил он. — И я. Хотя пользы от старика немного, но из засады могу пальнуть очень метко. Старый охотник...» Мсье Альбино не был хвастуном.

Решили на время поселить Абдуллу с банкиром, рассказать все ребятам и установить с вечера до утра дежурства в столовой, из окна которой хорошо просматривался вход в амбулаторию и дверь на лестницу во второй этаж, к Оноре и Овечкину. Со следующим автобусом Овечкин должен был уехать в посольство. Тут и Саня, и все ребята были неколебимы. Рисковать дальше было нельзя.

Выцветший автобус, некогда оранжевый старый «фиат», появлялся в поселке раз в неделю. По расписанию это должно было происходить по субботам, с тем чтобы на следующий день отправляться ему обратно в столицу. Шел он туда два дня без малого, с ночевкой, как допотопная почта или какой-нибудь омнибус без перекладных. Но, однажды выбившись, наверное, из графика, автобус приходил и уходил в неведомые дни, и в этом была своя прелесть. Ожидание почты, а возможно, даже новых людей стало ежедневным, и вместе с тем появление грязно-рыжей развалюшки всегда было немного неожиданным.

Прежде машины со строительными материалами появлялись в поселке почти ежедневно, но теперь, когда строительство подходило к концу, они стали большой редкостью. Отправлять же в город «пикап» Овечкин категорически не захотел, потому что это означало отрываться от дела на два дня еще двух человек из их маленькой группы. Потому и решили, что поедут они с Абдуллой, прихватив револьвер мсье Альбино, автобусом. В тот момент, когда в столовой спокойно обсуждался этот план, он казался вполне естественным. Разве мог кто-нибудь предвидеть приближавшиеся события?..

Время здесь, будто подчиняясь размягчающей жаре и давящей влажной духоте, еще едва двигалось. В этом сонном мире вопросы жизни и смерти, казалось, перестали существовать. Так любая война не выглядит реальной до тех пор, пока рядом не разорвется снаряд или бомба.

Когда Овечкин отправился к себе из «гостиницы у Альбино», было уже совсем темно. В окнах «гостиницы» и у Оноре во втором этаже зажжен был свет, жадно пожираемый влажной темнотой. Его словно отсекали у самой кромки окон. Где-то в поселке горели уже костры рамазана, но угадывались они лишь по отдаленному зареву.

Полицейский спал на табурете у двери банка Альбино, опираясь на ружье, под ярким фонарем. Свет стлался по земле желтым, быстро исчезающим полукружьем. Все полицейские района, три или четыре молодых африканца, в полной форме и с ружьем, несли по очереди круглосуточный караул у дверей банка мсье Альбино, и другой работы для них, похоже, не существовало.

Такова была экспозиция, когда Овечкин, обогнув угол дома с полицейским у входа и попрощавшись с провожавшим его Саней, направился к своей двери. Дом доктора стоял ближе к реке под углом к дому мсье Альбино, и те несколько десятков метров, что разделяли дома, были открыты реке, по берегу которой стояли заросли громадной слоновой травы.

Овечкин упал почти одновременно с истошным Саниным криком «Ложись!». Не размышляя. Сказался все же настрой последних часов. Слегка опалило левое надплечье, словно прошлись по нему крупной шкуркой. Овечкин лежал, прижавшись щекой к пыльной тропинке, и думал удивительно спокойно, как-то привычно, что его светлая рубаша в темноте — хороший ориентир для стрелка, надо бы ее сбросить, но не решался это сделать.

Кричал что-то Саня, полицейский, не отходя от двери банка за углом, перепуганно бросал по-французски в темноту бессмысленные «Стой! Стой! Стой!...» Почти сразу же по зарослям слоновой травы через окно своей комнаты в первом этаже дал залп из обоих стволов мсье Альбино. В общем, шуму получилось много. За ним не услышали по шелесту и треску ломаемого тростника, куда скрылись покушавшиеся, и не могли потом определить даже, сколько их было. Саня говорил, что выстрел был один, он увидел тусклый блик от света в столовой на стволе ружья очень близко, метрах в тридцати от себя. Мсье Альбино и кто-то из ребят уверяли, что отчетливо слышали два выстрела, прозвучавшие почти одновременно. Одним словом, все было очень похоже на убийство президента Кеннеди, что сразу же с иронией отметил Овечкин, когда обитатели обоих домов собрались в гостиной и каждый изложил свои соображения.

«Только на этот раз у них ничего не получилось», — скромно заключил бледный, взмокший Овечкин, поглаживая плечо под рыжеватым пятном на рубашке.

Обитатели «гостиницы у Альбино» покинули дом доктора через час после того, как Саня врезал дополнительный замок в дверь гостиной с лестницы.

«Сегодня они здесь больше не появятся. Я их знаю», — сказал Оноре.

Обсуждение вопросов — что означает вся эта чушь с обыском и покушением, кто эти люди, которых знает Оноре, и чем им не угодил Овечкин — повисло в воздухе, потому что француз молчал и пил, не произнеся больше ни слова, а то, что знали Овечкин и его друзья, не давало ответов. Решили, что завтра Овечкин вообще передаст дела Сане, а послезавтра с рассветом его отвезут в столицу. Причем пойдут две машины, поедут все ребята и Абдулла, захватив все доступные им «стволы». От таких решений, полных радикальности и оружия, ребята взбодрились и повеселели. Овечкин и Оноре проводили их до двери и смотрели, как они шли по тропинке, исчезнув где-то посередине и вскоре вновь появившись в бледном свете, падавшем из окон «гостиницы у Альбино».

— Стой! Стой!.. — испуганно кричал полицейский за углом.

— Как бы этот болван не надумал стрелять, — хмуро сказал Оноре.

Когда они, заперев все двери, молча сели на свои места у бара — ни тому, ни другому и мысли не пришло отправиться по своим комнатам, — Оноре сказал убежденно:

— Вам, действительно, нужно немедленно уезжать отсюда, Жан. Не из поселка — из страны. Ни в коем случае не задерживайтесь в посольстве. Они теперь не оставят вас в покое.

— Кто «они»?

— Это ЦРУ, Жан. Сильные, безжалостные псы вышли на след... Овечкин был несказанно изумлен.

— Ну-у, дела, как сказал бы Саня... Все же, наверное, вам нужно дать мне кое-какие разъяснения, Оноре. Я отлично понимаю, что весь этот сырбор из-за вас. Значит, вам угрожает еще большая опасность, чем мне. Всю жизнь я старался быть порядочным, а порядочный человек не может бросить другого в беде. Ну разве не так, Оноре? Ей-богу, я не могу оставить вас и смяться!..

— Я знаю, что это не слова, потому дам вам разъяснения, Жан. Мое открытие принципиально важно в мире, набитом атомным оружием. В мире,

как никогда прежде, напоминающем пороховую бочку. Атомно-нейтронную бочку. Теперь понимаете, какой рядом с вами запал?

— Вы сделали это открытие здесь? Один?.. — Овечкин был поражен.

— Только здесь это и было возможно. По крайней мере, для меня. И в нашем мире даже один человек иногда стоит многого, Жан, — усмехнулся Оноре. — А открытие — капля жидкости. Всего лишь капля на столетия, Жан. Вакцина, надежно защищающая от радиационной болезни. Вакцина из скорпионов, перенесших когда-то радиационный удар. Ну а вы.

Овечкин ошалело смотрел на дока. Все что угодно, но такого он и предположить не мог! И сейчас еще переваривал с трудом. Неожиданно значимость всего происходящего в этой африканской глуши, в этом бетонном доме среди джунглей на берегу пустыни, дошла до Овечкина. Он еще не представлял себе даже в приближенных к истине деталях эту значимость, но чувствовал ее надвигающуюся на него неумолимую громадность. В какое-то мгновение ему стало так страшно, что захотелось вскочить и убежать, как будто от этого можно было убежать. Но в следующее мгновение он понял, какая на него навалилась ответственность.

Оноре рассказал, как в 1967 году, после испытания ядерной бомбы в Сахаре, они обнаружили в непосредственной близости от места взрыва совершенно невинных и бодреньких скорпионов, готовых нападать и обороняться. Скорпионов, которые, по скромным подсчетам, перенесли облучение в семь тысяч единиц, как легкий дождик в пустыне! Это значило, что десятикратно смертельная для человека доза — для них пустяк. Оноре был потрясен. С этого все и началось. Потом много разного было в его жизни, и в Африке, и в Париже, но в конце концов он добрался сюда и засел за работу.

— И вот теперь, в завершение... — Он невесело улыбнулся. — Надо самому становиться скорпионом.

— Вакцина готова?

— И проверена на себе.

— На... себе?

— Что вас удивляет, Жан? Разве я похож на болтуна? Я ведь говорил вам, что жизнь мне не дорога. Все или ничего! Я должен был убедиться, что сделал! Но Луи не удержался, сболтнул, потом к нему пришел какой-то представитель ВОЗ, вроде по поводу моего заявления... Ни к кому я, конечно, не обращался, его примитивно разыграли. Но они пошли так далеко, Жан, как сочли нужным. Несчастный Луи Кленю! Очень дорогая цена за болтливость... Но главное здесь не это.

Он вышел из комнаты и вскоре вернулся с пачкой газет.

— Они прислали мне все газеты, где расписываются подробности загадочных убийств, центром которых является какая-то тайна несчастного Луи. Вы поняли, Жан?

— Честно говоря, нет.

— Честно... Об этом тут нет и речи. Луи Кленю был единственным свидетелем моего облучения, действия вакцины. Они пытаются изолировать и запугать меня. Страх и деньги — вот их боги. Им не понять, что на самом деле значит Оноре-Максимилиан!.. Послушайте, Жан, вы должны хорошенько запомнить: следующий кандидат на тот свет из связанных со мной — вы. И кандидат номер один! Они уверены, что этот наш разговор состоялся.

— Не это сейчас главное, Оноре.

Француз удивленно вскинул рыжие брови. Шьен тоже, кажется, в удивлении поднял к ним голову.

— Вот видите, мы с собакой удивлены.

— Как вы не поймете: так же легко, как всех этих людей, они могут уничтожить весь мир. Сейчас мне это стало совершенно ясно. Они сумасшедшие! Понимаете, Оноре, ваша вакцина снизит порог опасности войны до минимума. В их бредовых мозгах эта война станет просто более разрушительной, чем предыдущие...

— Ах, Жан, вы совсем не политик, оставьте!.. Сейчас моя основная забота — вы.

— Нет, Оноре, поймите!.. Я уеду через сутки, ничего со мной не случится. А вот основной вопрос нужно будет решать вам одному.

— Оставьте это, Жан. Я решу правильно. Слово Максимилиана! Помните, вы мне сказали тогда, в машине, что говорить и делать — разные вещи?

— Ладно, Оноре, забудем. У нас тоже болтунов больше, чем можно вытерпеть. Вот и заводисься... Наверное, уже не выдерживаю жару. Иногда сам себя не узнаю...

— Нет, Жан, ты прав. Я не люблю эту страну. Но что бы ни говорил, я старался помочь этим людям, чем мог. Не во вред, конечно, основному...

— Да, Оноре. К тебе, может быть, все, что тогда говорил, относится меньше, чем к другим...

— И все же мне нужно разобраться самому. Слишком много и долго я был занят своей идеей. Наверное, это действительно одна из важнейших идей века. Но передо мной вдруг встал вопрос: зачем я уложил в гроб десять лучших лет своей жизни? Ради чего и кого? Это надо когда-нибудь выплеснуть из себя, Жан! Прости... Понимаешь, давно уже моя жизнь никому не нужна и не интересна. Как и большинство людей на земле, я существую неким функционером в жестком кругу обязанностей и догм. Должен был получить высшее образование, заложить фундамент карьеры, жениться на девушке из хорошей семьи, с хорошими деньгами... Все должен, должен! И относиться к этому должен был, как к должному, стремиться, любить... Зачем?! Никого не интересовало, что творится в моей душе. Каждый сострадательно и с радостью готов был гнуть ее и ломать...

Шьен вдруг вскочил и бросился к открытому окну. Его большое красивое тело замерло в напряженном внимании.

— Тихо! — неожиданно сухо произнес Оноре. — Жан, выключи свет. Очень странно.

Овечкин повиновался и, когда в комнате стало темно, спросил шепотом:

— Что странно?

— Если они вернутся. Это не по-африкански.

Глуховатый стук дизеля и отдаленные тревожные многоголосые шумы ночных джунглей затирали иные звуки. Но Шьен что-то слышал. Оноре метнулся к себе в комнату. Где-то рядом, в той стороне, где притаился спящий дом мсье Альбино, послышались голоса. Они приближались.

— Там наши ребята, — шепотом сказал Овечкин, угадывая, что Оноре снова в гостинной.

— Зажгите свет. — Оноре стоял у стены рядом с окном с пистолетом в руке.

— Э! Шеф Овэ, у вас все в порядке? — донесся голос Коммандана.

— Ваня, это мы! — крикнул Саня. — Комендант всех разбудил.

В желтом свете, падавшем из окна, стоял Коммандан, «корреспондент», Саня и полицейский без ружья. Ружье, наверное, охранял у двери кто-то из ребят.

— Нам сказали, что тут стреляли. — Коммандан был величествен при полном параде. «Корреспондент» в неизменной белой рубаше играл ча-сами-брасслетом.

Оноре зло рассмеялся:

— Идите спать, негры!

— Помолчите, медсен. Мы беспокоимся о шефе Овэ. Отвечаем за него.

— Продажная образина, запри как следует своего гостя, да последи за ним, а то с ним может случиться беда.

— Все шутите, Жиро, — оскалился «корреспондент».

— Время шуток кончилось, как тебя там.

Они ушли.

— Спокойной ночи! — крикнул Саня.

— Спокойной ночи.

— Давайте и мы укладываться, — буркнул Оноре хмуро.

Овечкин все же посидел под душем и лег, завернувшись в мокрую простыню, как всегда, но так и не смог крепко заснуть и на час, хотя остаток ночи прошел спокойно.

После завтрака Овечкин и Саня занялись делами строительства. Большой сложности в передаче не было, но, как во всяком деле, имелось множество мелочей, которые нередко и определяют его успешное и спокойное движение, которые необходимо учесть и не упустить новому человеку. Даже если он вроде бы в курсе этих дел. Ненадолго прервал их занятия «корреспондент». Он был необычно учтив. Предложил Овечкину место в своей машине, если он, конечно, собирается в столицу.

— А оставаться вам здесь опасно, — предостерег.

— Мы сами тут разберемся, — недружелюбно бросил Овечкин.

— Было бы предложено... — беспечно сказал «корреспондент», в очередной раз окидывая взглядом столовую и другие комнаты через распахнутые двери: беспорядок в «гостинице у Альбино» царил обычный, отнюдь не предотъездный. И оба — Овечкин и Саня — подумали, что именно это интересовало здесь «корреспондента».

Они смотрели, как он шел своей небрежной и вместе с тем пружинистой походкой по тропинке к амбулатории.

— Ну и тип...

Оноре стоял на невысоком бетонном крыльце, уперев руки в бока и свесив голову на грудь, а «корреспондент» — перед ним в конце тропы, смотрел снизу вверх и что-то говорил. Лица его не было видно, но по едва уловимым движениям крепкой спины и локтей сведенных на животе рук Овечкин и Саня почувствовали, насколько энергична была его речь. Потом Оноре поднял голову с криво ухмыляющимся ртом, и они отчетливо увидели, как он издевательски подмигнул «корреспонденту», неторопливо повернулся и ушел в дом, закрыв за собою дверь.

Овечкин даже во сне не хотел бы увидеть такое лицо, какое они увидели, когда «корреспондент» обернулся.

Через некоторое время впервые в «гостинице у Альбино» появился

Оноре. Они пришли со Шьеном усталые, какие-то поникшие. Поздоровавшись, француз спросил с порога, когда они намерены уезжать.

— Завтра с восходом, — сказал удивленный и его визитом, и его вопросом Овечкин: ведь решение было принято при нем еще ночью.

— Лучше бы немедленно, Жан.

— Это невозможно, Оноре. — Овечкин указал на заваленный чертежами и бумагами стол.

— Жаль. Вуаля... — И они ушли.

Вечером, собрав чемодан, Овечкин вышел в гостиную. Там уже сидел Оноре.

— Прощальный вечер, Жан. Посидим... — грустно улыбнулся француз. — Честно говоря, мне жаль расставаться с вами.

— Мне тоже, — искренне сказал Овечкин, забыв все разделявшее, отчуждавшее, раздражавшее их друг в друге длинные жаркие месяцы соседства.

— Глупо, наверное, но просто бросить здесь все и уехать с вами как-то не могу, — признался Оноре. — Хотя это было бы, конечно, самым разумным.

— Зачем он приходил? — спросил с тревогой Овечкин.

Оноре вздохнул.

— Вы остаетесь в этом доме совсем один...

— А Шьен? Я же говорил вам, Жан, они будут сдвывать с меня комаров, опасаясь, как бы среди них не оказалась муха цеце. Нет, с их стороны мне ничего не угрожает, кроме... Ладно. Давайте прощаться как положено. Давайте выпьем за вас. Как бы там ни было дальше, я благодарен вам.

— За что? — удивился Овечкин.

— За все. Хотя бы за то, что конец получился осмысленным. Я, конечно, попробую, как и положено Оноре-Максимилиану, но вот что у меня получится без вас? — И он рассмеялся легко и приветливо, как могут смеяться французы, как смеялся он здесь один лишь, наверное, раз — в вечер их первой дружеской беседы с Овечкиным. Сейчас он тоже был пьян, и Овечкину стало горько от мысли, что последним впечатлением об этом необычном человеке будет воспоминание о пьяном Оноре. Хорошо, что был еще этот смех... — Он предложил мне подписать контракт на десять миллионов за контрольную серию вакцины. За мой дипломат-кейс, а, как? А все дальнейшие разговоры, сказал, — на самом высоком уровне! Может, он намекал на какого-нибудь президента, Жан? — Оноре опять рассмеялся, но теперь зло. — Еще он сказал... — Оноре придвинулся через стол к Овечкину, — подписывайте бумагу, получайте чек — и все свободны и целы: и вы, то есть я, и ваша собака, и ваш русский. Понятно? Но насчет вас он соврал. Вас он не выпустит отсюда ни в коем случае, возможно как и всех ваших друзей. По крайней мере, сделает для этого все возможное.

— Ну что вы, Оноре, возможно ли это?

— Вполне. Он сказал мне, что здесь у него хорошо вооруженный отряд, который в состоянии уничтожить весь этот поселок. Однако не исключено, что просто запугивал.

Овечкин все же перепугался не на шутку. Хорошо, уедет он, но ребята ведь останутся! А вдруг он не просто запугивал? Этот бандит с браслетом способен, похоже, на все. Единственное, что успокаивало Овечкина, так

это их решение ехать в столицу всем вместе. А там опытные люди, послы...

Во время ужина ребята настаивали, чтобы последнюю ночь Овечкин провел в «гостинице у Альбино», но он категорически отказался, как и от предложения Сани заночевать в амбулатории с револьвером мсье Альбино — все же два «ствола»... Однако все это наводило на мысли о паническом страхе, который Овечкин, особенно перед иностранцем, допустить не мог, даже если бы существовала несомненная угроза. А тут где она? Ну, пытался какой-то трусливый бандит из-за угла, из темноты подстрелить его. И сразу сбежал. И неизвестно, в него ли он хотел стрелять... Теперь было ясно, что ситуация совсем иная, но Овечкин решил ничего не менять. Да и изменить ничего было невозможно. Если «корреспондент» не врал, присутствие Овечкина в «гостинице у Альбино» только увеличивало опасность для ребят, и все.

С не оставлявшим его никогда оптимизмом и надеждой на лучшее Овечкин привычно помок немного под душем в простыне и отправился спать. Но заснуть не мог. И когда раздался в доме злой лай Шьена, Овечкин подумал вполне обыденно: «Ну вот, все же не обошлось...»

В дверь внизу стучали тихо, определенно в надежде на реакцию пса.

Оноре и Овечкин появились в гостиной одновременно. В открытом баре горела маленькая лампочка, скудно освещая комнату. Расходясь вечером, они не закрыли бар, вроде бы случайно.

Оноре снял пистолет с предохранителя и вышел на лестницу.

— Кто там?

— Это я, мсье Жиро. Пришел за ответом.

— Пошел вон, сукин сын!

— Поосторожней, дядя. Оба дома окружены. У нас базуки. Один залп — и дверей нет. Но я пришел не стрелять, а тихо договориться. Видите, как я царапаюсь, чтобы не разбудить соседей. Вы правильно делаете, Оноре, что не зажигаете света.

Овечкин стоял за спиной француза и слышал, как тот тяжело дышит. Шьен непрерывно угрожающе рычал, словно внутри у него работал моторчик.

— Ну, так что, Жиро?

— С вами я не хочу разговаривать, как вас там. Пусть придет кто-нибудь другой с бумагой. Черт с вами, подпишу.

— Ничем не могу вам помочь, Оноре. Я здесь один. Как вы понимаете, отряд из местных. Придется иметь дело только со мной. Соберитесь, дружище. Это ведь недолго.

И опять тишина, только рычание Шьена и тяжелое дыхание двоих на темной лестнице.

— Решайтесь. У меня есть инструкция, по которой я жду только пять минут.

Оноре выругался сквозь зубы и сказал решительно:

— Хорошо. Вы входите один. Сейчас я освещаю сверху крыльцо, вы отходите от двери, мсье Жан открывает ее, вы входите и поднимаетесь наверх. Учтите, я вооружен и стреляю хорошо. Все ясно?

— Конечно, мсье Жиро. Не бойтесь.

Оноре снова зло выругался и быстро зашептал в ухо Овечкину:

— Как только впустите его, сразу же запрете дверь. Оставайтесь на лестнице, пока я вас не позову. Поняли? Оставайтесь!..

— Да, понял... Оноре...

Тот решительно махнул рукой с пистолетом, зажег свет на лестнице и ушел в гостиную, оставив дверь широко открытой. Через несколько секунд негромко крикнул:

— Открывайте, Жан... Входите, как вас там...

«Корреспондент» проскользнул в дверь, шурясь.

— О, да у вас тут иллюминация... — Оскалился. На поясе поверх шорт болталась на животе расстегнутая кобура.

Овечкин молча захлопнул дверь и задвинул щеколду. «Корреспондент» легко поднимался по освещенной лестнице к темному прямоугольнику двери. Когда он встал в нем, подряд грохнуло три выстрела, оглушающе забили в бетонном колодце. Овечкин очумело смотрел, как «корреспондент» медленно сгибался, словно делал глубокий поклон в замедленной съемке. В гостиной вспыхнул свет. Овечкин, спотыкаясь, отталкиваясь руками от несшихся на него ступенек, побежал вверх. «Корреспондент» лежал на боку, и его белая рубаша и шорты быстро становились красными. Неподвижный браслет тускло поблескивал.

— Что вы наделали, Оноре?.. Это ведь ничего не изменило...

— Очень даже многое изменило. Он был здесь один. Эти, — Оноре кивнул на окно, — наемники. Я их хорошо знаю, Жан... У нас появилось время на то, чтобы уйти. Помогите мне.

Он подхватил труп под руки и поволок к окну.

— Выключите свет... Так... Помогите-ка... Ну-у... Вот, я же обещал выводить тебя через окно...

Тело гулко шлепнулось в темноте о землю. Стояла удивительная тишина. Даже звери в джунглях, казалось, молчали. Сухой отдаленный стук дизеля подчеркивал ее неестественность.

— Теперь включите свет.

Желтые квадраты электричества словно вспугнули мир. За окном зашуршало, задвигалось, завоило, потом захрустело, удаляясь, и наконец панически затрещало у реки ломаемыми стеблями слоновой травы. В наступившую затем душную тишину ночи просочились и стали нарастать, крепнуть, будто оживая, звуки джунглей. Африканская ночь привычно тявкала, вопила, визжала, верещала и ухала.

— Надо трогаться, — устало сказал Оноре, подходя к окну. — Так, они утащили его. Молодцы. Значит, обученные...

— Ваня! Ва-ня... — негромко звали из темноты.

Овечкин бросился к окну.

— Саня, ты?

— Я, Ванечка, я. Откройте мне, — просил Саня с револьвером мсье Альбино в руках.

— Ну, вот, — говорил сухо Оноре. — У нас есть, может быть, даже сутки. Собирайтесь, ребята. Чем скорее мы тронемся в путь, тем он будет безопаснее.

Саня ориентировался быстро, несмотря на свою кажущуюся медлительность.

— Ваш «лендровер» в порядке?

— Да.

— Тогда на «пикапе» и «лендровере»?.. — Саня быстро ушел.

Шьен внимательно и брезгливо обнюхивал темные влажные пятна на полу. Время от времени поднимал голову к хозяину и одобрительно качал

хвостом. Овечкин, потрясенный, все стоял столбом. Этот первый в его жизни труп, тяжесть которого он еще ощущал своими мышцами, был в самом-то деле или нет?..

— Ну, вот, — снова заговорил Оноре. — Едем все же вместе. Дорогами Африки мы с вами пройдем вместе до конца, Жан. — Рыжая шевелюра потными лохмами закрывала его лицо, свисала над глазами, но он не убирал волос.

— И куда вы?.. — судорожно сглотнул Овечкин.

Оноре усмехнулся, по-своему криво и грустно. Ах, как бы хотел Овечкин забрать его с собой! Его и его собаку, эти два одиноких несчастных существа, к которым вдруг испытал жгучую жалость.

НА ВСЕЛЕНСКИХ ВЕТРАХ

Вашингтон. Вечер

— То есть как исчез?!

— Русский в своем посольстве, агента убили, а француз исчез.

— Та-ак... Думаю, ваша карьера, Мак, завершена.

— Он никуда не денется от нас, Гарри. Мы плотно обложили его.

— Ту женщину вы нашли хотя бы?

— Она, оказывается, покончила с собой. Давно. Ему никуда не деться, Гарри. Мы перекрыли ему все выходы!

— Да, Мак, и себе тоже. — Гарри усмехнулся. — Боюсь, как бы и мне не оказаться в одной компании с вами и вашими всемирными скорпионами.

Москва. 10 утра

— Кто такой Овечкин? Проверили? Это не африканская жара на него действует?

— Нет, товарищ генерал. Высококвалифицированный инженер...

— Вы что, в строительное ведомство его рекомендуете?

— Никак нет. Овечкин спокойный, уравновешенный, разумный человек, вполне достойный доверия.

— А сама вакцина — реальность?

— Мнения экспертов разошлись.

— Понятно. — Генерал побарабанил пальцами по столу. — Но покушения, трупы — это хотя бы реальность?

— Да, товарищ генерал. Это несомненно.

— Срочно займитесь этим Овечкиным. Его, наверное, нужно вывозить оттуда. Здесь и поговорим.

Париж. Вечер

— Вы читали, комиссар? Оказывается, убили еще одного приятеля мадам Мирей. Кажется, мсье Луи. И все из-за какого-то лекарства от радиации! Или это выдумки журналистов, как вы думаете?.. Мир сошел с ума! Вакцина — путь к господству! Опять... Да это же просто наследники бандита Гитлера! Еще кофе?

— С удовольствием.

— Ну, подумать только, комиссар: что такое эта вакцина? Что такое даже выжившие люди на мертвой нашей планете! Без коровушек, без пшенички, деревьев и цветов... Они просто сумасшедшие, эти политики и военные!

— Успокойтесь, мадам, прошу вас. Вот я, знаете, не читаю газет. От этого чтения начинаешь чувствовать себя совершенным болваном.

— У вас интересная работа, господин комиссар, а тут — одиночество, скучная вещь. Да и как подумаешь, куда мы катимся...

— Э-э, мадам, мир всегда куда-нибудь катится, на то он и круглый. А вот одиночество — бич нашего времени. И чем суматошнее, быстрее оно будет, тем сильнее станет одиночество людей. Надо бы притормозить... Знаете, мне не так одиноко только у вас, мадам. — Он накрыл своей ладонью ее руку на столе. — Простите...

— Ну что вы, мсье! Я так рада, когда вы приходите...

Африка. Обеденный перерыв

— Вкусные лепешки, да?

— Все вкусно, Гран Ма, но не хватает мне голенастенького шефа Овэ, — смеется Пти Ма.

— Гм... — добродушно гыкает Гран Ма, уплетая лепешки из маниоки.

— Он очень был хороший, — неожиданно грустно, совсем на нее не похоже, говорит Пти Ма.

— Эй, маленькая! Я уже почти набрал денег на жену.

— О, ты опять здесь? Меня надо покупать с этой большой машиной, ты учел ее?..

СССР. Ленинград. Клинский пер., 13, ИВАНУ ОВЕЧКИНУ

Милый мой Жан!

Так уж получилось в моей несуразной жизни, что, кроме тебя, некому высказать необходимые мне слова. Даже Шьена отравили. Не подумай, что я раскис. Напротив — принял самое важное в своей жизни решение. Не хочу каяться, сожалеть. Подвожу итоги. Я понял: нельзя усложнять этот мир, в котором маньяки способны на все, а нормальные люди не властны над ними. Я решил уйти вместе со своим изобретением, со своей вакциной. Могут сказать, что это варварство — унести в могилу секрет лекарства, столь важного в атомный век. Но ты не должен так сказать, Жан. Прикинь, к чему приводили паллиативные методы лечения человеческих болезней, суть которых — насилие? Никаких паллиативов! Эти болезни нужно лечить только радикально! Лучше пусть их боятся. Разумный страх всегда был для людей наилучшим стимулом.

Ты прав, Жан: мы только люди, и от того, какие мы сами, зависит наш мир. Ни изобретения, ни технический прогресс не сделают его лучше. Только мы сами! Я прожил довольно долгую и бесполезную жизнь, но теперь ничего уже нельзя изменить. Бизнесмены войны не оставят меня в покое. У меня нет выхода. Но все же я оказался сообразительным: да, каков человек, таков и мир, в котором он живет. И неважно, что это микро-

мир даже в масштабах Земли. Ведь нет и Вселенной без микромиров! Не так ли, милый мой де Бреби?..

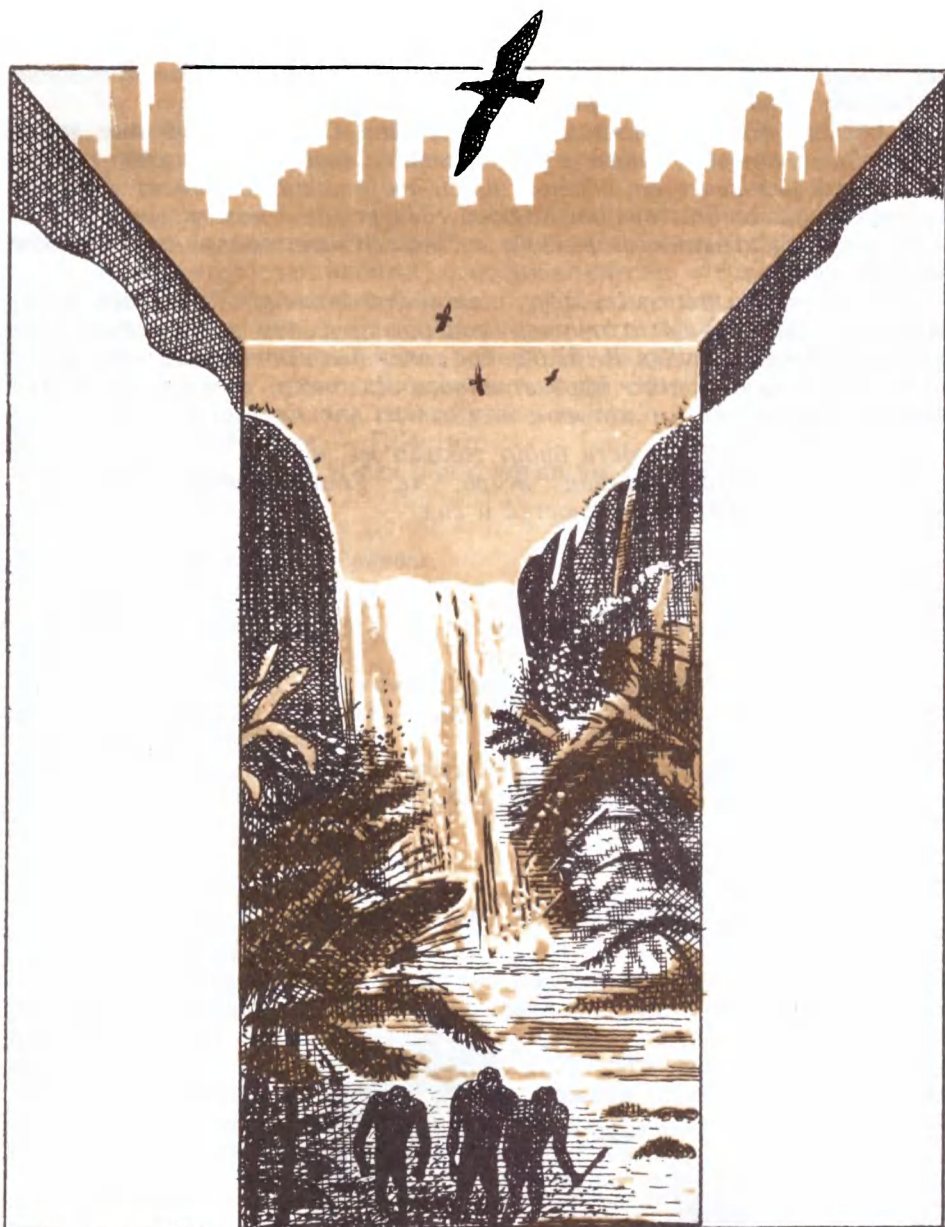
Я уверен, что ты понял меня и одобрил. С этой верой мне легче. Все, что случилось с нами в африканской глуши, возможно, на роковой черте человечества, убедило меня, что в какой-то момент, под воздействием каких-то причин любой микромир может расшириться неожиданно по всем космическим законам. И нам, людям, неизвестно, чей это будет мир.

Я хочу, чтобы ты знал, друг: немолодой француз, яростный индивидуалист, мечтавший о личной свободе и силе, в последний час думал только об истинно Великом. Он хотел быть достойным наших Великих Революций и того просветленного Человека, о котором ты так много и хорошо пел и о котором каждый из нас мечтает.

Прощай. Пусть твои дети будут такими же, как ты.

Твой Оноре-Максимилиан Жиро, ле Гран Эритье без своего мира, без детей, без возможностей и сил.

**ТАТЬЯНА
ОРЛОВСКАЯ**

**НИША ЗАБЫТОЙ
ЖИЗНИ**

*Никто не заходит так далеко,
как тот, кто не знает, куда он идет.*

Африканская поговорка

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

— Ну, вот и ручей, — выдохнул Франсуа и сбросил рюкзак и баулы.

Пит не мог его слышать. Он застрял где-то в двухстах ярдах позади, и кричать было бесполезно. Притащится сам — куда денется!

Франсуа чертыхнулся. Он так и не привык есть в одиночестве. Зато научился разговаривать вслух сам с собой.

Девятый день бродят они по Капским предгорьям, из них треть Франсуа просидел вот так — один, рядом с банками консервов. А главное, в полном безделии. Да и чем заняться моряку в диком горном лесу? Сюда даже аборигены не заходят. Когда в последнем зулусском краале пытались найти проводника, ни один охотник не соглашался идти, куда просил Пит.

Аборигены боялись каких-то духов предков, понять было трудно. На английском и африкаанс зулусы говорили так же плохо, как Франсуа и Питер на их нгуни.

Нет, подумать только! Сколько раз, болтаясь по палубе во время штиля, он проклинал унылое однообразие океана, тишину пустого, ничем не прикрытого неба и эти отвратительные корабельные рожи — мечтал о зеленой земле... И вот он сидит на ней, предвкушая единственно возможное удовольствие — ветчину с галетами. А его спутник тем временем, забыв и о ветчине, кофе, и о нем, Франсуа, изучает эту зеленую твердь миллиметр за миллиметром. И зачем? Чтобы доказать, будто когда-то не было Индийского океана! Франсуа вдруг стало смешно.

Что-то шарханулось в кустах невдалеке. Будто от брошенного камня. Питер? Нет, тот остался в другой стороне. Павлианы... Ну, конечно. Аго... агогве — так называют обезьян аборигены. И Франсуа опять усмехнулся, вспомнив старого зулуса, от которого услышали они слово «агогве».

Это было все там же, в последнем краале, где искали проводника. Нгосо — старик, высохший, как водоросль на песчаном пляже, — упирался и бормотал про какое-то табу. Но он был любопытен, этот старик, и потом все время кружил вокруг их костра. И вот однажды, когда Питер опять погрузился в единственную книгу, которая была с ним в пути, за его плечом из темноты вдруг вынырнула физиономия Нгосо. В мигающем свете костра его лицо казалось гипсовой маской, изборожденной морщинами. В глазах застыл ужас. Он не отрываясь смотрел в книгу. Это был справочник ботаников. Сплошная латынь! Нгосо медленно раскрыл рот и завыл. Вой был странным, с захлебыванием. Казалось, старик давился каким-то словом. Дергался, будто любопытство и страх поочередно толкали его то в грудь, то в спину.

Франсуа и Питер тоже уставились в книгу. То, что они увидели, разве-селило обоих. Оказывается, Нгосо смотрел на яркую закладку с рекламой Стрекфонтейна — нашумевшего заповедника окаменелостей древнейшего предка человека, пресловутого «недостающего звена». На картинке был изображен обезьяночеловек, черепа и кости которого привлекали в Стрекфонтейн толпы ученых и туристов.

«Аг... гог... Аго... гве! Аго... о!...» — вскрикнул Нгосо и исчез так же внезапно, как и появился.

«Агогве?» — переспросил тогда Франсуа у Пита. «Да. По-моему, это одно из местных названий обезьян. Но только какое-то особое, уважительное, что ли. Ведь они считают обезьян своими предками. Кстати, эта картинка как нельзя лучше это подтверждает. Учти, что Нгосо не видел обезьяны крупнее павиана. А тут не просто обезьяна, а австралопитек...» — «Самый случай побеседовать с этим старцем о теории Дарвина, — съязвил тогда Франсуа. — Давай станем миссионерами».

Ему нравилось подкалывать Питера — умного зануду, с которым он когда-то учился в школе. Если быть честным, в детстве он тихо ненавидел Питера Йоргенса за усидчивость, сосредоточенность и аккуратность. В глазах сверстников все это значило не что иное, как смерть при жизни. И на ребячьем рынке Питеру быстро приклеили ярлычок: Пит Промокашка.

Скажи кто-нибудь в школе, что придет время и Пит будет сидеть с ним за одной стойкой в баре, Франсуа принял бы это за идиотскую шутку.

Но так случилось одиннадцать лет спустя в университетском квартале Йоганнесбурга. И что говорить, Франсуа боялся даже подумать, что было бы с ним, не случись этой невероятной встречи.

Это был фарт — супервезение. Да, эта встреча за стойкой спасла его, что ни говори...

— Фран-суа?!

Он вздрогнул. Ну, конечно, Питер кричал совсем с другой стороны, вовсе не оттуда, где шмыгали эти любопытные павианы. Проголодался-таки Промока... Э, нет! Сейчас уже никто не посмел бы назвать Пита Промокашкой.

Месяц назад впервые услышал он вот это. «Фран-суа?!» Удивленное и окликающее одновременно. А когда обернулся, рядом за стойкой увидел смуглого мужчину своих лет в широкой кожаной куртке и шляпе, какие носят южноамериканские индейцы. «Иностранец», — подумал тогда Франсуа. Но что-то отдаленно знакомое почудилось в улыбке незнакомца. Он и не думал рыться в памяти: впервой ли бывалому моряку такие встречи! Сколько раз в портовых кабачках присосеживались словоохотливые скитальцы. Прилипчивые бичи — моряки без корабля. Были среди них

и французы, и турки, и янки... Расставались друзьями — с тем чтобы никогда больше не увидиться.

Но этот не был похож... А что, если «иностранец» — посланник судьбы? Что, если он поможет с рекомендациями на судно? Ведь на этот раз бичем был сам Франсуа!

Да, он был моряком без корабля. После ссоры со старшим механиком его оставили в Токио без бумаг, которые давали возможность устроиться на другое судно. Полгода он добирался до Дурбана. Грузил в портах, мыл посуду в ресторанах, был рассыльным, даже позировал художнику в Александрии. А когда переступил наконец порог дома, отец не стал слушать объяснений. Старый Лебер не терпел неудачников. Даже случайную неудачу он считал результатом трусости. Трусости, и только. Вспомнив это, Франсуа нагло взглянул на «иностранца».

И вдруг тот смутился. Широкая улыбка застенчиво сузилась, рука медленно соскользнула с плеча Франсуа.

«Узнал? Не рад? — Он говорил на чистом африкаанс, языке детства. — Да. Пит Промокашка...»

«Надо быть дьяволом, чтобы узнать его», — думал Франсуа, как тогда, в кабаке за стойкой, глядя сейчас на высоченную фигуру, путающуюся в зарослях акаций. Кто мог подумать, что худосочный усидчивый Йоргенс станет путешественником! Что отчаянный Лебер-младший, который придумал себе кличку Дрейк в честь знаменитого пирата, согласится тащить за Промокашкой огромные баулы с дурацкими стекляшками. По непроходимым зарослям, да еще вверх, к черту на рога!

Но так случилось. И Франсуа пошел с Питом, не спрашивая, что они будут искать в Капских горах. Сколько тот заплатит — вот что спросил Франсуа...

Питер шел, подняв руку. В кулаке он сжимал прозрачный пакет для образцов растений.

— *Sapienti sat!** — И плюхнулся рядом.

Франсуа давно смирился с его странной манерой выражать чувства по-латыни, но на этот раз язык римлян показался родным, как отцовский храп. Неужели конец их мотаниям! Знал бы этот Пит Одержимый — так мысленно

* *Sapienti sat* (лат.) — для понимающего достаточно.

переименовал его теперь Франсуа, — как мечтает он о шуме улиц, бешеном ритме танца в дурбанском дансинге, о реве толпы на скачках и еще... Нет! Хватит припортовых забав! Отец прав, нужно решаться на смелую авантюру, которая даст деньги. Много денег. Питер заплатит ему... Кое-что Франсуа уже замыслил.

— Ты нашел то, за чем мы сюда тащились? — Он с надеждой всматривался в мутную пленку пакета.

— Умному достаточно! — повторил Пит, и Франсуа понял не больше, чем по-латыни. — Это меня обнадеживает. Мы на верном пути...

Франсуа выругался.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что до сих пор мы шли сами не зная куда, а теперь ты нашел указатель? — Он ткнул пальцем в пакет. — И далеко ли, сэр, он указывает?

— Во-первых, это не он, а она, — спокойно ответил Пит. — А во-вторых, прости, старина, ты опять из-за меня не обедал.

— Да, я зол! Но не от голода! — Он кричал, сам пугаясь своего голоса. Так кричат в кубриках, глотками доказывая свое превосходство. А чего хотел доказать он? — Ты смотришь на меня как на рабочую скотину! Думаешь, Франсуа туп, ему не понять твоих ученых целей? А я вот что скажу: бред все это! Только идиот возьмется искать растения, которые докажут, что когда-то не было Индийского океана! Может, ты надеешься, что я сойду за свидетеля, когда ты подкинешь в прессу свою сумасшедшую сенсацию? Думаешь, я не знаю, чего стоят все ваши научные открытия и теории, которые сводят с ума и без того сумасшедший мир? Нет, Промокашка, я таскаю твоё барахло, чтобы заработать деньги на стоящее дело. И заметь, я честно зарабатываю их!..

— Ты решил бросить меня? — Смуглое лицо Пита стало серым. — Хорошо, я удвою сумму, на которую мы сговорились.

— О-ля-ля! Неплохо же ты рассчитываешь поживиться на этой авантюре, если готов отвалить мне столько...

— Дурак! Я не получу за это ни цента. Тебе плачу из того, что у меня есть. И поверь, когда мы вернемся и рассчитаемся, я стану беднее, чем ты. Так что можешь считать меня идиотом!

— Святая Мария! Ведь ты ищешь вчерашний день! Даже я знаю, что за миллионы лет растительность Земли несколько раз менялась. Камни и те рассыпались, а вода стала лесом!

Два чувства смешались в душе Франсуа — сладость удачи от обещанной прибавки и горечь греха от признания Питера. Одно слово — и он станет грабителем сумасшедшего! Ну и шуточку сыграл с ним Йоргенс!

А если все-таки оставить его? Взять расписку на прежнюю сумму и получить причитаемое у жены Питера? Тогда он сможет... Проклятое воображение не хотело шагнуть за это «тогда». Оно раздвоилось, и в каждой из его половинок осталось по человеку. В одной он, Франсуа, по прозвищу Дрейк, спешил налегке из леса, унося с собой часть продуктов, чтобы скорее добраться до пачки денег. В другой — Пит Одержимый медленно пробирался в горы, к своей мечте, таща за собой баулы. Они были одинаково одинокие, эти двое. И неизвестно, кто из них был счастливее и чей путь — вернее...

— Решай сам, — прервал его мысли Питер. — Да, я могу ошибаться, потому что моя гипотеза — это только моя гипотеза. Я верю, что Азия и Африка имели общее прошлое. Иначе как понять, что аборигены нашего,

африканского юга принадлежат монголоидной расе? Вот что поможет узнать истину!

Питер опять держал в руках тот прозрачный пакет, с которым пришел полчаса назад.

— Эта малышка уже жила на Земле в палеозойскую эру. И если я не ошибаюсь, ее ближайшие родственники сохранились только на Гималаях. Если я не ошибаюсь... Но для этого мне надо найти популяцию — колонию, если говорить понятно для тебя. Собрать образцы, убедиться, что это именно та разновидность. А если окажется, что я прав, то — бьюсь об заклад! — семена не могли перенести путешествие через океан...

На чуть дрожащей ладони Питера Франсуа увидел маленькую мшинку. Соро-бурю, схожую с комочком земли. Он боялся сказать слово, чтобы не сдунуть живую древность. Как это Йоргенс сумел рассмотреть ее на буйно заросшей земле? Да, на такое способен только одержимый. Если это не мистификация, остается предположить, что Питер провидец? Или просто великий ученый. Но тогда почему в их ученом мире не нашлось никого, кто бы пошел с ним, кто оплатил бы эту экспедицию или хотя бы носильщиков?

— Ты прав, покров планеты менялся. — Питер опять впал в обычное для него отрешенно-сосредоточенное состояние и говорил, казалось, сам с собой. — Но мхи находили для себя жизненную нишу всегда. Они пережили великую сушь и великие болота. И даже когда земля вздыбливалась и трещала, образуя горы и новые континенты, они послушно разламывались вместе с нею, потому что были ее частью, ее живой пленкой.

— Но тогда и предки бушменов — наши африканские монголоиды — должны быть подобны мхам! Как иначе ты докажешь, что и они из Азии?

Вот она, ошибка Питера! Все-таки Франсуа что-то да понимает! У него есть что возразить и ученому. В перепалке он всегда был ловок. Франсуа почувствовал азарт.

Питер молчал. Он подтащил к себе один из баулов и стал рыться в нем.

Нет-нет, Франсуа нужен ответ, а не смятение Пита. Пусть ответит хоть что-нибудь, тогда они смогут идти вверх вместе, и не потому, что Франсуа поверит Одержимому. Нет, сейчас он готов прикинуться, что верит. А доверяет он все же только себе. Зато по возвращении он получит большие деньги. Он стоит их, черт возьми, хотя бы потому, что кое-что понимает!

— Я думаю, они были такими... — Пит протянул ему закладку с изображением австралопитека. — И не смотри на меня так. Они уже могли существовать в те времена и пускаться в дальние миграции в поисках пастбищ. Может, это были еще более древние представители будущего рода человеческого... Но как и эта малютка, они были частью земли. Разум еще не стоял между ними и природой... Совершенны, как мох...

— Примитивны, как мох, — перебил его Франсуа.

Пит будто не слышал его:

...— Они не искали превосходства ни друг перед другом, ни перед природой. И природа всегда оставляла для них жизненную нишу.

Он вдруг совсем по-мальчишески улыбнулся.

— Впрочем, — Пит галантно склонил голову, — если сэр согласится отобедать со мной, я готов признать все вышеизложенное бредом.

Что-то сместилось в душе Франсуа. Это от слов... От неожиданных слов Питера. Никогда Франсуа не думал так, как говорил Промокашка... Была ли у Франсуа жизненная ниша? Хоть уголок, хоть щелочка? Он привык

воспринимать жизнь как повсеместную бойню, от которой невозможно укрыться, потому что сама природа стала ее жертвой. Он привык к тому, что надо, напрягая ум, ловчить, охотиться на себе подобных, чтобы никто не перехитрил и не заглотнул тебя самого.

Когда-то Франсуа искал утешения в океане. Но нашел там только изнурительную работу и тупое подчинение чужой воле. Берег? Заморские порты? Он оставлял там деньги, которые платили за пытку океаном. А что получал? Припортовую свободу, такую же изнурительную, как труд, — под чужую музыку, чужой хохот, чужой шаблон. Отец презирал его за то, что он, потомок бельгийских колонизаторов, стал морским рабом. «Я выпью с тобой лишь тогда, когда ты дорастешь хотя бы до контрабанды!» — вопил старый Лебер. И гнал сына в океан на охоту...

Теперь, после слов Йоргенса, Франсуа впервые подумал, что его одиночество рассеивается, что рядом с ним не работодатель, а человек, готовый поделиться своей жизненной нишей. Ну, конечно! Идея Питера, которую он доверил сейчас товарищу по детству, и есть священная ниша его жизни. Вот почему он вкладывает в эту идею все, что у него есть. Безотчетно.

— Ты убедил меня, Пит! Пойду с тобой.

Франсуа не лгал.

ВУ И ЕГО СОРОДИЧИ

Он очнулся от острой боли в позвоночнике. Спина горела, вместо рук и ног — тяжелая, вросшая в землю немота. Попробовал шевельнуться...

Ну и ну! Должно быть, он походил на старую куклу, выброшенную на свалку, так нелепа его поза. Густая тьма вокруг. Словно не было глаз. И ни звука. Только тревожный гул, как тяжелый бой гонга. Ах да! Это он сам, это его сердце...

Франсуа силен был вспомнить хоть что-нибудь. Но какой-то навязчивый запах мешал сосредоточиться и мучил рассудок. Даже не запах — привкус. Горьковато-сладкий, приторный, совершенно незнакомый.

И вдруг... Совсем рядом, у самого лица, Франсуа скорее ощутил, чем услышал чье-то дыхание. Частое, прерывистое. Его обнюхивали!

Тяжелый молот бил теперь в барабанные перепонки. Лицо покрылось ледяной испариной. И тут чья-то рука — да, не лапа, а именно рука! — взяв его за предплечье, перевернула на спину. Франсуа взвыл, чуть не потеряв сознание, так неуклюже было это вмешательство. Кто-то шархнулся и затих в глубине мрака.

Франсуа облизал колющие губы. Опять этот отвратительный привкус!.. Теперь он сдавливал горло, мешая дышать. Франсуа захрипел и почувствовал, что проваливается куда-то. Тьма исчезла.

...Он увидел перед собой смеющееся лицо Питера. Всполохи огня освещали его внимательный взгляд, и чей-то глухой голос на ломаном языке повторял: «Нет, нет, никто из стариков не ходит туда...» Потом другой голос, хриплый и резкий: «Пусть идет на все четыре стороны!» И увидел отцовскую спину. Услышал, как льется вино в огромный бокал старого Лебера. Вот он запрокинул седую гриву, двумя злыми глотками выпил. Не оборачиваясь ушел... Франсуа хотел что-то кричать ему, но кругом опять была густая тьма. И эта тьма качалась, смывая видения.

...Открыл глаза и увидел свод пещеры. Было совсем светло и тихо. В памяти застряло воспоминание о каком-то звуке, заставившем очнуться. Там, чуть сзади... Франсуа повернул голову.

Не может быть!

Метрах в трех от него, прижавшись спиной к стене, стояло существо, напоминающее скорее обезьяну, чем человека. Однако это была странная обезьяна. Рост ее достигал полутора метров. Тело было почти безволосым. Лишь ноги и плечи покрывала длинная редкая шерсть серовато-желтого цвета, почти такого же, как стены этой пещеры. Обезьяна стояла на чуть согнутых ногах в позе человека, готового дать деру. Не успел Франсуа рассмотреть ее, как в три гигантских скачка она вырвалась из пещеры.

Да обезьяна ли это? Ему показалось, что спина ее прикрыта шкурой! Стиснув зубы, он приподнялся на локтях и огляделся.

Свод, поднимаясь от входа, резко ниспадал почти над его головой. Кое-где лежали камни разных размеров. Один — совсем рядом. И тут... Забыв обо всем, Франсуа сделал рывок. Волоча ноги, подтянулся на горящих от боли локтях.

В центре камня была глубокая выемка. В ней — вода.

Громко сглатывая, он долго и жадно пил. «Теперь надо найти силы, чтобы обмыть раны», — подумал он и в это время вновь услышал тихий шорох у входа. Осторожно и опасливо повернул голову.

Там, на фоне ослепительно яркого света, чернели человекоподобные фигуры. Четыре... Вот сбоку пятый, шестой... Еще двое на корточках... Появился девятый...

Франсуа охватил ужас загнанного в западню зверя.

Всего в нескольких шагах от него в напряженных позах стояли странные существа, и Франсуа почти физически ощущал устремленные на него взгляды. Он не мог видеть их глаз, морд — ничего, что помогло бы понять, чего ждать от них. Как в театре теней, он видел только силуэты. Они были неподвижны.

Потом, как по команде, силуэты двинулись на него. Они приближались бесшумно, казалось, плыли из спящей голубизны видневшегося в проеме неба.

Франсуа попытался сесть. Но едва лишь он шелохнулся, обезьяны замерли, застыли. Никаких оборонительных или угрожающих жестов.

В руках у пришельцев он различил длинные спиралевидные предметы. И еще что-то... Невольно бросил взгляд на свои израненные ноги. Это «что-то» было бедренной костью. Предчувствие, что его окружают людоеды, парализовало Франсуа. Ему хотелось кричать, бежать, плакать, топтать ногами, наконец, взывать к богу, в которого он никогда не верил! Но вместо этого он тупо смотрел перед собой.

— Ву, — вдруг выдохнуло одно из чудовищ. И в этом первом, пугающе-странном звуке, произнесенном получеловеком-полузверем, было совсем человеческое сочувствие.

И опять:

— Ву...

Франсуа еще не успел осознать смысл сигнала, как все его существо странным образом отозвалось на этот звук. Страх вдруг исчез бесследно.

— Франсуа, — неожиданно для себя пробормотал он, в точности повторив интонацию, в которой прозвучало это «Ву». И вдруг тот, кто первый

подал голос, бесшумно подошел и сел возле него на корточки. Внимательно заглянул в лицо.

— Ву, — повторил он и положил у ног Франсуа кость-дубинку.

Франсуа скорее от растерянности, чем осмысленно, потянулся к сложенному перед ним оружию. Но двуногий зверь опередил его. Быстро схватил дубинку и отложил подальше. И опять повторил: «Ву», — этот выдох казался теперь вопросом.

— Что? — И только тут он заметил, что остальные «людоеды» тесным полукругом уже сидят позади этого Ву. Они переместились так бесшумно, как движутся персонажи снов или больных кошмаров. Все было слишком нереальным. Будто ожившая иллюстрация... Стоп!

Ну да! Он вспомнил. Рекламная закладка в справочнике Питера. Там был изображен некто подобный. Человеческий предок, не то далекий родственник. Пит называл их...

Но что с памятью? Странно... Едва вспыхнув, она будто гасилась посторонней волей. И эта воля исходила оттуда — из полукруга устремленных на него взглядов.

Казалось, они похожи, как капли воды. Низкие, убегающие назад лбы, массивные челюсти, глубоко спрятанные маленькие глазки. На голове скорее шерсть, чем волосы. Плоские лица покрывал пегий пух. Только у Ву — так окрестил он солиста — было жалкое подобие бородки. Он выделялся массивностью, виски и плечи серебрились.

— Ву, — в пятый раз услышал Франсуа. И на этот раз новая интонация была в этом звуке. И еще спокойнее почувствовал он себя, будто вместе с выдохом седовласого улетучивалась тревога, разделяющая его, реального Франсуа, с тем нереальным миром, в котором он очутился.

— Я из Дурбана, понимаешь, из Дурбана... Порт! Море! — Он вдруг повел себя так, словно оказался в одном из кабачков в кругу разноязыкой компании матросни: бил себя в грудь, махал руками, тыкал пальцем в сторону синевшего в проеме неба. — Я моряк, понимаешь? Корабль...

Обезьянолюди отпрянули, не отрывая взглядов от его тараторящего рта. Когда же он смолк, Ву вдруг загудел, стал издавать звуки, напоминающие хрюканье, замахал руками, подражая Франсуа. Остальные стали копировать Ву. Пещера наполнилась странным гомоном, будто какие-то птицы и звери враз зашумели всяк на своем языке.

Нервный смешок вырвался у Франсуа.

И вдруг чудовища тоже расплылись в улыбках. Странно, но от этого лица их стали еще более звероподобны. Теперь они внушали ему не страх, а скорее жалость. Он увидел несостоявшихся людей, беспомощных перед его речью и даже смехом. Австралопитеки!

И словно во сне, ему захотелось, повернувшись на другой бок, прервать это тягостное ощущение. Но сон не прошел. Только еще сильнее заныли раны. И тогда, стараясь не обращать внимания на замерших вокруг него химер, он оторвал кусок ткани от жалких остатков штанины и, обмакнув в каменную чашу, стал промывать колени.

Откуда эти раны? Что произошло с ним и где Питер? Наконец, где он сам? Последнее, что Франсуа помнил, — это долгий подъем по крутому склону, заросшему алоэ и редкими кустами акации. Был предзакатный час. Вернее, тот час, когда солнце укрывалось за высокой скальной грядой, к которой они двигались... Нет, нет! Кажется, он еще раз видел солнце. Оно скрылось, а потом опять ослепило их... Что с его памятью?..

Вдруг Ву поднялся на ноги. И сразу трое других выскочили из пещеры. Никто из них не издал ни звука. Но Франсуа понял, что от Ву тем троим поступила какая-то команда. Казалось, между членами этой компании существовала постоянная связь, незаметная для глаза и слуха. Он чувствовал в них единство голубиной стаи, когда та враз поднимается в небо и выписывает на нем узоры, не рассыпаясь и не перемешиваясь.

От ушибов и ссадин ныло все тело. Он попробовал нащупать рану на спине и застонал от боли. И тут он увидел над собой серьезное лицо Ву. Даже не лицо — оно было как в тумане, — а глаза, взгляд. От этого взгляда, захватившего все его внимание, Франсуа словно окаменел. Он перестал чувствовать свое тело. Глаза Ву заворачивали, Франсуа не мог оторваться от них. Крохотный зрачок, словно острие иглы, нанизывал на себя его волю. Он вдруг ощутил себя точкой в пространстве. Точкой спрессованной силы...

Потом взгляда не стало. Просто маленькие глаза бурого цвета, окруженные разбегающимися морщинами. Узкая плоская переносица. Плоский короткий нос с круглыми ноздрями. Широкий рот без губ. Лицо Ву, будто снимок в проявителе, постепенно вырисовывалось во всех своих деталях. И так же постепенно отступала скованность, владевшая Франсуа. С удивлением он заметил, что исчезла и боль, от которой чуть не кричал минуту назад. Впрочем, минуту ли? Этого он не знал.

Неужели этот полузверь — маг! Колдун?..

Агогве!.. Слово вспыхнуло в памяти. Оно, безусловно, относилось ко всему, что здесь было. Но как? Он слышал его еще тогда, в том реальном мире, из которого... пришел? свалился? прилетел?..

Он взглянул на Ву. Перед ним сидело животное, напоминающее человека, и с любопытством изучало то, что осталось от его ботинок. На волосатой груди этой ископаемой обезьяны болталась... Святая Мария! Как он не заметил этого раньше? Золотая цепочка с изображением индуистского бога — подарок матери! Его талисман... Да ты мародер, старина! Тот так привлекал тебя мои штиблеты...

Франсуа интуитивно потянулся к цепочке. Но Ву довольно грубо — видимо, мягче он не умел — оттолкнул его руку. Не спеша отодвинулся, медленно, неуклюже снял цепочку и молниеносно отправил ее в рот. Должно быть, за щеку. Затем снова придвинулся почти вплотную.

В проеме пещеры показались три силуэта. В руках одного был кусок сырого мяса. Двое других несли какие-то листья и шкуры. «Сменяют постель и накормят? А они не так плохо воспитаны...»

Он едва успел поймать летящий к нему кусок мяса. Это была нога, похожая на кроличью. Ему даже показалось, что он ощущает тепло еще не оставшей жертвы.

— Я не ем сы... — Он запнулся.

Как дать понять, что сырого он не ест? Надо находить какой-то способ

объяснения. Кивки и жесты, судя по всему, не подойдут: они начнут подражать ему, и только. Франсуа попробовал вспомнить, что делают животные, когда им дают непригодную пищу. Нюхают и отходят в сторону... Что ж, и ему нюхать?

Поразмыслив, Франсуа сморщился и отбросил мясо. Тут же один из сидящих бросился за куском и положил возле Ву. Тот откусил, пожевал и, еще не проглотив, уставился на Франсуа с явным недоумением и растерянностью.

«Чего доброго, подумает, что я вообще не хочу есть».

Похоже, так оно и было. Те двое, что пришли с листьями, приблизились и стали укладывать их на ссадины Франсуа. Один выбирал из пучка толстые стебли, выдавливал из них сок и капал на раны. Франсуа узнал алоэ. Второй очень забавно мял в ладонях листья, как бумагу, отчего те становились мягкими и влажными и хорошо приставали к телу. А самый молодой — почти безволосый — подошел к камню-чаше, без усилий поднял его и вынес из пещеры. И опять все это было сделано без каких-либо видимых сигналов или указаний. Хотя Франсуа чувствовал, что его появление скорее всего было для них событием из ряда вон выходящим, что они не были приготовлены к такого рода приемам. Значит, ориентировались мгновенно, по обстановке?

Тут он увидел в руке Ву темно-синюю, сморщенную ягоду, похожую на изюм. Как она у него оказалась — Франсуа не заметил. Старик, улыбаясь от уха до уха, приблизил ягоду к его рту. «Может, хвастается? А протяни я руку — тут же затолкает ее себе за щеку?»

Рука с ягодой коснулась его губ. Франсуа решил ждать и терпеть до конца. Ягода протискивалась к зубам. И тут человек не выдержал.

Он резко отстранил голову, стараясь не изобразить на лице того чувства брезгливости, которое испытывал. Опыт уже подсказывал: малейшее изменение мимики — и последует быстрая реакция. Возможно, самая неожиданная. Правда, пока эти существа расположены к нему, но... Сила каждого из них явно превосходит его физические возможности.

Франсуа, как мог, изобразил на лице радость и подставил ладонь. Тот понял его жест, ягода оказалась у Франсуа. Старик выразительно облизнулся и громко сглотнул слюну. «Ага! Дескать, угощайся, не пожалеешь...» И Франсуа рискнул...

Отвратительный вкус сдавил горло. Приторный, горьковато-сладкий... Он узнал его, но было поздно... Дыхание сбилось, тяжелый запах мутил сознание. «Что это? Еще одно обезьянье лекарство?» Он почувствовал, что клонится на бок. Сейчас рухнет... Франсуа вздрогнул, попробовал собраться, и в этот момент все исчезло...

ОБЕЗЬЯНА С СЕРЫМИ ГЛАЗАМИ

Франсуа пригнулся к гриве коня и пришпорил. От раскаленного добела неба щемило глаза. Рядом мелькали в галопе копыта — его спутник не отставал. Но эти быстроногие дьяволы! Словно у них не мышцы, а пружины! Он вытянул руку и попытался навести револьвер на один из бегущих впереди силуэтов. Они были так тонки, что, казалось, растворялись в струях поднимающегося от песка жара.

Выстрел!.. Нет, это стрелял не он. Его руки по-прежнему дрожат над холкой коня. Франсуа осаживает его.

«Вернемся, Боб! — кричит он спутнику. — Я чертовски хочу есть!»

Тот оборачивается. На его лице досада. Еще бы: Ставс редко промахивался. Если б не этот дикий зной!

«Есть? — вопит Ставс. — Ты с ума сошел! Они же могут уйти...»

...— Есть! — заорал Франсуа и зажмурился. Яркое небо в амбразуре пещеры слепит. Как? Он опять здесь, в каменном мешке? Но только что он мчал галопом по Калахари в какой-то жуткой погоне? В руке его был... Да, правая рука напряжена, и пальцы неестественно скрючены. Будто и вправду какой-то невидимый предмет зажат в ладони. Франсуа прекрасно помнил, что секунду назад держал наган. Да-да, прекрасный образец конца прошлого столетия. Отец очень гордился им. Это было изобретение его соотечественника.

Чушь какая-то! Франсуа видел этот наган очень давно, ребенком. Потом отец подарил его кому-то. Кажется, Бобу Ставсу, старому другу, с которым промышлял в молодости... Ах вот что? Все это приснилось Франсуа! Но если так, почему только что пережитая сцена так реальна, будто действительно была когда-то? Когда-то... Ну да! Ведь вместе с Франсуа был молодой Ставс. И вообще охота на аборигенов напоминала отцовские рассказы о той поре, когда слыл он сухопутным пиратом.

Только сейчас Франсуа заметил, что сидит. Значит, он очнулся почти в той же позе, в какой разговаривал со своим спутником. Он даже помнил, что последнее слово прокричал уже здесь, в пещере: «Есть!» Нет-нет, оно звучало иначе... По-французски? Нет! Святая Мария! Ведь они говорили со Ставсом на валлонском диалекте! * Но он не знает этого языка... И никогда не видел молодого Ставса. Это могло случиться с отцом, но не с ним...

Станный сон. После него остались два чувства — досада от промаха и голод. Второе, пожалуй, сильнее.

Франсуа зачерпнул пригоршню воды из каменной чаши и вдруг увидел, что рядом с нею лежат какие-то плоды. Попробовал дотянуться. Не получается. И он зарычал от злости и голода. Этот рык, хриплый и хищный, испугал Франсуа. Он узнал его. Это был голос отца. А вспенившаяся злость шла оттуда, из сновидения. Досада охотника, упустившего жертву в песках Калахари. Она прорвалась сюда, в иное время, иную реальность, вместе с раздражением от того, что не достал он эти плоды. Но это был не он — другой человек.

Значит, там, во время охоты, был не Франсуа, а тот, чей голос испугал его только что? Его отец. Возможно ли, чтобы дух живого отца переселился в сына и перенес его в далекое прошлое, когда Франсуа и на свете-то не было! А ведь случилось именно так. Сейчас Франсуа был почти уверен, что с того момента, как Ву толкнул в него эту отвратительную ягоду, и до истошного вопля «Есть!» он находился в прошлом молодого Лебера Удачника. В прошлом, которое могло сохраняться только в отцовской памяти.

Он опять припомнил то чувство, которое осталось от сна, — злость охотника, упустившего жертву. Нет, это не его чувство. Но оно очень свойственно отцу. Франсуа представил старого Лебера здесь, в пещере, в плену у полуобезьян, куда более диких и отсталых, чем любое из встречавшихся

* В аллонский диалект — диалект, на котором говорили в Южной Бельгии.

в Африке племен, и ему стало страшно от того, что рисовало воображение. Он мог поручиться, что это была бы кровавая сцена.

Но может быть, так было и с ним? Что он помнил о своем появлении здесь?

Франсуа взглянул на раны. И обомлел. На них не было листьев. Опухоль спала, ссадины и порезы покрылись плотными корочками. Он почти не чувствовал боли. Только на спине что-то стягивало кожу, будто пластырь.

А если попытаться встать? Нет, сначала он возьмет это... Франсуа потянулся к фруктам. Ел жадно, не чувствуя вкуса.

...Когда наконец поднялся, в пещеру вполз сумрак. Свет в проеме приоткрывал, как магнит, но ослабевшие ноги натыкались на камни и выступы. Пришлось пробираться, цепляясь за стену. Кружилась голова. Но Франсуа упрямо двигался к цели.

Вот он — край каменного мешка!

Перед глазами открылась картина... которую он уже видел!

Которую о н и видели! Он и Питер... После заката, когда солнце ослепило их... Вспомнил!

Это случилось на третий день после того, как Йоргенс нашел свою «малютку». Они поднимались по каменистому склону и к вечеру уперлись в сплошную стену гигантских базальтовых глыб.

«Заночуем здесь, — сказал Франсуа. — Все равно дальше ходу нет».

Над ними еще полыхало небо в лучах невидимого солнца. Хаос массивных камней загораживал горизонт. Надо было пользоваться остатком дня, чтобы разбить лагерь.

«Подожди, я попробую взобраться, — отозвался Питер. — Узнаю, что там, за этим завалом».

«Сюда, Франсуа! Лезь сюда!» — услышал он минут через пятнадцать.

Пит стоял на четвереньках на вершине каменной пирамиды. Прихватив на случай ружье, Франсуа стал карабкаться к другу.

За каменной грядой находилась долина, закрытая сверху густой шапкой деревьев. С долины, уже окутанной вечерней темнотой, несло теплом и паром, как от живого тела. Она была наполнена безмолвием и ароматом. Солнце лежало на противоположном краю каменной чаши, укрывавшей этот изумрудный мир. Его лучи скользили над долиной.

«Прыгаю! — услышал Франсуа, и через минуту снизу раздались чертыхания. — Бросай ружье! И мягкой тебе посадки!»

Едва ноги коснулись земли, как Франсуа почувствовал, что она двинулась. Он сползал вместе с грунтом, не успев подняться. В полутьме увидел, как, взметнув руки, Питер пронесся мимо, утопая в потоке мелких камней. Все вокруг шуршало и грохотало. Что-то больно ударило по коленям...

Больше Франсуа ничего не помнил.

...И вот опять он видит тот изумрудный мир. И как тогда, ароматная дымка голубеет над его чашей. Франсуа охватило знакомое уже желание войти в это зеленое море. Кроны деревьев начинались почти у самых ног, и оттого запах тропического леса еще острее будоражил ноздри, дурманил голову. Воздух был густ. Над долиной стояло безветрие. Негромкое и как будто ленивое стрекотание не то птиц, не то насекомых доносилось из буйной зелени. Был февраль — середина лета, и этот неведомый людям райский уголок переживал лучший из своих сезонов.

Франсуа выглянул из пещеры. Почти гладкая стена уходила перпен-

дикулярно вниз. Видимо, пещера находилась где-то посреди скалы и была практически неприступна. Лишь слева от входа он различил ряд уступов. Подобие лестницы, уходящей в глубину густой зелени. Дна долины видно не было.

«Интересно, как им удалось втащить меня сюда?» То, что его в пещеру доставили, сомнений не вызывало. И в это время Франсуа заметил, что на уступах сидят обезьянолюди. Окраска их тел почти не отличалась от цвета скал. Их было двое. В руках они держали те странные спиралевидные предметы, с которыми явились утром. Теперь, при свете, он узнал рога винторогого козла.

Стерегут его? Вряд ли кто-то может напасть на пленника в каменном мешке, если среди самих австралопитеков нет людоедов. Убежать же отсюда по этой обезьяней тропе на несгибающихся ногах невозможно. Правда, он уже передвигается и не чувствует боли. Франсуа так и не сумел объяснить для себя неправдоподобно быстрое заживление ран. Если ориентироваться по солнцу, прошло не более трех часов, как их «обработали». Но даже если прошло три часа и трое суток... Нет, такое невозможно. Голод все равно дал бы себя знать раньше. Ведь проснулся-то он от голода! Последний раз они ели с Питером в полдень по ту сторону гряды... Если время поддается его контролю, выходит, прошли всего сутки.

И в это время послышалось странное шуршание — словно поток мелких камешков сыпался со скалы. Франсуа интуитивно отпрянул. Неужели опять обвал? Звук был прерывистым, и в нем улавливались интонации. Это сигнализировал второй страж. Из его растянутых наподобие щели губ вылетал треск, почти неотличимый от шума падающих камешков. Неподвижные кроны деревьев под пещерой зашевелились. Потом зашевелились нижние ступени лестницы. И Франсуа увидел ловко взбирающиеся фигуры. Крупными и легкими скачками к пещере поднимались еще двое. Иногда казалось, что они отталкивались от гладкой стены, — видимо, ступени были изрядно удалены друг от друга, так что даже гигантские прыжки австралопитеков были короче этого расстояния. Поднимавшиеся ловко обошли стражей и влетели в пещеру, не задев пленника.

В первом Франсуа сразу узнал Ву. Старик встал перед ним как вкопанный. Ни тени робости перед человеком, возвышавшимся на две головы! Второй, увидев Франсуа, тут же прильнул к Ву. Так ребенок прижимается к матери, завидя опасность.

Но спутник Ву ничем не напоминал ребенка. Напротив, он был заметно выше седовласого, шире в плечах и вообще показался Франсуа необычным. Он отличался от остальных. Шерсть на нем была темнее, фигура более поджарая. Но главное — лицо. Впервые Франсуа назвал бы это лицом, а не мордой. На нем застыло почти человеческое недоумение.

Пришелец жадно рассматривал Франсуа. И вдруг шагнул к нему совсем близко, заслонив старца, словно готов был поменять защитников и прильнуть к человеку так, как только что льнул к полузверю. Ву решительно отстранил его.

И тут Франсуа увидел самое странное — глаза молодого австралопитека. У других они были желтовато-карими с еле уловимыми оттенками. Этот был серогазлым.

Мелькнула мысль: один ли он такой в долине? Быть может, где-то рядом обитает его родное племя, а он лишь пленник более диких соседей. Да-да, разум светится в светлых глазах, разум! Он шагнул в сторону серо-

глазого, но тот ощерился, шерсть приподнялась на плечах. Серые глаза смотрели на человека нагло и угрожающе.

Пулей влетели в пещеру еще двое. Не успел Франсуа предположить что-нибудь, как Сероглазый оказался за спиной и ухватил его сзади за подмышки. Двое других уже держали ноги. Австралопитеки быстро направились вон из пещеры...

«Сбросят вниз!» У Франсуа захватило дух.

Носильщики держали его так цепко, что любой рывок мог причинить боль самому Франсуа. Да и куда ему вырываться? В пропасть? А он уже ощущал ее близость всем своим существом. Туловище дергалось в такт быстрым шагам австралопитеков. Поворот... Неужели они понесут его по этой звериной тропе? Но иного пути нет...

Его то и дело подкидывали, словно что-то безжизненное, и тогда он стискивал зубы от боли. Страх и впрямь лишил его всяких движений. Голова шла кругом. Франсуа зажмурился, но от этого болтанка стала еще нестерпимее. Такого он не переживал даже в самые сильные штормы в океане.

И вдруг сквозь закрытые веки он почувствовал, как надвинулась темнота. Его перестали трясти, осталось только мерное покачивание. Франсуа открыл глаза. Все было зелено. Над ним простирался купол листвы, густой, многоярусной, почти не пропускающей лучей света. Воздух стал прохладным и влажным. Франсуа понял, что они достигли дна долины.

Он сделал рывок всем телом, пытаясь высвободиться: «Стоп! Не могу больше!». Над головой раздалось грозное рычание. Сероглазый. Но его ворчня оборвалась быстро и внезапно. Как по команде, Франсуа поставили на ноги.

Они стояли на узкой, едва заметной тропе. Высокие папоротники закрывали землю. Лес был тонкоствольный, почти кустарниковый. Самые большие деревья не превышали метров пяти. Лианы, словно нити гигантской паутины, опутали стволы и ветви на всех ярусах. Кое-где в кронах в полутьме мерцали огромные цветы.

Ву взял Франсуа за руку и двинулся в глубь дебрей. Он шел медленно, но уверенно. Шагов его не было слышно. Так же бесшумно продвигались остальные. Франсуа даже обернулся, чтобы убедиться: трое неотступно идут следом. Зато сам он то и дело натывался на корневища, цеплялся за ветви и наконец подумал, что готов согласиться вновь повиснуть на руках этих смысленных существ, благо путь лежит не по отвесной стене. Усталость разозлила его. «Можно подумать, что мы спешим к отходящему поезду. Когда же и где кончится эта тропа?» Он в изнеможении рухнул на землю, но почти в ту же секунду был подхвачен сильными руками спутников.

Холод пронзил Франсуа от мысли, что не сон и не кошмар, а собственная неразумная жизнь зашвырнула его в эту расщелину вечности, о которой не знает цивилизованный мир. В заповедник оживших окаменелостей. За встречу с двуногими обезьянами пришлось платить жизнью Питера. А что будет стоить возвращение? Или это все? И выхода отсюда нет? Он почувствовал, что к горлу подступает тошнота... Нет! Не все! А старый зулус...

Он вспомнил испуг Нгосо. Если старик сам видел агогве или слышал о них от других охотников, значит, кто-то проникал сюда и... возвращался? А может быть, наоборот, австралопитеки, которых зулусы называют

агогве, выходят иногда из своей чаши? Но их тропы для Франсуа непроходимы, тогда он может считать себя навсегда отрезанным от своего прошлого.

Толчок. Он открыл глаза. Его положили на землю.

Равнинное место и небольшой ручей метрах в десяти от них. Было уже темно, солнце успело скрыться за хребтами. Справа крутой стеной подступала скала. Ее вершина ярко розовела в лучах заката. Какой-то гул доносился с той стороны. Франсуа узнал шум воды. Скорее всего ручей, к которому они вышли, падал со скалы в верховье. В сумерках казалось, что горный отвес совсем рядом, но, судя по звуку, до него было метров двести. Впереди, за ручьем, и сзади был лес. Он тянулся от самой скалы в центр долины. Там, в стороне, куда устремлялся ручей, светились лиловые блики. Франсуа уловил хорошо знакомый моряку запах. Большая вода! Должно быть, озеро.

Ву и двое его сородичей направились к ручью. Сероглазый остался с пленником. Ни плеска, ни шороха не слышал Франсуа с той стороны, где скрылись фигуры. Они словно растворились в голубоватой дымке, окутавшей долину. Франсуа хотел встать на ноги. Мысль о возвращении не покидала его. Надо быть начеку — все видеть, запоминать, искать выход. Но едва он приподнялся, Сероглазый сильным жестом пригвоздил его к земле. Грозный рык обрушился и сковал волю человека. Франсуа почувствовал желание сжаться в комок. И, словно чуя его слабость, все воинственнее рокотал Сероглазый. Казалось, еще миг — и он вцепится в пленника.

Словно из небытия, появились фигуры. Что это? Их было вдвое больше. Рык Сероглазого тут же оборвался.

Кто-то опять взял человека за руку, и процессия двинулась в сторону ручья. Австралопитеки вошли в воду, и Франсуа понял, почему он не слышал плеска. Он и сейчас не слышал ничего, кроме хлюпанья своих шагов. Эти неуклюжие существа были поразительно ловки.

Впереди, за ручьем, опять был лес. Не успели они войти в него, как со всех сторон их окружили сородичи. Франсуа казалось, что они вырастали из кустов, отделялись от стволов, просто образовывались в воздухе. Он не мог сказать, сколько их. Они обступили его, теснясь вокруг. И всю эту странную картину он только видел. Слух не улавливал ничего, кроме дыхания спящей долины. Духи! Тени ушедшей жизни... Агогве...

Ощущение реальности покинуло Франсуа.

ПОД КУПОЛОМ ВЕЧНОСТИ

«Где он, этот зверь?» Франсуа, смахнув с бороды воду, обшарил глазами кусты и шалаши. Сероглазого не было. Ушел к своим?.. Столько дней стерег и вдруг вот так внезапно ушел? Непонятно.

Капля воды повисла на ресницах, с волос еще сползали холодные струйки. Франсуа стряхнул ладони, обтер лицо, не торопясь осмотрел стоябище. Днем оно было пусто. От зари до зари австралопитеки пропадали в лесу. Он не мог знать, как далеко они уходили: за все время ему удалось отойти от лагеря не больше чем на сто ярдов. При нем неотступно был Сероглазый. Уже наутро после той ночи, когда Франсуа приволокли в стадо, никто, казалось, не обращал внимания на человека. Должно быть, его успели обнюхать и ощупать, пока он спал. Но этот долговязый! Как тень,

как привидение, он следовал за Франсуа. Взгляд Сероглазого был направлен на него постоянно — жадный, злой, как взгляд голодного пса, вечно сидящего на цепи.

Франсуа пугливо посмотрел за ручей. Кажется, там — никого. И тут он явственно почувствовал, что боится не Сероглазого... Как вал, как смерч, на него двигалась опасность. Та неясная, таинственная беда, которую он предчувствовал уже несколько дней.

Впервые он встревожился на четвертый день своей жизни в стойбище. В этот раз Франсуа проснулся рано. День в долине был короток. Горы укорачивали его. Солнце заглядывало сюда поздно, будучи уже в накалие, и скрывалось непогасшим. Должно быть, в предгорьях, на равнине было уже яркое утро, но здесь, на дне горной чаши, у восточного ее края, лежала густая тень. Слабый отсвет неба еле подсвечивал воздух. В шалаше было темно, как ночью. Его новое жилище таилось в глубине большого куста с широкими листьями, напоминающими китайские зонтики. Несколько шкур, брошенных на гибкие ветки, были крышей и стенами. Таких шалашей было много. Часть из них обычно пустовала. Сначала Франсуа думал, что их обитатели в отлучке. Но потом заметил, что понятие «жилище» можно применить к этим существам весьма условно: они не сидели, не трапезничали в своих укрытиях, а только ночевали. Появившись перед закатом, почти тут же устраивались на ночлег, и редко кто-либо спал в одном шалаше две ночи. Случалось, не найдя поблизости свободного укрытия, бестренько сооружали новое.

Так вот в то утро Франсуа проснулся от странного гомона. Казалось, воздух над становищем тихо попискивал, щебетал, урчал, гугукал, пошипывал и похрюкивал. То были голоса австралопитеков. Украденные голоса. Так переговаривались, наверное, обитатели Ноева ковчега, где было «всякой твари по паре». Звуки доносились приглушенно, и окажись Франсуа, скажем, за ручьем — вряд ли что-либо услышал бы. Как вкопанный застыл он на четвереньках у своего шалаша.

Серый сумрак поглощал краски, контуры фигур были размыты, и ему почудилось, будто сама земля вокруг шалашей пришла в беспорядочное движение: это копошилось стадо. «Они были частью земли», — вдруг вспомнил он слова Питера. «Совершенны, как мох». И в это мгновение Франсуа ощутил, что не только время, но и пространство, в котором он находится, совсем иное, чем время и пространство прошлого. Синяя громада скалы, лес, ручей, кусты с его обиталищем — это всего лишь природный камень, трава, струйка воды и пучки мха, в котором укрылись микроскопические существа — плесень, и только. А он? Нет, он человек. Но здесь он так же беспомощен, как все остальное. На него можно наступить, его можно перемешать с землею, залить молоком из бидона... если весь этот мир не спрятан далеко и надежно от того... большого мира его прошлого.

Он взглянул на светлеющее небо, ребра гор вокруг долины, густой полог леса. Надежна ли эта ниша? Если да, то отчего австралопитеки почти не выходят на равнинный берег, опасаются открытого пространства? Отчего общаются чужими голосами, и то только ранним утром, под покровом мглы? А ведь они не пугливы, он мог убедиться в этом. Или их поведение — обдуманная предосторожность? Тогда остается предположить, что они знают, чего им опасаться.

Вот так он стал пленником томительной тревоги. С тех пор она не покидала его, преследуя пуще Сероглазого. Этот первобытный полицейский

иной раз даже спасал Франсуа от таившегося в душе страха. Он был угрозой реальной, но человек боится неизвестного...

Шелест ручья казался теперь оглушительным. Франсуа напрягся, как струна. Появись сейчас Сероглазый — он почувствовал бы облегчение. И вдруг простая мысль поразила и обрадовала его. Надо спрятаться! Он метнулся к стойбищу, и в этот миг огромная тень пронеслась между ним и лесом. Франсуа замер. Потом медленно опустился на землю. Он дрожал. Было тихо. И никого вокруг... Сзади!

Там, за спиной, стоит что-то огромное, чудовищное... Какой-нибудь доисторический ящер шагнул из озера и, волоча хвост, двинулся, чтобы слизнуть его, Франсуа! Он представил огромную жадную пасть на змеиной шее, болтающуюся в воздухе над его головой. И в это время тень опять закружила по земле ярдах в двадцати от него. Франсуа впился в пятно глазами.

Что это? Тень металась над распростертым телом Сероглазого. Тот лежал ничком, неподвижно, раскинув ноги и руки. Франсуа поднял взгляд и увидел в небе зловещий силуэт. Бородач! Гигантский гриф-ягнятник.

Сквозь длинные, ножевидные крылья просвечивало солнце. Хищная рыжая голова с черной бородкой, словно стрелка компаса, неуклонно поворачивалась в сторону Сероглазого. Бородач парил над ним, то снижаясь, то взмывая. Примеривался. Сизые когти были растопырены.

И тогда Франсуа опомнился, пронзительный свист вспорол тишину долины. Тело Сероглазого подскочило и тут же плюхнулось на место. А Франсуа свистел и носился по берегу, подпрыгивая и размахивая руками. Палка! Нужна палка, чтобы изобразить ружье. Они всегда делали так в детстве, когда над стадом появлялся ягнятник. Это было редко, но все мальчишки долго вспоминали потом об этом. Еще бы! О бородачах говорили, что они нападают и на человека... Гриф таял в выси, уменьшаясь и уменьшаясь, а Франсуа все смотрел в небо и смеялся, как в детстве. Потом он услышал мерный плеск ручья.

Тяжелая, теплая рука опустилась ему на плечо. Что-то мягкое осторожно прижалось к спине. Франсуа не испугался. Он знал — это Сероглазый. Недавний преследователь, как дитя, притулился к человеку. Из его груди лилось почти кошачье мурлыканье. Благодарность. Он был доверчив и добр, как все агогве.

Да, такими они были. Во всем слышанном и виденном Франсуа ни разу не заметил проявлений недовольства, агрессии, злости. И в этом обезьянолюди не были похожи ни на людей, ни на животных. Трогательная дружба объединяла стадо. Они удивительно чувствовали друг друга. Лишь Сероглазый выделялся на общем фоне своим скверным характером. Впрочем, Франсуа не мог судить о его отношениях с сородичами. Казалось, Сероглазый был так поглощен преследованием человека, что совсем не общался с ними. Стоило кому-нибудь подойти на близкое расстояние к Франсуа, как долговязый индивидуалист вырастал между пленником и сородичем и последний молча, но всегда миролюбиво проходил стороной.

Но всякий раз, возвратясь из леса, австралопитеки приносили изрядную порцию плодов, кореньев и насекомых. Сероглазый стаскивал с одного, другого, третьего заплечную шкуру с провиантом и начинал рыться. Самые крупные плоды он сваливал у шалаша — для пленника. Это смущало и путало Франсуа. Он никак не мог понять чувств, которые питал к нему этот странный доисторический тип. Лишь одно существо молча властвовало над Сероглазым — старый Ву.

Мурлыканье внезапно оборвалось. Сероглазый встал. Обернулся и Франсуа. На опушке стояло шестеро во главе с Ву. И тут послышался приглушенный клекот грифа. Франсуа посмотрел в небо. Ни пятнышка. Скрипучий звук раздавался совсем рядом. Ах вот что! Это клекотал Сероглазый, подражая бородачу. Информировать о происшествии?

Стало нестерпимо жарко. Франсуа побрел было в тень леса, но Ву неуклюже подтолкнул его к шалашу. Там на широком листе у входа лежал убитый птенец грифа. Вот оно, простое объяснение. Сероглазый чуть не заплатил за угощение, которое его сородичи добыли для человека. Но возможно ли? Люди с огнестрельным оружием не рисковали приблизиться к гнездам этих жестоких птиц! А тут... Голыми руками, в неприступных скалах...

Две недели он не ел мяса. Вот оно — так близко! Но между ним и желанным мясом не хватало целой цепи изобретений человеческого разума: кресала, ножа... Святая Мария! Зачем нужны были все эти тысячелетия восхождения к вершинам цивилизации, если он беспомощен перед куском мяса, который добыли звери. И добыли разумом, на который человек не способен!

Франсуа стал остервенело вырывать пух из тела птенца. Он готов был рычать от нетерпения и злости. Пух был жестким, как конский волос, руки то и дело накалывались на остовы нарождающихся перьев. Пальцы взмокли от крови и человеческого пота, а конца работе не было видно. И он услышал зловещий рык за спиной. Это рокотал Сероглазый, заразившийся его состоянием: отчаяние хищника, не достигшего жертвы. Он точно уловил чувство Франсуа. Только он во всем стаде мог это уловить!

И человек в бессильной злобе швырнул рычащему зверю изуродованную птицу...

В тот день он больше не видел Сероглазого и напрасно ждал, что тот поделится с ним куском мяса. Древний индивидуалист исчез, словно гриф, вцепившись в тяжелую ношу. Лесной «пак» Франсуа съел сам, жадно восполняя фруктами дневную утрату. В этот момент к нему и подошел Ву.

Старик по-отцовски осмотрел Франсуа и потянул за руку. Они шли вдоль лагеря на шум водопада. У самой скалы, наполовину залитой солнцем, углубились в лес и пробирались к ней со стороны деревьев. И тут Франсуа увидел, что над кронами зияют зевы пещер. Ву шел впереди, и на сей раз Франсуа без посторонней помощи поднялся за ним по цепочке грубо выдолбленных ступенек в самую верхнюю пещеру. Она была уже погружена в тень, но небо еще достаточно ярко светило над долиной.

Недалеко от входа Франсуа с изумлением увидел кострище. Значит, они знали огонь! Он присел к холодным угольям, стал рассматривать остывший очаг. Но тут же понял, что огонь горел здесь слишком давно. В кострище лежали камни, покрытые копотью. Значит, они лежали здесь и тогда, когда вокруг полыхал огонь...

Ву скрылся в глубине пещеры, и оттуда доносились звуки какой-то возни. У стены Франсуа увидел груды костей и черепов животных, рога, копыта и клыки. Он и раньше задавал себе вопрос: откуда у австралопитеков шкуры? На его глазах они вели совершенно травоядный образ жизни. А тут... Чуть поглубже в полутьме белели два черепа, сцепленные спиралевидными рогами. Антилопа куду... С другой стороны кострища он вдруг заметил мелкие и крупные осколки раздробленных костей. Они лежали в странном

порядке — двумя кучками, будто рассортированные по размеру чьей-то хозяйской рукой.

Из темноты появился Ву. На одной руке он нес шкуру... леопарда. Она была изумительно красива, но без головы, как и все шкуры, которые видел Франсуа в стойбище. Ву положил ее перед собой и свалил на нее то, что принес во второй руке. Сердце Франсуа сжалось от неожиданности. Это были вещи, которые могли принадлежать только людям.

Перед ним лежали карманные часы марки «Бурэ», небольшой кожаный кисет, затянутый шнурком, и краги из замши. Все это были очень старые вещи. Такие можно было найти только в дедовских кладовках. Ву взял часы за цепочку и повесил себе на шею, подобно медальону. Часы были большие, желтое стекло потускнело, циферблат еле различался. Ву выпятил грудь вперед и расплылся в улыбке. Решившись, Франсуа взял кисет.

Тайная мысль о том, что в кисете может оказаться табак, делала эту вещь особенно привлекательной. Он прощупал кожаный мешочек. Тот был пуст, но какой-то слабый хруст насторожил Франсуа. Оглядев вещь внимательно, он понял, что австралопитеки вряд ли его развязывали. Узел был так крепко затянут, что почти не выделялся на тесемке.

Потом он осмотрел краги. Они были застегнуты. Франсуа протянул обувь владельцу. Ву стал махать ими в воздухе, напоминая разносчика газет, если таким мог быть немой. Лицо старого австралопитека светилось восторгом. Ноги стали переступать в такт, часы на груди болтались из стороны в сторону. Франсуа показалось, что он присутствует при каком-то ритуальном танце. Ву даже стал издавать какие-то звуки, похожие на бульканье.

Когда он уgomонился, Франсуа взял краги и приладил к своим ногам. Внимательно наблюдавший за ним австралопитек был ошеломлен. Он не шелохнулся во время процедуры застегивания, а когда Франсуа, облаченный в накладные голенища, встал во весь рост, Ву подполз к его ногам и стал гладить и похлопывать их. Трижды он плюхался наземь, рассматривая преображенную вещь. Когда Франсуа сел, Ву вцепился в застегжки и стал нетерпеливо трясти их.

Франсуа протянул руку к часам, и старик с готовностью стянул с себя цепь.

Франсуа попытался открыть заднюю стенку. Она не поддавалась. Так и сяк переворачивая часы в ладонях, он вдруг ощутил под пальцами довольно грубые царапины. Неужели надпись? Сумерки мешали видеть. А что, если Ву унесет эти сокровища и больше никогда их не покажет? Франсуа лихорадочно думал, чем вызвать желание старика еще раз «поиграть» трофеями. А может, просто спрятать часы, как делают фокусники? В этом случае Ву наверняка не отпустит его до утра... А куда спрятать?

И Франсуа вспомнил, что остатки его брюк хранили как раз то, что нужно: карманчик для часов, у пояса. Он незаметно нащупал его и... рука настороженно застыла. В карманчике лежало что-то твердое. Это казалось невероятным! Он всегда хранил там свою герметическую газовую зажигалку. И она была на месте!

Да, лишившись сигарет, он ни разу не потянулся к зажигалке и попросту забыл о ней. Может быть, это объяснялось еще и тем, что когда он очнулся в пещере и не обнаружил при себе ни часов, ни ружья, то произвольно решил, что обчищен начисто. Но в таком случае Ву показывает ему не все, чем владеет. Он явно укрывает от Франсуа принадлежащие ему

вещи. А среди них... заряженное ружье! Если оно тоже находится в пещере... И тут Франсуа понял, что ему во что бы то ни стало надо укрыть от австралопитеков зажигалку. Мелькнувшая было мысль поразить Ву маленьким язычком пламени, вспыхнувшим в ладони человека, была тут же отмечена. Этот язычок огня еще может спасти ему жизнь в нужный момент и указать путь назад! Если для этого надо преодолеть отвесные скалы, он научится этому у старого Ву.

Положив часы обратно на шкуру, Франсуа стал ловко расстегивать краги. Потом он приложил их к ногам Ву. Тот благоговейно задрожал и от неожиданности поджал ноги. Затем вскочил, прерывисто дыша. Вновь сел, стал вертеть краги вокруг ног, словно обмотки. Франсуа перебрался на шкуру, лег на бок и осторожно закрыл глаза. Мерный храп молодой Лебер умел изображать с детства. Повозившись еще немного, Ву прилег рядом и, по-братски обняв Франсуа, уснул.

Полночи расправлялся Франсуа с кисетом. Лежа на боку, подогреваемый со спины жарким животом вожака австралопитеков.

Наконец тесемки раздвинулись. Франсуа нащупал в кисете какую-то бумагу. Спрятал в карман рядом с зажигалкой. Потом быстро завязал мешочек и тут же уснул.

Однако в эту ночь ему не суждено было отдохнуть. Вскоре Ву зашевелился и встал. Обошел вокруг него, словно ища что-то... Нагнулся. Франсуа почувствовал у лица его дыхание. Потом старик отошел, но куда? Его шаги нельзя было слышать. Все стихло. Кругом было темно, как в колодце. Франсуа не мог больше спать: его встревожило внезапное исчезновение Ву.

Так лежал он довольно долго, ожидая звуков и размышляя, как ловчее приручить Ву и раздобыть украденное ружье. «Были же случаи, когда ди-кари, впервые встретив белого человека, обожествляли его и полностью ему подчинялись... — обнадеживал он себя. — Но то были люди, а это — полуобезьяны. Будь на моем месте Питер, он, конечно, придумал бы выход... Итак, это не люди, но и не обезьяны... Тех можно оглушить выстрелом, а как поступят эти, если даже удастся вернуть свое ружье?.. А вдруг они нашли меня уже без ружья? Вполне возможно, что оно погибло в лавине?..»

День уже приближался к долине. Вход в пещеру слабо засветился. Внутри по-прежнему было тихо. Франсуа подстерегал утро, чтобы изучить свой трофей — бумажку, извлеченную из кисета. Как-никак это было послание от человека, пусть уже не существующего.

Едва свет проник в пещеру, Франсуа убедился, что рядом никого нет. Кисет лежал на том же месте. У изголовья он обнаружил часы. Исчезнув, добрый Ву оставил ему свои «игрушки». Франсуа стал судорожно доставать ветхий лист бумаги из плотно прижатого к поясу кармана. И в это время необычный звук нарушил тишину долины. Он был слишком громок для этого полубезмолвного уголка земли. Пожалуй, он содрогнул бы любой другой мир, даже наполненный скрежетом город. Это был вскрик живого существа, охваченного ужасом. Может быть, это был предсмертный вопль... Франсуа вскочил и подошел к выходу. Мрак покрывал лесистое подножие скалы. Тишина сомкнулась над чьим-то стоном. Лишь водопад дремотно бормотал рядом с пещерой.

И все же что-то происходило в долине. Франсуа чувствовал это всем своим существом. Неопределенность беспокоила его. Надо успеть сделать то, что задумал, пока новая неожиданность не застала его врасплох. Ву

доверчив, но Франсуа знал, что в поведении австралопитеков нет места случайности. Как и у людей, ум был их орудием выживания. Разница лишь в том, что человек пользовался им в мире, который сам создал, а эти — в естественном мире природы.

Еще раз с опаской бросив взгляд в глубь пещеры, он достал из кармана заветный лист. Торопливо развернул его. Это была самодельная схема какого-то маршрута. По краям, как и положено, обозначены стороны света. Остальные обозначения весьма произвольны — миниатюрные изображения деревьев, речек, ущелий. Схема была испещрена надписями по-английски: «подъем», «плато», «водопад»... Рядом с последним словом стоял большой крест. Возле него заканчивалась извилистая пунктирная линия. В одном из уголков схемы Франсуа прочел знакомое слово Гренд-Голд. Где он его слышал?

«Гренд-Голд... Большое Золото. Не от отца ли?.. — напрягал он свою память. — Нет, позднее, далеко от детства и далеко от родины... Ну да, тот самый старший механик...» Поначалу они стали с ним почти друзьями. Тот много рассказывал о себе. Говорил и об этом когда-то шумном центре искателей счастья в период «золотой лихорадки» на Юге Африки. Потом поселок захирел и опустел. Старик рассказывал, что проезжал его недавно по пути из Дурбана в Преторию... Франсуа силился припомнить те мелочи, которые казались такими раздражающими в рассказе старого моряка. Мог ли он тогда знать, что судьба ставит на него такой капкан! Где же она, эта точка на карте? Ведь от нее начинался путь владельца кисета сюда, в логово двуногих обезьян. И где на этой схеме надо искать это логово? Пока Франсуа был уверен только в одном: его предшественник и они с Питером пришли сюда с разных сторон.

«Может, часы подскажут что-нибудь?» Он поднял их и приблизил к лицу.

Надпись была полустерта. Угадывалось только несколько букв, — должно быть, имя владельца: Дж... Ч... р. И две цифры: 8...4. Это мог быть любой год минувшего века, оканчивающийся на «4». Но так или иначе, Дж. Ч. отделяли от Франсуа более семидесяти лет! Франсуа вернулся к кострищу. И вовремя...

В пещере появился Ву. Вид его был страшен. С костяной дубиной в руках. Весь забрызганный кровью. Он в два прыжка оказался рядом с Франсуа. Выражение его лица не было ни злым, ни встревоженным. Скорее всего это было лицо очень озабоченного и занятого каким-то спешным делом человека. Схватив Франсуа за руку, он помчался вон из пещеры.

ТАЙНА СЕРОГЛАЗОГО

Франсуа не узнал становища. А Ву привел его именно туда. Был тот час, когда австралопитеки только просыпались. Но все стадо было на ногах и находилось в крайнем возбуждении. На берегу ручья лежало несколько туш, вокруг которых сустились десятка два самцов. В руках у них были крупные осколки костей с заостренными концами, которыми они очень ловко орудовали, освеживая туши.

Когда шкуры были сброшены, часть австралопитеков понеслась с ними в сторону пещер. Туши разделили на большие куски. Ву подошел к заготовителям и забрал две печени. Одну из них он поднес и протянул Франсуа,

вторую стал есть, смачно чавкая и прихрюкивая от удовольствия. Франсуа почувствовал, как к локтям побежали густые теплые струйки парной крови.

Самые хорошие куски получили самцы. Похуже — подростки. Последними были самки.

Начался пир. Все стадо жевало. Быстрее всех управились подростки и уползли в шалаши. Самцы, оделенные более других, делали первый передых. Один за другим они откидывались навзничь, не выпуская кусков из рук. Животы их заметно набухли. Прилег и Ву, измазанный кровью, уставший от торопливого глотания.

Франсуа немного оправился от первого, брезгливого ощущения и вдруг почувствовал, что жадно тянется к теплому, нежному куску мяса, расплывшемуся в его руках. Он осторожно откусил краешек и не почувствовал отворачивания. Печень таяла во рту. Франсуа не заметил, как съел ее почти всю. Отложив остаток, он отправился было к ручью — обмыться. Но не прошел и пяти шагов, как необычный шум за спиной заставил его обернуться. Он увидел поразительное зрелище.

На том месте, где он только что сидел и где оставил объедок, катался клубок тел. Двое насели на третьего. Поодаль в спокойной, выжидательной позе стоял Ву. Остальные члены стада даже не обернулись на возню. Когда дерущиеся поднялись, в одном из них Франсуа узнал Сероглазого. Вид его был ужасен. В зубах — остатки печени. Он выл, подобно гиене. Те, что держали его, вовсе не выглядели разъяренными. Потом Ву подошел к Сероглазому вплотную и заглянул в глаза. Вой прекратился. Франсуа невольно вспомнил магическое действие взгляда Ву при первой их встрече. И в этот момент старик протянул руку к губам Сероглазого. Долговязый покорно открыл рот и принял то, что было в руке вожака.

«Ягода! — чуть не вскрикнул Франсуа. — Значит, это все-таки лекарство!» Он вспомнил приторно-сладкий вкус и свое забытие, завершившееся странным сном с охотой на африканских аборигенов. Как подействует на Сероглазого это снадобье?

Вот того повели к лесу. Бережно, даже ласково. Остановившись у шалаша, помогли вползти внутрь. Бедняга, он, вероятно, чувствует себя обессиленным! Эта ягода повлияла на него, как снотворное. Сероглазый свалился на землю, и соплеменники укладывают его, как ребенка... Вот они вернулись к своим кускам и возобновили трапезу.

Еще одна группа австралопитеков, насытившись до отвала, уползла в тень деревьев. «Видимо, — размышлял Франсуа, — такие пиры бывают нечасто, и они наедаются мясом впрок. Потом должен наступить всеобщий покой...» Это было ему на руку.

Минут через двадцать лагерь и в самом деле замер. Берег почти опустел. Поднялся и лениво побрел в сторону леса Ву. Несколько самцов, сонно волоча ноги, подтянули остатки туши поближе к воде и легли рядом. Лежат не шелохнувшись. Уснули. День был уже в разгаре, и, в общем-то, стаду некого было опасаться. Если здесь и есть шакалы, вряд ли они рискнут подойти к остаткам трапезы под лучами солнца. И потом, австралопитеки не делают ошибок! Интересно: наблюдает сейчас за ним кто-нибудь? Что, если попробовать пойти вдоль ручья к водоему...

Франсуа сделал несколько нерешительных шагов. Никакого движения со стороны стойбища. И те, что лежат совсем рядом, охраняя объедки, тоже не шелохнулись. Франсуа осмелел и двинулся дальше. «Бежать

не надо, — охлаждал он себя. — Только переполошу, и они усилят бдительность. Труднее будет ждать удобного случая для побега». Вот и устье ручья. До него шагов пять — десять. Неимоверных усилий стоило Франсуа сдерживать ноги от желания бежать к большой воде, ясно различающейся впереди. И в это время из лесу вышли три австралопитека.

Один из них направился к Франсуа. Двое других остались на опушке. В том, который приближался, он узнал Ву. Но боже праведный! Старый вожак так откровенно превозмогал последствия обжорства: тяжесть раздутого живота и сонливость, — что Франсуа еле сдерживался от хохота. Его улыбка явно успокоила старика. Он совсем по-детски взял Франсуа за руку и побрел рядом. «Ну, что ж, — подумал тот. — Цель моя от этого не удаляется. Пошли вместе, дружище. Может, это и к лучшему...»

Ву был до безобразия чумаз после дикого пира. И Франсуа пришла в голову идея помыть эту старую мудрую обезьяну. Он нагнулся к воде, зачерпнул пригоршню и мазнул Ву по щеке. Ву добродушно заулыбался. Тогда Франсуа подтянул его к ручью, завел в воду. Но когда обильно облил почтенного австралопитека, тот в испуге выскочил на берег. Шерсть на нем встала дыбом. Как ни манил его Франсуа, больше Ву к воде не приблизился.

«Да, вода не их стихия, — решил Франсуа. — Мое купание он воспринимает, как купание любого другого животного. Но сам не знает, что это такое...»

Они стояли на берегу довольно большого озера. В ширину оно было метров сто с небольшим, в длину, возможно, с милю. Край был виден лишь по левую руку с того места, где они стояли. Вправо озеро уходило вдаль, напоминая скорее широкую реку с недвижной водой. И скрывалось в мареве.

Франсуа вспомнил леденящий душу вскрик в предраассветной тьме. Он донесся отсюда, с озера, как раз с той его стороны, которую не рассмотреть за густым туманом. Теперь он знал, что кричала одна из жертв охоты австралопитеков. Может быть, тот самый горный козел, печенх которого он ел. Должно быть, обезьянолюди-подстерегали добычу в местах водопоя. Время охоты тоже указывало на это. На узкой береговой полосе нетрудно окружить животных. Ветра в долине практически нет. Так что запах хищника был почти неуловим для жертвы. Настороженный слух, пожалуй, тоже бессилен против австралопитеков. Они в совершенстве владели тишиной. Если бы его спросили, за счет чего они выжили, первым, что он назвал бы, была бы их способность бесшумно передвигаться. Они взяли голоса птиц и зверей, за которыми охотились, и так лишили их слуха. В своей ловкости они уподобились ящерицам и стали всепроникающими. А ничтожные размеры их владений заставили австралопитеков очень бережно обходиться со всем, что росло и жило в долине. Вот почему до сих пор Франсуа не видел в стойбище мяса. Охота была разумно ограничена. Совершив внезапный набег на задержавшихся у водопоя животных, австралопитеки как бы исчезали, растворялись в безмятежной тишине горной чаши.

«Пожалуй, если появится надежда вырваться отсюда, — подумал Франсуа, — то самое подходящее время для побега — после охоты, когда стадо сонно переваривает мясо. Сейчас они почти парализованы». У него было еще одно важное дело на сегодня. Хотелось увидеть Сероглазого, усыпленного таинственной ягодой. Как долго будет действовать этот наркоз? И наркоз ли это?

То, что он увидел, заглянув в шалаш, смутило Франсуа.

Сероглазый сидел, подперев рукой подбородок, и смотрел перед собой. Он не мог не заметить Франсуа, но ничем не выдал этого и казался целиком захваченным какой-то мыслью. Все его лицо и особенно глаза, еще более посветлевшие, обрели поразительно человеческую удрученность. Ничего подобного не замечал до сих пор Франсуа даже на выразительной физиономии Ву.

Вдруг, охватив голову руками, Сероглазый стал тереть виски, будто силясь что-то припомнить. Взгляд напрягся, между бровями обозначилась глубокая, мужская складка.

Франсуа содрогнулся. И эти жесты, и эта складка не имели ничего общего с тем миром, в котором они находились. Так мог делать только человек! Как давно не видел Франсуа такой мимики, такого наполненного мучительными сомнениями взгляда!

Минуту назад, проходя по стойбищу, он видел совсем другие лица и позы. И они меньше, чем когда-нибудь, напоминали ему человеческие. Обессиленные, разморенные жарой, австралопитеки спали с остатками мяса в кулаках, приткнувшись где и как попало. Некоторые сосали во сне полюбощенные кости, словно соски.

И напротив, Сероглазый казался по-человечески одухотворенным. Франсуа не верил своим глазам. Тоска — вот что он видел во взгляде того, кто час назад был из-за куска козлиной печенки.

Вдруг Сероглазый опустил голову и отвел руки назад, будто намереваясь опереться, чтобы встать. Глаза широко раскрылись. Казалось, он вспомнил что-то. Стал беспокойно оглядывать шалаш. Взгляд скользнул по Франсуа не задержавшись. Человек понял, что Сероглазый видел сейчас совсем не то, что было перед его глазами.

Дерзкая мысль осенила Франсуа: человек перед ним или зверь? — надо испытать. Он снял ботинок и осторожно подсунул Сероглазому. Какое-то чувство подсказало, что это должен быть предмет, принадлежащий человеку, а не двуногой обезьяне. То, что пережил Франсуа в следующую минуту, было смесью ужаса и ликования.

Сероглазый поднял ботинок, недоверчиво осмотрел его, ощупал... и стал натягивать на ногу. У него ничего не получалось. И не потому, что надевал он не на ту ногу. Его стопу при всем желании невозможно было втиснуть в обычную человеческую обувь. Но он пытался это сделать!

«Он видел, как делаю это я, — успокаивал себя Франсуа. — Как-никак, а мы прожили бок о бок пятнадцать дней и ночей. И его глаза постоянно наблюдали за мной...»

В этот момент Сероглазый, отчаявшись в безнадежной попытке обуздать, с досадой и вздохом отшвырнул ботинок. И опять в его движениях промелькнула тоска, неведомая австралопитекам.

Смутная догадка родилась у Франсуа. Еще не отдавая себе отчета в том, что ждет его, он положил руку на плечо Сероглазому и шепотом произнес:

— Ты кто?

Тот быстро обернулся и, предостерегающе приложив палец к губам, выдохнул:

— Хаш!

Лебер оцепенел. Совпадение? Он ни разу не слышал таких звуков в стаде австралопитеков, но «хаш» по-английски «тише»! Неужто и в самом деле человек сидел рядом? Человек и зверь одновременно!

Сероглазый смотрел на него с мольбой и испугом. Нет-нет, взгляд направлен сквозь Франсуа. Должно быть, он видит кого-то другого...

— Кто ты? — опять повторил Франсуа пересохшими от волнения губами. Сероглазый нахмурился и прижал к губам ладонь, словно повелевая молчать. И опять это был совсем человеческий жест, несвойственный Сероглазому.

А вдруг... Мысли путались в голове Франсуа. Вдруг этот необычный австралопитек — потомок несчастного Дж. Ч?.. Тот оказался в плену у обезьянолюдей, они приняли его, как и Франсуа, доброжелательно, даже радушно. Возможно, он жил здесь долго... Краги! Почему краги застегнуты на все застегжки? Значит, их сняли с человека не расстегивая... А с живого их не снимешь таким образом... Выходит, Дж. Ч. умер в стойбище!

От этой мысли стало страшно. Неужели такова перспектива любого, кто попал в эту каменную чашу?.. Но был ли здесь кто-то кроме Дж. Ч?.. И его, Лебера!

И вдруг Сероглазый стал приподниматься, ища опору... в воздухе. Так, будто рядом была стена. Она и была, должно быть, но только в его воображении. Попытка... Еще... Сел, устало опустив плечи. Бессвязно прошлестел голос. Франсуа не уловил смысла: это опять напоминало долгий выдох. Лебер вспомнил свой сон, когда явился ему молодой Ставс, говоривший на валлонском диалекте. То был оживший фрагмент отцовской молодости, и Франсуа, как в театре, исполнял роль своего отца. Неужели Сероглазый видит подобный сон, в котором вместо него действует его предок? В таком случае рядом с Франсуа в шалаше сидит человек. И этот человек — англичанин.

Пораженный своим открытием, он придвинулся к Сероглазому вплотную, заглянул прямо в глаза и прошептал по-английски, стараясь произносить слова как можно отчетливее:

— Как уйти из долины? Как выйти из долины?

Сероглазый насторожился. Вслушивался в слова? Франсуа еще и еще раз повторил сказанное. Наступила напряженная пауза. И вдруг австралопитек отодвинулся, с отчаянием обхватил левой рукой правое плечо. Боль отразилась на его лице. Он стал раскачиваться из стороны в сторону.

От нетерпения и сосредоточенности Франсуа затрясло, как в лихорадке. Еще минута — и он не выдержит этого напряжения. Сейчас от Сероглазого зависит вся его судьба. Он стиснул стучащие зубы, сжал кулаки. И вдруг... Раздался чуть слышный сип, будто кто-то пытался говорить очень простуженным голосом. Франсуа молитвенно прижал руки к груди. Весь превратился в слух. Еле слышно, с трудом орудуя губами, языком, Сероглазый пытался выговорить что-то. Святая Мария, это было очевидно!

Осторожно, словно к спящему ребенку, подполз к нему Франсуа, боясь спугнуть таинственный «сон». По движению губ ему удалось различить одно слово. С л о в о, черт побери! Кажется, тот произнес «плыть»!.. Продолжая раскачиваться, Сероглазый смолк.

Отчаяние охватило Франсуа. А что, если «сон» сейчас кончится! Или этот несчастный потомок австралопитека и человека разумного, измученный зовом наследственной памяти, упадет на бок и забудется здоровым сном сытой обезьяны! Собрав остатки мужества, Франсуа повторил свой вопрос:

— Как найти дорогу? Как вернуться к людям?

И вдруг ему ответил сиплый, потусторонний голос:

— Без руки не могу плыть. Только вода — дорога. Как? Как? — Сероглазый тер рукой плечо, на глазах его выступили слезы.

ВОДОПАД ДЖ. Ч.

Франсуа остановился в нескольких шагах от того места, где лежал Ву. Он уже все решил: нечего больше выжидать, риск — единственный для него выход. Другого удобного случая он ждать не хотел. Задержать его мог только Ву, расположившийся как раз на пути к той «дороге», о которой говорил Дж. Ч. голосом Сероглазого. Да, Франсуа не сомневался, что речь шла именно об озере, ибо в него втекали и из него вытекали все мыслимые в долине ручьи.

Если Ву уже очнулся, Франсуа придется придумать очередной фокус, чтобы отвлечь старика.

Затаив дыхание, он подошел к воде. Дно озера было пологим, и до глубины надо было брести довольно долго по щиколотку в воде. Он оглянулся. Вроде поблизости никого не видно. Стоп! Забыл спрятать схему, чтобы предохранить ее от воды. Единственным надежным местом была герметическая зажигалка. Значит, надо достать ее и вложить туда бумагу, предварительно превратив ее в маленький комочек. А если за ним все-таки следят?

Франсуа стал подбирать со дна камешки, делая вид, что очень увлечен этим занятием. Он перебирал их в руках, плюхал в воду, медленно, но верно удаляясь от берега по мелководью. И упаковывал схему. Проклятые камешки! Они так мешали... Едва вода достигла колен, на берег выскочили два австралопитека и бросились вслед Франсуа. Тот опрометью ринулся к глубине, на ходу заталкивая в карман зажигалку. Даже обезьяна не усомнилась бы теперь в его намерениях. Он оглянулся.

Австралопитеки крупными скачками, ловко отталкиваясь ото дна и почти не поднимая брызг, неслись по озеру. Они издавали тревожные всхлипы, каких Франсуа не слышал раньше. Изо всех сил старался он уйти с мелководья, но вода как будто остановилась на одном уровне и не поднималась выше колен. Ужасающая мысль билась в висках: а если дно сейчас вздувается подниматься! Звуки за спиной приближались. Франсуа плюхнулся в воду и, отталкиваясь ногами, скорее пополз, чем поплыл. И все же это было быстрее. Кажется, стало глубже. Он сделал гребок руками. Что есть мочи оттолкнулся ото дна... и поплыл.

О! Это была хорошо знакомая ему стихия. И совсем не освоенная австралопитеками. Мощными рывками Франсуа удалялся от берега. Там в неподвижных позах застыли изумленные обезьянолюди. На сей раз он обнаружил, что за ним наблюдает все стадо.

...Он плыл в сторону марева. Не спеша, внимательно разглядывая берега. Тот ручей, что спадал со скалы рядом со стойбищем, был не единственным. Метров через сто с другого берега в озеро впадал еще один. Франсуа подплыл было совсем близко к устью, но в это время увидел появившихся в кустах австралопитеков. Должно быть, они обогнули озеро слева и прибежали встретить его. Только тут Франсуа с сожалением понял, что их переполох вызван лишь опасением за его жизнь. Только такое

событие, как плавающий человек, могло поднять всю эту ораву после тяжелого завтрака. Неужели они так и будут следовать за ним по побережью? От этой мысли Франсуа похолодел.

Солнце стояло уже в зените, когда Франсуа увидел край озера, ранее скрытый маревом. Он насчитал три ручья, стекавших с правого берега, и два — с левого. Правый берег был покрыт лесом. Слева росли кустарники. Иногда они росли прямо из воды. Должно быть, в этих местах берег был топким. Да и воздух над ним насыщен парами. Вдоль леса, вровень с пловцом по-прежнему двигались несколько австралопитеков. Слева их уже не было. Видимо, топи задержали преследователей.

Край озера неумолимо приближался, а разгадки слов Сероглазого так и не было. «Доплыву до конца, — подумал Франсуа обреченно, — а потом? Одно из двух: выходить на берег или поворачивать к стойбищу на радость этим мохнатым... Шанс упущен, и теперь уж надолго. Черта с два подпустят они меня к воде». Решил: уж лучше выйти там, где их нет, и через топи пробраться к скалам. Может, не все потеряно? Топи тоже «вода», а значит, и они могут быть «дорогой».

Тут Франсуа услышал нарастающий гул. Он шел от скальной гряды на горизонте, примерно в полумиле от озера. Там же слева вдруг открылся еще один ручей, и Франсуа почувствовал, что вода в озере двинулась. Понятно! Ручей не впадал, а вытекал из озера. Значит, еще не конец! Он свернул, подчиняясь потоку, и плыл теперь среди кустарника. Берега проносились мимо с неожиданной быстротой. Там, куда текла река — да, река, а не ручей! — Франсуа различил узкий проем в скалах. Гул доносился оттуда. Казалось, что в расщелине шумит гигантский насос, выкачивающий озерную воду.

Франсуа попытался было выбраться на сушу. «Вдоль берега, — думал он, — скорее». Несколько часов в воде утомили. Устали руки. Бежать — вот чего ему хотелось! Река выведет и укажет путь среди скал. «Только вода — дорога», — повторял он, как заклинание.

Но всякая попытка пристать к берегу кончалась неудачей. Мощный напор воды толкал в спину, не давая изменить направление. Франсуа понял, что вода не отпустит его больше. Гудящий створ каменной гряды манил и пугал одновременно. Что ждет его там, в самом источнике шума? Внезапная сила течения, захватившая его еще в озере, могла быть вызвана только одним: водопад! Едва успел подумать об этом, как река вынесла его в проем между скалами. В следующий миг Франсуа ощутил удар какой-то новой силы, и ему показалось, что он вырывается из воды и вот-вот... полетит.

Он успел увидеть распахнувшееся впереди небо и далекий горизонт, исчерпанный ломаной линией горных пиков. И тут же провалился, словно в колодец, подхваченный струей воды огромной скорости. Падающий поток повлек его вниз, словно щепку.

...Очнулся от озноба, мокрый до нитки. Это удивило. Разве он не в воде? Влажные лохмотья одежды облепили тело, вытянули из него все тепло. Только в ногах и спине Франсуа ощущал ласковое и теплое щекотание струек. Он лежал на боку посреди мелкого и широкого ручья. Насколько хватало глаз, земля вокруг зыбилась и журчала под тонким слоем прозрачной воды. Сзади шумел водопад, сбросивший Франсуа с горной долины через щербатый край каменной чаши. Как ни странно, он не испытывал никакой боли. Но тело ныло, как после тяжелой и длительной работы.

Он представил себя в потоке низвергавшейся воды и зажмурился. Высота водопада была равна четырехэтажному дому. Должно быть, он съехал по мощной, тугой струе, как по канату. Его спасло то, что дно реки и края скал, сквозь которые она пробивалась, были ровными и скользкими: вода и время сделали свое дело.

Впереди, метрах в двухстах, начинался пологий склон. Его покрывал кустарник. Совсем такой, среди какого разбили они с Питером свой последний лагерь.

Не тот ли это самый водопад, что обозначен на схеме Дж. Ч.? Он достал зажигалку из мокрого кармана. Руки дрожали. Развернул маленький бумажный комочек. В ладонях лежали мелкие клочки и труха. От многократных перегибов ветхая бумага рассыпалась. Франсуа побежал к кустам, ища сухое место, чтобы сложить из остатков бесценный документ. Это занятие напомнило ему забытую детскую игру в квадратики, из которых надо было собрать рисунок. Глаза утомились от напряжения. Если бы он помнил изображение, хоть в главных чертах! Но как восстановить цепочку знаков, которую видел однажды, в полутьме!

Франсуа попробовал чертить схему на земле. Кусая губы, пытался воскресить в памяти исчезнувшие линии и обозначения. И в этот момент не вдалеке в кустах заметил большое темное пятно. Он замер и стал наблюдать. Неужели опять агогве?

И тут нервы сдали. Он сгреб в ладони клочки бумаги и двинулся прямо на неизвестный предмет.

Пятно не шелохнулось.

Подошел вплотную. Перед ним лежала груда камней. Это была невысокая пирамидка с полметра в ширину и метра два в длину у основания. Никаких других камней поблизости не было видно. Значит, их принесли сюда и сложили чьи-то руки! Австралопитеков? Но ничего подобного он не видел там, в долине. Значит, близко были люди! Может, это знак?.. Или что-то скрыто внутри? В любом случае это дело рук человеческих!

Сам не зная зачем, Франсуа стал растаскивать сооружение. Вот уже разобрана верхушка. Он схватил очередной камень, но тот не поддался. Франсуа ухватился сильнее и... тут же отдернул руку. Перед ним была человеческая кость.

Словно от толчка, пробудилась память, и он вспомнил крест, нарисованный на схеме рядом с водопадом. Сомнения не было: он вышел на тот самый маршрут.

Почти до заката провозился Франсуа со схемой. К вечеру он с трудом развел костер и запек пойманную мышь.

Засыпая, Франсуа еще и еще раз рисовал в воображении тот маршрут, который удалось прочесть на собранных обрывках. Самой схемы теперь не существовало. Костер съел ее клочки, как он — мышь.

И все же Франсуа был благодарен Дж. Ч. Разделяло их столетие, но объединяла тайна, которую хранит природа вот уже миллионы лет.

ЭПИЛОГ

— Я поняла все, едва прочла ваше письмо, Франсуа, — Мари куталась в шаль, хотя за окном нещадно палило.

Он написал ей из первого же селения, до которого добрался через один-

надцать дней после фантастического низвержения с водопада. Подписав письмо: «От имени Вашего мужа — Ф. Лебер», просил помочь выбраться из названного им селения. О гибели Питера он умолчал. Через три дня к нему прибыл какой-то чиновник из Йоганнесбурга с поручением от Мари Йоргенс доставить Лебера к ней в дом. Чиновник вел себя сдержанно, даже, как показалось Франсуа, настороженно.

В Йоганнесбурге Франсуа поместили в гостиницу. Уходя, чиновник сухо сказал на пороге: «Не выходите никуда! К вам придут...»

Действительно, часа через два в номер без стука вошел какой-то господин в сером пиджаке.

— Смит.

И он без приглашения уселся в кресло.

— Рассказывайте все! — В голосе слышались нотки приказа.

Сбивчивый рассказ Франсуа был выслушан в полном молчании. Затем Смит расстегнул портфель, и на столе оказалась карта.

— Покажите это место, Лебер. — Лицо Смита, ни разу не изменившее строгого делового выражения, вдруг сдобрилось поспешной улыбочкой. — Где находятся эти чудовища?

— Чудовища?!

И тут Франсуа понял, что происходит что-то не то.

— Скажите, вы знали Питера? — Он уставился на Смита. — Знал он вас?

— Это не имеет никакого значения. Где?! — Тот почти кричал. — Показывай! Это все, что от тебя требуется. Или ты врал?

— Я должен знать, зачем они вам нужны.

— Ты не дурак, парень, прекрасно понимаешь, какой сенсацией пахнет твоё вранье! А если правда?.. Не бойся, тебе заплатят, если укажешь место...

«Ах вот оно что! — понял Франсуа, совсем было сбитый с толку. — Кто-то хочет сделать бизнес на чуде. Они хотят проникнуть туда, к агогве, и... отловить? Или показывать зевакам!!!»

Он представил вертолет над долиной-чашей, и его охватил тот первобытный ужас, какой обрушится на Ву и его сородичей.

— Я должен видеть миссис Йоргенс! — заорал Лебер. — Больше ни слова!

Смит приходил еще раз. Но Франсуа молчал.

Через три дня его отвезли в дом вдовы Питера...

— Я совсем не знаю вас, — услышал он вновь голос Мари Йоргенс. — А то, что вы рассказываете, кажется слишком маловероятным. Достоверно пока одно: Питер погиб, а вы живы. Вы даже не можете показать на карте, где могила моего мужа.

— Тогда ответьте на мой вопрос, — перебил ее Франсуа. — Зачем я обратился за помощью именно к вам? Если я убил Питера — а вы намекаете на это! — стал бы я стучаться в ваш дом?

— Вы наивны или прикидываетесь наивным? — В ее голосе что-то дрогнуло. — А к кому еще вы могли обратиться? Ведь никто, кроме меня, не принимал всерьез идеи Питера!.. Впрочем, научные круги тоже встревожены его... исчезновением. Да-да, они ждут фактов. Ваши рассказы никто не может подтвердить даже теоретически! Никто, Лебер. — Отчаяние и ненависть исказили лицо Мари. — Уж не думаете ли вы сделать бизнес на своих сенсационных сообщениях? Если верить вам, то вы — единственный в мире человек, проживший полмесяца в доисторическом прошлом!

— Боюсь, он станет героем другой сенсации! — раздался голос Смита. Он вышел из соседней комнаты. — Хочешь узнать какой?

Серые глаза Смита нагло оценивали Лебера.

Франсуа охватил ужас загнанного в западню зверя. Всего в нескольких шагах от него стояли два странных существа, он видел их лица, глаза, но не мог понять, чего ждать от них. За их словами и действиями угадывались некие посторонние силы, как в театре марионеток. Вот кто-то дернул невидимые нити, и Мари опустилась в кресло, смотрит на Смита испуганно. У того губы расплзлись в циничной улыбке:

— Каким бы странным ни был при жизни Йоргенс, мы не можем допустить, чтобы смерть его была странной... Ты говоришь — того зулуса зовут Нгосо?

— Да, так звали нашего проводника, — отозвался Франсуа.

Мари внезапно вскочила и выбежала из комнаты.

Смит подошел к Леберу почти вплотную.

— Если ты не убивал Питера Йоргенса, то его убил кто-то другой?.. — Он сжал локоть Франсуа. — Запомни: убийцу зовут Нгосо.

— Я же сказал, как было дело! При чем здесь старый зулус?

— Поздно. Скоро мы увидим эту старую обезьяну и послушаем, что скажет он про аго... агогве.

Смит хохотал.

Франсуа закрыл лицо руками, не в силах больше ничего ни видеть, ни слышать. Ему хотелось тишины. Той тишины, что закладывает уши и обволакивает теплым покоем. И он вновь ощутил в ладони руку Ву... «Ну нет! Лебер никогда не был предателем!»

— Хорошо, я покажу могилу Питера. Я сложил там пирамиду из камней.

**ИГОРЬ
СМИРНОВ**

**ПОВЕСТЬ
О БЕЛОМ СКИТАЛЬЦЕ,**

написанная на основе
немногочисленных сведений,
которые были сообщены разными людьми
в период с 1471 по 1477 год

*Мой жребий все остался тот же, страшный,
Каким он в первое мгновение пал
На голову преступную мою.*

*Я людям брат; моя судьба забыта;
Ни прошлого, ни будущего нет;
Все предо мной земное исчезает...*

В. А. Жуковский. Агасфер

**СООБЩЕНИЕ ПЕРВОЕ,
которое служит скорее предисловием
к предлагаемой истории,
чем главой,
поскольку здесь впервые упоминается о рыцаре Уайте
и его белоснежном коне Тру**

Ранним утром двое крестьян из деревни Ливьен торопливо погоняли свою лошаденку, впряженную в неуклюжую повозку, и лениво вспоминали жуткую грозу, которая с полночи не давала им спать.

Сначала дорога шла вдоль полей, потом пересекла небольшой лесок и вылилась на всхолмленную долину. И вот тут, неподалеку от каштановой рощи, старый Пьер попридержал лошадь и стал настороженно всматриваться в низкий кустарник. Толкнул задремавшего сына:

— Вроде человек...

— Пусть себе...

Проехали еще немного. Пьер свернул с дороги и вдруг натянул вожжи.

— Пресвятая дева! Рыцарь... неживой вроде. — Он глянул через плечо на сына: — Да ну же, Филипп! Чем дрыхнуть, пошел бы поглядел!

Филипп недовольно поднялся с сена, протер глаза.

— Да нам-то какое дело, — сказал он ворчливо. — Пусть себе! Рыцарь — он и есть рыцарь, драчун и бездельник! И толку от него, что от воробья мяса!

Пьер махнул рукой:

— Э, что с тобой толковать!

Он бросил вожжи Филиппу и спрыгнул на землю.

Рыцарь лежал за пригорком, широко раскинув руки. В одной был щит, в другой копье. Длинный белый плащ, белые перья на шлеме и великолепной работы доспехи — все в нем выдавало не последнего сеньора.

Рядом тлело зажженное молнией дерево, вокруг на несколько ярдов была опалена трава, а чуть подальше лежал на боку бездыханный конь.

Старый крестьянин робко склонился над рыцарем:

— Сьер... ваша милость...

Тот даже не пошевелился.

— Ну, чего, чего там? — нетерпеливо спросил Филипп, вытягивая шею.

— Должно, гром небесный, — тихо отозвался Пьер. — Обоих. И лошаденку тоже...

— И ладно. Может, их давно ждали в преисподней! Давай-ка поехали, отец, а то как бы на нас чего не подумали.

— Погоди. Вроде не насмерть.

Пьер попробовал поднять у рыцаря забрало. Не получилось. Тогда он осторожно заглянул в черную щель шлема... Его охватил ужас, когда он понял, что у рыцаря нет лица. Там было что-то серое, размазанное... Старик отпрянул, упал, потом вскочил на ноги и с диким воплем бросился вдоль дороги.

Почувствовав неладное, Филипп отчаянно хлестнул вожжами по крупу лошади и в тот же момент краем глаза увидел, как пошевелился и поднял голову белый конь рыцаря. Но об этом он так никогда ясно и не вспомнил. Считал, что это ему просто привиделось.

СООБЩЕНИЕ ВТОРОЕ, которое своей несурзностью может озадачить любого нормального человека

Река Майенн в верховьях не так спокойна, как в долине. И если бы дед с внуком не слишком торопились, прошли бы лишних полтора лье до надежной переправы и горя бы не знали. Так нет же, толкнула их нечистая на эти вихлявые бревна! Ничего вроде и не предвещало беды: шли себе, шли спокойно, вот уж и рукой подать до противоположного берега — и тут неожиданно дед покачулся и полетел в поток. Внук за ним. Догнал, одной рукой ухватился за него, другой — за скользкие сваи: здесь когда-то мост был, да паводком уж года три как смыло... Вот он берег — совсем близко, да не так-то просто добраться до него со стариком, в котором еле душа держится: вынесет в водоворот — и не выплывешь.

— Держись, держись, дедушка, — успокаивал внук. — Сейчас что-нибудь придумаем!

Он повернул голову и увидел спускавшегося к мосткам рыцаря. Тот сидел верхом на белом коне и, как видно, не очень торопился.

— Помогите! — закричал юноша. — Сударь, спасите нас!

Рыцарь на мгновение остановился, лениво потрянул пышным плюмажем и так же неторопливо проехал по шатким бревнам на другой берег: там было ближе и удобнее вызволять людей из беды. Он нехотя протянул к старым сваям копые и гулко приказал:

— Держитесь крепче!

— Дедушку, дедушку сначала, сударь! — попросил молодой человек.

— Делайте, как я велю!

— Но дедушке одному не удержаться, он слаб!

Откуда-то вынырнул хромой францисканец, тощий, как жердь, в черной запыленной рясе, и суетливо забегал вокруг белого коня.

— Во имя господина нашего Иисуса Христа, — бормотал он, — помоги прежде немощному старцу, доблестный рыцарь!

— Не мельтеши, монах! — сердито сказал тот, и прозрачные камни на его шлеме будто вспыхнули. — Не мешай, иначе я заставлю тебя самого заниматься этим богоугодным делом!

Францисканец жалобно пискнул и торопливо перекрестился.

— Ну! — крикнул рыцарь молодому человеку, нетерпеливо стуча концом древка по свае.

— Сударь, дедушку! Прошу вас!

— Вот упрямый щенок!

Рыцарь изловчился и, подцепив юношу копьём за рубаху, выбросил того на берег. Но старик не удержался, поток тут же оторвал его от свай и потащил на стрежень. Вскочив на ноги, молодой человек закричал что-то невнятное и бросился в реку спасать своего деда.

— Глупец! — пробубнил рыцарь.

Монах тоскливо запричитал:

— Где это видано, чтобы сперва вызволять сильного да забывать о немощном старце!..

— Уймись, монах! — прогремел голос рыцаря. — На что годен твой полудохлый хрыч? Какая от него может быть польза, когда он и

тетивы натянуть не сумеет! — Он повернул щель своего шлема в ту сторону, где исчезали бедолаги, и тронул поводья. — Поехали, Тру. Что-то плохо мы стали соображать с тобой. Или они — глупцы?

Францисканец остался на месте. Он истово крестился и шептал молитвы о спасении невинных душ.

СООБЩЕНИЕ ТРЕТЬЕ,
*в котором передается предыстория описываемых событий
и любопытная беседа между Белым Скитальцем
и предприимчивым Камиллом Ариосто,
назвавшимся ученым астрологом Абу-Абуром,
и в котором кратко описывается не слишком любезная встреча
на границе Нормандии и герцогства Алансон,
а также то, что произошло после этой встречи*

Трудно сказать, кем являлся Камилл Ариосто. Был он и начальником королевских отрядов, был и личным эмиссаром Людовика, потом его знали как аббата монастыря Сен Жан д'Анжели под именем Пипина, которому ставилось в вину убийство герцога Беррийского и его брата Карла. В последние годы Ариосто служил святой церкви. Многие считали его любимцем кардинала, но подобные слухи вряд ли соответствовали истине: де Балю не слишком-то доверял этому пройдохе, однако вынужден был многие важные дела поручать именно ему, поскольку никто другой не мог справиться с ними быстрее и успешнее. Оба понимали зависимость друг от друга и старались пока не нарушать ее: кардинал в свое время спас Ариосто от молодцов господина прево; Ариосто же, как поговаривали, состоял в какой-то родственной связи с одним из придворных самого папы, и потому чураться такого знакомства даже для прелата было бы крайним легкомыслием.

Совсем недавно Жан де Баю вызвал Камилла Ариосто и признался, что святая церковь не раз пыталась привлечь на свою сторону Белого Скитальца, однако все усилия до сих пор оказались тщетными. Сам же кардинал не верил в такую заманчивую перспективу и потому решил избавиться от этого рыцаря, дабы он не достался никому: ни герцогу Карлу, ни Гийому де ла Марку.

— И потому, — закончил он, — вам надлежит отправиться с отрядом в Мен и... убить его. Учтите, друг мой, из Бретани он все время едет на восток, так что где-нибудь возле Алансона вы можете подготовить удачную засаду без лишних свидетелей.

— Ваша светлость, — скромно возразил Ариосто, — не прикажете ли вы мне попытаться еще раз — в последний раз, ваша светлость! — поговорить с рыцарем, и уж если ничего не получится и у меня, тогда я со всем моим усердием выполню вашу волю!.. Смею напомнить, что на встречи со Скитальцем посылались или трусливые, или неумелые люди, которые вряд ли могли преуспеть в таком деликатном деле.

Кардинал поднялся из кресла — безвольное старушечье лицо, длинные с проседью волосы — и приблизился к Ариосто.

— Хорошо, друг мой. Попробуйте. Но будьте осторожны: белый рыцарь жесток и великолепно владеет оружием... — Он положил руку на плечо Ариосто. — И все же поторопитесь: вольности Скитальца опасны и упаси бог, чтоб они дошли до черни! И потом, если молва о нем достигнет двора папы...

Помотавшись со своим отрядом по дорогам Восточной Бретани, Ариосто наконец напал на след рыцаря. Ему стало известно, что от реки Майенн Скиталец свернул на Алансон и теперь держит путь в сторону Парижа, хотя никто не мог сказать определенно, поедет ли он в Париж, вернется ли обратно в Бретань или переплывет через пролив к королю Эдуарду.

Встреча состоялась возле деревни Реньи. Поняв, какой дорогой поедет рыцарь, Ариосто тотчас отправил отряд к городу Аржантону и приказал устроить засаду в заранее условленном месте. Назначил связных, которые расставлялись на всем пути до Аржантонского леса, и, пожелав удачи приятелям, поскакал догонять Скитальца.

В этих местах мало дорог, но много тропинок. Дорога вела на Аржантон, а все тропинки сливались с этой дорогой. На одной из них и удалось настичь рыцаря.

Собрав все свое мужество, Ариосто подъехал к нему сбоку — тот даже не повернул головы, хотя наверняка слышал топот копыт, — и смиренно попросился в попутчики.

— Здесь очень беспокойно, — пояснил он. — Одному мне боязно, сьер.

Скиталец и на этот раз не взглянул на него, но ответил тихо, без неприязни:

— Что ж, я не против, сударь. Дороги в этих местах действительно опасны, особенно ночью.

— Да поможет вам всевышний, сьер!.. Правда, в кошеле у меня всего девять лиардов, но главное богатство в голове. А отдавать ее жалко.

— Кто же вы такой, сударь?

— Мое настоящее имя вам ничего не скажет. Все меня знают как Абу-Абура. Зовите и вы меня так. А как вас, сьер, простите?

— Уйит. Остальное вас не должно интересовать. Итак, чем же вы занимаетесь, господин Абу-Абур?

— Я астролог, с вашего позволения. Кроме того, меня весьма интересуют философия и богословие. — Ариосто окончательно осмелел, в нем снова появилась уверенность, и он все больше входил в свою роль. — Я, сьер, потомок мудрых халдеев и за свои сорок пять лет успел постигнуть тайны прорицателя Фу-Хафа, сызмальства не покидавшего пещеры на горе Приаб, узнал науку знаменитого Лоретто и не менее знаменитого Евтропия. Недавно я посетил священные долины древнего Шинара, Фиванскую пустыню и отныне вижу в себе великие силы.

Наконец шлем рыцаря на недолгое время повернулся в сторону Ариосто.

— Значит, вы умеете предсказывать будущее?

— Не только, сьер. Я могу давать единственно верные советы как простым смертным, так и всемогущим государям. Моя наука на все дает безошибочные ответы.

— Тогда скажите, почему люди враждуют? Почему в мире много лжи, подлости, жестокости?

— Такова наша суть, сьер...

— Суть? Вряд ли. Ведь каждый входящий в этот мир прежде всего жаждет постигнуть его тайны, необъятность и вовсе не помышляет о зле.

Ариосто спрятал глаза.

— Странны подобные речи, сьер...

— Вижу, вам это не под силу, Абу-Абур. Тогда откройте мою судьбу.

— О, конечно, сьер. Но для этого требуется составить гороскоп по положению Луны относительно Марса и восходящего Юпитера. Впрочем, кое-что я могу сказать и сразу, без гороскопа, только покажите мне вашу руку... Нет, нет, сьер, перчатку придется снять.

Рыцарь, кажется, усмехнулся, но перчатку не снял.

— Не верю я такому гаданию, — сказал он. — А вот на звезды вы все-таки посмотрите: может быть, они и скажут что-нибудь.

— О, для вас, моего защитника, я это сделаю с особым удовольствием!

Ариосто сунул руку за пазуху и вытащил оттуда старый манускрипт, испещренный кабалистическими символами и восточными письменами, скорее всего арабскими.

— Вот, — сказал он. — Тут много мудрости, сьер.

Он углубился в изучение рукописи. Его просторный бархатный халат с широкими рукавами разошелся до пояса, разукрашенного знаками зодиака.

— Так! — Ариосто вскинул голову и, часто моргая, посмотрел на посетчика. — Значит, вы — тот самый рыцарь, которого зовут Одиноким, Белым Дьяволом, Белым Сатаной, Белым Велиалом?

Не получив ответа, Ариосто усердно потер лоб, снова склонился над манускриптом и затем неуверенно, с опаской убрал его за пазуху. Долго ехал молча, уставившись на уши лошади, потом тихо спросил:

— Сьер, вы не обидите меня?

— Нет. Пока не обидите меня вы.

Ариосто выпрямился в седле.

— Правда, сьер? Но говорят, от вас всем достается: и людям господина прево, и людям его высокопреосвященства!

— Пусть не пристают. Я никого не трогаю, еду своей дорогой.

— А куда, сьер? Верно, на службу к королю Людовику?

— О нет.

— Значит, к герцогу Карлу или Гийому де ла Марку?

— Перестаньте, сударь. Уж если бы я думал о службе, то прежде всего вспомнил бы о короле Людовике.

Помолчали. Ариосто несмело покашлял.

— Сьер, надо бы дать коням отдых, — сказал он. — А кстати, тут есть невысокая горка, где я мог бы ночью заняться изучением звезд.

Скиталец неохотно согласился.

Они свернули с дороги и устроились на отдых под деревьями возле холма. Разводить огонь не стали: Ариосто боялся разбойных людей.

Уайт от ужина отказался, пояснив это тем, что дал себе обет не поднимать забрала в присутствии посторонних.

— Жаль, — сказал Ариосто. Ел он жадно, торопливо, словно последний раз. — Ну вот, сьер, и еще день пролетел. Завтра утречком продолжим путь. Нам, видно, по пути до Аржантона.

— Не совсем: я еду в Лёгль.

Челюсти Ариосто на мгновение замерли.

— Еще раз жаль, сьер... Но я был бы весьма признателен, если бы вы проводили меня до Аржантона. Тут дуга небольшая — потерпите два дня, зато оттуда до Лёгля отличная дорога.

— Хорошо. Я подумаю, — сказал Белый Скиталец. — Ну, а теперь ступайте к своим звездам, да пусть они скажут вам чистую правду...

Они тронулись в путь до восхода солнца. Ариосто, еще не стряхнувший с себя остатки сна, отчаянно зевал и вполголоса ругался на лошадь. Уайт был бодр и свеж и все так же красиво сидел в седле, держа в одной руке щит, в другой копьё.

— Ну и о чем же вам поведали звезды, сударь? — спросил он.

Ариосто прервал очередной зевок и тряхнул головой.

— Покуда не все ясно, сьер: мешали облака. Придется следующей ночью снова смотреть в небо.

Он явно лгал. Он знал, что еще до полудня им встретится тропинка, ведущая в Лёгль, и если Скиталец не свернет на нее, значит, поедет до Аржантона: какой дурак согласится возвращаться с полпути?

Уайт проехал мимо этой тропинки, только с видимым сожалением направиł черную шель шлема в ее сторону.

«Пронесло! — с облегчением подумал Ариосто. — Впереди другой тропинки на Лёгль нет до самого Аржантона. Выходит, белый дуралей в западне! Вот что значит ждать узнать свой гороскоп! А у меня хватит ума, чтобы засорить ему мозги всякой шелухой!»

На следующую ночь Ариосто опять ушел с места стоянки и вернулся только под утро. И снова у него что-то не получилось. Третью и четвертую ночи он также провел в поле и наконец заявил, что теперь осталось составить таблицы — и они скажут истину. Он попробовал, сидя в седле, получить результаты наблюдений, но тут же задремал и клевал носом до полудня, потом попросил Уайта дать ему возможность поспать хотя бы два часа. Лишь во второй половине дня он закончил свои эфемериды, прочитал их и замер с опущенной головой.

— Ну что? — спросил Скиталец, заглядывая в исписанные листки.

Ариосто трусливо съежился.

— Не смею, сьер.

— Говорите!

— Не смею...

— Я требую, сударь!

Ариосто судорожно вздохнул и стал несмело водить пальцем от непонятных символов к знакам зодиака, от знаков зодиака к арабским письмам.

— Я был прав, — сдавленно сказал он. — Я не мог ошибиться. Но вы меня повергли в сомнение, сьер, потому мне так долго и пришлось проверять одно и то же... Я был прав, сьер.

— В чем вы были правы?

— Ну, в том... кому надо служить. Вот видите, все таблицы говорят об этом. — Он снова стал водить пальцем по бумаге. — Путь ваш безрадостен, одинок, позади много крови и смерти...

— А впереди?

— Впереди... Я прошу вас, сьер, обратить внимание на цифру «тринадцать»: она говорит о том, что, если вы до завтрашнего полудня не решитесь принять предложение кардинала, вас ждет бесславная гибель. А вот здесь, выше, — то, что ожидает вас на службе его высокопреосвященства: почет, богатство, слава и долгие годы жизни...

Прошла еще одна ночь. Уайт хранил молчание и, как показалось Ариосто, тоскливо оглядывал проплывавшие мимо крестьянские хижинки и поля. Что же он решил? Не может быть, чтобы выбрал бесславную смерть! Пусть себе думает. Пусть думает как следует, пока есть время!

— Скоро полдень, сьер, — скромно напомнил Ариосто.

— Точнее, скоро нормандская граница, не так ли?

Ариосто показалось, будто Уайт усмехнулся, и от этой мысли ему стало жутко.

— Не понимаю вас...

— Все вы прекрасно понимаете, сударь, — раздельно сказал рыцарь. — Только на прощание я скажу вам вот что: зря вы все это затеяли!

— Что... затеял?

— Не притворяйтесь. Вам трудно понять, что с первой минуты знакомства я знал, кто вы такой и чего добиваетесь. Вам трудно понять и то, что все эти гороскопы и гадания способны одурачить не каждого. Если в старых манускриптах есть какая-то логика, то в ваших эфемеридах смысла не больше, чем в образцовой бессмыслице... Сейчас мы расстанемся, не так ли? Я даже не поколочу вас, но вместо этого попрошу передать всем, что я враг раздоров, что я против лжи и жестокости. И пусть люди с недобрыми намерениями оставят меня в покое...

— Так вы... отказываетесь?

— Безусловно.

Ариосто дал шпоры и, высоко подняв над головой шапку, понесся назад. А там будто выросшие из земли солдаты тащили из леса и ставили заготовленные заранее высокие деревянные заслоны. Такие же заслоны проглядывали между деревьями по обе стороны от дороги. Впереди — мост через речку, перегороженный длинной сетью, солдаты, сидящие на деревьях и готовые в любой момент сбросить эту сеть на Белого Скитальца. А со всех сторон уже летели поющие стрелы, вонзались в стволы, в утопанную дорогу.

Уайт похлопал коня по шее:

— Ну что ж, Тру, — только вперед!

Конь взял с места в карьер. Он словно летел, едва касаясь земли. Над сетью он взмыл, подобно молодому орлу, и в следующее мгновение был уже за мостом. Засада за речкой бросилась врассыпную. Лишь один солдат остался лежать в траве: его случайно ранили убегавшие в панике товарищи. Уайт спешил, нагнулся над ним. Это был молодой, совсем юный воин с девичьим лицом и страдальческими губами.

— Не надо! — прошептал он едва слышно.

Белый Скиталец долго и задумчиво смотрел на него.

— В тебе живет ненависть ко мне? — наконец спросил он.

— Нет-нет, сьер, нет! Клянусь! Мне приказано...

— Приказано убить? И ты бы убил, не зная за что, не зная меня? И совесть твоя была бы спокойной? Странно. А вот мне тебя жалко. — Уайт говорил медленно, с паузами. — Да-а, видно, трудно быть человеком... Трудно...

СООБЩЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ,
*дающее возможность снова в какой-то мере
взглянуть со стороны на странного рыцаря
и отметить его несговорчивый характер*

Герцог Карл гордился Перонном и ни за что бы не променял его ни на какой другой город. Впрочем, это не совсем точно: он мог бы променять его лишь на Плесси-ле-Тур, и то с условием смены почетного звания сюзерена на более почетный королевский венец.

Турнир был в разгаре, когда на ристалище неторопливо въехал незнакомый рыцарь и остановился возле ворот.

— Ого! — громко сказал один из вельмож герцога. — По-моему, к нам пожаловал сам Трусливый!

— А вы убеждены, виконт, что это трусливый рыцарь? — спросил граф де Кревкер.

— Разумеется! Я с ним встречался дважды, когда ездил к герцогу Бретонскому. Трусливый бывал почти на всех турнирах, однако ни в одном не принимал участия. Более того: он уклонялся от ссор и поединков и сбегал на своей кляче при первом удобном случае. Тогда он удрал и от меня, граф, да, да! Но сегодня он не уйдет!

Де Кревкер спрятал в бороде снисходительную улыбку и стал ритмично постукивать пальцами по рукоятке меча.

— Ваша новая поездка к эрцгерцогу Максимилиану лишила вас самых важных новостей, — сказал он. — Когда это было, что вы ездили в Бретань! С тех пор немало утекло воды, виконт, и ваш Трусливый успел уже побывать в рангах Одинокого, Дьявола, Сатаны и Велиала, потом Белого Скитальца, Жестокоего и Свиного, а теперь, я слышал, зовется Добрым. Хотя последнее имя дано скорее всего иронично. Так что стоит быть осмоторительнее, дорогой Тийе!

— Прозвища ни о чем не говорят, граф.

Кревкер мягко, но настойчиво перебил его:

— И все же, виконт, считаю необходимым сообщить, что еще в Бретани, — видимо, до вашего возвращения сюда — этот Трусливый успел на творить немало бед. Однажды он дерзнул ворваться в замок сеньора

де Жуанвиля. Представляете, Тийе? Он учинил такой погром, что хозяева замка помышляли уже не о том, чтобы покончить с ним, а о том, чтобы хоть как-то выдворить его за ворота.

Тийе беззаботно засмеялся:

— Неужели вы всему этому верите, граф? Да посмотрите же на него: он и теперь пугливо жмется к стене на своей кляче!

— Эта кляча, как вы изволили выразиться дважды, дорогой виконт, не уступает лучшим арабским скакунам...

Герцог Карл уже несколько раз делал попытки оглянуться. Наконец не вытерпел и подозвал маршала де Кревкера:

— Любезный граф, перестаньте же шептаться за моей спиной! Что вы там выдумываете про этого рыцаря? Вы знаете, кто он?

— Вряд ли найдется человек, который ответит на подобный вопрос, ваша светлость, — сказал де Кревкер. — Настоящее его имя — Уайт, хотя больше он известен как Белый Скиталец. Одни говорят, будто это побочный сын герцога Бретонского, другие — что он обездоленный кузен Гийома де ла Марка...

— Ну, сплетни меня мало интересуют, граф, — нетерпеливо перебил герцог. — Я слышал, он умеет отлично драться? Вот и пусть послужит у меня!

Маршал потеребил свою бороду и наморщил лоб.

— Государь, этого рыцаря зовут также и Одиноким. Пройдя путь от Бретани до Перонна, он нигде подолгу не задерживался, а это может говорить лишь о том, что он сам по себе...

— Перестань, де Корде! — Герцог Карл грозно сдвинул брови. — Клянусь святым Георгием, я не припомню ни одного храброго рыцаря, который не мечтал бы о хорошей школе. А хорошая школа — здесь. Здесь, граф, у меня!

Зная бешеный нрав герцога, Кревкер с минуту помолчал, затем, как бы между прочим, произнес:

— Не могу разглядеть, государь, какой символ на его щите?

— Меч, — буркнул Карл. — Меч с крыльями... Хм! Какой чистюля!

Мои наемники красят латы в черный цвет для устрашения врагов, а этот? Доспехи сверкающие, гладкие, без единой вмятины, будто только надел их!.. Что-то мало похож он на обездоленного родственника!.. А что, граф, если он вызовет на поединок меня?

— Насколько мне известно, ваша светлость, в последнее время он ни разу не лез в драку первым.

— Не рыцарь, а размазня. Эй, Тийе! — крикнул герцог молодому паладину. — Я слышал, ты хотел пощекотать этого белого чистюлю своим доблестным мечом?

— Сочту за честь, всемилостивейший государь! — Тийе отвесил низкий поклон и удалился.

— А если виконту не повезет? — осторожно сказал Кревкер.

Герцог даже не взглянул на него.

— Думайте, что говорите, граф. Тийе не хуже Дюнуа владеет оружием! — Карл привалился к подлокотнику кресла и стал нервно покусывать ноготь.

Закончился очередной поединок. Герольд объявил имена следующей пары рыцарей.

Тийе сидел на гнедом скакуне с присущей ему уверенностью, лишь время от времени успокаивая нетерпеливого коня. Спокоен был и Скиталец, хотя его слишком опрятный вид проигрывал в глазах зрителей перед помятыми доспехами противника.

После принятых церемоний противники разъехались на двести ярдов и, пригнувшись к лукам, пришпорили коней. Они неслись, подобно вихрю. Казалось, не существовало силы, которая могла бы их остановить. Они сшиблись на всем скаку. Зрители замерли. Но в следующее мгновение по рядам пронесся вздох разочарования: всадники проскочили друг мимо друга — лишь лязг железа прокатился по площади из края в край.

— Какой позор! — пробормотал герцог Бургундский. Лицо его налилось кровью: он заметил, что странный рыцарь пощадил молодого вельможу и в последний миг отвел направленное в шею противника копье. Это же заметил и де Кревкер, но промолчал.

Между тем Уайт дósкакал до каменной стены и остановился, ожидая, что предпримет Тийе. А тот, круто развернув коня, вонзил ему в бока шпоры и снова понесся навстречу. Незнакомец был вынужден дать с места в карьер. Сблизившись, он с такой неувимой легкостью ударил противника острием копья в грудь, что тот не удержался в седле и свалился на землю. Над площадью повисло тягостное молчание. Поймав бешеный взгляд Карла, герольд объявил поединок законченным и в растерянности озирался по сторонам.

— Я сам вызову его! — прорычал герцог, вскакивая с места, и де Кревкеру и д'Эмерли с трудом удалось удержать безрассудно храброго государя Бургундии от рискованного шага.

Карл остывал медленно. Он сидел, опасаясь поднять глаза, чтобы не выдать бушевавших в нем чувств неловкости и досады.

— Что с Тийе? — тихо спросил он.

д'Эмерли с готовностью отозвался:

— Ранен, однако не опасно.

— Ранен... А этот чистюля начинает мне нравиться. — Герцог взглянул исподлобья в ту сторону, где находился Скиталец, и мрачно усмехнулся: — Какой он, к черту, Свирепый! Клянусь святым Георгием, в нем свирепости не больше, чем у моего шута болтливости!

— Он был таковым, ваша светлость, — посмел возразить д'Эмерли. — До сей поры он не простил ни одному задире и расправлялся с противниками весьма жестоко.

— И все же он не свиреп. И не добр. Просто Белый Чудак. Впрочем, как ни зови его, но, клянусь святым Георгием, это великолепный рыцарь!.. Вот что, Эмерли... Впрочем, лучше ты, Кревкер: предложите ему остаться.

— Государь...

— Экий ты щепетильный, Корде! Ну, отправь к нему д'Эмберкура...

Начался общий турнир. Со стороны ворот наступали бургундцы, навстречу им скакали наемники и несколько странствующих рыцарей. Белый Скиталец участия не принимал. Он смотрел, как сошлись противники, как упали на землю первые неудачники.

В разгар сражения к нему приблизился посланец герцога Карла.

— Прошу господина рыцаря оставить седло и снять шлем, — несколько сухо вато сказал д'Эмберкур.

Белый Скиталец спешил, но шлема не снял.

— Мое имя Уайт, — представился он. — Я никогда не поднимаю даже забрала, почтенный сеньор, это мое правило.

д'Эмберкур смутился, не зная, на что решиться. С минуту он рассеянно разглядывал прозрачные камни на шлеме незнакомца, затем, словно позабыв о своей просьбе, сказал:

— Сьер Уайт, герцог Бургундии и Лотарингии, Брабанта и Лимбурга, Люксембурга и Гельдерна...

...— Княжества Эно, — нетерпеливо перебил незнакомец, — Голландии, Зеландии, Намюра, Зутфена и так далее, и так далее...

Наслышавшись разного рода небылиц о странном рыцаре, д'Эмберкур вконец смутился и не знал, то ли возмутиться на явную дерзость, то ли пропустить ее мимо ушей и добиваться главного — того, о чем говорил рыцарь почетного ордена Золотого Руна маршал Бургундии Филипп Кревкер де Корде... Он взял себя в руки, басовито покашлял в перчатку и окрепшим голосом продолжил:

— Сьер Уайт, мой государь предлагает вам поступить на службу в доблестное бургундское войско.

Белый Скиталец с минуту молчал.

— Недавно я слышал спор двух людей, — наконец сказал он. — Один утверждал, что человек рождается жестоким и всю жизнь затем дерется, чтобы отвоевать для себя место под солнцем. Другой же говорил обратное: человек рождается добрым для созидания, совершенствования мира. Как полагаете: кто из них прав?

— Несомненно первый. Но...

— Меня этот спор заставил задуматься, почтенный сеньор. В самом деле: что пользы в раздорах, в войне, на которые тратится много времени и денег, которые можно было бы употребить на полезные для людей дела? Я уверен: зло — это тяжелая болезнь человека...

— О чем вы, сьер?

— А вы так и не поняли?

— Погодите. — Д'Эмберкур пристально вглядывался в черную щель над забралом, словно хотел рассмотреть лицо незнакомца, но, так и не поняв, что так вдруг обеспокоило его, спросил: — Что вы такое... говорили?

Тот не ответил. Вскочил в седло и направился к арке ворот.

— Ну что? — спросил ожидавший посланника де Кревкер.

Д'Эмберкур с усилием оторвался от одолевавших мыслей.

— Что-то в нем... не пойму...

— Он покинул Перонн?

— Да, граф. Он отказался и, кажется, поехал в Плесси-ле-Тур.

— К королю Людовику? Этого его светлость нам не простит.

Кревкер досадливо потеревил седую бороду и направился к герцогу. Д'Эмберкур же, поняв по-своему смысл последних слов графа, разыскал начальника отряда наемников и сказал ему, что Белый Скиталец должен умереть по дороге на Плесси-ле Тур — таков якобы приказ его светлости государя Бургундии.

СООБЩЕНИЕ ПЯТОЕ,

*познакомившись с которым нетрудно убедиться,
насколько действительна сила дьявола
и насколько слаба надежда на всевышнего*

Отряд кондотьера де Бассо проскакал по дороге на Париж почти три лье. Не обнаружив Белого Скитальца, пересек дорогу на Амьен, затем на Бапом, на Кодри, и только поздно вечером измученные и злые наемники догадались осмотреть дорогу, ведущую в Руазель.

Синие сумерки вползли в долину, медленно проглатывая крестьянские

поля, невысокие покосившиеся домики и дальнюю гряду леса. Пахло свежестью реки — ее потемневшая гладь призрачно светилась под кручей, — с полей потянуло запахом нагретой за день травы, от жилья — смесью дыма и мокрой крапивы.

Из долины вернулись двое разведчиков, которые сбивчиво и несмело доложили о том, что Белый Скиталец именно на этой дороге, один, едет не торопясь и, конечно же, нападения никак не ожидает.

— Далеко отсюда? — спросил кондотьер.

— Недавно миновал деревню.

— Наконец-то! — Де Бассо с силой сжал древко копья. — Живей на дорогу, ребята! Мы окружим его и нападём одновременно!.. А вы чего? — недовольно сказал он разведчикам, заметив их смятение.

— Не надо бы, сеньор, — едва слышно произнес один. — Беда будет... Мы видали — он вроде светится в темноте...

— Что вы тут болтаете? А ну, живей на дорогу!

Отряд спустился с кручи и выехал за деревню. Было темно. Кони перешли на шаг. Де Бассо постоянно поднимался на стременах и вглядывался вдаль. Но впереди лишь неясно серела дорога, пропадавшая в полумраке.

— Скорей бы луна, — пробормотал кондотьер и оглянулся. — Эй, Кальдиро и Галетто, — вперед! Только осторожно, не вспугните!

И вдруг они увидели его. Он показался неожиданно, видимо, из-за придорожных деревьев... Он действительно светился — он и его конь — бледным голубоватым сиянием.

— Пресвятая мадонна! — прошептал один из наемников и размашисто осенил себя крестным знаменем.

— А может... может, он святой? — предположил другой.

Де Бассо что-то прорычал и, не оглядываясь, сдавленно ответил:

— Баранья твоя голова... где ты слыхал, чтоб святые горели таким пламенем? У них только тут... — Он неловко звякнул перчаткой по шлему и замолчал.

— Дьявол... Как есть дьявол! — заговорили вполголоса наемники. — Пусть себе едет... нам-то что за корысть...

— Цыц, вы! — грозно прошипел кондотьер, однако все почувствовали, что прежней уверенности в его голосе не было. — Каково повеление его светлости? Или забыли?

— Сеньор, но он же направился не по парижской дороге! Он не собирается ехать к королю Людовику! Да и драться с сатаной без благословения...

Де Бассо угрюмо молчал. Он напряженно вслушивался в слова солдат, отыскивая в них то главное, то единственно необходимое, что могло бы оправдать его нерешительность в глазах соратников и в глазах герцога Карла. Еще хорошо, что темь кругом и никто не мог видеть побелевшего лица начальника, его растерянных глаз...

А солдаты за его спиной между тем переговаривались вполголоса:

— Клянусь покойной бабкой, кое-кому из нас он намнет бока!

— Вон нынче на турнире двое рыцарей говорили, будто за Алансоном он уложил одиннадцать солдат господина прево. А в отряде было двадцать человек.

— За что он их?

— Да повесили на дереве колдунью, а он взял да и освободил ее. Ну и... завязалась драка.

— Нас-то не двадцать, больше...

— Не кличь беду, Пьеро!

— Храни нас господа!..

Вынырнула из-за туч луна. Свет ее показался ослепляющим, и люди невольно вскинули руки, чтобы заслониться от этого света. Отряд оказался на открытом месте. До леса оставалось с пол-лье, но дорога была пустынной, никого на ней не было.

Де Бассо с недоумением покосился на солдат:

— А где же... он?

— Я здесь!

Гулкий, властный голос раздался позади отряда. Когда прошло оцепенение, люди стали неуклюже разворачиваться в сторону рыцаря. Белый Скиталец спокойно сидел на коне — статный, свежий, как на смотре, лишь поблескивающие камни на шлеме да черная щель казались страшными, притягивающими, будто оттуда вот-вот грянут сатанинские молнии и превратят людей в дорожную пыль.

— Сеньор кондотьер, — сказал незнакомец, — возвращайтесь в Перонн. Я убежден, что герцог Бургундский не мог дать приказа избавиться от меня: он хоть и жесток и необуздан в гневе, но в коварстве упрекнуть его до сих пор не мог никто.

— Это справедливо, сударь, — прокашлявшись, согласился де Бассо.

Белый Скиталец подъехал ближе. Остановился напротив кондотьера.

— Значит, вас обманули или кто-то неверно понял распоряжение герцога Карла.

— Выходит, так, сударь...

— А скажите, что заставляет вас служить злу, проливая чужую кровь?

Де Бассо был явно обескуражен вопросом Скитальца. Ответил неуверенно, тихо:

— Это наша работа, сударь. Мы же на службе...

— Работа — убивать? Получать деньги за убийство?

Луна светила ярко, и в ее зеленоватом сиянии Белый Скиталец казался нереальным, призрачным, выходцем с того света. В воображении большинства наемников он по-прежнему представлялся если не самим сатаной, то, во всяком случае, его посланником, принявшим обманчивый облик смиренного пилигрима.

— Сударь... — Де Бассо наконец пришел в себя и торопливо перекрестил Скитальца. Тот с минуту молчал, потом тихо засмеялся и легкой рысцой поскакал к лесу...

СООБЩЕНИЕ ШЕСТОЕ,
дающее возможность познакомиться
с неунывающими оборванцами госпожи Перетты
и которое утверждает старую истину:
«Не суй носа, куда тебя не просят!»

— Эй, Антуан! Поди доложи госпоже Перетте: верховой на дороге!

— К чему ж докладывать, Гюйо? Повеселись малость, чтоб через его шкуру можно было считать баранов, а лошаденку подаришь мне!

— А ну, погоди, старый кремь! — Гюйо присвистнул и сдвинул измятую шляпу на затылок. — Глянь-ка сам: уж не вчерашний ли это рыцарь?

Антуан повозился, пошуршал ветвями.

— А и впрямь он. Не иначе, что-то забыл у Арденнского Вепря! — Он поднялся, опираясь на палку. — Ты тут не намудри чего, пока бегаю к госпоже!

— Валяй, валяй, старик, да живей! — Гюйо встал на колено, оглядел свой отряд, залегший в кустах между деревьями, и вдруг решил: — Ребята, госпожа Перетта запоздает... Не зевать же нам снова: нападём все разом!

— Нападём, как же... — проворчал сосед Гюйо. — А с чем нападать-то? Вот с этой дубиной или голыми руками?

— Да хоть голыми! Как все навалимся — тут и меч не поможет!

— Ой, а это вроде и не вчерашний, — раздался мальчишеский голос. — Это вроде тот.... который белый.

— А и верно, парень. Похоже, Скиталец. — Гюйо задумчиво почесал под рубахой грудь. — Ежели не обманулись, нападать не резон, потому как он, говорят, таких, как мы, не обижает.

— Рыцарь-то?

— Он, говорят, не как все.

— Да неужели отпустим?

— Ты еще сосунок, Луи, и не тебе покуда понимать, кто такой Белый Скиталец! Отпустим его с миром, только сперва выведаем, куда направляется и зачем.

— Ох, и поиграет же он на наших косточках, Гюйо! Не пора ли уносить ноги?

— Побереги ноги для своей Мари, Шалье, а от него тебе удирать не придется: первый он в драку не лезет.

Дорога пролежала прямая, неширокая. Зашло за тучу солнце — и легкий сумрак тотчас упал на лес и на дорогу. Стало тихо, слышался лишь глуховатый топот копыт. Напряжение возросло до предела. Один Гюйо казался спокойным. Он покусывал неровными зубами сорванную былинку и неотрывно смотрел на дорогу.

И вдруг монотонный топот замер. Прошла минута, другая — и в мертвой тишине раздался голос белого рыцаря:

— Ну, что же вы прячетесь? Выходите. Я с миром пришел в этот край.

— Пошли, ребята, — немного помедлив, сказал Гюйо. — Потолкуем.

На дорогу выскочило человек пять или шесть, остальные решили, что благоразумнее держаться в стороне.

Ближе всех к рыцарю стоял Гюйо — коренастый, конопатый парень лет двадцати пяти с крепкими жилистыми руками. Из-под выдавшей виды шляпы торчали прямые, давно нечесанные волосы. Большие серые глаза смотрели напряженно, но без страха. Неопределенного цвета безрукавка без единой застежки едва прикрывала грязную рубаху.

Своеволие местных дворян и особенно частые разбои Гийома де ла Марка — Дикого Арденнского Вепря — заставляли крестьян, да и городских мастеровых тоже, покидать насиженные места и уходить в леса, где они объединялись в шайки, предпочитая голодную свободу полусытой неволе и непомерным налогам...

Белый Скиталец некоторое время рассматривал лесных людей через узкую щель над забралом, затем негромко спросил:

— Против кого же вы воюете, господа?

Гюйо обалдел, потом весело присвистнул.

— Господа! — Широко улыбаясь, он обвел взглядом товарищей, одетых в живописные лохмотья. — А мы и впрямь смахиваем на господ, а, ребята? Клянусь святым Мартином, это так! — Он замолчал, лицо его сделалось строгим. — А воюем мы против всех, сударь, у кого тугие кошельки и толстое брюхо. Сбежали сюда от обидчиков и отныне — люди вольные, как здешние птицы. Правда, рейнвейнским нас балуют нечасто, да и запах сочного рагу мы давно забыли... Ну, а куда направляетесь вы, сударь, прозванный Белым Скитальцем?

— Ого! — гулко прогремел голос рыцаря. — Оказывается, даже сюда долетели вести обо мне!

— Это не удивительно, сударь: вести бегают быстрее людей.

— Что верно, то верно. Так вот, вы спрашиваете, куда я направляюсь. А я и сам не знаю. — Он негромко засмеялся. — Ищу правду...

— Хэ, сударь! Это все одно, что искать вчерашний день! — Гюйо окончательно осмелел и подошел к рыцарю совсем близко. — Мы слышали, сударь, будто вы сами ни на кого не нападаете.

— Это верно.

— Ну вот и ладно. С вами мы тоже не хотим ссориться. А уж коли не знаете, где что искать, так оставайтесь лучше у нас.

Неподалеку в лесу зашумело, раздался треск сухих сучьев, и через минуту на дорогу высыпало до полусотни таких же, как Гюйо, оборванцев во главе с молодой черноволосой женщиной.

— Ну, что? — спросила она у Гюйо.

— Да вот, толкуем, — отозвался тот. — Господин рыцарь едет, сам не знает куда. Хочу зазвать в наш отряд, госпожа Перетта.

Перетта встала рядом с Гюйо и обратилась к всаднику:

— Я много слышала о вас, храбрый рыцарь, и рада, что теперь сама вижу вас.

Белый Скиталец учтиво поклонился:

— Мое имя Уайт, сударыня. Я благодарю судьбу, что наконец встретил такого очаровательного командира!

— О, что вы, господин Уайт! — Перетта на мгновение смутилась: наверно, не так часто приходилось слышать ей подобные комплименты. — С времен великой Жанны немало женщин пыталось командовать, и очень часто у нас это получается лучше, чем у мужчин! — Она гордо взглянула на Гюйо и обратилась к Скитальцу: — Не согласитесь ли, сударь, отдохнуть у нас с дороги? Поедите с нами, подумаете, что делать дальше.

Рыцарь снова поклонился:

— Благодарю за приглашение, сударыня. Мы с моим преданным Тру с удовольствием воспользуемся вашей добротой.

Он легко оставил седло, похлопал Тру по гладкой шее и передал поводья мальчишке.

— А можно мне немножко проехать, сударь? — спросил тот.

— Не советую, сударь: он никого не признает, кроме меня — обязательно сбросит!

— Снимите же ваш шлем, господин Уайт, — посоветовала Перетта. — Неудобно в нем.

— Привык. — Скиталец немного помолчал и пояснил: — Пусть вас это не смущает. В присутствии людей я даже не поднимаю забрала.

— Почему? — Не получив ответа, женщина мельком взглянула на рыцаря и робко кивнула: — Да, да, я, кажется, слышала... Простите.

Окруженные со всех сторон веселыми оборванцами, они добрались до стоянки отряда и расположились на краю широкой поляны под старым дубом. Перетта дала распоряжение готовить ужин — «чем бог послал», — люди тут же забегали по шалашам и землянкам, называемым здесь барсучьими норами, о чем-то шептались, спорили, но делали все быстро и умело. Затем она обратилась к Уайту с той же просьбой — остаться в отряде, — поскольку он сам по себе, ни у кого не служит и никому ничего не должен. Уайт отказался, пояснив это тем, что собирается повесить меч на стену и не прикасаться к нему больше никогда. Это удивило Перетту.

— Мое оружие принесло много бед, сударыня, — тихо пояснил Скиталец. — В Бретани и Мене остались десятки жертв. Однако теперь я будто обрел иное зрение, почувствовал в себе отрадные теплые вихри. И отныне, когда вижу доброту, душевность, мир кажется мне просторнее и краше...

В лагере неожиданно возник переполох. Госпожа Перетта поднялась навстречу говорливой толпе и строго спросила, в чем дело. Голоса постепенно смолкли, из людской глубины выбрались совсем еще юные паренек и девушка — разведчики отряда — и наперебой заговорили:

— Только что на дорогу к Черным оврагам выехало семнадцать конных Арденнского Вепря, с ними десять повозок с разной едой: видно, опять разграбили какой-нибудь трактир, а может, и таких, как мы. Отобьем — до конца лета сыты будем!

— Ясно! — прервала Перетта. — В лагере остаются только женщины, дети и охрана. Остальные — со мной. Там ваша еда, там ваше оружие и одежда! Смерть прислужникам Арденнского Вепря! — Она оглянулась и с надеждой посмотрела на Уайта: — А вы... не пойдете с нами, сударь?

Белый Скиталец с минуту колебался, потом тихо произнес:

— Много я слышал про этих разбойников... Да, я пойду с вами. Это будет мой последний бой...

В лагерь отряд вернулся лишь к полуночи — с богатым провиантом, оружием и лошадьми. Возле шалашей и землянок царило оживление. Провизия разносилась по вырытым в земле складам, распределялись кони и отвоеванное оружие.

Госпожа Перетта разыскала Белого Скитальца. Он, как ей показалось, в глубокой задумчивости гладил морду преданного Тру. Услышав звук шагов, Уайт оглянулся и как-то виновато сказал:

— Вот приводим себя в порядок после боя.

— Мы сейчас устраиваем небольшой пир, господин Уайт.

Рыцарь сдержанно вздохнул:

— Вы же знаете... Впрочем, принесите чего-нибудь, но, прошу, немного и без вина.

— Как-то неудобно, сударь: герой сражения...

— Ну что вы, что вы! Не надо так.

Перетта неловко помолчала.

— Герой и есть, — упрямо повторила она и энергично откинула за плечи длинные спутанные волосы. — Ну а коню, сударь?

— Спасибо, мой славный Тру ни в чем не нуждается.

Госпожа Перетта сама принесла ужин и, пообещав скоро вернуться, пошла на другой конец поляны к ожидавшим ее товарищам. Вскоре оттуда донеслись первые здравицы в честь храброй госпожи Перетты и не менее отважного белого рыцаря, потом еще и еще. Уайт сидел в шалаше

перед наскоро сооруженным столом и смотрел через неширокий вход на пирующих. Там горели костры и воткнутые в землю факелы на палках. Там было весело...

Скиталец отодвинул оловянное блюдо с рагу и вдруг услышал осторожные голоса. Он выглянул из шалаша. Это были дети. При его появлении они хотели удрать, но он остановил их и с минуту разглядывал худенькие тела, едва прикрытые рваным тряпьем.

— Что же вы ушли от хорошего ужина? — едва слышно спросил он, видимо боясь вспугнуть их.

— Нас туда не пускают, — сказал самый старший. — У нас тут порядки строгие, сударь.

— А когда же будете пировать вы?

— После всех. Так мы выражаем почтение к взрослым.

— Понятно. Но есть вы, наверно, все-таки хотите?

— Хотим, сударь.

Он пригласил всех к себе — их было пятеро. Дети немного поколебались, пошептались между собой и все же вошли. Ели они с жадностью людей, давно не знавших ничего, кроме воды и лепешек ячменного хлеба. Когда они немного утолили голод и увидели, что на столе ничего не осталось, старший мальчик виновато и жалобно посмотрел на рыцаря:

— Ой! А вы, сударь?

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, юные друзья! Я уже сыт.

— А вы, оказывается, совсем не страшный, господин Уайт, — несмело сказала белокурая девочка. — А правду говорят, будто у вас в битвах сильно покалечено лицо?

Старший мальчик толкнул ее в бок: «Дура!» — и в замешательстве обратился к незнакомцу:

— Не слушайте ее, сударь: она весной с дерева свалилась! И потом, не все ли одно, какое лицо, правда? Главное, чтоб душа... — Он вскочил с места и молниеносным взглядом окинул товарищей: — Марш отсюда! Госпожа Перетта идет!

Уайт не успел и слова сказать, как дети выбежали, и тотчас раздался голос Перетты:

— Можно к вам, сударь?

Она шагнула в зеленоватый полумрак шалаша и присела по другую сторону стола.

— Мне надо бы вам многое сказать, господин Уайт. Но отложим разговор до утра. А сейчас располагайтесь поудобнее и отдохните как следует. Я пришлю сюда Гюйо, он приберет и поможет устроиться на ночлег...

Госпоже Перетте не спалось. Она вспоминала последнее сражение, в котором Белый Скиталец уложил больше половины людей де ла Марка.

«Какой он ловкий и смелый, — думала она. — Вот бы заполучить его в отряд и сделать правой рукой вместо взбалмошного Гюйо!.. И ведь подумать только: за весь бой не получил ни единой царапины!»

Спала ли госпожа Перетта? Скорее всего нет. Просто забывалась на какое-то время в тревожной полудреме. Неясные предчувствия теснили душу и начинали не на шутку беспокоить ее...

Вовсю горела полная луна, и свет ее косым ярким клином пробирался в шалаш... Вроде бы все спокойно и тихо — и кажется, что-то не так. Перетта поднялась, вышла на поляну и осторожно приблизилась к шалашу рыцаря. Тот стоял возле своего белоснежного Тру, положив левую руку

на рукоятку меча. Госпожа Перетта сначала ничего необычного не заметила, ей даже не показалось странным это безмолвное созерцание луны. И вдруг яркая, как вспышка молнии, мысль: на шлеме рыцаря поднято забрало!

— Не надо, сударыня, — тихо сказал Уайт. Он не шелохнулся, не изменил позы. — Не приближайтесь, прошу вас.

— Но я...

— Не надо, — повторил он. — Люди не выносят этого.

Госпожа Перетта продолжала стоять, не в силах побороть желания заглянуть под забрало. Ведь если она сейчас уйдет, потом вряд ли когда представится подобный случай.

— Неужели вы откажете женщине, сударь? — настойчиво, с трепетом спросила она. — Женщине, сударь!.. Не бойтесь, мне приходилось видеть и не такое!

С минуту он как бы раздумывал, потом медленно повернулся. Перетта замерла. Виски и щеки у нее словно морозом стянуло, губы свело судорогой... Она увидела мертвое лицо с закрытыми глазами, лицо, подобное уродливой желтой маске.

Госпожа Перетта покачнулась. Уайт поспешно бросился к ней и, подхватив на руки, отнес в шалаш. Он стоял перед нею неподвижно, размышляя о чем-то, потом осторожно коснулся ее волос и отдернул руку, словно его ударило током.

Госпожа Перетта открыла глаза, втянула голову в плечи, но тут же ослабилась и сдержанно вздохнула:

— Простите, сударь.

— Простите вы меня. — Он шагнул к выходу и на миг задержался. — Я должен уйти от вас. Сейчас же...

СООБЩЕНИЕ СЕДЬМОЕ
*в котором читатель убедится,
что Белый Скиталец
значительно больше времени затратит на осмотр
и раздумья,
чем на разговор с господином де ле Фором*

Городок Конси, расположенный в низине неподалеку от Арденнского леса, не раз служил объектом для нашествия разбойных шаек де ла Марка: здесь они промышляли провизией и одеждой, лошадьми и оружием. Не обходили стороной и ювелиров, и даже почтенных граждан города. Люди здесь были запуганные, молчаливые.

В городке с утра хлопали двери мастерских и лавок, заключались сделки, покупались и продавались товары. По узким кривым улочкам двигались крестьянские повозки с овощами и рыбой, степенно проезжали на конях местные рыцари с настороженными глазами, ближе к стенам домов жались спешившие по своим делам женщины. Люди начинали свою обычную каждодневную жизнь, сопряженную с тревожным ожиданием. Лишь в просторном особняке главы города сеньора де ле Форы царил постоянное спокойствие и неторопливость. Этот тучный, лысеющий человек с холерным лицом вставал поздно и любил завтракать в саду. Но в то утро, о ко-

тором идет речь, господин де ле Фор проснулся раньше обычного, позвал бладобрея, и, пока тот занимался своим делом и попутно сообщал последние новости, глава города внимательно рассматривал себя в зеркале. Одна новость заинтересовала его.

— Белый Скиталец? — переспросил он, поднимая густые брови. — Позволь... Это тот самый?

Хм... Какая нелегкая занесла его сюда? Что ему понадобилось в городе? Впрочем, что ему понадобилось в городе — пока не столь важно, как то, что приехал он со стороны Перонна. Уж не является ли он человеком герцога Карла? Если так, то что об этом может подумать Гийом де ла Марк, как он воспримет появление Белого Скитальца во вверенном господину де ле Фору городе, не разгневается ли? Вот что важно. Вот на какие вопросы следует найти ответы прежде всего. А ссориться с Арденнами не резон: соседи. И без того приходится жить, как на жаровне...

— Зачем он здесь? — начал глава города издали.

Бритва в руке бладобрея на мгновение замерла.

— Трудно сказать, ваша милость...

— Это не ответ, Оливье. Вы должны все знать, во все вникать, обо всем докладывать. А пока направьте людей последить за ним: мало ли что. Пошлите лучше Гортрана и Лафаржа: эти свое ремесло знают.

Гортран и Лафарж, переодевшись в суконные камзолы, вышли из особняка на площадь, миновали несколько узких переулков и лишь на улице Дижон увидели наконец Белого Скитальца. Тот сидел на коне возле каменного забора и, наверно, давно уже наблюдал за работой красильщиков.

— Уж не собирается ли он поменять свой белый плащ на пурпур? — шепнул Гортран.

Лафарж криво усмехнулся:

— Может, жаждешь заполучить то, что на нем?

— Не откажусь: такие доспехи не носят и короли!.. Говорят, он богат всех банкиров Франции, но страшный урод, потому никогда и не поднимает забрала.

Белый рыцарь двигался медленно, подолгу простаивал возле пекарей, ткачей, потом гончаров, гвоздарей, мясников, барышников и лишь во второй половине дня добрался до окраины, где чернели стены старой кузницы.

Лафарж давно уже нервничал и чертыхался, поэтому новая остановка вывела его из себя.

— Клянусь святым Мартином, если этот тип потащится еще куда-нибудь, я подохну с голоду, а перед смертью так отделаю его дубиной, что на нем останется кожи не больше, чем на святом Варфоломее!..

— Попридержи язык, Лафарж. — Гортран сунул руку под ремень и надавил на живот. — А от куска говядины и я бы не отказался. — Он помолчал, раздумывая. — Вот что: ступай-ка к его милости. Доложи о наших наблюдениях и спроси, что делать дальше.

Из кузницы доносился звонкий перестук молотков, над крышей колыхался легкий дымок. Двери были распахнуты. На пороге появился плечистый мастер с короткой черной бородой и в грязном фартуке и невесело оглядел рыцаря.

— Чего угодно вашей милости? — спросил он сипловатым голосом. — Коня подковать или...

— Не беспокойтесь, сударь. Я просто смотрю на вашу работу.

Кузнец облегченно утер со лба пот.

— Глядите, чего ж... ежели интересно. А то вот, — кивнул он на вход, — большой заказ делаем.

— Для кого?

Он пожал широкими плечами.

— То нам неизвестно. О том известно сеньору де ле Фору... Ну, извините, ваша милость, мне надо работать.

Кузнец ушел, а Белый Скиталец развернул коня и неожиданно увидел двух верховых рыцарей. Оба учтиво поклонились ему и сообщили о желании сеньора де ле Фора побеседовать с distinguished гостем.

К особняку добрались кратчайшим путем, проехали мимо вооруженной до зубов охраны и оказались в большом живописном саду. Господин де ле Фор принял Скитальца в просторной беседке, один, поскольку благоразумно посчитал, что гость будет себя чувствовать с опущенным забралом свободнее, если разговор пойдет с глазу на глаз.

Познакомились.

— Не заказать ли нам чего-нибудь перекусить, господин Уайт? — спросил де ле Фор и тут же спохватился: — Ах, да, простите... — Он с сожалением причмокнул и с минуту разглядывал свою руку, положенную на стол. Полысевшая голова его уже была тронута сединой, седыми были и редкие баки. — Ну что ж, обойдемся... Итак, рад приветствовать вас в нашем городе, храбрый рыцарь. Много, много наслышан. Не напрасно говорят, будто слава ваша так же прочна, как и ваш шит: ведь о вас болтают бог весть что на всех дорогах Франции. О-о, пусть это не удивляет моего отважного гостя, он сам в немалой степени заинтриговал всех своей таинственностью. По сути, никто не знает, кто вы такой, так ли богаты...

Черная щель над забралом начинала раздражать главу города, раздражали своей несуразностью и круглые прозрачные камни, искусно вделанные в шлем, и он уже начинал сожалеть о том, что пригласил незнакомца к себе: во-первых, совершенно ясно — никакой он не шпион и не человек герцога Бургундского, поскольку, как оказалось, едет из Бретани, а вот-вот, очень уж трудно вести разговор, не видя человеческого лица. Нет-нет, конечно же, господин де ле Фор поступил неосмотрительно. И если бы не этот дурак Оливье...

Хозяин, как бы случайно, коснулся влажного лба и снова принял неприужденную позу.

— Собственно, я пригласил вас буквально на пять минут, господин Уайт, — сказал он, — чтобы поинтересоваться целью посещения нашего города, как он понравился, куда думаете направляться дальше. Говорят, у вас весьма высокие покровители?

Рыцарь, кажется, усмехнулся:

— Вы ошибаетесь, сеньор. Никаких покровителей у меня нет.

— Вот как? — Непонятно было, то ли господин де ле Фор обрадовался, то ли разочаровался. — Признаться, я этому верил, сударь. Однако я верил и тому, что здесь вы ищете встречи с Гийомом де ла Марком.

Белый Скиталец энергично вскинул голову — так, что плюмаж на его шлеме протестующе вздрогнул.

— Сеньор, я не могу даже слышать имени этого человека! Я прибыл сюда по зову голоса, который живет во мне, и, клянусь, не позже захода солнца буду на дороге в Верден.

— Зачем же так спешить, господин Уайт? Разве вам здесь не понравилось?

— Город хорош, сеньор, но был бы в сотню раз лучше, если бы не его рабское повиновение арденнскому разбойнику. У вас много мастерских — и почти все они работают на де ла Марка... Не знаю теперь, что краше: трудиться ли на подобных негодяев или по-прежнему держать в руке меч? Я слышал: около двух веков назад во Флоренции существовала могущественная коммуна, коммуна свободы и разума, и там рыцари не боялись опозорить свое рыцарское звание трудом, полезным для общества. Вот и я хочу быть полезным для людей! Но не для тех, кто станет богатеть за счет моего труда...

— О-о, вы человек опасный, сударь! — натянуто рассмеялся де ле Фор. — И смелый в суждениях! Буду весьма рад, если вам удастся найти такую работу в нашем грешном мире. Только ведь теперь не те времена, сударь: нынче рыцарь должен быть рыцарем — и никем больше. Стань он, к примеру, гончаром или красильщиком — его засмеют да еще поколотят; не будет ему покоя ни от рыцарей, ни от строгих властей, не так ли?.. Впрочем, простите, кажется, звонят у святого Мартина. Я должен спешить. Прощайте, господин Уайт. Рад был нашему знакомству...

Когда у ворот раздалось цоканье копыт, господин де ле Фор судорожно вздохнул.

— Пресвятая дева Эмбреенская! — воскликнул он. — Надоумил же меня этот старый дурак Оливье пригласить опасного бродягу! Ну, я покажу ему! Вытрясу его рыжие веснушки!.. Уф-ф! Голова до сих пор будто не моя от этой черной щели!

Он вызвал Оливье. Бедный брадобрей отчаянно хлопал глазами, и его оттопыренные уши никак не могли удержать всех тех проклятий, которыми удостоил его почтенный глава города. Когда словесная буря миновала, господин де ле Фор долго и хмуро молчал, затем велел отправить за Скитальцем тех же соглядатаев. Но Гортран с Лафаржем вернулись поздно вечером и не сообщили ничего заслуживающего внимания. Перед заходом солнца белый рыцарь выехал за город и не один час просидел на берегу Мааса в глубокой задумчивости. Как видно, он собирался ехать дальше по дороге на Верден.

СООБЩЕНИЕ ВОСЬМОЕ,

*о том, как старый лесник Шарль Бовье проводил опыт,
из которого следовало, что лучше один раз увидеть,
чем сто услышать,
а также о том, почему в лес ушли трое вместо одного*

Перед восходом солнца Белый Скиталец выехал из леса. Дорога свернула вправо и сероватой извилистой лентой пролегла вдоль опушки, за густым кустарником она терялась, — видимо, уходила под уклон, потому что вдали угадывалась низина с обширными полями и жавшимися друг к другу домишками.

Начинался рассвет — жидкий, водянистый. Луна понемногу таяла в бледной сини, меркли одна за другой звезды, и лишь яркий Сатурн по-прежнему горел мягкой немигающей точкой.

Ночью прошел дождь. Дорога была мокрая, грязь хлюпала под копытами.

Уайт свернул на тропинку — она вела к роще, которая обрывалась пе-

ред спуском в низину, — проехал возле нее до холма — оттуда были видны поля и деревня — и неторопливо спешил. Перед ним, сразу же за речкой, начинались первые дома, полускрытые зеленью садов и небольшими цветниками.

Солнце вставало за спиной рыцаря. Первые лучи уже коснулись далекой линии горизонта, посветлело небо. В вышине сонно покачивались мокрые ветви, роняя тяжелые капли.

Мальчишки первыми заметили рыцаря. Тотчас в деревне возник переполох. Матери прятали детей, девушки пачкали лица сажей. Крестьяне настороженно поглядывали на опушку рощи, но вскоре убедились, что рыцарь один, к тому же не первый час сидит неподвижно, точно железная статуя, и, видимо, недобрых намерений не имеет. Кто-то где-то слышал о белом рыцаре и теперь с видом знатока рассказывал селянам невероятные истории о Скитальце, люди ахали, охали, качали головами, крестились и призывали в заступники господ бога.

К полудню в деревню зашел лесник Шарль Бовье и стал успокаивать крестьян.

— Не слушайте вы болтунов! — смеясь, сказал он. — Ишь навывдумывали: выходец с того света, пьет людскую кровь, заманивает в пропасти и омуты!.. Тьфу!

Он не спеша уселся на пригорок и сощуренными глазами посмотрел на старых знакомых.

— Я вот недавно был в городе, так, наверно уж, получше вас знаю толки о Скитальце. Кто встречался с ним — отзывается весьма и весьма лестно, он даже с крестьянами будто свой.

— Ну уж сказал, Шарль! Это же рыцарь!

Из-за спин крестьян выбрался белоголовый парень и встал напротив лесника.

— Дядюшка Шарло, — спросил он, — а почему вы не верите, будто он — сатана в образе рыцаря? Ведь говорят же люди!

И началось! Кто о чем. Вспомнили даже то, что было в седые времена, и все это приписывали белому рыцарю.

Больше других возражал белоголовый парень.

— И не спорьте, дядюшка Шарло! — кричал он. — Вот, к примеру, человек всегда поможет в беде ближнему, а этот — хоть подохни! А однажды он проехал мимо деда с внуком — те в реку свалились — и не вызволил, пропадают, мол, как хотите!

— Ты это сам видел, Жан?

— Да нет... Говорили.

— Вот видишь — говорили. Ты не больно-то слушай такие речи. А ежели кто в чем сомневается, так давайте проверим, таков ли он?

— Как это?

— Да так. К примеру, я буду за старика. Чем не старик: борода седая, морщины, как у сморчка, и сам сухой, что тебе жердь. А ты, Жан, пойдешь за сына или внука.

— И что же мы будем делать?

— Скажу чего. Только слушайся меня, как своего сеньора, и все будет ладно.

Парень лукаво почесал за ухом.

— А может, я боюсь, дядюшка Шарло. Сперва вы мне скажите, а уж там поглядим.

— Экий ты, брат! — засмеялся лесник. — Такой великан, ярд в плечах, и боишься! Да на тебе пахать в пору!.. Тю, стыд какой! — Бовье брезгливо поморщился и отмахнулся от Жана, словно от чумного. Потом хитро посмотрел на парня: — Ладно, не красней, будто девица. Порешим так: побредем мы с тобой потихонечку по тропинке, что ведет к роще. По левую руку от мостков, как раз посередине реки, есть мелкое место. Вот туда мы и прыгнем — я будто свалюсь, а ты будто выручать меня. Понял?

— Так ведь как не понять. — Жан снова почесал за ухом. — А после суши штаны да рубаху. Небось староста понаделает плетью дырок на моей шкуре!

— Не робей. Уговорю твоего старосту.

— Ну, если уговорите... А чего после, как прыгнем?

— После ты, Жан, станешь орать, чтобы нас, значит, спасали.

Парень весело тряхнул лохматой головой.

— Ох, и выдумщик вы, дядюшка Шарло! Представление да и только!

— Дело ли ты замыслил, Шарль? — сказал старый крестьянин. — Слыхал я, с ним шутки плохи.

— Да он уж и сгинул! — загалдели мальчишки.

Лесник опешил:

— Кто сгинул?

— Да рыцарь-то ваш!

— Вот беда... Куда ж это он? — Дядюшка Шарло растерянно огляделся, и глаза его снова оживились. — Никуда не сгинул: вон с полей возвращается!.. Ну-ка, босоногие, марш отсюда, чтоб ни одного рыцаря не приметил! А мы с тобой, Жан Великан, поплетемся к мосткам, как только Скиталец подъедет к тропинке.

— Смехота! — хмыкнул Жан. — Я хоть рубаху сыму: жалко ведь...

— Сымай, сымай, — нахмурился старый Бовье. — И штаны сымай, и башмаки!.. Вон какой вымахал, под стать тому дубу, а соображения — что тебе у воробья!

— Вы чего, дядюшка Шарло?

— «Чего», «чего». Не купаться идешь, дурень, — дело делать!..

Дошагав до середины моста, лесник притворился и дрогнувшим голосом пробормотал:

— Пресвятая дева... а у меня и впрямь голова кругом пошла! — Бовье покачнулся вправо, влево, ноги у него подкосились — и он грохнулся в воду.

Парень дико закричал и, забыв про свою рубаху, бросился вслед за ним, ухватил его руку, потом сгреб за плечи — с такой силой, что дядюшка Шарло сам взвыл от боли.

— Да полегче ты, медведь! — простонал он. — Я ж живой!

Жан от радости сдавил его еще сильнее.

— Храни вас господь, дядюшка Шарло!

— Чего, чего скалишься? Забыл, что делать надо?

— А чего?

— Ори.

Парень заорал.

— Так одни коровы мычат, — рассердился лесник. — Ори громче!

— Спаси-ите! — закричал парень во всю глотку. — Тону-у!

— Подходяще, — заметил дядюшка Шарло. — Ори еще.

Но больше орать не пришлось: к ним во весь опор мчался на своем бе-

лоснежном коне Скиталец. Остановившись на мгновение посредине моста и поняв, что оттуда не достать, он выехал на берег, спешился, хотел протянуть копьё, но оно оказалось коротким. Отыскав три не слишком толстых бревна, он сноровисто перехватил их гибкими ветвями и, столкнув в воду, приказал парню:

— Берите конец, молодой человек, и помогите вашему дедушке взобраться на бревна!

— А я как же? — отчаянно спросил Жан. — Я же не умею плавать!

Рыцарь не ответил. Привалил конец плотика большим камнем и вошел в воду, чтобы довести Бовье до берега.

— Теперь вы, — спокойно сказал он. — Держитесь за бревна.

Жан всей грудью навалился на шаткий плот. Откинув камень, Уайт медленно подвел бревна к берегу. К речке подошли крестьяне, ребятишки и молча смотрели, как дядюшка Шарль с Жаном отжимали на себе одежду, как бежали потоки воды из доспехов рыцаря.

Отряхивая бороду, старый лесник умехнулся:

— Самое потешное, что я и плавать-то не умею...

— Так и я тоже! — нервно засмеялся Жан.

— Ну вот. А я думал — в крайности поможешь! — Лесник низко поклонился Белому Скитальцу: — Да хранит вас господь, сударь! Если б не вы...

— Если бы не я, вам помогли бы крестьяне, — скромно отозвался рыцарь. — Просто я оказался ближе всех. И все же благодарю судьбу, что это посчастливилось сделать именно мне.

— Посчастливилось, сударь?

— Да. Посчастливилось. — Уайт приблизился к коню. — Ну что ж, поехали, Тру?

— Куда вы, сударь? — удивился дядюшка Шарло. — Хоть обсохните маленько! И потом, мне почудилось, будто вы... нездоровы: полдня просидели на одном месте!

Рыцарь кивнул:

— Да, я болен, добрый человек. Болен воспоминаниями.

— Чем, чем, сударь?

Скиталец навел на старого Бовье свою черную щель шлема, но ничего не ответил. Снова повернулся к коню и похлопал его по шее латной перчаткой. Лесник взглянул на крестьян — те беспомощно пожимали плечами, почесывали затылки.

— Сударь, — вдруг осенило дядюшку Шарло, — не пойти ли вам со мною в лес? Вмиг всю хворь как рукой снимет! Живу один, а вдвоем-то куда веселей! — Подметив задумчивость рыцаря, он горячо добавил: — Отдохнете, сударь, оглядитесь, наберетесь сил, а там видно будет. Еды на двоих всегда хватит, да и коню корма найдется.

С минуту длилось напряженное молчание.

— Спасибо, — наконец сказал рыцарь, и темный провал над забралом словно просветлел. — Если вы в самом деле не против, я, пожалуй, побуду в лесу дня два.

— Вот и ладно! — оживился дядюшка Шарло. — Малость пообсохнем — и в дорогу. Вдвоем-то оно всегда веселей!

Белый Скиталец повернулся к своему коню и тихо поправил:

— Втроем, добрый человек.

СООБЩЕНИЕ ДЕВЯТОЕ,
*где говорится о том, что значит вовремя чихнуть,
и еще о добрых глазах и о лесном озере,
которое очень похоже на зеркало*

Через два дня Уайт не ушел. Не ушел он и через неделю, и лесник — добрейшая душа — не скрывал своей радости. Уже на третье утро рыцарь сам напросился в обход, начинал интересоваться жизнью растений, задавал массу вопросов, и Бовье, не привыкший много говорить, почувствовал, как у него устал язык и пересохло во рту.

А однажды вечером после длительного молчания Уайт вдруг сказал: — Вы даже не представляете себе, дядюшка Шарло, какое большое дело делаете. Вы, по сути, предтеча... Вы не ограничиваетесь обязанностями просто лесника, вы делаете больше — охраняете лес: заботитесь о жизни каждого дерева, вовремя убираете безнадежные, больные растения и сухостой. Все это ох как верно — как сама истина...

Бовье настороженно прислушивался к словам Уайта. Присел на край табурета и замер. Даже глиняная кружка в его узловатых пальцах оставилась на полпути к губам. В маленькой комнатке повисла тишина. Огонь факела лениво колыхался из стороны в сторону. Стоявший при входе кувшин с настоем ивовой коры временами доносил горьковатый запах.

Старый Бовье покашлял и наконец не спеша, с заметным беспокойством отхлебнул из кружки.

— Что-то плохо я понял тебя, дружок, с твоими иноземными словами, — произнес он, морща лоб. — Ну да ладно. Творю ли доброе дело — не мне судить. Просто люблю лес, — это скажу тебе точно. А вот передохнуть тебе малость надо бы: притомился. Да и ночь на дворе...

Дни бежали быстро — интересные, непохожие один на другой. Всякий раз дядюшка Шарло рассказывал что-нибудь новое — о деревьях, словно о живых существах, о жизни и повадках птиц и зверей. Как-то, бродя по лесу, старый Бовье выбрал живописную лужайку и присел под каштаном. Пригласил отдохнуть и Уайта.

— Сдавать стал, — застенчиво пояснил он, снимая шляпу и утирая пот со лба. — Раньше-то, бывало, эту дорожку ходил весело и споро, а теперь — сам видишь... Н-да, годочки берут свое, дружок. Берут!

Он хриловато вздохнул, утер полую камзола лицо и шею.

— Напиться не хочешь ли? А то тут рядом озерко есть.

— Это то, круглое?

— Оно самое. Запомнил?

— Конечно... А я, кажется, и в самом деле захотел пить, — с каким-то удивлением произнес Уайт. — А вы, дядюшка Шарло?

— Э, нет, дружок: чем жарче день, тем меньше пью, все одно потом выйдет. Хотя ведь и от пота польза есть: кожу прочищает.

Он провел мозолистой ладонью по лбу, по щекам, посмотрел то ли на небо, то ли на кроны деревьев, потом заговорил снова — тихо, с паузами, понурив голову.

— Давненько уж мы вместе. Дело теперь знаешь не хуже меня... на редкость понятливый оказался. Даже поверил, что деревья живые, такие же живые, как человек: они, как люди, рождаются, растут и умирают... Так что в крайности заменишь меня. Никому больше лес не доверю!.. Ну, а водички-то испить хочешь? — перебил он себя.

— Да нет, после, дядюшка Шарло. Еще успею.

— Гляди. Сам себе сеньор... Так вот я и говорю: чудной ты какой-то, Уайт. По всему видать — не из простых: вон какие латы да камни на шлеме! Не иначе, в немилости оказался. С твоей-то смекалкой да сноровкой не по лесу ходить пристало, а во дворце иль в крайности в каком знатном замке сидеть надобно.

Уайт смущенно засмеялся:

— Ничего мне этого не надо: я никогда не стану выше того, что хочу.

— А чего же ты хочешь?

— Немногого. — Уайт поднялся и стал задумчиво поглаживать ствол

каштана. — Хочу любить вот их, хочу любить людей. А во дворце ничего этого у меня не будет.

— Вот я и говорю: чудной, — убежденно повторил лесник. — Толковый, добрый — верно. Но — чудной... Много в тебе туману, дружок. Опять же долго ли будешь таскать на себе эти железяки, будто проклятый небом. Себя не жалко, так лошаденку пощади!.. Ну, понимаю, не дурень: что-то там такое с лицом. А все прочее?

— Я уж вроде и привык, дядюшка Шарло, — сказал Уайт.

Бовье грустно усмехнулся в бороду:

— О том ли толкуешь, дружок? Пора бы уж нам быть попрямодушнее. Или я не прав? Ежели считаешь, будто напугаюсь чего или не пойму всех твоих тайностей... Может, и бестолков в таких-то делах — бог простит! — но разве ж в том суть? Разве ж, увидав твои тяжкие шрамы, стану другим? Да не может такого стать!.. Я полюбил тебя, как сына родного, со всеми твоими болячками и секретами...

— Спасибо... — У Уайта, кажется, дрогнул голос. — Спасибо, дядюшка Шарло! Я очень... впервые...

— Э, да чего там!

Старый Бовье заморгал и стал старательно отряхивать штаны, потом долго смотрел в сторону, прежде чем заговорить снова.

— Ну вот тебе мой сказ, дружок: не таи в себе это — скинь половину своих бед на мои плечи, выдержи!.. Одному-то трудновато сладить, вдвоем легче... А неприглядности своей стыдиться не надо. Главное ведь в человеке душа. А душа у тебя — любой позавидует. — Бовье медленно поднялся. — Пошли, что ли?

Он прикрыл лицо ладонями и внезапно чихнул.

— К чему это я?... Ах, да! Глаза у тебя, дружок, — хорошие глаза! Любовался утречком, как солнышко вставало. А оно, ясное, заглянуло прямо в эту черную дыру в шлеме — и будто два камня драгоценные.

— Там, где у вас? — тихо, с недоверием спросил Уайт. И еще тише: — Глаза... у меня?

— А то у кого ж. Хоть бы забрало это проклятое поднял — грех прятать от людей такое богатство!

На мгновение Уайт замер. Потом провел перчаткой по щели над забра-

лом, провел еще раз — и вдруг бросился в чащу, шурша ветвями плотного кустарника.

— Куда ж ты? — ничего не понимая, спросил Бовье. — Да погоди же, куда ты?

«Не иначе, беда», — решил он. Продравшись сквозь кусты, он вышел к лесному озеру и судорожно обхватил рукой дерево. Уайт стоял на коленях на самой кромке берега и осторожно, с заметным недоверием и боязнью поднимал забрало, потом чуть подался вперед, чтобы яснее увидеть свое отражение... Бовье растерялся, не знал, что делать. Его обуял страх, когда Уайт с усилием снял шлем и нагнулся к самой воде. И тут же по лесу разнесся торжествующий крик:

— Я вижу!

— Чего... чего ты такое толкуешь? — Лесник с тревогой следил за ним, не решаясь приблизиться. — Ты отступи, отступи от воды-то, чего прилип!

— Я вижу, дядюшка Шарло!

— Отступи, говорю! Тут с твоими железками — сразу на дно!

— Я вижу! Без шлема вижу!

Уайт оглянулся. Старый Бовье увидел чистое молодое лицо с едва пробивавшимися усами и счастливые карие глаза, излучавшие любовь ко всему миру...

СООБЩЕНИЕ ДЕСЯТОЕ,

*последнее, в котором передается откровенный ночной разговор
и выясняется причина ухода Белого Скитальца и Тру*

Заболел старый Бовье. Свалило его быстро — за четверть часа до возвращения Уайта из леса. Еще хорошо, что в тот момент пришел белоголовый Жан, не растерялся, донес лесника до постели.

— Что с ним? — с тревогой спросил Уайт, едва перешагнув порог.

Жан громко всхлипнул:

— Кончился...

Лицо Бовье казалось восковым, резче обрисовались скулы, глаза были закрыты.

— Луна взошла?

— Что... сударь?

— Луны, говорю, не видно еще?

— Н-нет, сударь...

Уайт колебался лишь мгновение. И все же решился: сбросил с Бовье камзол, сосредоточился. Железные руки плавно прошли над телом лесника, на кончиках пальцев чуть слышно потрескивали слабые искры. Жан не мог сдвинуться с места, неведомая сила словно приковала его к стене. Он со страхом следил, как над дядюшкой Шарло все четче обозначался непонятный округлый полог, выросший будто из осколков подсвеченной изнутри слюды. А Уайт все водил и водил руками — медленно, плавно — от головы до ступней старика. Но вот он выпрямился и, взяв свой шлем, чуть покачиваясь, вышел из дома. Жан слышал, как с лязгом поднялось забрало и как тяжело, вроде со стоном, вздохнул рыцарь... Зачем он снова надел свой шлем? Не собирается ли уйти в такой-то скорбный час?.. И что

это за странный полог, к чему он тут?.. Ох, пресвятая дева! Уж не колдовство ли это? Не козни ли сатаны?

Едва перекрестившись, Жан выбежал на крыльцо и обомлел: рыцарь сидел, уткнувшись головой в перила.

— Су... сударь...

Уайт с усилием, едва заметно приподнял голову.

— Все позади, Жан. Дядюшка Шарло будет жить.

— Слава всевышнему господу нашему... Но что с вами-то, сударь? Почему вы...

Уайт отозвался не сразу, слабым голосом:

— Скоро ли луна, Жан?

— Луна?.. Зачем, сударь?.. Вон она — всходит...

Старый Бовье проснулся в полночь. В комнате стоял полумрак. По-прежнему пахло ивовой корой и чем-то еще — как после грозы... Но постой-ка, постой: его вроде крепко прихватило с вечера? Да, да. Думал, конец. А вроде и ничего — здоров и бодр, как прежде... А где ж Уайт? Неужели до сих пор не вернулся? Не может того быть. Тут где-нибудь. И был еще вроде Жан Великан. Ну, этот, конечно, удрал в деревню — не станет же ночевать в лесу.

Бовье поднялся, набросил на плечи камзол и выглянул за дверь. Луна стояла высоко и заливала ярким светом и полянку, и дом. Уайт сидел на крыльце с поднятым забралом.

— Как это меня вчера-то, — сказал Бовье. — Видал? Сразу будто в могилу провалился.

— Ничего, ничего, дядюшка Шарло. Теперь вы здоровы.

— Слава пресвятой деве!.. А ты опять в своей железяке. Можно подумать, никак нельзя без нее!

— Можно, — согласился Уайт. Снял шлем и пригладил на голове волосы.

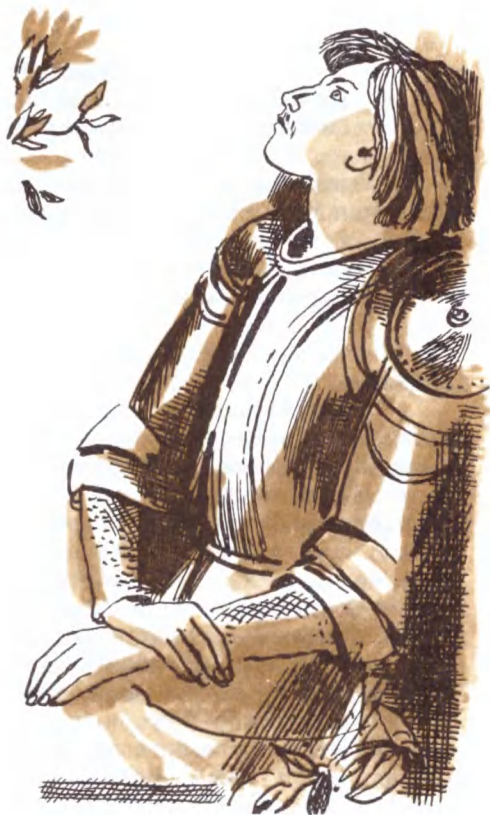
Бовье неодобрительно взглянул на латы Уайта, качнул головой. Потом осторожно уселся рядом.

— Виделось во сне сегодня, будто ты в одеждах знатного сеньора, весь в золоте да в камнях, и будто открылся мне — кто таков, откуда. Вот только память-то слаба стала, не вспомнил... Уж сказался бы, а?

Уайт долго сидел неподвижно, вскинув лицо к звездам. Потом едва слышно вздохнул.

— Я из очень далекой загубленной страны, дядюшка Шарло. На моей родине было бездонное зеленое небо и голубые леса...

— Зеленые, дружок, зеленые, — поправил Бовье.

— Пусть будет так... Теперь ничего этого нет. И почти не осталось людей, которые чем-то похожи на вас.

— Эвона! Куда ж они делись?

— Долгая история. И я не знаю, как это можно попроще рассказать... Ну вот представьте две противоборствующие силы. Например, богатых сеньоров, жаждущих расширения своих земель, богатства, и предводителей других владений, которые хотят лишь равенства между людьми и всеобщего благоденствия. Первое — зло, второе — добро. Согласны?

— Так вроде... верно выходит.

— Однако надо сказать, что зло изобретательнее, изощреннее в своих помыслах, ему всегда легче, поскольку деяния его не ограничены никакими запретами, оно творит то, что ему заблагорассудится. А вот добру, высокой нравственности — значительно труднее: все ее устремления должны следовать в узком русле законов человеческой морали, не отходить в сторону, иначе можно оказаться на дороге зла.

— Погоди, погоди... — Старый Бовье сосредоточенно утирал выступивший на лице пот. — Уж больно мудрено ты толкуешь. Не все ухватываю, как надо.

— Простите, дядюшка Шарло, постараюсь попроще... Я начал говорить о противоборстве. Лук со стрелой, копье, меч — игрушки по сравнению с тем, что может придумать человек. Так случилось у нас. Сеньоры изобретали все новое, все более губительное оружие. Предводители других владений вынуждены были заниматься тем же, дабы не стать покоренными навеки... Люди создали горы самого ужасного оружия, которое применять было уже опасно: могла исчезнуть жизнь.

Бовье во все глаза смотрел на Уайта.

— Какие страсти ты говоришь, дружок! Неужто такое может случиться?

— Может, дядюшка Шарло. И не дай бог, чтоб это когда-нибудь случилось у вас! — Уайт помедлил, поднял голову, и глаза его остановились на какой-то звезде. — Смертоносное оружие в конце концов отомстило своим создателям без всякой войны. Люди стали мучиться неведомыми до той поры болезнями, умирали, начали деградировать. Дело дошло до того, что из всего населения осталась кучка людей, которая была вынуждена уйти под землю и там заново строить дома, фабрики, электростанции и все, что необходимо для жизни. Среди них были и подданные сеньоров и подданные предводителей. Изобретавшие раньше смертоносное оружие вынуждены были изобретать совсем другое, и прежде всего — элиминаров... чистильщиков — тех, кто занимался очищением земли от опасных для жизни... ядов. Я из их числа. Только у таких, как я, было оружие и доспехи. В пищу мы не нуждались, мы не знали ни сна, ни усталости и несли охрану и работали круглосуточно. Нам, солдатам, охранникам, дали в руки меч и копье, убивающие даже на расстоянии. Один из глазков на шлеме способен родить луч, от которого все горит и плавится. Но здесь — здесь я ни разу не применил это!..

Уайт по-прежнему смотрел на звезду и продолжал говорить тихо, задумчиво, скорее всего самому себе:

— Чистильщики работали днем и ночью, а таких, как мы с Тру, сеньоры готовили к страшному, неслыханному преступлению: мы должны были в одну ночь уничтожить их противников!.. Тогда я не умел мыслить, действовал по приказам. И обязательно случилось бы несчастье, если бы один из нас не подслушал разговор о коварном замысле. Весть эта долетела

даже до чистильщиков, и те решили помочь обреченным, которые, кстати, больше стыдили и убеждали сеньоров, чем помышляли о предупреждающем ударе.

Мы с Тру получили приказ и ждали своего часа. А в это время в город проникло несколько чистильщиков, они ходили среди солдат и отговаривали их от слепого повиновения. Мы начали кое-что понимать, а пока думали, чистильщики внезапно напали на сеньоров. Многие из нас — я тоже — пошли за повстанцами. Все шло хорошо, но при штурме энергоцентра нас с Тру ударил разряд генератора статического электричества. Если бы не электронная защита... впрочем, и она оказалась не на высоте: мы находились на краю гибели. Когда пришли в себя, долго мучились неуверенностью, забывчивостью, и, видимо, потому вначале в моих действиях проявлялись рационализм и жестокость — качества, присущие не приученному думать солдату... Как попали в чужой мир — не представляю... Надо было учиться незнакомому языку, слиться с новой жизнью, поскольку надежды на возвращение у нас не было до последнего дня. — Уайт медленно, с усилием отвел взгляд от далекой звезды и посмотрел на лесника так, словно совсем не ожидал увидеть его рядом. — А-а. Кажется, я опять говорил непонятно? Простите.

— Чего ж... — Бовье все еще сидел неподвижно, боясь пошевелиться.

— Вот такая история, дядюшка Шарло. И есть у нее конец: мы с Тру возвращаемся на родину. Друзья разыскали нас и скоро будут здесь.

— Эвона как... — Бовье потерянно смотрел в предрассветную черноту леса, поглаживая грудь. — И стало быть, никак... Стало быть, уйдешь?

— У вас здесь хорошо, дядюшка Шарло, но родина есть родина!

Долго сидели молча, думая каждый о своем.

Начинался рассвет — неуверенный, робкий. Таяли тени. Меркли в синеве звезды. Прохлада проникала сквозь легкую одежду, вызывая озноб... И вдруг Уайт встал. Теплая улыбка будто осветила его лицо.

— Они пришли, дядюшка Шарло! Они нашли нас!

Лесник тоже поднялся и тоже пытался что-то разглядеть в разбеленной темноте леса.

В ту минуту, когда лучи солнца брызнули по верхушкам деревьев, на полянку вышли двое со странными, как маски, лицами. Уайт взмахнул рукой, но тут же повернулся к Бовье и осторожно обнял его.

— Прощайте, дядюшка Шарло. Спасибо вам за все, я никогда не забуду вас!

Ноги отказали старому леснику. Он медленно осел, потом ухватился за перила, пытаясь подняться.

— Остался бы! Один же я!..

Но Уайт и Тру уходили. В какой-то момент они стали как бы чужими, незнакомыми и все быстрее, все заметнее растворялись в белесом тумане.

**ЛЕОНИД
АГЕЕВ**

**С ДОСТАВКОЙ
НА ДОМ**

Игорь Валентинович поднял голову. Руки, скрещенные на коленях, затекли под ее тяжестью. Он потряс кистями, поворачивал, словно ввинчивая невидимые лампочки, и, осмотревшись, осознал себя сидящим на гранитном спуске к реке. Плескавшаяся у ног вода гоняла с места на место стаю солнечных зайчиков; на волне покачивалась пустая бутылка с наполовину отклеившейся этикеткой.

«Лесной» лимонад... Что за лимонад? Не то чтобы пить — и слышать никогда не приходилось! Мыло «Лесное», одеколон — да, а...

Голова была как с похмелья, хотя таковое исключалось: ни разу в жизни Игорь Валентинович капли спиртного в рот не брал и среди своих знакомых трезвость всячески пропагандировал.

Напекло, видно, садовую, пока дремал. Этак и тепловой удар недолго получить — в июле, да в полдень, да при пустынном ландшафте твоей черепушки... Но погоди-ка: как ты вообще-то очутился здесь?!

Он провел тыльной стороной ладони по щекам — побриты, посмотрел на полуботинки — почищены; брюки отглажены, пиджак в порядке...

Привычный вид моста справа, вверх по течению реки, и зданий на том берегу, сознание, что за спиной — родной Дом писателя (перейти мостовую — и можно кофейку испить!), не приостановили беспокойства. Игорь Валентинович мучительно пытался вспомнить вчерашний день...

Наконец он встал, затажно — до боли в суставах — потянулся, поднялся на набережную и зашагал к Дому писателя... Погруженный в задумчивость, привычно толкнул тяжелую дверь, вошел в вестибюль — и сразу хотел повернуть назад, решив, что по ошибке сунулся не туда: вестибюль был и похож и не похож на тот, который он привык видеть, который еще на позапрошлой неделе видел.

Когда наши хозяйственники этакий марафет навести успели?! Чтоб за полмесяца, что ты отсутствовал, — смешно думать!.. И стены выкрашены в приятный цвет, и будка вахтеров новая: выпуклая, прозрачная, вместительная. Да и вахтера этого тебе не приходилось раньше видеть... Смотрит-то как подозрительно — за своего не признает! Явно новенький!

Его сомнения рассеяло объявление, висевшее на стенде, тоже обновленное: ажурной конструкции, с выдвижными щитами. «В актовом зале Дома писателя состоится вечер поэта-сатирика...».

Все правильно, попал куда надо! И сомневаться было глупо: столько тобой в сие заведение хожено-перехожено — с закрытыми глазами найти можешь!..

«Вечер состоится 23 июля 2080 года».

Шутники! Вроде не канун 1 апреля, чтобы на сто лет календарь перелистывать! Не иначе, «под мухой» Миша-художник объявление стряпал!

Парадная лестница поражала шиком: стены на высоту человеческого роста были отделаны под дерево, перила блестели, ковровая дорожка скрадывала шаги.

Ничего размахнулись администраторы!.. Администраторы... администраторы... Тебе-то что от них нужно, с какого рожна тебя ноги сами наверх

несут? Ты же кофейку хотел — твоя дорога в бар! Думай, Игорь Валентинович, думай!.. Вернулся ты позавчера, никуда до ночи из дому не выходил, ни с кем не виделся. Вчера... Вчерашнего дня так и не вспомнить... Но здесь ты скорее всего и вчера не был, а значит, с секретарем правления еще не разговаривал. Надобность же в разговоре, помнится, имелась...

Он вошел в приемную и уже почти не удивился полной перемене декорации и тому, что за столом секретарши сидит абсолютно незнакомая девица; не обращая внимания на странноватые, лезущие в глаза мелочи обстановки приемной, произнес: «Добрый день!» — качнул головой в сторону сверкающей лаком и никелем двери: «У себя?» — и, опередив нерешительный кивок секретарши, одним рывком проскочил в кабинет.

Ну, елки-палки! И тут все по-другому!

Над горизонтом огромного письменного стола возвышалась фигура человека, похожего лицом на Бельмондо, но с усами. Человека этого Игорь Валентинович не знал.

Переизбрали, что ли, пока ты... Не могли: перевыборы совсем недавно были... Если предположить какие-нибудь экстренные пертурбации, так опять же: мыслимо ли, чтобы в данном кресле оказался человек со стороны, даже не член нашей организации?! А что он таковым не является — ты голову на отсечение можешь дать!

— С кем имею честь? Присаживайтесь, пожалуйста!

— Извините... Я, наверное, не туда все же попал. Мне нужен секретарь правления писательской...

— Я и есть секретарь правления.

— А где же?..

— Вы, надо полагать, давненько у нас не были. Мой предшественник перебрался нынешней весной в столицу. Сдал свои полномочия и уехал. Теперь мы, как видите, трудимся здесь в меру способностей... Позвольте спросить: вы откуда будете?

— Я?... Сейчас — из Карелии, из творческой командировки. Вот... — Игорь Валентинович, сам не понимая, зачем это делает, полез в карман пиджака, извлек писательский билет и протянул его новоявленному начальству.

Начальство глянуло на книжечку, покачало в сомнении на ладони, раскрыло и начало изучать.

— В каком, в каком году вы, извините, вступили в Союз писателей?

— В тысяча девятьсот шестьдесят пятом, тридцати лет от роду.

— Так... Значит, сейчас вам... — Секретарь посмотрел на потолок. — Сейчас вам сто сорок пять лет?

— Сорок пять!

— Нет, по моим подсчетам, сто сорок пять получается... Скажите откровенно, как к вам попал этот... документик? В каких вы его архивах откопали?

— При чем здесь архивы?! Это мой писательский билет! Это...

— Секундочку, секундочку!

Секретарь сделал ладошкой «стоп движение!», нырнул в свой широкоформатный стол и, вытащив убойной толщины том, начал его листать.

— Так... Пробоев Игорь Валентинович... Пробоев... Игорь... Нашел! Давайте посмотрим, что написано в Писательской Энциклопедии о нашем Игоре Валентиновиче. Так... Так... Принят в члены Союза писателей... совпадает... Жанр — научно-художественная литература... Книги, книги...

популяризаторская деятельность... Вот! Умер в тысяча девятьсот восьмидесятом году (предположительно)... Вы меня слышите: умер ровно сто лет назад!

— Кто умер сто лет назад?!

— Законный владелец предъявленного вами документа — писатель Про...

— Я — законный!.. Извините, мне что-то нехорошо... Мне бы на воздух... — Пробоев поднялся, потянулся взять свой документ, но усатый Бельмондо, упреждая его, ловким движением смахнул билет в ящик стола.

— Нет, нет! Документик пусть лучше у меня побудет. Он, возможно, представляет историко-литературоведческий интерес! Думаю, в Энциклопедии не без оснований указано: пред-по-ло-жи-тель-но!

— Ладно, выясняйте про ваш исторический интерес — я пока и без билета обойдусь! — бросил уже от дверей Пробоев и, выйдя в приемную, заторопился вниз, на улицу, потому как чувствовал себя в самом деле неважно.

Отдышавшись на скамейке в ближайшем сквере, успокоившись и поостыв, он решительно встал, заложил руки за спину и, набычившись, зашагал к газетному киоску, что виднелся на углу. Полмесяца назад киоска этого не было...

Сейчас мы выясним наконец, сейчас разберемся, кто с ума сошел... или сходит...

— Мне — «Литературку»! — Игорь Валентинович кинул нашаренный в кармане юбилейный рубль на тарелку, белевшую в зеве киоска, и, не получая ничего взамен, нетерпеливо заглянул сквозь запыленное стекло внутрь. Бородатый киоскер пробовал монету на зуб. Попробовав, удовлетворенно усмехнулся и высунул из окошка будки мясистый нос.

— Что просите?

— Я же сказал: мне нужна «Литературная газета»!

Киоскер засмеялся.

— Вам, дорогой, повезло: вы имеете в моем лице истинного нумизмата, а истинный нумизмат некомпетентного человека обманывать не станет.

Он покопался в темном закутке киоска и выложил на тарелку несколько бумажек, отдаленно напоминающих деньги.

— Это справедливая цена, будьте спокойны! А в придачу получайте вашу «Литературку»! — И киоскер накрыл бумажки газетой.

Бери, Игорь Валентинович, бери, не думай пока ни о чем! Если эти филькины грамоты служат деньгами в комедии, которую с тобой кто-то разыгрывает, они тебе... не помешают.

Пробоев взял газету, сгреб бумажки, кивнул киоскеру, завернул за угол и, пройдя квартал, очутился на одной из своих любимых улиц — тихой, с бульваром старых лип и тополей. Деревья показались ему несколько изменившимися, но разбираться, в чем состоит перемена, было сейчас недосуг.

Сев на первую попавшуюся свободную скамью, он закрыл на минуту глаза, как делал обычно перед прыжком с вышки в воду, спуском на лыжах с крутой горы или перед выходом на аудиторию, и, старательно не торопясь, развернул газету.

Орденов многовато... Три, четыре... Откуда бы?... А профиля, как обычно, два... Так-с... Число... 17 июля тысяча... Две тысячи восьмидесятого!..

Он сложил газету и сунул в карман.

Ну, Игорь Валентинович, надежда на то, что тебя кто-то разыгрывает, становится все эфемернее. Простейший закон обратной зависимости: чем больше фактов с минусом, тем меньше шансов с плюсом! Но тогда... Но тогда... может быть, все это тебе лишь снится?! Конечно — снится! Как тебе сразу не пришло в голову?!

Усилием воли Пробоев попытался проснуться. Ему многократно за прожитые годы случалось «смаывать удочки» из собственных сновидений, бежать от ночных кошмаров, вырываться из безнадежных, приводивших его, спящего, в ужас обстоятельств. Он хорошо знал, как происходит такое самопробуждение: сначала из одного сна переходишь в другой, затем из того — в следующий, из следующего — в следующий и так далее — ступень за ступенью, и чем глубже был первоначальный сон, тем больше ступеней на пути к последней, когда вынырываешь наконец в нестерпимо желанную явь.

На сей раз ничего похожего не произошло — выныривать, очевидно, было неоткуда...

Пробоев покопался в нагрудном кармашке, где покоилась его давно ставшая хронически безработной расческа, вытащил пакетик с безопасной бритвой, извлек лезвие и провел им по ладони. Боль была болью, кровь была кровью. Он лизнул набухший темными каплями надрез — натуральная кровь!

Без паники, Игорь Валентинович, без паники! Подведем некоторые итоги... Итак, ты — в XXI веке: перескочил неведомым образом через столетие и — здравствуй, я ваша тетя!.. Правильно: подобное невозможно. Не ты ли доказывал эту аксиому в своих статьях и книгах, не ты ли потешался над фантастами, на все лады варьирующими идею «машина времени», гоняющими старушку-развалюшку на сумасшедших скоростях по самым разухабистым дорогам и на дистанции, какие только вздумается? Ты потешался. Ты доказывал. И что же в результате? В результате — факты, грубо противоречащие... И все — бьют в одну точку... Постой, а как же поэтсатирик — на доске объявлений в Доме писателя? И фамилия и имя одинаковые с тем... Совпадение? Совпадение! Вполне допустимое в таком большом промежутке времени...

Черт знает что!.. Как бы вчерашний день вспомнить? Непременно надо вспомнить! Ясность тебе, Игорь Валентинович, необходима! Ты всю свою сознательную жизнь строил так, чтобы все всегда было ясно, все всегда объяснимо и определено! Ты же не умеешь иначе!.. Ладно. Сейчас ты вернешься к реке, на то же самое место... Да, только так: от какого-нибудь события недавних дней — к дню вчерашнему, шаг за шагом! Других вариантов нет...

Он вышел на проспект и повернул вправо.

Проспект, в общем-целом, без изменений... Ну, трамвайные рельсы убраны, паутина проводов снята... Автомобили бегают почти бесшумно, не дымят, не отравляют атмосферу, — так это и не автомобили, а скорей электромобили, мы их и в двадцатом начали внедрять-осваивать. Красивые, однако, машины! Твой «Запорожец» в подметки им не годится!.. А вот и нынешний общественный транспорт — нечто среднее между трамваем, троллейбусом и автобусом. Тоже наверняка на автономной электротяге. Как ты и предсказывал, как и пророчил!.. «Ничего-то, граждане-товарищи, в вашем двадцать первом веке особенного нет, ничего неожиданного! Все

не на пустом месте появилось, все глу-бо-ко в прошлое корнями уходит! Дважды два — четыре! Я это и т а м постоянно повторял, и вам, будет время, скажу! Во весь голос, уважаемые, скажу!»

Впереди открылась река.

А что, если заглянуть сначала домой, благо недалеко? По мосту на ту сторону и еще пять минут ходу...

Он пошарил по карманам — ключей от квартиры не было.

Домой придется попозже, к вечеру, когда там наверняка кто-нибудь да будет; днем можешь и за порог не попасть... Кто «кто-нибудь»? Кто?! В 1980-м — ясно, а в 2080-м? Сыну твоему было (было?! есть?!)... сыну твоему — двадцать, дочери — девятнадцать... Если положить на формирование каждого нового поколения четверть века и принять среднюю продолжительность жизни восьмьдесят — восемьдесят пять лет... В 2080-м ты можешь застать в квартире кого-то из своих прапраправнуков, праправнуков и правнуков... Интересно: сколько их у тебя? И есть ли? И почему кто-либо из них непременно должен жить на старом месте? Хоромы-то — не ахти... Позвонишь — а дверь откроют совершенно чужие люди, не только о тебе не имеющие ни малейшего понятия, но и ничего не знающие ни об одном из твоих прапрапра... Грустная перспектива!

Пробоев сошел к воде, расстелил «Литературку» и, сев, уткнулся лицом в скрещенные на коленях руки.

Позавчера ты вернулся из творческой командировки — из Карелии...

II

Назвать его командировку творческой можно было с большой натяжкой. И к разряду служебных она не относилась: в служебные — направляют, а его в этот раз никто в Карелию не посылал. Посылали — в предыдущий, два года тому назад...

Тогда в редакцию научно-популярного журнала, с которым давно и активно сотрудничал Пробоев, пришло письмо от геофизиков одной геолого-разведочной партии. Геофизики, производя аэромагнитную съемку участка побережья Онежского озера, обнаружили с вертолета на узкой незалесенной косе пятно — правильных круглых очертаний — выгоревшей, казалось, земли. Круг был разделен на концентрические кольца — темно-бурые в центре, к периферии светлевшие, сливаясь с естественной окраской косы. Вертолетчики, не столько, видимо, поддавшись на уговоры геофизиков, сколько заинтересовавшись сами, согласились сделать посадку. Растительность на косе в радиусе тридцати метров оказалась действительно выжженной, более того: выходы горных пород были оплавлены; повсюду валялись непонятного происхождения шарики, похожие на окатыши керамзита.

За строчками письма без труда угадывались мотивы, побудившие геофизиков обратиться в редакцию журнала. НЛО! Всем мерещатся неопознанные летающие объекты, каждый жаждет внести лепту в дело приближения — кажущегося неизбежным и совсем близким — часа встречи с представителями вневсеземной цивилизации!

К кому же, в свою очередь, должна была обратиться редакция журнала, получив подобное письмо? Конечно, к Игорю Валентиновичу Пробоеву! Прежде всего к Пробоеву! НЛО, пришельцы — это же его любимый

конек, им выращенный, ухоженный, ставший за два десятка лет настоящим конем, верным и безотказным. На нем Игорь Валентинович и в Союз писателей в добрый час въехал, и с членским билетом в руках отменно потом гарцевал, а если требовалось, такие приемы джигитовки демонстрировал, от которых даже выдавшие виды члены редколлегии уважаемого журнала хватались за головы.

Все знал об НЛО и пришельцах Пробоев, исчерпывающе владел предметом; так умел вывернуть любой факт наизнанку, так высказывался, что, явись пришельцы на самом деле, да услышь, да пойми Игоря Валентиновича, тщетно бы ожидала потом Земля их повторного посещения...

Получив на руки командировочное удостоверение и аванс, предвкушая открывавшуюся возможность разности в пух и прах очередную «сенсацию», примчался Пробоев в Заонежье — в «горячую точку» его личной, тщательно составленной и постоянно уточняемой карты боевых действий против любых проявлений псевдонаучных тенденций. Но не удалось ему тогда развернуться по-настоящему, не удалось, к сожалению... Только начал он обживать в поселке геологоразведочной партии, только-только наладил связи с нужными людьми, как из журнала пришла телеграмма, предлагавшая прекратить всякие изыскания и незамедлительно возвращаться. Все оказалось просто: известие о загадочном круге, обнаруженном геофизиками, получило нежелательно широкую огласку и кто-то из людей, мнением которых пренебрегать не полагалось, посоветовал журналу масла в огонь не подливать...

Одно утешало тогда обескураженного Игоря Валентиновича на обратном пути: за время недолгого пребывания в партии он — неожиданно для себя — близко сошелся с командиром вертолета, обслуживавшего геологов, Никодимом Саввичем Новиковым. Неожиданно, ибо на долю человека, перевалившего водораздел своего сорокалетия, такое выпадает нечасто. Истина известная. На пятом десятке и друзей новых, как правило, не обретают, и знакомств-то прочных не заводят, тем более с людьми более легкой возрастной категории; а Никодим Новиков был на десять лет младше Пробоева.

Общий язык они нашли при первом же разговоре. Новиков, как выяснилось, читал все книги Пробоева, следил за его выступлениями в периодической печати и полностью разделял его взгляды. Ни у кого еще не встречал Игорь Валентинович большего понимания и сочувствия делу, которым занимался. Одно удовольствие было беседовать с Никодимом! Верно, поначалу раздражал старомодный, редкий по нынешним временам прононс Никодима, но Пробоев быстро с подобной мелочью свякся и примирился, убедившись, что это у вертолетчика не от желания быть оригинальным, а естественная, скорей всего врожденная особенность речи...

Между ними завязалась переписка, ни разу в течение последующих двух лет надолго не прерывавшаяся. И о теперешней своей — не творческой, не служебной — командировке он заблаговременно уведомил Новикова письмом, попросив в начале июля позвонить ему домой. По телефону они договорились о дне встречи на аэродроме Петрозаводска, где находилась главная база вертолетного отряда. Никодим как раз заканчивал стажировку в управлении новым типом вертолета, полученного им взамен устаревшего, добросовестно потрудившегося и выработавшего весь положенный моторесурс МИ-4, и готовился к перелету в партию: у геологов «горел» план аэросъемочных работ.

На встречах придорожных щитах цифра, указывающая расстояние до Петрозаводска, неуклонно уменьшалась.

Уверенно поруливая, Игорь Валентинович мчался в потрепанном «Запорожце» и пел. Находясь за рулем и в одиночестве, он всегда пел — в полный голос, казавшийся в замкнутом пространстве салона сильным, чуть ли не мощным, каким на самом деле не был, к застарелому огорчению своего владельца, мечтавшего некогда стать певцом. Все теноровые партии классического оперного репертуара Игорь Валентинович знал наизусть и умел, обладая безошибочным слухом, передать малейшие тонкости, тончайшие оттенки творений великих композиторов прошлого. Современную оперу Пробоев не признавал, оперетта для него вообще не существовала. Ах, если бы его голосу да побольше силы!

Петь он старался без перерывов: пройдясь по «Ивану Сусанину», принялся за «Евгения Онегина»; похоронив Ленского, переметнулся в глубь веков — к «Князю Игорю». И все же при случавшихся паузах в голову успевали заскользнуть невеселые думы о событиях последних месяцев и дней...

Новая волна увлечения байками о гостях из космоса захлестывала города и всеи страны. Дорогие сограждане все определенной огорчали Пробоева своей легковёрностью, падкостью на нелепые — лишь бы паленым пахло! — слухи, своей забывчивостью и явным пренебрежением лично к нему, И. В. Пробоеву, без устали — в печати и с трибуны — призывавшему рассуждать и мыслить здраво. Для кого он, в конце концов, старался?!

В городе опять объявился столичный гастролер со скандальной, ничто раздраженной Пробоевым еще в предыдущий заезд «фокусника-космотолога» лекцией, дополненной на сей раз «новейшими фактами». Пока Игорю Валентиновичу удалось, обегав всевозможные инстанции и употребив весь свой авторитет, добиться запрета, гастролер успел-таки раз пять выступить. Отпечатанные на машинке тезисы его лекции распознали среди населения со скоростью, не уступающей скорости распространения ежегодных эпидемий гриппа, народ на лекции валом валил, у входа в здание, где проходили выступления, милиции приходилось выставять усиленные наряды.

Гастролера Пробоев и раньше считал личным врагом, теперь же и имени его слышать не мог: гастролер умудрился внести раскол в семейную жизнь Игоря Валентиновича.

Жена Пробоева давно интересовалась проблемой контактов с инопланетянами и с присущей ей экзальтированностью верила самым расхожим небылицам. Побывав на лекции «залетного шарлатана», она совсем... того-этого... И ладно бы, сама только! Так нет, детей сумела увлечь, детей волей-неволей против отца родного настроить... Сын в одной из особо жарких внутрисемейных дискуссий дошел до того, что обозвал его пародистом от науки! Дескать, люди ищут, люди пишут об интереснейших наблюдениях, смелые гипотезы высказывают, а он измывается над их стремлением приблизиться к истине, передергивает, подтасовывает, искажает! И тем живет!.. Приятно от сынка подобные речи слышать?! Сопляк! Забыл, чей хлеб ест! Знать небось не желает, что хлеб-то на тех самых «пародиях» замешан, на тех самых «передергиваниях» испечен...

Игорь Валентинович так расстроился от навалившихся мыслей, что, начав очередную арию, «пустил петуха» и, вовсе озлясь, резко поддал газу, отчего автомобиль козлом запрыгал по неровностям асфальта.

На заднем сиденье забрякало и загремело потревоженное содержимое огромного брезентового мешка. Газ пришлось сбросить — жаль было бы что-нибудь разбить, память, порвать: слишком больших усилий стоило Игорю Валентиновичу мешок тот наполнить... Да, останови сейчас машину случайный инспектор ГАИ да попроси показать, какой груз везет гражданин Пробоев в личном автомобиле, довелось бы гражданину Пробоеву попотеть, объясняя, откуда у него такие странные штучки, зачем они ему и что он намерен с ними делать.

...Добиваясь отмены лекций «залетного шарлатана», Игорь Валентинович попутно договорился с Центральным лекторием о собственном выступлении по существу того же вопроса. Клины вышибают клином, всякому яду — противоядие!

Название его лекции было скромным, но достаточно интригующим: «Еще раз об НЛО». Зал оказался набитым, у входа в лекторий спрашивали «лишний билетик».

Однако уже через четверть часа после начала выступления Игорь Валентинович услышал первый робкий свист с галерки; через минуту свист повторился, раздались аплодисменты, и обманувшиеся слушатели дружно повалили на выход...

Лекцию Пробоев заканчивал перед двумя десятками стойков преклонного возраста — ослосевших, клюющих носами. Громы и молнии, которые он метал над их головами в горе-толкователей загадочных явлений, разносчиков сплетен, распространителей вымыслов западных злоумышленников и психически неуравновешенных личностей, разбудить дремавших не смогли...

Публичный провал был последним толчком. Давние позывы, неконкретные ранее намерения оформились в четкий план активных действий. На разработку деталей и осуществление первой части плана ушло недели полторы... Ровно через месяц после пережитого в стенах лектория позора Игорь Валентинович, натянуто попрощавшись с домохозяевами, сел за руль и взял курс на Петрозаводск...

Пробоев поставил «Запорожец» на площади перед зданием аэропорта, почистился от дорожной пыли, запер машину на ключ и отправился искать Никодима Новикова.

Он с прошлого раза знал, что стоянка вертолетов находится на окраине аэродрома у сосновой рощи. Пройдя сквозь толпу пассажиров, готовившихся к выходу на посадку, Пробоев объяснил дежурной свою надобность, показав для убедительности писательский билет, был пропущен на летное поле и, держа его кромки, добрался до хозяйства вертолетчиков.

Голый по пояс технарь, копавшийся на ветерке под навесом в покоем на автомобильный движке, на вопрос о Никодиме ткнул через плечо гаечным ключом:

— Где больше Новикову быть? Со своей обновой возится! Последний в ряду — его аппарат...

Не доходя шагов тридцать до Никодимова вертолета, Пробоев остановился. Он видел в каком-то журнале снимки новой модели, но в натуре... В натуре машина превосходила все ожидания! У Пробоева ладони от волнения вспотели! Несведущий человек, увидав такого экзотического красавца впервые...

— Ну, Игорь Валентинович, нравится? — Неизвестно откуда появившийся Никодим пожимал Пробоеву локоть. — Здравствуйте!

— Здравствуй, Никодим, здравствуй, дорогой!.. Как же не нравится! Царь-птица, а не машина!

— Вовремя вы прибыли: у меня все готово.

— Великолепно!

— Я уже начал придумывать для своего начальства причину, чтобы отлет хоть до завтрашнего утра разрешило отложить: вас-то, смотрю, нет и нет...

— Ошибся малость в расчетах! — Пробоев посмотрел на солнце. — Думал раньше успеть...

— Ничего, засветло уложимся!

— У меня багаж кое-какой в машине... И саму ее надо куда-то пристроить.

— «Антилопу» вашу поставим к ангару — у нас тут никто не тронет. Пошли — пригоним... Я только пилота своего предупрежу: пусть тоже собирается!

В иллюминаторе стали видны собравшиеся у посадочной площадки люди. Фигурки быстро росли — Пробоев уже узнавал своих старых знакомых: начальника партии Павла Петровича, главного геофизика Георгия Константиновича, шофера Славу...

Пыль заволокла стекло. Легкий толчок... Тишина.

— Наконец-то, Никодим Саввич, наконец-то! Заждались мы тебя, благодетель! — Начальник партии энергично тряс Новикову руку. — Да ты никак с гостем? Здравствуйте, товарищ Пробоев!

— Здравствуйте, Павел Петрович! Приветствую вас, друзья!

Геологи откровенно радовались прибытию вертолета: производственные интересы в той или иной мере всех их заботили, всех касались. Нет полетов — нет выполнения плана, нет плана — нет премии. Зато неприятностей не оберешься!

— Что, Игорь Валентинович, снова к нам? Не дают, вижу, вам покоя «братья по разуму»! — Георгий Константинович подмигнул и залился характерным смехом, смущавшим Пробоева еще в тот приезд, — так этот гогот-клекот, захлебывающийся и звонкий, не подходил к могучей фигуре геофизика.

— Не дают, не дают, бестии...

— Кадила подходящего на них нет! Кадило хорошее нужно! Кхе-кхе-кхе! — Георгий Константинович выпустил новую очередь неумной жизнерадостности и полез под кабину вертолета, который помощник Никодима с шофером Славой успели уже закрепить на растяжках.

Начальник партии взял Никодима под руку.

— Как в управлении машина?

— Слушается, Павел Петрович, слушается потихоньку...

— Тебя бы не слушалась!

Новиков повел плечом.

— Хорош, хорош кормилец!.. — закончил осмотр геофизик. — Нутром его полюбуемся завтра с утречка! Верно, Слава?

Он обнял шофера за плечи и повел к стоящему в отдалении автобусу. За ними двинулись остальные.

— Мешок мой... — приостановил Пробоев Никодима.
— Пусть в вертолете переночует, ничего с ним не случится.
— Друзья! Сейчас, — начальник партии отвернул манжету рубахи, — сейчас восемнадцать часов пять минут... Никодим Саввич, гостя вы опять к себе забираете?.. Ясно! Час вам на акклиматизацию, а затем прошу всех ко мне — отужинать! Заметано?.. Трогай, Слава!

Часам к девяти за потерявшим первоначальную привлекательность столом в доме начальника партии было шумно и накурено.

Пробоев, вдоволь отведавший и волнушек прошлогоднего засола, и жареных ранних подберезовиков-«колосовиков», съевший гигантский кусок жирной, переперченной свинины и оттого мучимый жаждой, потягивал брусничный квас...

— Вы тут, Игорь Валентинович, только что с некоторым скептицизмом рассуждали о генной памяти, — вернулся вдруг к казавшемуся Пробоеву законченным разговору сидевший напротив Никодим. — Вот скажите тогда, откуда я знаю французский язык? А я его, поверьте, весьма прилично знаю, хотя никогда в жизни не учил, что тоже хорошо знаю... Во сне же мне порой занятная картина видится: окно полукруглое, за окном ветка вишни — то с ягодами спелыми, то в цвету, то в снегу, то в листьях пожелтевших, — у окна дама в белом парике и в белом платье, каких в наши дни не носят, — бонна не бонна, учительница не учительница, но только — я во сне понимаю — не мама моя... Мамы я, между прочим, не знал, не ведал: я ведь из подкидышей. Кстати, как и Никита... — Новиков кивнул на своего безразлично молчавшего рядом помощника. — Такой у нас сложился экипаж!..

Никита, не меняя выражения лица, негромко пробурчал:

— Не балуй, Никодим...

Никодим успокаивающе похлопал его по руке.

— О родословной моей я, естественно, никакого представления не имею, про сидящие во мне гены ничего предполагать не могу. Себя же лет с шести, с приюта, отлично помню: и в школе-интернате, и в авиационном училище английский язык учил. Ничему, конечно, не выучился, кроме как читать со словарем, но не о том сейчас разговор. Разговор — о французском, откуда я знаю французский?

Покуда Игорь Валентинович обдумывал, как бы поправдоподобней и поосновательней объяснить Никодиму неясную самому Пробоеву странность, вмешалась главный бухгалтер партии:

— Мне, знаете, тоже временами один сон снится: я — малышка совсем — лежу в кровати, а надо мной — что бы вы думали? — счета висят, и я не в игрушки какие-то, как все нормальные дети, играю, я костяшки двигаю, костяшками щелкаю — считаю что-то...

— Сколько мамочкиного молока высосала... Эх, бухгалтерия! — Никодим безнадежно махнул рукой...

Пробоев, стараясь не привлечь внимания, выбрался из-за стола и вышел на крыльцо. В темноте светились окна соседних домов, мигали, покачиваясь, редкие фонари единственной улицы поселка. Он сел на завалинку, приспустил узел галстука, посмотрел на небо в редких звездах. Западный, более светлый склон прочерчивали черной строкой непонятного письма вершины елок и сосен. Неподвижно висели синеватые облака...

Последним из необъятного брезентового мешка выкатился подержанный водолазный шлем.

— Ну, вроде все!

Игорь Валентинович отбросил мешок и начал разбирать образовавшуюся грудку, раскладывая перед озадаченным Никодимом — на сиденьях и на полу вертолета — ее содержимое: черный лоснящийся конькобежный костюм, устрашающего вида комплект одежды из тяжелой, просвинцованной ткани, какой-то — похожий на миноискатель — прибор, две пары диэлектрических перчаток, мегафон, гермошлем с наполовину вырезанным экраном, банки с бездымным порохом, целлофановые пакеты с камешками...

— Представляешь, сколько труда я положил, чтобы все раздобыть?! Набегался по знакомым, по знакомым знакомых!

— Растолкуйте наконец, зачем вам понадобилось тащить сюда это...

— Барахло?.. Нет, Никодим дорогой, не барахло! Сейчас поясню — передохну только! Присядем давай...

Долгих объяснений не потребовалось: приятно все же иметь дело с понимающим тебя человеком!.. Одно смущало Пробоева: затей его Новиков не увлекся — тени сомнений набегали время от времени на лицо командира вертолета.

— Я все стороны задуманного изучил, Никодим, юридическую тоже. В Уголовном кодексе никакой статьи, ни прямой, ни косвенной, под которую бы наши действия можно было при желании подвести, нет! Не сомневайся, я очень внимательно прочел кодекс...

— Да я...

— И всего-то три-четыре вылета, всего три-четыре!.. А эффект какой будет, эффект представь! Зашумит дубравушка, заволнуется! Подумаю, что за болтология пойдет, — дух захватывает! А мы подождем, а мы послушаем, почитаем! Выберем момент и — бац! По усам, по усам! Надолго кое-кому отобьем охоту тень на плетень наводить! Догола разденем! Постоят у нас голубчики на публичном обозрении, потопчутся, ладошками стыд свой прикрывая... Что, не пойму, тебя смущает?! Мы ведь не для себя — мы на благо науки, во имя истины! Что наш лидер идейный говорит? «Не доказано — не истина! — говорит. — Мне, — говорит, — подсовывают всякие сказки о пришельцах и НЛО, а я в ответ одного прошу: покажите! Не могут показать! Вот пусть эти НЛО сядут на крышу Академии наук, пусть — кто там в них прилетит — ко мне в кабинет явится, тогда лишь поверю!» Чувствуешь, Никодим? Пока не доказано обратное — истина на нашей стороне! А истину защищать надо!

— Пожалуй... Будем защищать.

— Это уже деловой разговор!

Пробоев поднял с полу мешок.

— Над вещичками привезенными я еще чуток поколдую, есть кое-какие мыслишки, рацпредложения, так сказать. С вещичками полный ажур будет, а вот что делать с твоим помощником? Без него, я понимаю, нам не обойтись, а лишнего...

— За Никиту не беспокойтесь, Никиту я беру на себя.

— Тогда... Тогда — все отлично! На окончательную подготовку дней трех, думаю, достаточно будет... Планируй, Никодимушка, первый вылет!

И Пробоев начал складывать в мешок свой необычный реквизит.

Рыжая проплешина, с которой начиналось очередное наступление лесозаготовителей на тайгу, была окаймлена могучим валом вывороченных пней, обрубленных веток и содранного дерна.

Брошенный с вечера бульдозер, успевший за ночь остыть и покрыться каплями росы, поблескивавшей в лучах шурящегося над гребнем леса солнца, ждал на проплешине своих хозяев. Ждал их, однако, не только бульдозер...

Пробоев вытряхнул из банки остатки пороха в оконтуривающую борозду круга, условно им названного «стартовым», распаковал переданный Никодимом целлофановый пакет и разбросал по земле окатыши керамики. Место для круга было выбрано на площадке, может вчера лишь оголенной ножом бульдозера, — подальше и от самого бульдозера, и от чащи деревьев: ни подпалить незначай тайгу, ни загубить технику лесозаготовителей в намерения Пробоева и Никодима не входило.

Они присели отдохнуть. Вертолет стоял на краю поляны. На фоне торчащих корней и стволов деревьев очертания его казались особенно причудливыми. В кабине Никита отсыпался за троих сразу: вылетели они с базы партии перед рассветом, чтобы успеть к началу рабочего дня геологов воротиться.

Вырубку эту Новиков присмотрел во время съемочных полетов. Выслушав его соображения, Игорь Валентинович не стал даже напрашиваться слетать на разведку, полностью доверившись вертолетчику.

Сейчас Никодим сидел рядом в плотно облегающем его тело костюме конькобежца-скорохода, облокотившись на гермошлем, лежащий на коленях, и подперев ладонью подбородок. Выглядел он эффектно! Сам Пробоев маялся от жары в наряде из просвинцованной ткани; водолазный шлем, к которому он успел вчера вечером приладить усы комнатной телевизионной антенны, стоял у него в ногах...

Со стороны дороги, ведущей к вырубке, послышались голоса.

— Идут! — поднял руку Пробоев.

Никодим побежал к вертолету — разбудить Никиту, велеть быть наготове.

«А он говорит: дай ружье, на уток хочу, мол, сходить!» — «А ты?» — «А я говорю: не дам! Разве не знаешь, говорю, что даже наилучшему другу никогда не доверяют двух вещей: ружья и...»

Пробоев надел шлем, включил висящий на груди мегафон, увидел, что Никодим — тоже уже в шлеме — идет к нему, потряхивая пошумевшим прибором, и шагнул навстречу совсем близким голосам.

Двое мужиков — солидный (видимо, бульдозерист) и молодой, еще не оперившийся, — шедшие по обочине глубокой тракторной колеи, появились на открытом пространстве вырубки.

Оказавшись в поле их видимости, Пробоев торжественно воздел над головой руку в диэлектрической перчатке.

Мужики остановились одновременно. Округлившиеся глаза их забежали, взгляды заметались между фигурами Пробоева, Никодима и вертолетом... Несколько мгновений длилась общая напряженная неподвижность, потом, не издав ни звука, механизаторы пустились наутек.

Спохватившись, Игорь Валентинович поднес мегафон к специально сделанной им в шлеме прорези и заговорил «механическим» голосом:

— Ува-жа-емы-е зем-ля-не! Ува-жа-емы-е зем-ля-не! Ос-та-но-ви-тесь! Мы при-бы-ли к вам для пер-во-го кон-так-та! Ос-та-но-ви-тесь!

Куда там! Через минуту беглецы пропали за деревьями.

Сняв шлемы, Пробоев и Никодим расхохотались.

— Все, Никодим, сматываемся! Запускайте с Никитой вертолет...

Он достал спички, подошел к «стартовому» кругу, поджег запальную дорожку. Пламя взметнулось и почти сразу погасло, оставив на земле отчетливые следы концентрических окружностей, по которым был отсыпан порошок.

Убедившись, что никакой опасности возникновения пожара нет, Пробоев заспешил к вертолету. Винт вертолета делал первые медленные обороты...

Времени полета до базы партии Игорю Валентиновичу едва хватило, чтобы успеть переодеться, спрятать в мешок свой и Никодимов костюмы, мегафон, «миноискатель», затолкать мешок под сиденья.

Геофизики во главе со своим шефом уже собрались возле посадочной площадки.

Никодим, не глуша двигатель, высадил Пробоева, взял на борт операторов и снова взмыл в небо.

Георгий Константинович, проконтролировавший вылет, подхватил Пробоева под локоть.

— На нашу историческую точку слетали, Игорь Валентинович?

— Угу...

— Жалеете небось впустую потраченное утро? Да... Я тоже летал туда разок. Подумать только: никаких следов не осталось — дожди, снега, ветры да туристы все подчистую подлизнули! Главным образом туристы постарались! Их по первое лето видимо-невидимо там перебивало. Табунами шли! Кхе-кхе-кхе!..

Они дошли до конторы партии.

— Ну, пора мне и бумажками пошелестеть. А вам отдохнуть надо: встали-то, чай, ни свет ни заря! — Георгий Константинович поднялся на крыльцо.

— Да, поспать часика два не помешает...

Они посадили вертолет на поляне у поворота глухой дороги, ведущей на дальнюю делянку — к избе лесника. Знающий местные порядки Нико-

дим не случайно выбрал из недели пятницу: по пятницам к леснику приезжал на мотоцикле почтальон.

Это была их третья мистификация... После «обработки» лесозаготовителей попробовали «войти в контакт» с женщинами... Пробоев и теперь еще мучился угрызениями совести, вспоминая, как женщины бежали от них — немолодые, заезженные нелегким крестьянским трудом, — бежали, побросав вилы и грабли, повизгивая, постанывая, охая и причитая, оступались и падали, всплескивая подолами юбок...

Женщины шли стоговать сено, сушившееся на пойменном лугу, — впяттером по берегу речки, рассуждая о том, много ли нынче будет брусники и почему сей год станут ее закупать (и станут ли вообще) работники коопторга...

Глядя тогда на их паническое бегство, Пробоев ничего «вещать» через мегафон не стал, понимая, что все равно они не услышат, и усомнился даже: за кого, в общем-то, женщины их приняли? Не за чертей ли? Никодим, во всяком случае, в своей черной спортивной форме за такового вполне мог сойти...

Идея Никодима насчет почтальона пришлась по душе Пробоеву по двум соображениям: во-первых, никто лучше не мог бы разнести по округе и за ее пределы «сенсацию»; во-вторых, почтальон — это все же не женщины, с почтальоном шутки шутить... этичнее. Тем более парень он якобы крепкий, уравновешенный, общественник...

— Мне наш главный геофизик забавную историю рассказал как-то, Игорь Валентинович, не знаю, правда или нет...

Они сидели на недавно поваленной, вероятно — лесником на дрова, сухой сосне, прислушиваясь, не затарахтит ли мотоцикл. Никита, по обыкновению, спал в вертолете.

— В начале двадцатых годов нынешнего столетия, говорит, когда радио завоевывало мир и все старались иметь у себя какой ни на есть приемник, в эфире стали вдруг периодически появляться странные сигналы, разгадать которые тщетно пытались ученые всей нашей планеты. Всевозможные высказывались предположения, но наибольшим успехом пользовалась версия, что это — сигналы с Марса: тамошняя цивилизация, дескать, шлет на Землю свои позывные... Когда же страсти накалились так, что плюнь — зашипит, в какой-то газете выплыло сообщение одной американской фирмы, изготовлявшей галоши: таинственные сигналы в эфире — ее, мол, штучки. Спрос на галоши катастрофически падал, фирма прогорала и решила таким образом обратить на себя внимание, сделать рекламу...

— Ты хочешь сказать — не мы с тобой первые... экспериментируем?

— Да нет, ничего такого я в виду не имею.

— И помогла «марсианская» реклама фирме?

— Об этом геофизик умалчал, — может, не знает. Он ведь тоже с чужих слов мне рассказывал... Зато уверял, что именно сия история — не галоши, конечно, а сигналы — натолкнула жившего тогда в Берлине Алексея Толстого на мысль написать «Аэлиту».

— За одно это фирме большое спасибо надо сказать! «Аэлита» — прекрасная кни...

— Тише, Игорь Валентинович! Мотоцикл вроде...

Пробоев прислушался.

— Стрекошет... Ну что ж, так сказать, по местам и к бою!

Надевая шлемы, они поднялись с сосны...

Вылетев из-за поворота и увидав «пришельцев», почтальон резко нажал на педаль тормоза; при этом он, наверное, «заблудился» в ручках газа и сцепления: мотоцикл чихнул и заглох.

После короткого замешательства парень лихо скатапультировал из седла и стал поспешно разворачивать своего мотоцикла, одновременно пытаясь крутануть ногой стартер.

— Ува-жае-мый зем-ля-нин! — начал Пробоев.

Мотоцикл не заводился. Почтальону явно было жаль бросить красавицу «Яву» на произвол судьбы, он старался изо всех сил — расторопно и истово. Но и за этой возней смысл звучавших из мегафона слов о желании «инопланетян» вступить в контакт с первым встреченным ими человеком дошел, видимо, до его сознания. Почтальон вдруг прекратил суетиться, поставил мотоцикл на подножку, стащил с лица защитные очки, снял шлем, бросил очки в шлем и повесил его на руль. Вытерев рукавом пот со лба, причесался, глядясь в зеркало заднего вида, стряхнул с брюк пыль и решительным шагом направился в сторону «пришельцев».

Пробоев, растерянно замолчав, посмотрел на Никодима.

Приближаясь, парень перешел на чеканный шаг — чувствовалось, что в армии по строевой подготовке у него было не иначе как «отлично».

Игорь Валентинович, шелкая зачем-то выключателем мегафона, продолжал безмолвно взывать к Никодиму... И тогда Новиков, выступив навстречу отважному представителю Земли, стал пристально смотреть ему в лицо. Под этим взглядом глаза парня заюлили, затуманились; шаг его сбился, сделался неуверенным; наконец, почтальон остановился, пьяно покачиваясь, хотел что-то произнести, но лишь замычал и свалился в траву, раскинув руки, так и не ощутившие дружеского пожатия «братьев по разуму»...

— Ступайте к вертолету! Это у него не надолго! — Никодим дергал оцепеневшего Пробоева за рукав балахона. — Давай мотор, Никита!

Никодим запалил «стартовый» круг и, когда порох сгорел, затоптал редкие синеватые язычки; потом подошел к распростертому парню, уложил его поудобнее, шутливо шелкнул по носу и тоже побежал к вертолету, из открытой двери которого нетерпеливо выглядывал уже несколько пришедший в себя Пробоев...

Посадочная площадка пустовала: вылет геофизиков на сегодня не планировался, по графику вертолетчикам надлежало заниматься профилактикой машины.

Они спокойно приземлились и закрепили вертолет на растяжках.

Никита начал копать в моторе, а Пробоев с Никодимом сидели в салоне, попивая из пластмассовых чашек крепкий чай, ни на градус, казалось, не успевший остыть в термосе со вчерашнего вечера.

— Как же ты сумел в нокаут-то положить бедолагу? Почище, чем кулаком!

— Немного гипноза, Игорь Валентинович...

— Гипноз... Не знал я таких способностей за тобой! Что бы мы делали, не будь твоего гипноза?!

— Придумали бы! Сказали бы, например, что какие-нибудь хитрые пробы почвы или воздуха берем, потому и одеты соответственно, и...

— А речь моя по этой штуковине? — Пробоев ткнул носком сапога лежащий на полу мегафон.

— Подурачиться, мол, решили.

— Подурачиться! Нет, Никодимушка, дело могло так обернуться, что и все предыдущие наши труды пошли бы насмарку! Парень попался серьезный: услыхал бы потом о наших проделках с лесозаготовителями да с женским контингентом здешних мест, соотнес со своим случаем — вот тебе и досрочное разоблачение, шиш вместо сенсации!

Пробоев подлил в чашки.

— Я думаю, Никодим, пора заканчивать! Шумнули мы хорошо, riskовать больше не стоит.

Никодим развел руками: воля хозяйская.

— Словом, соберу-ка я манатки да подамся до дому!

— Когда думаете отчаливать?

— Да чем скорее, тем лучше, сам понимаешь...

— Конечно. Тогда, как говорится, куй железо... Никита! Никита!

— Что стряслось? — Никита просунул голову в салон.

— Не усердствуй с мотором, брат, по мелочи покопайся — и хорош! Через час полетим в Петрозаводск. Там и профилактику сделаем, и ремонт необходимый. И груз какой-то, сказывали, в аэропорту для партии лежит — захватим на обратном пути. В воскресенье к вечеру вернемся... С начальником и главным геофизиком я обо всем договорюсь, Игорь Валентинович! Шагайте домой, укладывайте пожитки...

В аэропорту Петрозаводска было солнечно и безветренно.

— Ну, Никита, до свидания! Удачно тебе летать!

— Может, помочь поднести... вещички-то?

— Не надо, управимся!

— До свидания, Игорь Валентинович!..

Пробоев с Никодимом взяли за углы мешок с «космическим» реквизитом и пошли к ангару — к заждавшемуся хозяина «Запорожцу».

Когда четверть часа назад они пролетали над Онежским озером, Игорь Валентинович подумал было, не сбросить ли мешок за борт, в полном соответствии с поговоркой «...и концы в воду!», но моментально неумную мысль отверг: реквизит мог пригодиться! Напротив, его непременно следовало сохранить! Главные события впереди! Может случиться, что придет нужда пустить в ход вещественные доказательства. «Уважаемые очевидцы! Не в этих ли костюмах представляли пред ваши очи пришельцы? Не в этом ли шлеме был один, не в том ли другой?..» Пригодиться могут вещички!..

Они засунули мешок в багажник «Запорожца». Пробоев завел двигатель, поставил на малые обороты, протер лобовое и заднее стекло.

— Что ж, Никодим, будем прощаться?

— Счастливого вам, благополучной дороги!

— Спасибо, за все спасибо!

— Не стоит... — Никодим вдруг помрачнел и отвел глаза. — Я только... Я вам хотел... В общем, если что, вы на меня не обижайтесь, Игорь Валентинович: дело дело — наблюдай-докладавай...

— О чем ты?

— Ни о чем... Ни о чем! Взгрустнулось на разлуку...

— Мне тоже жаль с тобой расставаться. Живы будем — свидимся, глядишь! Давай лапу!

Дождей и здесь, пожалуй, давно не было. «Запорожец» на сухом покрытии легко слушался руля, наматывая километры на передние колеса и синхронно сматывая с задних.

Поначалу из головы Пробоева не выходили непонятные слова Никодима «наблюдай-докладывай»... Что он все-таки имел в виду? Не служебные ли неприятности, которые могут ожидать командира вертолета после того, как Пробоев откроет карты, пояснит обстоятельства появления в карельских лесах «пришельцев»? Вполне возможно... С Пробоева какой спрос? Пробоев — лицо, в общем-то, частное, а Никодим... Никодим был при исполнении. Кто знает, что в его должностных инструкциях понаписано!.. Но при чем тут «наблюдай-докладывай»?

Игорь Валентинович так и не нашел приемлемого объяснения смысла Никодимовых слов и постарался о них забыть...

Успокоенный видом мелькающих за окнами валунов и сосен, чередующихся речек и озер, он сбавил скорость, перехватил поудобнее руль, откашлялся и — сперва негромко, затем уверенней и уверенней — запел: «Куда, куда вы удалились...»

...В полдень следующего дня он прибыл домой. Как и следовало ожидать, квартира пустовала: жена — на работе, дети... детей вообще в городе не должно было быть. У детей в его отсутствие начался летний студенческий семестр: сын — на производственной практике, дочь — в совхозе...

Игорь Валентинович принял ванну, пообедал, просмотрел скудную почту, почитал скопившиеся газеты. Он никому не стал звонить, и ему никто не позвонил. Последнее было вполне естественно: друзья-приятели знали, что вернуться он должен позднее примерно на неделю.

К вечеру дорожная усталость стала сказываться, заниматься ничем не хотелось, и спать они с женой легли раньше обычного.

Утром... утром...

III

Пробоев замотал головой, пытаясь вытряхнуть из глубин памяти хоть какие-то крохи вчерашнего дня, обрывок какого-нибудь эпизода восстановить, миг короткий просветлить. Напрасно! Вчерашнего дня по-прежнему словно не существовало...

Река у ног продолжала ластиться к покрытому зеленой тиной граниту, бутылку из-под «Лесного» лимонада, наверное, унесло течением.

Проклятый вчерашний день! Куда ты провалился?!

— Игорь! Игорь, стой! Вернись сейчас же! Игорь!

Пронзительный женский голос обрушился внезапно из-за парапета, и в затылке у Пробоева вдруг нестерпимо заныло. Этот голос!..

Было такое ощущение, будто в череп с огромной скоростью вворачивают сотню шурупов — глубже и глубже... Голос этот! Слова!

По ступенькам к Пробоеву спускался бочком карапуз. Останавливаясь на каждой ступеньке, он успевал, прежде чем поставить ногу на следующую, лизнуть тающее в ладонях мороженое и довольно ухмыльнуться.

Запыхавшаяся дама, цокая по граниту каблуками, догнала мальчонку, схватила за руку, поддала по попе и потащила наверх.

Голос!.. Да, да, да! Так кричала его жена... вчера кричала...

Боль внезапно прошла, и в памяти наконец-то начал оживать вчерашний вечер, из всего дня — только вечер. И по мере того как он оживал в подробностях, в груди Пробоева мертвела опаляемая ужасом душа...

Домой он пришел откуда-то поздно. Жена, лежа на тахте, смотрела телевизор.

— Есть будешь? — спросила она, не поворачивая головы.

— Неохота, — ответил он и, присев у нее в ногах, тоже уставился на экран.

Транслировали концерт эстрадной песни. Такие передачи он смотреть любил, трезво отдавая себе отчет, почему любит: чувство собственного «вокального» превосходства над шептунами-хрипунами, отчаянно насилующими микрофон, с лихвой окупало последующие сожаления о напрасно загубленном времени.

— Ты почему не раздеваешься? — посмотрела на него жена. — Ни башмаки, ни пиджак не снял...

— Погоди, дай дослушать этого кудрявого!

Но слушалось плохо: что-то мешало, сбивало с привычного иронического настроя, беспокоило...

С грустью, невесть откуда взявшейся, он осмотрел комнату, подолгу останавливаясь взглядом на примелькавшихся, обычно не замечаемых предметах обстановки, пожалел, что нет рядом детей...

С детьми все же веселей! Шумнее, теснее, а веселей... Сын скоро женится — все признаки налицо: и разговоры телефонные пониженным голосом, и возвращение домой за полночь... Да, совсем будет негде повернуться в квартире! Надо все-таки зайти — будешь в Доме писателя — к литначальству, поговорить еще разок о своих жилищных делах. Земные проблемы порой куда трудней решаются, чем твои «вселенские», будь они неладны!..

Игорь Валентинович скосил глаза на жену.

Хорошая она у тебя все же, хорошая... И ребятами славными наградила... А что иногда скандалите, так живет ли кто без этого?! Семья есть семья. Вся твоя жизнь — для семьи, суета, мельтешение — во имя ее. Семейные узы.

...Как-то сын спросил: «Ты, папа, никогда не пытался подсчитать, сколько уже накопилось всевозможных фактов и явлений, с которыми сталкивалось и сталкивается человечество и которых оно, при всех сегодняшних знаниях, не может толково объяснить? Я тоже не подсчитывал, но согласись: очень много! Не пора ли количеству перейти в качество? Стоит ведь сделать одно-два тобой же, кстати, категорически отвергаемых допущения, и в мгновение ока «шкатулка загадочных случаев» опустеет...» Он тогда отмахнулся: отмахнуться проще всего...

— Что это у него так лицо перекошилось? — шевельнулась уснувшая, казалось, жена и кивнула на экран телевизора.

— Не знаю, сейчас поправлю.

Он начал крутить ручки настройки, ни с того ни с сего занервничал, чуть

не опрокинул чертов ящик — и тут услышал задрезбужавший в прихожей звонок.

— Куда ты, Игорь?

— Звонит кто-то.

— Никакого звонка не было!

— Я еще не глухой, дорогая!

Его непреодолимо тянуло в прихожую.

— Игорь! Игорь, стой! Вернись сейчас же! Игорь!..

Не спрашивая, кто там, Пробоев открыл дверь и вышел на площадку. Лампочка почему-то не горела, но и в полумраке он без труда узнал стоявшего перед ним...

— Ни-ко-дим! Здорово, Никодим!.. А жена говорит — никакого звонка не было! Заходи, Никодимушка, что ты мнешься!

— Я не один, Игорь Валентинович...

— Всем места хватит! Твои друзья для меня желанные гости!

Никодим действительно был не один. В углу площадки матово светилась фигура, похожая, как мельком подумалось Игорю Валентиновичу, на статую пушкинского Командора из недавно показанного по телевизору фильма.

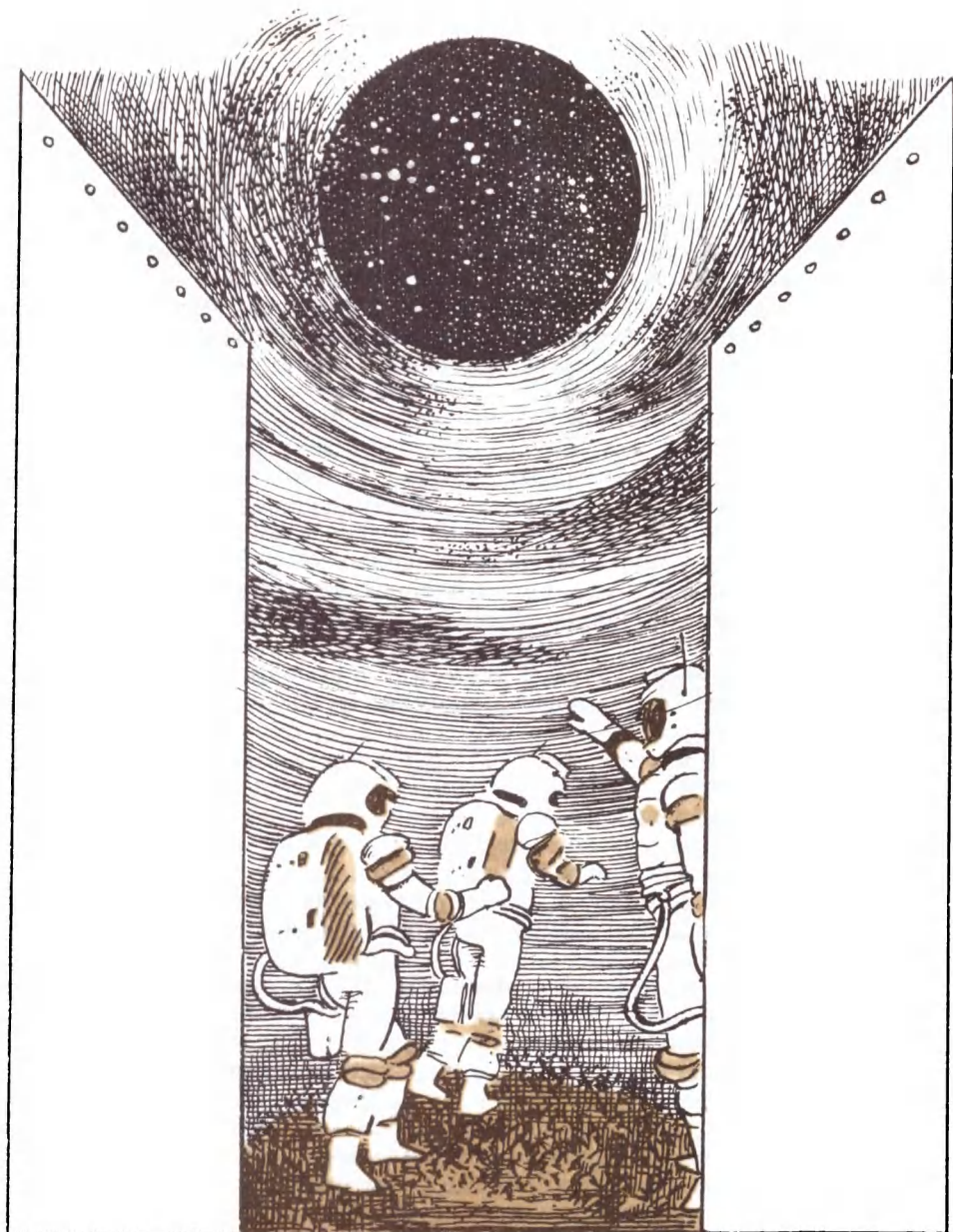
— Мы, Игорь Валентинович, не в гости. Мы скорее наоборот — вас в гости пригласить... — Никодим покосился на лестничное окно.

Пробоев посмотрел туда же и присвистнул: за распахнутой рамой висела, протянув к подоконнику серебристую дорожку луча, та самая мифическая «летающая тарелочка», сто раз им осмеянная, никем — он никогда не сомневался — не виденная, но всеми такой именно и представляемая по описаниям «очевидцев»...

— Да, пригласить немного у нас погостить, — раздался из угла лестничной площадки вибрирующий голос. — Лучше один раз своими глазами... — «Командор» шагнул к Пробоеву и положил ему руку на плечо...

Больше Игорь Валентинович, как ни мучился, ничего вспомнить не мог. За крыши домов на том берегу реки в безоблачном небе садилось желто-красное солнце XXI века, обещая на завтра хорошую погоду. «Господи! На что мне она — хорошая?! Любая — на что-о-о?!»

**ВИКТОР
ЖИЛИН**

**ТЕСТ
НА СОВМЕСТИМОСТЬ**

«Босх» сел в рассветной зоне. Выходило главное солнце системы — большой, оранжевый, жаркий шар. Пронизанный светом туман постепенно становился нежно-янтарным. Вокруг, судя по радарам, пустынная равнина, сплошь затянутая непрозрачной светящейся пеленой. Посадочные двигатели расчистили вертикальный коридор метров триста в поперечнике. Туман остался за этой границей — исполинская бело-желтая труба, уходящая в небо...

— Вот и хорошо! — Журавлев поправил десантный набор, шагнул к трапу. — Пока эта муть доползет до нас, успеем выгрузиться. Пошли!

За бортом — влажный зной, тишина и неподвижность. Много света, — казалось, его излучает сама атмосфера. Под ногами пружинило. Почва заросла низкими рыжими колючками — сплошной ежевый ковер.

Со всех сторон высились матовые стены облачной трубы. Мерцали, переливались. Герман Лукин восхищенно задрал голову в дымчатом шлеме. Высоко в фиолетовом кружке неба горели звезды.

— Вот это да! — воскликнул он. — Как в колодеце!

— От корабля — ни на шаг! — напомнил ему Журавлев и повернулся к Янсену.

— Не нравится мне все это! — Мастер хмуро повел головой. — Почему туман застыл?

Журавлев пожал плечами.

— Черт его знает... Вообще-то безветрие... Короче, бери Германа — выгружайтесь! А я тут присмотрю...

Он вскочил на верхнюю площадку служебного отсека, прислонился к мягкой обшивке корпуса. Замер. Только голова, как на шарнирах: туда-сюда...

Распахнулся зев грузового трюма. На пандус скользнула автоплатформа с первым блоком стационарного маяка. Подминая гусеницами жесткие колючки, поползла к Янсену.

Через минуту опоры будущего маяка уже вгрызались в податливую почву в сотне метров от корабля.

Янсен торопился, поминутно оглядываясь. Нервничал. Туман застыл окончательно, только легкое мерцание волнами.

На обратном пути платформа неожиданно дернулась, встала: перед ней оказался Герман. Он завороченно смотрел куда-то в желто-молочную стену.

— Ты что, ослеп! — в сердцах крикнул Янсен. — С дороги!

Дальше все случилось в одно мгновение. Герман вздрогнул, дико скакнул вбок. Побежал. Быстрее, еще быстрее.

— Гера, ты что?.. — опешил Янсен. Не оглядываясь, Лукин мчался прямо в туман.

— Куда!.. Назад! — заорал Журавлев, прыгая вниз. Лукин не отвечал.

— Ге-ера! — отчаянно закричал Янсен. У него сжалось сердце: «Что это, зачем?!»

Несколько секунд — и Герман у самой стены.

— Стоя-ять! — взревел Журавлев, на бегу выхватывая мушкет. Янсен похолодел. Хлопнул выстрел. У кромки завесы, почти у ног Лукина, вспух малиновый разряд — Журавлев стрелял классно! Туман сжался, отброшенный волной взрыва. Герман шарахнулся, чудом удержался на ногах... Сверху лавиной хлынули белые струи, накрыли, он исчез...

Когда подбежал Янсен, в этом месте крутился бешеный облачный смерч.

— Стой! — Журавлев поймал его за руку. — Потеряемся!

Мастер ошалело смотрел в клубящуюся муть, рвался.

— Выгружай краулер! — выкрикнул Журавлев, с хрипом хватая воздух. — Быстро!

Толкнул Янсена к кораблю. Сам остался, беспрерывно крича по радиации: «Лукин! Немедленно назад!.. Лукин!..»

Спустя минуту с пандуса сорвался плоский разведывательный вездеход с откинутым фонарем. У границы тумана в кабину прыгнул Журавлев, захлопнул колпак.

— Гони!

Машина с ходу врезалась в бело-желтую муть. Все исчезло: небо, почва, рыжая трава. Видимость — ноль. Вспыхнули шкалы приборов слепого вождения.

— Вот он! — Янсен почти уткнулся носом в экран радара.

Изображение было скверным, радиоволны вязли в плотных испарениях планеты, искажались. С трудом угадывался силуэт человека в металлизированном скафандре.

— Восемьсот метров! — выдохнул Журавлев. — Он все время бежал...

— Что с ним, Глеб? — У Янсена тряслись губы. — Я же только хотел предупредить...

Журавлев поиграл желваками, бросил зло:

— Не знаю!

Машину швыряло на ухабах, кренило. Из-под гусениц веером летели клочья травы. Быстро сближались. Фигурка на экране заматалась, рванулась в сторону.

— Да что же это?! — прошептал Янсен. — Он сошел с ума!

— Давай наперерез! — сквозь зубы приказал Журавлев. Откинул фонарь, встал на подножку.

Янсен притормозил. Гера был где-то рядом. Журавлев подобрался перед прыжком.

Неожиданно из тумана сверкнул дымный луч — почти в упор. Ударил за кормой, полыхнуло багровым. Краулер подбросило. Журавлев мертво вцепился в поручни. И сразу — новая вспышка. Под гусеницами с треском лопнул огненный шар. Машина встала на дыбы, пошла юзом.

— Прыгай! — крикнул Журавлев, срываясь.

Не раздумывая, Янсен вывалился в траву, откатился. Успел заметить, как брызнуло стекло бронеколпака. Третий разряд угодил точно в кабину.

Рядом грохнуло. Взрывная волна отшвырнула его прочь, в янтарную мглу.

Янсен приподнялся — сердце колотилось где-то у горла. Ощупал себя: вроде бы цел. Со всех сторон стояла влажная, вязкая пелена. Вытянутая рука тут же пропадала с глаз, словно растворялась. От земли с жадным шипением струились плотные ядовито-желтые струи; туман сгушался.

В наушниках — молчание. Нехорошее молчание, ватное. Так и есть: индикатор связи горит красным. Полная блокировка!

Янсен включил пеленгатор — сигнала не было. В проклятых испарениях планеты глож даже сверхмощный маяк корабля!

— Глеб... — безнадежно повторил Янсен, сев прямо в траву. Скрипнул зубами: влипли! Что происходит? Что с Герой?.. Ведь это он стрелял, больше никому! Сон, бредовый сон!.. Теперь — крышка! Без связи, в такой каше, они как слепые.

Янсен взмахнул рукой — как в густой пене. В какой стороне вездеход, корабль? Даже если в двух шагах, — не найти!

Нахлынуло отчаяние, острое, жгучее, неудержимое. Как-то сразу, вдруг. До слез. Та к еще никогда не было. Хотелось упасть лицом в рыжую траву, кататься, раздирая землю руками, и выть, выть...

Не помнил, как отпустило. Он вскочил, потряс головой: наваждение! Глеб же рядом. Их просто разметало по разные стороны от вездехода...

Врубил прожектор шлема, настроил на импульсный режим. Туман во круг ответил мерным розовым ритмом. Выхватил излучатель — «мушкет», как прозвали его десантники за толстый воронкообразный ствол, — поставил на воздушный разряд. Трижды пальнул в невидимое небо.

Трижды над головой вязко ухнуло — заложило уши. Трижды малиново полыхнуло в вышине.

Почти сразу где-то сбоку замелькали торопливые слабенькие вспышки: точка, тире, точка... Глеб!

«С-т-о-й н-а м-е-с-т-е, — разобрал Янсен. — И-д-у к т-е-б-е...»

Боясь шелохнуться, замер с включенным прожектором.

Вскоре перед носом вынырнул Журавлев — с вытянутыми руками, как слепец. Хлопнул по плечу, заглянул в забрало шлема:

— Цел?

— Вроде! — Янсен перевел дыхание. — Что будем делать?

— Возвращаться! — твердо сказал Журавлев. — Я пометил след краулера... По нему дойдем!

Только сейчас Янсен заметил в его руках тонкую леску. «Молодец, догадался!»

— Та-ак! — сказал Янсен. — А на Гере, значит, крест?

Не отвечая, Журавлев пристегнул к его поясу страховочный тросик, шагнул в туман.

— Не отставай!

По веревке быстро отыскиали след вездехода — две глубоких рваных полосы в мягком грунте. У Янсена немного отлегло: на корабль они вернутся. Но Герман, Герман?..

Вокруг заметно светлело. Сквозь мутную пелену проступили контуры краулера, еще горящего, с развороченной обгорелой кабиной.

Журавлев заглянул внутрь, хмуро покачал головой.

— Как он умудрился попасть? Бил вслепую, шагов с пятидесяти...

— Но зачем?! — Янсен стиснул кулаки, голос пресекся. — Да что здесь происходит, Глеб?! Что они с ним сделали?

— Они? — Журавлев круто обернулся. — Ты думаешь...

— Не знаю! Ничего я не думаю! Проклятая планета!..

На Янсена вдруг навалилась дикая волна ненависти. Рука судорожно стиснула рукоять излучателя. «Спалить все, к чертовой матери!..»

Он пошатнулся, хватаясь за горло. Злоба душила его. И снова в глубине сознания отозвалось: т а к о г о еще не было!

— Ты что? — Журавлев наклонился к стеклу шлема. — Тебе плохо? Янсен потряс головой.

— Нет, нет... Все в порядке! — Вздыхнул, в горле всхрипнуло. — Пошли, что ли?

— Постой-ка!.. — Журавлев недоверчиво озирался. — А ведь эта хмарь, похоже, редет. Ты посмотри... И прохождение есть!

Действительно, на индикаторе светился ровный сигнал корабельного маяка.

Туман стремительно таял, вокруг краулера как бы вспухал исполинский белый пузырь. На закопченной траве заблестели осколки бронеколпака. Безобразно зияли две глубокие, оплавленные воронки — следы огненных ударов.

Облачная завеса рассасывалась. Быстрее всего — вдоль гусеничного следа, образуя прямой, узкий коридор в океане пены.

— Глеб! — Янсен схватил его за плечо. — Смотри!

В конце туннеля открылся силуэт корабля. Победно сияла белая матовая обшивка. Рядом застыла грузоплатформа.

— Что еще за фокусы?.. — Журавлев настороженно озирался. — Похоже на приглашение, а?.. — Он прищурился, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в глубине. Противоположный конец туннеля терялся в дрожащей дымке.

Янсен вздохнул, взял себя в руки.

— Пойдем, Глеб! Он где-то там...

— Может, все-таки возьмем другой краулер? — проговорил Журавлев.

Янсен покосился на развороченный вездеход, на черные перепаханные полосы за ним.

— Лучше пешком! — сказал он твердо.

Вдруг в наушниках слабо зашуршало — как песком по бумаге. Резко шелкнуло. И сразу — громкий, беспорядочный шум радиоэфира. Захлебывающаяся многоязычная речь, обрывки музыки, песен, вой помех... Словно кто-то быстро крутанул верньер дрянного приемника где-нибудь на Земле.

У Янсена зашевелились волосы. «Откуда?»

Щелчок. Шум оборвался. Секунда-другая тишины. И вдруг — крик, дикий крик смертельно испуганного человека.

Янсен обмер: «Гера?!»

Шорох, глухая возня... Хлопок! Похоже на выстрел. И — откровенный вопль боли!

Не сговариваясь, оба сорвались на бег. Казалось, передатчик работал в двух шагах, где-то в глубине туннеля...

Узкие стены «дышали», вздрагивали от топота ног, выгибались, словно живые.

— Кажется, здесь! — Журавлев круто остановился, ткнул рукой в боковой свод.

У Янсена пересохло в горле. Вспомнился дымный луч из тумана — в упор, — обгорелый краулер. В ушах еще стоял крик...

Накатил страх. Первобытным ужасом заледенило мозг, сковало. Янсен оцепенел. Краем глаза заметил, как посерело лицо Журавлева...

И тогда изжелта-белая завеса перед ними расступилась.

В нескольких шагах, глубоко утопая в рыжей траве, лежал человек в скафандре. Скрюченные пальцы в перчатках врылись в землю. Чуть подрагивал светлый хохолок на голом затылке. Герман! Сорванный шлем валялся тут же...

Янсен пошатнулся, не чувствуя ног, шагнул вперед.

В скафандре, точно посредине спины, чернела страшная обгорелая рана.

Подскочил Журавлев, присел, оскалился...

Янсен невидяще озирался, его мутило.

— Убили, Петр!.. — Голос командира звучал глухо. — Похоже, излучатель...

Журавлев подsunул руки, хотел перевернуть. Отшатнулся. «А черт!..»

Тонкие рыжие колючки снизу прошивали скафандр Германа насквозь, впивались в тело. Везде: в ноги, руки, грудь, лицо... Янсен вгляделся: тело медленно, но неуклонно оседало в почву. Словно враспало!..

Сжав зубы, Журавлев ухватился за пояс, дернул...

— Помоги-ка!..

Труп, словно притянутый исполинским магнитом, даже не шелохнулся. Планета сама хоронила его...

Янсен с омерзением переступил ногами. Рыжие иглы вытягивались, жадно лънули к сапогам.

— Это не трава, Глеб! — крикнул он. — Надо уходить!..

Возвращались гуськом, молча. У Янсена тупо стучало в висках. Что это? Неосторожность?.. Трагическая ошибка?.. Злая воля?.. Побег, краулер, убийство, трава, прошивающая скафандр, как бумагу... Зачем все это? И — Гера!..

Янсен застонал. До слез было жалко парня. Первый полет, гордость курса... Только начал...

Он споткнулся, чуть не упал. Горе — нестерпимое, острое — разрывало грудь. Затуманились глаза, из горла вырвался вскрип. Ничего не мог с собой поделать. «О п я т ь!..» — мелькнуло в мозгу.

Подскочил Журавлев, лицо перекошено. Вцепился.

— Держись!

Свод туннеля вдруг треснул по всей длине, рухнул. Хлынула вниз свещающаяся пенная лава, накрыла.

Янсен даже не успел испугаться. Перед глазами заплясали веселые цветные огоньки, свернулись в огненные спирали. Бешено закружилась голова... И — черный, бездонный провал, мучительное падение в никуда...

Янсена больше не было. Остался мозг, распахнутый настежь, и вибрирующие обнаженные нервы. Мысли, память, плоть — растворились в мерцающем алмазном облаке. Глаза, кажется, видели невидимое, уши слышали неслышимое. Не было этому названия в человеческом языке... И разум сдался.

Янсен стоял на четвереньках, перед носом маячил низкий борт краулера. Рядом, вцепившись в поручень, висел Журавлев, ноги его еле шевелились. Вокруг — широкие своды туннеля, краулер, наполовину погружившийся в грунт, следы гусениц на колючей траве, уже еле различимые. А дальше, на выходе, в море света, — корабль! Остов маяка и грузоплатформа исчезли.

Журавлев наконец поднялся. Раскрыл рот, озираясь, выругался шепотом.

Янсен сел, зажмурился. Сильно колотилось сердце. Что же это было?.. «Эмоции! — вдруг ожгло его. — Их чувства! Они дали почувствовать себя...»

Что-то звонко хлопнуло в ушах, будто вылетели затычки. И сразу — близкий тревожный голос, почти крик: «Пеленг, пеленг! Дайте пеленг! Вас не слышу... Почему молчите? Командир, почему молчите?.. Прием, прием!»

Янсен обессиленно прислонился к броне — сидел, слушал знакомый голос, ждал. В голове болезненно стучало. Страх не было.

Журавлев, с серым потерянным лицом, крутил головой, словно искал кого-то. А в скафандре: «Есть прохождение! Дайте пеленг... Прием...»

Когда молчать дальше стало нестерпимо, Янсен разжал зубы: «Герман, ты где?» — «Ма-астер!!! — ликующе взорвалось в шлеме. — Что случилось?! Где командир?! Почему не отвечали?! Я два часа на корабле торчу — сколько можно?!»

Журавлев поперхнулся, закашлялся, тряс головой.

«Включайте пеленгаторы! — продолжал голос. — Я мигом! На вездеходе...» — «Отставить, Герман! — Янсен говорил почти спокойно. — Мы рядом, дойдем...»

Он поднялся — в теле облачная легкость, — шагнул к Журавлеву, крепко стукнул по спине.

Глеб хватанул воздух, выпрямился. Отдышался.

«Да, да, Лукин... — сказал сипло. — Мы сами... Ты это... ты что там делаешь?» — «Как что? — В голосе Лукина растерянность. — Вы же сами приказали: все погрузить, готовиться к старту. Сидеть на связи... — Он запнулся. — Что-нибудь не так?»

Не говоря ни слова, Журавлев повернулся, грузно побежал к кораблю. И сразу, точно ожидая этого момента, из глубины туннеля им в спины дохнула волна страха: «Скорей, скорей!..»

И пока они, подгоняемые ужасом, бежали, Лукин подробно докладывал, как он, проводив их, погрузил фундамент маяка на платформу и загнал в трюм. Затем срочно подготовил корабль к старту — как и велели! И вот уже полтора часа гоняет аппаратуру на предстартовом режиме, а их нет и нет... Думай что хочешь... Чуть не рехнулся...

Не помнили, как добежали. Журавлев молча нырнул в люк. Янсен заставил себя оглянуться. Стены вертикальной трубы сжимались: туман победно наступал. На рыжем колючем ковре почти никаких следов...

Тамбур. Скоростной лифт. Коридор. Центральный пост. В проеме двери — Герман! Живой, здоровый, румянец во всю щеку.

Долгую минуту Журавлев с налитыми кровью глазами смотрел на него в упор. У Германа дрогнули зрачки, взгляд испуганно заметался...

— Ладно! — прохрипел Журавлев. — По местам! Стартуем!..

«Босх» вынырнул близ финиш-сектора станции «Плутон-Внешняя»: почти идеальное попадание. До встречи с дежурными буксирами — несколько часов лету.

В рубке было тихо. Связь, нарушенная выходом корабля из Н-пространства, еще не восстановилась. Но их, конечно, уже засекли.

Янсен вздохнул, пощелкал клавишами автоматов — просто так, машинально. Прислушался: «Ну, что они там?..»

Где-то неправдоподобно далеко осталась Планета — странный, прозрачный мир под тремя солнцами, непонятный, бесконечно чужой. Мир нечеловеческого разума... Скоро об этом узнают все. Янсен поежился. Бог знает что начнется! Освидетельствования, карантин, отчеты, обследования, комиссии... Наизнанку вывернут...

Неслышно вошел Журавлев. Сгорбленный, под глазами мешки. Сел, устало вытянулся.

— Ну? — Янсен невольно подался вперед.

Журавлев прикрыл веки, произнес раздельно:

— Ни-че-го! Здоров как бык!

— Зондирование? — осторожно спросил Янсен.

— Бесполезно! — Журавлев откинул голову на спинку кресла. — У него дыра в памяти! Они стерли почти все. Он действительно ничего не помнит.

Янсен нахмурился, пощипал губу.

— Где он сейчас?

— Спит в медотсеке. Вкатил ему лошадиную дозу — хватит до ба-зы... — Журавлев помолчал, потер глаза. — Мастер, кого мы везем на Землю?

Янсен вздрогнул.

— Ты о чем это?!

— Брось!.. — махнул рукой Журавлев. — Ты отлично понимаешь меня. Весь этот спектакль должен иметь цель. Какую?.. Вот что я хочу знать...

— А ты уверен, что им понятны наши цели? — негромко произнес Янсен. — Они хозяева и вправе спросить первыми... Вот и спросили!

Журавлев наморщил лоб, задумался.

— Та-ак, — протянул медленно. — Ты считаешь, побег Лукина — что-то вроде провокации?

— Да! Попытка принудить нас к активным действиям. Заставить раскрыться. И они добились своего! — Янсен подался вперед, заговорил торопливо: — Это похоже на тест, Глеб! Им, в общем, наплевать на наши знания, уровень и прочее. Это вторично. Главное — сам носитель. Его чувства, эмоции, понимаешь?.. Если тут близко, значит, «братья по разуму»! Если нет, все бесполезно, хоть из кожи лезь! Я уверен: они устроили нам проверку чувств, по-своему, конечно. Лично я прошел всю гамму: страх, ненависть, бессилие, жалость, бог знает что еще! Сверхдозами! А под занавес они продемонстрировали кое-что из своего арсенала. Помнишь?.. — Янсена передернуло. — Вот и получается: полная несовместимость! Наши разумы полярны, Глеб. Нам никогда не понять друг друга! Поэтому нам и предложили убратся с Планеты, опять же по-своему... Внушили Герману приказ готовиться к старту. Напустили страху на нас с тобой...

Журавлев долго молчал, скептически теребя нос.

— Тактичные ребята, ничего не скажешь! — усмехнулся он. — А как быть с трупом?.. Это что, тест на гуманность? Да и нас чуть не сожгли...

— Это как сказать! Стрелял Герман, но направляли его руку — они. Ты заметил: первые два — мимо, предупредительные. Нам дали возможность выскочить... Другой вопрос — для чего вообще эта стрельба! Не знаю! — Янсен развел руками. — В чужом доме свои законы. Может, нельзя там на

машинах. Траву эту рыжую мять нельзя, почву. Не знаю! Помнишь, как быстро все заросло, словно на живом теле. Ну, а что касается покойника... — Янсен запнулся, потом твердо взглянул Журавлеву в глаза. — Это был фантом, Глеб! Муляж, порождение Планеты... Пойми, это не наша жизнь, не наша логика. Может, двойники для них — в порядке вещей, необходимый атрибут. Как наши машины, роботы. Гадать бесполезно. Я думаю, Герман столкнулся с ним нос к носу. Сдали нервы, ну и... — Янсен безнадежно махнул рукой.

Журавлев с сомнением покачал головой:

— Могло быть и по-другому... Мы же исследовали шлем: как две капли! Копии Планеты невозможно различить, ты это понимаешь?! Я не знаю, кто остался на Планете! И ты не знаешь! Мы не имеем права закрывать на это глаза!

— Ну так пойди и скажи ему об этом! — взорвался Янсен. — Скажи, что он для нас больше не Гера Лукин, парень с Земли, а оборотень, шпион внеземной цивилизации!..

Янсен откинулся в кресле, яростно вцепился в свою шевелюру.

— А если даже и так?! — сказал он с вызовом. — Что ты предлагаешь?! Вернуться туда? Выбросить за борт?..

Журавлев угрюмо молчал, играя желваками. «Самое паршивое, — думал он, — что все уже решено. Случайно, не случайно — а выбора нет. Потому что другое — это взять мушкет, войти в изолятор и — сонному, в затылок...»

Он непроизвольно покачал головой, зажмурился.

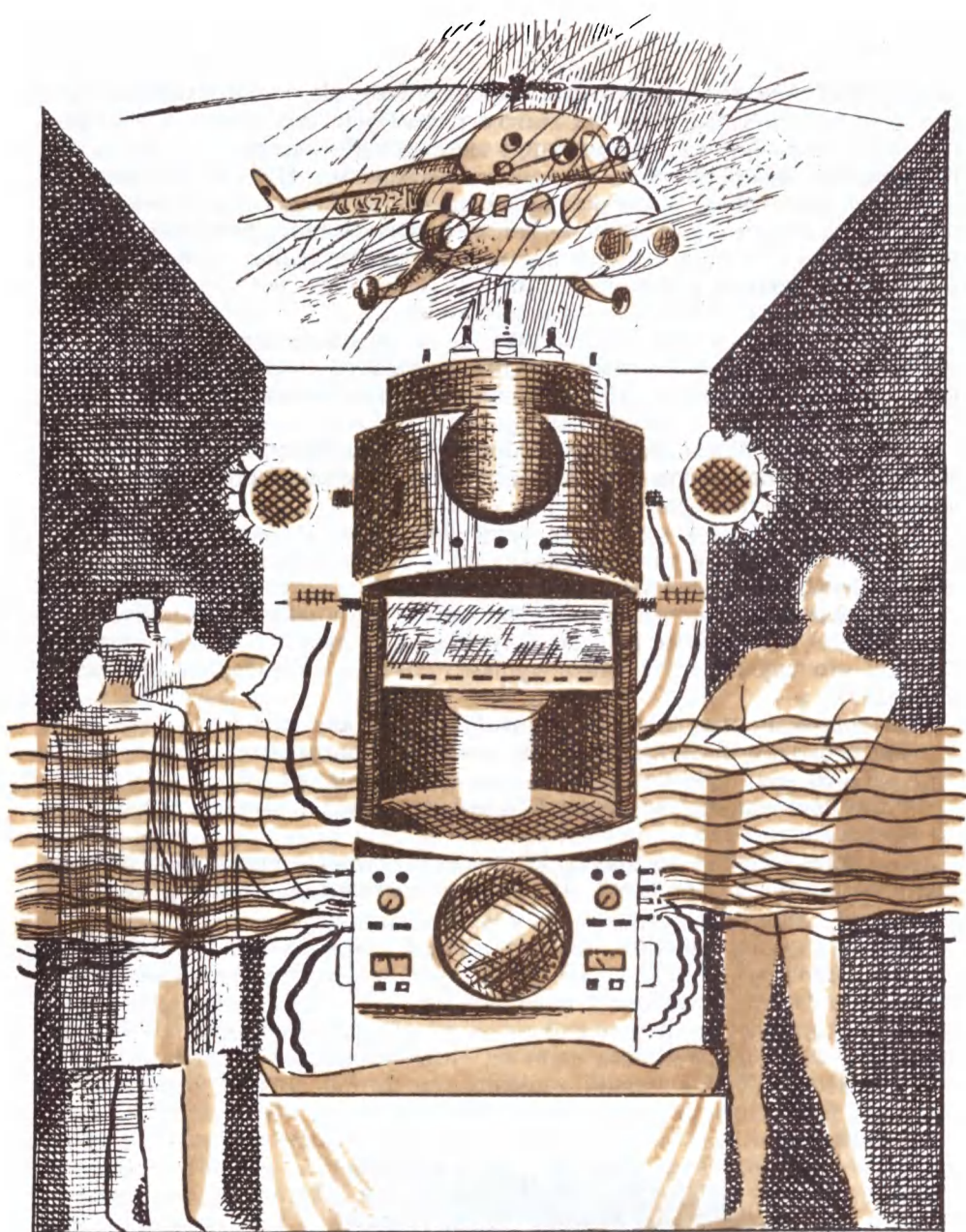
Янсен быстро взглянул на него, невесело усмехнулся:

— То-то же!.. Вот нам и еще один тестик — главный!

Рубку неожиданно заполнили басовые сигналы Главной связи: вызвала центральная база «Солнечная».

— Начинается! — выдохнул Янсен. — Ну теперь держись, командир! Ох, и возьмутся за нас всех!.. И Планете достанется. Глядишь, еще слетаем...

**ЛЕОНИД
СМИРНОВ**

ПРОИГРЫШ

Питер Брусенс сидел у самой двери в кабину самолета. Знал, что лететь еще долго, но волновался и против всякой логики ждал — вот-вот откроется дверь, выйдет командир, скажет: «Мы у цели». И надо первому ринуться в грузовой отсек, проследить, чтоб твои контейнеры с яркими надписями на сарджанском «Не кантовать! Осторожно, стекло!» пошли на выгрузку первыми и не пострадали от толчков и ударов.

Напротив Питера на узкой жесткой скамейке дремал, прикрыв хитроватые узкие глаза, второй нейротравматолог Цойбален. Группа психосоматиков расположилась правее, за откидным столиком. Чтобы скоротать время, они резались в электронное домино. Реаниматорщики и гипотермисты сосредоточенно играли в «слова», закрывая друг от друга листки с текстом, смеясь и споря, когда натыкались на медицинский жаргон.

Отряд состоял из сорока трех врачей и семи автологов. Автологи держались особняком, оккупировав самый дальний угол пассажирского отсека. Врачи по временам настороженно поглядывали на них и качали головами — было от чего. Вскоре после старта автологи разделись до пояса и принялись играть в «больницу». Это были рослые молодые парни, до черноты загорелые, на зависть мускулистые — настоящие атлеты. Они тащили из шапки листочки с названиями болезней, по очереди ложились на скамейку и всего за несколько минут вызывали в себе выпавшую по жребию болезнь. Затем больной самоизлечивался. Качество исполнения тщательно проверялось. Замеряли время, сравнивали с официальными мировыми рекордами, с рекордами бомбейской школы. До врачей доносилось: «Ну, ты силен! Обалдеть можно! Ти-тан!» Особенно страшно выглядело излечение «наружных» поражений: тяжелых форм аллергии, экзем, рожистого воспаления, рака кожи...

— Специально провоцируют, что ли? — наконец, не выдержав, подал голос Кройцер, плотный лысый реаниматорщик. — Мучения превратили в игру! В мазохистское наслаждение... Не по-людски себя ведут, дикость какая-то! А с виду такие же люди! Тоже ведь мать родила.

— Отъединились они от векового общемедицинского русла, насаждают какие-то шаманские, знахарские методы! — поддержал его смуглый курчавый психосоматик Мустафи. — Думаю, легализация автологии все-таки ошибка, если вообще не наша беда. Ведь недаром же Федерация здравоохранения в свое время запретила лечить собой!

— Вы что, братцы, всерьез? — отложив недочитанную книгу, вмешался в разговор главный врач отряда, седой уже человек с глубокими синими глазами на кирпичном лице. — Легче всего отринуть то, чего не понимаешь. Вы не только отвергаете чужой метод, вы вдобавок сомневаетесь в компетентности секретариата Федерации! Не ожидал ни от вас, Август, ни от вас, Салем, никак не ожидал. — Главврач перевел взгляд на автологов и грозно сказал: — А вы, коллеги-чудодеи, словно бы в вакууме живете! Могли бы как-нибудь по-другому тренироваться, народ у нас консервативный подобрался, с непривычки дрожь пробирает...

— Иначе мы форму потеряем, — возразил лидер семерки Геннадий

Квашнин. — Потерпите уж, быстрее привыкнете. Привыкать-то все равно придется. — Глаза у него были веселые.

Питеру вдруг вспомнился его опустевший после ухода жены дом. Безразлично захотелось с кем-нибудь поговорить. Может быть, Цойбален почувствовал это, шевельнулся и открыл глаза.

— Ты никогда не лечился у них? — спросил Брусенс.

Нейротравматолог покачал головой.

— А вот мне пришлось... До старости не забуду... Пятнадцатый мне тогда шел. Выпросил я у соседа гоночный велороллер. Как сумел уломать — не знаю. Ныл очень, наверно. Умопомрачительно красивая штука, скорость сто семьдесят, мечта всех мальчишек! Завидовали мне страшно. Я никого и близко не подпускал. Дрожа от нетерпения, вывел машину на трассу, разогнался, не удержал равновесия и на повороте, конечно, грохнулся. Велороллер — на меня, руку затащило в передачу — открытый перелом с кучей осколков, все, что ниже плеча, — мешок костей на липочке...

Пришел в себя уже в больнице. Как назло, хирург на операции. Отдали меня застоявшемуся без дела автологу. Лежу в палате. Рука в лечебно-амортизационном пакете. Комната затемнена, никаких больничных запахов. В центре здоровенная никелированная скульптура с приборным щитком на боку. Влетает розовощекий детина лет двадцати пяти с огромными бицепсами. Поглядел на меня с нескрываемым удовольствием, даже крикнул — не удержался — и говорит: «Как же тебя, братец-кролик, уго-раздило? Знаю, знаю, — подмигнул, — гонщиком хочешь стать — красивое дело! А людей лечить не желаешь? Жаль! Интересная штука, скажу я тебе... А вот это, брат, Трансформатор, слышал о таком?» Я шепчу еле-еле: «Угу». Он смеется: «Не-а. Это не тот, не электрический. Этот переносит болезни, сейчас сам увидишь. И не бойся: не больно, слово даю!»

С обеих сторон от Трансформатора две койки под белоснежными простынями. На одной, значит, я. Парень скидывает расписную футболку и ложится на другую койку. Разделяет нас этот самый Трансформатор. Щелкнул детинушка чем-то на пульте. Загудело. Зажмурился я и жду... Тишина. Боли-то я, как очнулся, и мгновения не чувствовал: сам знаешь, в пакете анестезатор. Прислушиваюсь и ничегошеньки не чувствую. Только парень вдруг ойкнул негромко и говорит глухо: «Вставай, сними с себя эту дурищу и мотай в коридор». Я сначала подумал — шутит он: мне и головы не поднять, не то что встать. Попробовал подняться. И будто не лежал в беспамятстве: голова свежая, пакет сам с руки спал, расклеился. Рука гладкая, ни единого следочка, ну совершенно целая, словно показалось мне все это. Только загорелая дочерна, а ведь я в то лето на солнышке почти не валялся.

«Спасибо», — пролепетал я растерянно. И, обогнув «статую», взглянул на автолога. Он как мясник — так я почему-то подумал. Весь в засохшей крови. Из раздробленной руки белые острые кости торчат. Лицо в крупных каплях пота. Глаза белые, бешеные. Мне стало нехорошо. «Не смотри сюда, парень, иди...» — прошептал он. И я опрометью выскочил вон, охваченный ужасом.

На улице бросается ко мне мама. Бледная, взволнованная — вырвалась с работы по звонку «Скорой помощи». Увидела, что жив-здоров, — отлегло у нее от сердца. Пощупала руку: настоящая ли? Толкнула к скамейке, сама села, прислонилась к спинке — приходила в себя. Потом мне и выдали: «Паршивец! Я места себе не нахожу. Пока мчалась сюда, дума-

ла — с ума сойду. Ну как же ты так, сынок? Ты же мог насмерть разбить-ся!.. Взрослый мальчик, должен понимать, что велороллер не игрушка». Вдруг сорвалась с места — побежала благодарить врача. В дверях больницы столкнулась с выходящим на улицу автологом. Он отстранился, мама проскочила внутрь, никак не могла подумать, что вылечил меня этот слегка осунувшийся здоровяк-культурист, жующий на ходу огромный сандвич. Автолог подмигнул мне и зашагал по своим делам.

Питер замолчал было, качнул головой, добавил:

— Вот так. А их расчудесные методы принять все равно не могу. Отдавать свою боль, увечья свои другому — разве можно? Здорового — инвалидом, уродом делать, пусть и ненадолго, допустимо ли?

— Скажи, сколько времени лечили бы твою руку традиционными средствами? — спросил Цойбален и хитро прищурился.

— Ну, минимум — недели три.

Цой склонил голову набок, развел руками:

— Вот видишь... Теперь вспомни Пастера. А чеховский Дымов? Дифтеритные пленки отсасывать у ребенка — это как? Допустимо?.. Ничего криминального в автологии нет. Тем более извращений. Я сам в молодости ею баловался. Таланта мне не хватило собой лечить... Но и сейчас могу любую царапину заживить за пару минут.

— Я не знал... — Брусенс смутился.

— И никто не знает, — сказал Цой. — К чему говорить о неудачах?

Игроки в домино закончили очередной тур, Салем полез под стол. Реаниматорщикам и гипотермистам «слова» надоели, они пытались уснуть, привалившись друг к другу. Главный врач щелкал клавишами калькулятора. Автологи разговаривали, сбившись в кружок, потом захохотали. Можно подумать, к теще на блины летят, а не в кошмарный Кара-Сарджо.

2

Дверь кабины открылась, вышел командир.

— Мы у цели. Прошу всех оставаться на своих местах.

Вскочивший было Брусенс плюхнулся обратно на скамейку. Геннадий Квашнин, глядя на него, усмехнулся добродушно, спросил командира:

— Какая внизу погода?

— Дождь, ветер порывами до тридцати метров в секунду. Так что пристегните ремни. Еще вопросы?

— Когда сядем?

— Через тринадцать минут.

Командир оглядел салон и, убедившись, что все в порядке, вернулся в кабину.

Автолог Мидзо Касаёси пододвинулся к Геннадию, зашептал на ухо:

— Как думаешь: дадут нам спокойно поработать? Или снова — палки в колеса?

— Там будет не до нас. В Кара-Сарджо любые врачи нужны, выбирать не приходится.

— Послушай, почему все-таки нас так не любят?

— Традиционалисты чувствуют, что почва постепенно уходит у них из-под ног. Ведь вся многовековая медицина может оказаться не у дел. Мы работаем быстрее и дешевле. Представь себя на их месте: молодые веселые

здоровяки-«шаманы» безо всяких академий, знающие на свете один только свой организм, шаг за шагом теснят седовласую гвардию профессоров. Хирургов, с их «золотыми руками», психосоматиков, с их даром находить причину болезни тела в болезни души...

Самолет качнуло, Квашнин ухватился рукой за переборку. Качнуло еще раз, пол скакнул под ногами, шасси стукнулось о посадочную полосу. Машина пробежала по летному полю и остановилась. Через иллюминаторы в салон заглянули темно-серые грозовые тучи. Косые струи дождя то ударили в плиты посадочной полосы, то летели параллельно земле. Динамики доносили оглушительный свист ветра, лязг вползающих по пандусу разгрузочных механизмов. Брусенс сорвался-таки с места и ринулся в кабину, яростно хлопнув дверью с надписью «Посторонним вход воспрещен». Квашнин потянулся так, что хрустнули суставы. Чего медлят сарджанцы? Пора бы уж подвезти трап.

Снаружи вдруг раздался пронзительный крик и оборвался на самой высокой ноте. Геннадий рванулся в кабину. Командир, штурман, второй пилот и Брусенс сгрудились у экрана инфракрасного обзора. На пандусе, рядом с пожарной машиной и аэродромными грузовиками, несколько сарджанцев пытались приподнять край тяжеленного контейнера. Влажный блеск прорезиненных комбинезонов, натужные крики, суетливая толкотня, руки скользят по мокрому железу, толчок, еще один, — безрезультатно.

Командир крикнул в микрофон:

— Дайте дорогу крану! Дорогу крану, черт возьми!

Авиационный транслятор тут же перевел на сарджанский и пулеметной очередью выплюнул фразу в дождь и ветер. Толпа расступилась. Командир отдал короткую команду, и самолетный кран-автомат подъехал к упавшему контейнеру, осторожно захватил его гибкой четырехпалой лапией и, лязгнув, поднял в воздух. На пандусе неподвижно лежал человек. Сорвав со стены аптечку, Брусенс выскочил из кабины под дождь, поскользнулся, упал, добрался до раненого, склонился над ним.

— А вы чего ждете? Особого приглашения? — Командир повернулся к побледневшему невысокому итальянцу с красивой пепельной шевелюрой. — Немедленно на выход! И проследите, чтоб подобное не повторилось.

Второй пилот молча кивнул и скатился в люк. Брусенс вернулся в кабину мокрый насквозь, запыхавшийся, со слипшимися, упавшими на глаза волосами. Отдышался, спросил рассерженно:

— Когда же придет «скорая»?! Я только кровь остановил да немного поддержал сердце. У нас ничего не распаковано... Пока приготовим оборудование, будет поздно!

— Все «скорые» — на шоссе. Там диверсия. Приурочили к нашему прилету, сволочи! — хмуро сообщил командир. Потом, словно очнувшись, гаркнул в микрофон: — Главврачу срочно пройти в кабину!

— Командир, — заговорил Геннадий, — мне нужно три минуты, чтобы подготовить операцию. Если главврач разрешит...

Командир не обратил внимания на последнюю фразу.

— Где будете оперировать?

— Там.

— Одевайтесь. Я отбуксую контейнер с Трансформатором наружу, поставим палатку...

Квашнин выбежал из кабины. Когда вошел главный врач, командир буркнул только:

— Не мешайте. Подождите немного. — И продолжал по радио распорядиться техниками экипажа.

Второй пилот организовал установку палатки прямо на пандусе — чуть в стороне от места аварии. Несколько сарджанских грузчиков бегом исполняли его приказы. Белый с большущим красным крестом силикоидный купол уже через две минуты стоял, тускло отсвечивая водоотталкивающими боками.

В пассажирском отсеке Квашнин скинул куртку и брюки, выхватил из стенного шкафа ярко-оранжевую накидку-дождевик, надел прямо на голое тело. Из глубины грузового отсека с лязгом выкатили черный контейнер. Геннадий двинулся следом. По лицу ударили струи ледяной воды, грудь сдавила стена пронизывающего ветра.

Пока в палатке устанавливали койки, Геннадий распаковал Трансформатор. Ерундовое дело, но обещанные три минуты уже истекли.

Грузчика бережно подняли на руки, внесли в палатку. Там было тепло, сухо. Раненый пребывал в глубоком шоке. Ног ниже колен у него практически не было.

«Из шока мне его не вывести, — подумал Квашнин, — значит, целиком биополе переносить нельзя. Сам окажусь в шоке, какое тут, к черту, излечение? Придется оперировать с частичным переносом. Но тогда неизбежно наложение полей, в башке все перепутается. Однако выбирать не из чего...»

Настройка Трансформатора заняла еще минуту. Сарджанец был совсем плох, пульс еле прощупывался. «Ну, все, готов!» — объявил самому себе Геннадий и улегся на соседнюю койку.

Боль мгновенным броском переполнила его тело. Автолог почувствовал, что теряет сознание. Все силы уходили на то, чтобы удержаться, не провалиться в черноту. Казалось, ноги со страшной силой тянет вверх, внутрь живота, ломая кости и разрывая жилы, а все тело словно охвачено огнем.

Таких трудных операций Квашнин еще не проводил. Никогда не было такой спешки, такого волнения, такой огромной ответственности. Первая операция в Кара-Сарджо, первый экзамен автологов.

Квашнин вцепился руками в края койки. От напряжения потемнело в глазах. Он сумел чуть приподнять голову и увидел свои раздробленные ноги. Они выглядели страшно, но вполне привычно — как на десятках тренировок. И это его успокоило. Геннадий заставил себя не чувствовать боль: серией точных ударов он загнал ее в дальний угол сознания, притушил, обезвредил. Теперь можно было приниматься за дело.

Миллиметр за миллиметром наращивались раздробленные кости. Зарастила порваны кровеносные и лимфатические сосуды. Нервы, мышцы надстраивались этаж за этажом, обтягивались тонкой розовой кожей. Безжалостно выводилось из организма все негодное, погибшее, отмирающее. Строил Геннадий по особой памяти — «памяти целостного тела», профессиональной гордости автологов, вырабатываемой годами, ежедневным многочасовым трудом. Немало людей способны залечить усилием воли ожог на руке, зарастить порез. Но для восстановления целой конечности, внутренних органов нужен талант, без которого нет большой автологии.

Квашнин приподнялся, спустил ноги с койки, потом попытался встать. Получилось. На ногах держался нетвердо, но был счастлив. Куда и зачем теперь идти — сообразил не сразу. Машинально посмотрел на часы и не поверил: с начала операции прошло семнадцать минут. Всего семнадцать! Он нагнулся над сарджанцем. Тот спокойно посапывал.

Вот и все. Проснется абсолютно здоровым.

Геннадий вышел на воздух. Дождь совсем перестал, а ветер продолжал утюжить аэродром, задерживая ход работ, вызывая у людей ощущение непомерной усталости. Разгрузка шла своим чередом, командир самолета распоряжался на пандусе среди техников, грузчиков, грузовиков и кранов. Автомобили трогались один за другим и уходили в город. Небо светлело. Медики вступили в свой первый день в Кара-Сарджо.

К Квашнину подошли главврач и Брусенс. Главврач обнял тяжелой рукой за плечо, спросил:

— Ну как? Все хорошо?

— Хорошо, — ответил автолог тихо. И вдруг добавил: — Килограммов восемь скинул. Неплохо бы сейчас поесть.

Главврач засуетился, потащил его в салон самолета.

— Конечно, конечно! Остальное организуем позже. После встречи с правительственной делегацией...

От далекого здания аэропорта подкатил закопченный израненный броневургон. Из него вылезли военные в черной форме с золочеными пуговицами в два ряда, в золоченых фуражках и человек десять гражданских в серых плащах. Впрочем, одежда на многих была обгорелой и изодранной, лица в синяках и ссадинах. Приехавшие тянули к медикам смуглые руки, открыто улыбались. Вперед выступил невысокий седой мужчина с грустными, усталыми глазами. И сказал сначала по-русски, потом по-английски: «Здравствуйте, друзья...»

3

Ночь уходила. Брусенс смертельно устал. И новый день не сулил облегчения. Десять палат нейробольницы в бывших казармах президентской гвардии, которые обслуживал он, Питер Брусенс, по расчету вмещали сто пятьдесят больных. Сейчас их было триста тринадцать, а они все прибывали и прибывали.

Санитары и медсестры были местные, их тоже не хватало, да и в аппаратуре они не разбирались. А традиционного обслуживания: накормить, вымыть, переодеть больных, перенести с места на место, подложить судно, дать прописанные врачом лекарства, убрать помещения — сейчас было мало.

Уже неделю Питер спал по два часа в сутки, питался лишь во время просмотра томограмм, да и то под давлением старшей сестры — немолодой мужиковатой сарджанки с тридцатилетним больничным стажем. Она одна не боялась вот так запросто подойти к этому угрюмому повелителю машин и сунуть в руку чашку с куриным бульоном или бутерброд с сыром, в любой подходящий момент поставить перед его носом стакан с дымящимся кофе и застыть в угрожающей позе, пока он не выпьет.

Еще десять палат обслуживал Цойбален. Друг с другом они почти не виделись, лишь секундные встречи в коридоре и редкие совещания по поводу чрезвычайных случаев. Цой гораздо больше доверял автоматике, поэтому спал три часа в сутки и имел получасовой перерыв на обед. Питер завидовал ему черной завистью, но собственного режима не менял. Слишком многое теперь доверится машинам, а они бездушны и способны выйти из строя в самый критический момент.

Сеанс лучевой терапии проводился одновременно на всех десяти уста-

новках «Светол». Брусенс распорядился по селектору, санитары прикатили койки с больными в светооперационную. Питер обошел излучатели, выслушал дребезжащие механические голоса: «Установка подготовлена, работает нормально».

«Параметры «теплого света»? — спрашивал он. — Колебания лазерного светопотока? Программа?»

И компьютеры установок тараторили в ответ параметры, уверяли, что колебания в минусовом допуске, программа заложена для истории болезни номер такой-то.

Сарджанцы, бывшие в сознании, хоть и были в светооперационной не впервые, встревоженно озирались. Пришлось объяснить через транслятор (в который уж раз!), что их только погреют лечебными лучами.

Одна за другой задвигались койки в разинутые пасти светокамер. Заработали излучатели. Потоки света были промодулированы так, чтобы успокоить и быстро усыпить пациентов. Вступили в действие цефалофиксаторы, системы биодатчиков экспресс-анализа. На патогенные зоны автоматически нацелились лазеры. Началась бомбардировка. «Светолы» работали по программе, но Питер не переставал следить за параметрами лучей и состоянием больных. На огромном экране контроля все шло нормально. Неожиданно на пульте засветился сигнал вызова. Брусенс недовольно мотнул головой и не тронулся с места. Вызов повторился. Потом за спиной раздались знакомые шаги.

— Ну что? — спросил Питер, не оборачиваясь.

— Тут такое дело... — пробормотал Цойбален. — Принесли Мидзо Касаёси. Только что от реаниматорщиков... Теперь вот к нам...

— Ранение? — вскинулся Питер.

— Нет-нет, — покачал головой Цой. — Переработал...

— Как это? — не понял Брусенс.

— Детей лечил. Взвалил непосильную ношу. В крайней степени истощения взял на себя злокачественную мозговую опухоль и ртутное отравление. И не смог долечить. Из клинической смерти вывел его Август Кройцер. Злорадно провозгласил: «Достукались! Вот к чему приводит в медицине игра в добродетель...» — и откачал. Все как по нотам проделал. Отличный профессионал.

— Теперь, значит, пойдет по цепочке, от одного специалиста к другому — так, что ли?

Цойбален кивнул.

— Ну, хорошо. Я скоро закончу сеанс. Приготовь пока противораковую приставку к «Светолу». Вот и обновим ее... Кто бы мог предположить, что первым пациентом «Антиканцера» в Кара-Сарджо станет член медотряда, да еще здоровяк-автолог?!

...Касаёси лежал на каталке. Он был похож на мертвеца: туго обтягивающая кости иссушенная желтая кожа, ввалившиеся почерневшие глаза... Обессиленному сердцу помогал автоматический дублер, слабеющее электрическое поле мозга подпитывал прилепившийся к виску малюсенький генератор. Без современной техники Мидзо просто бы не выжил!

Загудел зуммер, на связи был главный врач.

«Пользуясь всей полнотой власти в медотряде, я принял решение временно приостановить деятельность автологов. Пусть двое суток отлеживаются, приходят в норму. Пациентов придется разобрать. Ничего не делаешь... Как будете выкраивать время — не знаю».

Видеофон отключился.

— Я проверил приставку в рабочем режиме. Готова на все сто процентов, — объявил Цой.

— Тогда начинаем... — сказал Питер. Из всего сказанного главврачом он сделал только один вывод: спать сегодня и завтра не придется вовсе.

Маленькую бритую голову Мидзо омывали ручьи золотистого света. Сотни солнечных зайчиков водили хороводы по его землистому лицу. А лазерный скальпель был снайперски нацелен на опухоль. Не трогая кожи, капиллярной сети, костей черепа, луч мгновенно вонзился в сгусток атипичных клеток, поражая их одну за другой, отсекая от источников питания, от коммуникаций, чтоб не породили метастазы...

Когда Питер, закончив первый сеанс бомбардировки, вышел из операционной, он стал свидетелем бурного разговора по видеофону. Шестеро исхудавших, даже каких-то бледно-зеленых автологов наседали на главврача: «Вы... вы не можете запретить нам работать, если вы гуманный человек, если вы врач! Там же дети умирают, беременные женщины, старики. Отобраны самые экстренные случаи!» — «Мы сами ими займемся. А вы должны долечиться, отоспаться, отъесться, наконец». — «Мидзо слишком впечатлительная натура. В детском отделении он потерял над собой контроль. А мы контроля не теряли, долечивать нам нечего. Поставим на ноги Касаёси и целый час истратим на восстановление сил!»

Эти слова не произвели впечатления на главврача. Он стоял на своем. И тогда Квашнин начал снова: «В госпиталях и так жуткий перегруз. Вам же физически не управиться. Такой эксперимент будет стоить жизни десяткам людей!» — «Делайте что хотите! — не выдержав, безнадежно махнул рукой главврач. — Думал, как лучше... Потом пеняйте на себя!»

Цойбален выкатил каталку в коридор. Автологи обступили Касаёси. Квашнин выбежал на улицу и с помощью санитара стащил по ступенькам Трансформатор в пластмассовом кожухе.

— Подышим? — неожиданно предложил Брусенсу Цойбален. Тот уверенно кивнул.

На дворе ветер крутил желтые листья. Серая штукатурка домов намокла и пошла пятнами. Нависшие над городом тучи копили влагу к очередному дождю. Питер поежился, потом спросил Цоя:

— Слушай, как это им все-таки удастся?

— Что именно?

— Трансформация.

— Ага, любопытно стало... — усмехнулся Цой. — О законе сохранения биополей слышал небось? Его еще по-другому называют: закон биологической компенсации. Автолог и пациент обмениваются своими полями. Подпитываемое Трансформатором биополе моментально перестраивает организм согласно своей структуре.

— И все же мне не понять, каким образом у больного в один миг совершенно исчезает болезнь и переходит на здорового мужика...

— Электричества в свое время тоже многие не понимали, но это не мешало зажигать лампы и ездить в трамваях.

В этот момент автологи под руки вывели из госпиталя Мидзо Касаёси. Он беспомощно улыбался и едва-едва передвигал ноги.

— И нам пора, — сказал Брусенс и направился в операционную.

Харасские горы — всего в ста километрах юго-западнее залитой дождями столицы, а на небе ни облачка. Ярко светит солнце, оно кажется переливающейся золотом раскаленной сковородой. Дорога выползает из тени ущелья и, взобравшись на уступ, стелется по гребню базальтовой скалы. В этом месте небо встречается с землей.

Полотно дороги чуть расплывается в глазах от струящихся потоков нагретого воздуха. Изредка на скалах стреляют трескающиеся от жары камни. Мотор школьного автобуса нутно ревет, и машина медленно взбирается на гребень. Дети наконец-то притихли, спят, откинувшись на спинки сидений. Двое сопровождающих их учителей дремлют, накрыв головы газетами. Духота. Вентиляторы не дают даже эфемерной прохлады. Водитель шурится, все ниже надвигает на лоб козырек фуражки. Глаза заливают пот. Спина взмокла. Сарджанец едва может уследить за дорогой — куда уж тут глядеть по сторонам. Все привычно — в этот день, как и двести раз в году.

Грохот донесся после. Его мало кто услышал. Бандиты, залегшие у дороги, разом выстрелили из противотанковых базук. Автобус ударило одновременно с двух сторон — распоров обшивку, выплеснулись в салон фонтаны пламени. На бортах вздулись нарывы, лопнули, шевеля рваными краями, обнажили красное мясо огня. Чудо, что машина не сорвалась вниз, не покатила по склону — замерла, протаскиваясь по инерции десяток метров, и горела, чадила резиной покрышек, потрескивала пластиком обшивки. Бандиты недолго глядели на дело рук своих — промелькнули среди камней, показались много ниже, на уступе, спустились в ущелье и пропали.

Патрульный «джип» выехал из-за поворота. Трое сарджанцев выскочили из машины, подбежали к горящему автобусу и, выломав дверь, начали вытаскивать детей на воздух. Радист раз за разом вызывал оперативный штаб, оттуда наконец ответили, уловив слабый, искаженный горами сигнал.

...В городе был комендантский час. Редкие прохожие пугливо прижимались к серым стенам домов, окоченевшие за ночь патрули кутались в плащи. Дождь, холодный, беспрестанный, сыпался от горизонта до горизонта. Ветер свинцовой дробью бросал этот дождь в лица, загонял в подворотни, в тесные квадраты дворов-колодцев. Брусенс видел, как шевелятся побелевшие губы Квашнина, сидящего на переднем сиденье. Автолог словно бы молился. Питер разобрал в конце концов: «Только бы успеть...»

Мимо иссеченных водяными иглами окон фургона проносились грязные с обсыпавшейся штукатуркой стены, поваленные и разбитые мусорные баки, закопченные и смятые в лепешку остовы автомобилей. И снова стены, но теперь уже заклеенные грубыми трехцветными плакатами, черно-белыми кляксами воззваний и декретов. Машина мчалась на военный аэродром, где уже ждал взлета большегрузный армейский вертолет.

Наконец фургон миновал КПП, выехал на летное поле и резко затормозил у трапа. Автологи бегом вкатили Трансформатор в грузовой отсек, закрепили рядом с реанимационным комбайном. И вертолет тут же оторвался от земли. Он устремился к Харасским горам, форсируя мощность двигателей. Машину бросало в воздушные ямы, стены и пол пассажирского отсека ходили ходуном.

Квашнин только сейчас смог оглядеться. За четверть часа главврач успел собрать шестерых автологов и дюжину врачей. Мрачнолицые, они сидели, вцепившись руками в петли предохранительных ремней. Лишь немногие пытались переговариваться. Квашнин расслышал приглушенный голос сидящего неподалеку Августа Кройцера:

... — Словно бы и не люди, а биологические автоматы. Все у них: и организм, и сознание — подчинено одному-единственному. Превратили самих себя в инструмент...

Геннадий подумал с тоской: «Господи, до чего же надоело...» Кройцер спорил с Цойбаленом, без малейшего сомнения отметал все его аргументы.

— Какой тут, к черту, гуманизм, если эти здоровые, ни в чем не виноватые парни должны страдать от чужой боли? Вы не автолог, вы не отдаете своего здоровья, вам легко говорить! Да, эти эскулапы-самородки сами рвутся лечить. Но они же по сути своей дети, их кредо — непосредственность, игра в большом и малом! А мы, люди трезвые, обязаны остановить это издевательство над собой!

— Да почему же издевательство?! — не выдержав, все-таки подал голос Геннадий. — Мы получаем огромное удовольствие, когда видим плоды своего труда. В восторг мы приходим — не в ужас! Никакая другая профессия не способна дать столько радости: ведь лишь автолог чувствует, как в другом человеке живет часть его силы, здоровья, его самого... Это чувство можно сравнить разве что с материнством. А вот вы всего лишь операторы перед пультом машины, расстреливающей болезнь!

Кройцер смотрел на него, как на ребенка, кивал. Цойбален отвернулся. Он понимал всю бесполезность спора.

Летчик, едва не промахнувшись, посадил вертолет на дорогу. Возле автобуса пахло гарью и кровью.

Отборные головорезы низложенного год назад шейха Карифа все чаще и чаще перебирались через границу и наносили предательские удары в спину. Спускаясь с перевалов, они устраивали засады и убивали всех подряд не разбираясь. Шейх мстил за то, что народ не захотел больше терпеть кучку истязавших его палачей. В годы правления Карифа «священная гвардия» со зверской жестокостью карала за любое проявление недовольства, а теперь эти вторжения не давали стране вернуться к нормальной жизни. Убийцы уже не в силах были повернуть историю вспять, но обескровить Кара-Сарджо еще вполне могли.

Медики хватали носилки, выскакивали из вертолета, мимо черного остова машины бежали к распластанным на камнях обгоревшим и окровавленным фигуркам, бережно укладывали их и бегом несли к Трансформатору и реанимационному комбайну, спущенным на дорогу через грузовой люк вертолета.

«Вот этот еще дышит», — сказал Питеру Брусену патрульный. Невесомое тело мальчика положили на носилки.

Комбайн был раскошегарен на полную. Насосы закачивали в сосуды искусственную кровь, инъекторы с камфарой целились в раскрытые грудные клетки, сердца содрогались в конвульсиях электрических разрядов, пальцы автоматических манипуляторов ритмично двигались, проводя открытый массаж. И сердца начинали биться, и возобновлялось дыхание.

Вытащенных с того света детей предстояло теперь долгие недели выхаживать в больницах, борясь с ожогами и ранениями. По-другому лечили автологи. Выстроившись в очередь, они сменяли друг друга у Трансформа-

тора. Худой мускулистый торс в единый миг покрывался страшными ранами. А ничего не понимающего выздоровевшего ребенка уводили в тень вертолета. Не дожидаясь самоизлечения, парня оттаскивали в сторону. Освободившееся у Трансформатора место тут же занимал следующий автолог.

...Автологи сделали все что могли. Трансформатор встал. А к комбайну вслед за ранеными продолжали приносить и недавно умерших. Большинство из них было уже не спасти, но все равно пытались, пока оставался хотя бы один шанс из тысячи. Здесь была и маленькая девочка с редкими для сарджанцев голубыми глазами. Она лежала у самых ног Брусенса. Волосы ее спеклись от крови, а тельце было едва прикрыто ошметками синенького платьица в белый горошек. В глазах девочки отражалось солнце. И они искрились, блестели, словно продолжая жить.

Брусенс всего насмотрелся за свою жизнь, но смириться с тем, что умирают дети, никак не мог. Убить же ребенка... Это было выше его понимания. А ведь убивали, и едва не каждодневно. В Кара-Сарджо нашлось достаточно людей, способных убить ребенка. Шейх Кариф умел воспитывать убийц, ничего не жалел для них. И теперь «священная гвардия» добросовестно отработывала его щедрую плату. Питеру хотелось ринуться в самую гущу работы, но нейрохирург без своей чудодейственной техники был сейчас совершенно беспомощен. Он мучился, стоя без дела, потом побрел по дороге, сам не зная куда, и снова вернулся к комбайну.

«А где же девочка?» — спросил Питер ошеломленно. Девочки нигде не было. Нейрохирург огляделся. Солнце по-прежнему пылало в белоголубом небе. Скалы текли, переливаясь в струях горячего воздуха. На раскаленном бетоне дороги рядом с вертолетом стоял Трансформатор. Все люди почему-то столпились вокруг него. Воцарилась мертвая тишина.

Брусенс медленно подошел к медикам и патрульным, кое-как протиснулся сквозь толпу к Трансформатору и увидел склонившегося над чьим-то телом главного врача. А рядом на фирменной куртке автолога сидела голубоглазая девочка и разглядывала свое изодранное платьице в горошек.

Главврач встал с колен и как-то совсем по-стариковски полез в вертолет. На расстеленной плащ-накидке лежал Геннадий Квашнин. Брусенс посмотрел на автолога. Геннадий улыбался уголками рта. Умирая, он, наверное, был счастлив. Он еще раз победил смерть.

**СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ**

**ВЗГЛЯД
ДОЛУ**

— Пожалуйста, — сказал Яфмам, — прошу!

Он наклонился над столом, навис, широко расставив руки с растопыренными пальцами. Сонд напрягся, но все же не сумел заметить того момента, когда стол украсился десятками тарелок, подносиков, блюдец, горшочков и соусников. В некоторой растерянности Сонд созерцал дымящееся и благоухающее великолепие.

— Начинать можно с чего угодно, — пояснил Яфмам, — и на чем угодно заканчивать. Неужели вы еще не заметили, что у нас можно все? В разумных пределах, разумеется.

Сонд осторожно придвинул к себе ближайшую салатницу, попробовал. Вкусно. Даже слишком вкусно, как и все здесь. «Еще неделя, — подумал Сонд, отодвигая вторую тарелку, — и я не влезу в космошлюпку, корабль уйдет без меня, меня оставят худеть, а здесь я никогда не похудею. А вот Яфмам умудряется быть тощим. Хотя ему все это давно приелось».

Яфмам сидел напротив, склонившись над зеленым желейным брусочком. Воткнув в него соломинку, Яфмам лениво посасывал, и брусочек потихоньку уменьшался, почти не изменяя формы.

На улице с шумом и криками носилась ребятня. Обычные детишки, совсем такие же, как на Земле. Хотя одно отличие есть: всемогущее родительское внимание явно оберегает детей — ни у кого не видно царапин, не найти разбитого носа, ободранных коленок. И костюмчики новенькие, чистые, словно их владельцы не валялись в пыли или не мчались по кустам.

Иногда по дороге проходил кто-нибудь из взрослых. Они тоже были до изумления похожи на землян, но одного взгляда на них было бы достаточно, чтобы схватиться за голову любому земному врачу. Взрослые были неестественно сутулы, попросту горбаты. Шеи сгибались дугой, подбородки упирались в грудь, словно прохожий рассматривал пыль под ногами. Сонд уже знал, что такая «осанка» вызвана не анатомическими различиями, которых у землян и местных жителей почти не было. Странное уродство специально вырабатывалось долгими мучительными упражнениями. «Взгляд долу» был обязательной принадлежностью любой ритуальной позы.

— Яфмам, — сказал Сонд, — я гощу у вас уже четвертый день, многие мои товарищи тоже гостили у ваших соплеменников, а вот из вас почему-то никто не побывал на нашем корабле. Я приглашаю вас сегодня одного или с друзьями, как покажется удобным.

— Это совершенно невозможно, — отозвался Яфмам.

Изогнувшись вопросительным знаком, он одним движением ладони стер со стола ужин, потом, опустившись на подушки, пояснил:

— Я не суверен и не думаю, что вы занимаетесь зеркальной магией, но боюсь, что ваши дела все же опасны и могут оказаться заразными.

— Зеркальная магия? — переспросил Сонд. — Что это? У нас на Земле когда-то пытались заниматься черной магией. Но ничего не получилось.

— А что такое черная магия?

— Это магия, нацеленная на то, чтобы причинять вред другим.

— Похоже, — признал Яфмам. — Но зеркальная магия опасна прежде всего для самого мага.

— Тогда почему же...

— Болезнь, — коротко объяснил Яфмам. — И довольно заразная. Больной начинает применять свои способности для запретных дел и гибнет. В крайнем случае становится калекой и уродом. Чаще всего больной пробует летать, говорят, это можно сделать с помощью зеркала. Отсюда и название: зеркальная магия. Конечно, он падает и разбивается. Потому-то большинство считает ваши полеты вредным и пагубным соблазном.

— Вот оно что?! — воскликнул Сонд. — Почему же вы не сказали раньше? Мы бы немедленно запретили все полеты.

— Как можно запретить другому? — удивился Яфмам.

— Мы бы попросили прекратить полеты, — поправился Сонд.

— Вы добры и отзывчивы. — Яфмам поклонился.

Сонд знал, что обмен любезностями может продолжаться часами, и поспешил сменить тему разговора.

— Яфмам, — сказал он, — а вы не могли бы продемонстрировать ваше умение перед приборами? Вы же знаете, что в них нет ничего злого. А нам это, возможно, помогло бы освоить магию...

— Нет, нет, я боюсь, — отказался маг. — Но я мог бы попробовать обучить вас. Согласны?

— Согласен! — быстро сказал Сонд. — Что для этого нужно?

— Ничего. Сядьте поудобнее, расслабьтесь. Теперь примите позу и начинайте думать о предмете ваших желаний... Только думайте так, словно никогда в жизни ничего не желали сильнее...

На мгновение у Сонда вспыхнула надежда: вдруг получится? Но тут же погасла, убитая трезвой мыслью: что пожелать? О чем он мечтал в своей жизни до самозабвения, истово и безнадежно? Полететь к звездам? Он этого добился. Первая любовь? Сонд представил, как на столе материализуется женская фигура, и, усмехнувшись, потряс головой. Нет, живой человек — это не чашка кофе. Так, наверное, нельзя, это из области зеркальной магии. Что еще? Подлинная гравюра Дюрера? Но они все известные специалистам, а еще один подлинник вряд ли сможет создать даже магия. Ладно, не надо подлинников! Копии гравюр, венское издание конца прошлого века! Это, конечно, не чашка кофе, но объект для мечты подходящий.

Сонд изогнулся, распластал над столом руки и сосредоточился. Он добросовестно, страница за страницей представлял себе венский альбом, воображал себя его владельцем. Мурлыкающий голос Яфмама доносился к нему словно сквозь вату:

— Огонь в мозгу сливается с огнем солнечного сплетения, жар в ладонях — готово!

Сонд открыл глаза. На столике стояла чашечка, полная черного кофе.

— Вот видите! — радовался Яфмам. — Сначала затраты кажутся неоправданно большими, но потом будет легче. Главное — не забывать о позе. Голова должна быть опущена всегда, энергия начнет накапливаться, и материализации можно будет производить безо всякой подготовки. Не распрямляйтесь!.. Ну зачем вы?.. У вас получилось с первого раза, хотя считается, что взрослого человека обучить невозможно... Зря вы стерли позу...

Сонд помассировал затекшую шею, потом взял чашку, отхлебнул. Оказалось вкусно, но это был не кофе.

— Простите, Яфмам, — сказал Сонд. — Дело в том, что получилось у вас, а не у меня.

— Мне очень хотелось вам помочь, — признался Яфмам.

Они поднялись, вышли на улицу. Там уже почти никого не было, дело шло к вечеру. Совсем земное солнце клонилось к пологим верхушкам холмов, которые тоже казались совершенно земными. Перистые облака над головой подцвечены розовым, предзакатное небо отливает зеленью.

«А ведь они этой красоты не видят, — вдруг подумал Сонд. — Сидят, уставившись на пуп. А что с того имеют кроме вкусовостей? Даже искусство у них мелкое: тонкая резьба, орнаменты, безделушки да украшения». Сонд искоса глянул на Яфмама. Тот шагал, сосредоточенно глядя под ноги. «И люди красивые, — эта мысль легла еще одним доводом в пользу созревающего недовольства, — жаль, горбатыми кажутся, а все из-за позы... — Но тут же Сонд устыдился собственного антропоцентризма. — А ты подумал, — одернул он себя, — что сам кажешься Яфмаму младенцем-переростком? А он возится с тобой, старается помочь, хотя наверняка боится, что ты все-таки заразный. Что же это за штука такая — зеркальная магия? Вдруг земляне на самом деле заразны, потому и не владеют колдовством?»

Громкий крик прервал его мысли. Сонд вскинул голову и увидел отпечатавшуюся на фоне неба черную человеческую фигуру. Широко раскинув руки, она парила в зените, и оттуда доносился вопль, полный торжества, смешанного со страхом.

Яфмам, заслышав крик, согнулся, словно его ударили, спрятал лицо в ладонях, и два или три человека, бывшие на улице, повторили этот жест, стараясь укрыться от того, что происходило наверху. Один Сонд стоял, вскинув голову, и смотрел на парящую фигуру. В следующую секунду он понял, что человек не летит, а падает. Далее Сонд действовал автоматически, словно это кто-то другой мгновенно активизировал скрытые под одеждой антигравы и взмыл вверх, а сам Сонд лишь отмечает мелькнувшую землю, скорчившихся людей, фигуру, выпустившую блестящий круг, и тысячеосколочный звон, когда круг коснулся камней. Человек падал медленнее тяжелого зеркала, и Сонд успел на последних метрах настичь его, вцепиться и затормозить, прежде чем они ударились о землю.

Потом Сонд взглянул на спасенного. Это был совсем молодой парнишка, один из тех, кто, несмотря на увещевания старших, постоянно вертелся вокруг землян. Теперь он растерянно смотрел на Сонда и, видимо, не вполне понимал, что с ним происходит. Сзади подошел Яфмам.

— Зачем ты это сделал, Ииас? — печально спросил он.

— Я хотел летать, как они, — сказал Ииас. — Но я не мог увидеть неба, не мог представить его: ведь я почти не помню, как был маленьким и смотрел на небо. Поэтому я сотворил зеркало. Я не колдовал с ним, я только хотел увидеть в зеркало небо. Я сам не знаю, как очутился наверху.

— Это и есть зеркальная магия. — Яфмам покачал опущенной головой. — Ты заболел небом, Ииас, это не вылечивается.

— Но вы говорили про инфекционную болезнь, — пробормотал Сонд.

— Я здоров! — воскликнул Ииас. — И я все равно буду летать!

— Ты уже ничего не будешь делать, — возразил Яфмам. — Посмотри, как ты стоишь! Энергия ушла из тебя, ты обессилел. Сотвори что-нибудь, попробуй. Сделай цветок!

Ииас согнулся, лицо его залила краска напряжения. Потом он со стоном распрямился.

— Идем, — сказал Яфмам. — Теперь тебе нельзя в поселок, ты будешь жить с больными.

Он пошел прочь от домов. Ииас покорно поплелся за ним. Сонд быстро догнал уходящих. Яфмам, заметив его, негромко сказал:

— Это действительно заразная болезнь. Но заболевают только молодые. Болезнь неизлечима. Если даже заболевший останется жив, он теряет свои способности, становится беспомощным, как младенец. Мы заботимся о них, но просим никуда не уходить из карантина: люди, умеющие видеть небо, заразны, их примеру обязательно следуют другие. Рядом с поселком живут четверо таких. Ииас будет пятым. И все-таки источником инфекции были вы, земляне.

Они подошли к домику, стоявшему в стороне от поселка. Зеленеющий холм закрывал его от остальных домов. Плотный забор в рост человека окружал дом. Яфмам отворил калитку и отступил, пропуская юношу.

— Ты будешь жить здесь, — сказал он. — У тебя будет все, но я прошу тебя никогда не выходить в поселок. Да ты и сам этого не захочешь.

— Я хочу летать, — прошептал Ииас.

— Там есть зеркала, — сказал Яфмам, — там много хороших зеркал, но они тебе не помогут, небо ты теперь видишь и без зеркала, а вот магические способности к тебе не вернуться.

— Не отчаивайся, Ииас! — сказал Сонд. — Завтра я приду к тебе. Ты еще будешь летать. Для нас ты не больной, ты просто человек.

Юноша ушел к дому не оглянувшись, но Сонд видел, как его голова, которую он старательно опускал, поднялась выше.

Яфмам проводил Сонда к станции. Станция и посадочная площадка космошлюпок располагались по другую сторону поселка. Их тоже окружал глухой забор с незапирающейся калиткой. Теперь Сонд понимал, зачем нужна эта ограда. Она должна уберечь молодых от опасных соблазнов землян. Около калитки Сонд и Яфмам раскланялись.

— Люди больше не будут летать над поселками, — сказал Сонд, — и вообще не будут летать без крайней нужды.

Яфмам поклонился.

— Еще я хотел спросить, — продолжал Сонд, — можно ли нам забрать ваших больных к себе?

— Разумеется, если они согласятся на это. Некоторые раскаялись в своей глупости и хотели бы вновь стать магами. К сожалению, это невозможно. Вам, Сонд, тоже придется смириться с неизбежным. Когда вы пытались овладеть искусством, я не заметил никакой концентрации энергии. А ведь когда-то у вас были великолепные задатки, это видно даже сейчас. Ваши дети могут стать настоящими магами. Присылайте их к нам, я сам буду с ними заниматься.

— Спасибо, — сказал Сонд, — но у меня нет детей.

«А когда они появятся, — добавил он про себя, — то я не пушу их сюда, пока они неизлечимо не заболеют небом».

**АНДРЕЙ
СТОЛЯРОВ**

**ДВЕРЬ
С ТОЙ СТОРОНЫ**

***Поиск реципиента. Глубокий зондаж. Стабилизация
канала связи. Фокус акцепции. Передача сигнала***

Когда выступает Серафима, можно отдыхать. Мазин так и сделал. Толкнул переднего: «Подвинься». Нырнул за его спину, положил щеку на ладонь.

Было хорошо. Спокойно. Серафима, забыв о времени, журчала на одной ноте. Кивала гладкой седой головой. Безобидная старушенция. Выступает на каждом собрании и с серьезным лицом уверяет всех, что опаздывать на работу нельзя.

В комнате, куда набились со своими стульями, сидели очень тесно. В некотором обалдении.

Звенела муха в верхних рамах, и от звона было скучно. В передних рядах таращили глаза, сглатывали зевоту.

Мазин получил отличное место — между двумя кульманами, у открытого окна. Поднятые доски заслоняли надежно. В окно летел пух. Это был первый этаж. Проходили люди, натыкались взглядом на разморенные физиономии — с испугом прибавляли шаг. На другой стороне, за деревьями, уныло переплетались огороженные решеткой, засыпанные коричневым шлаком железнодорожные пути. Каждые пять минут, со стоном уминая воздух, проносилась электричка.

Серафима вытирала губы платком, поправляла эмалевую брошь, стянувшую платье. Чувствовалось, что это надолго. Мазину передали записку: «Не храпи, мешаешь думать!». Ольга, видимая в проходе, показала, как он спит: сложив руки и высунув язык.

Обернулся Егоров, спросил:

— Видел еще что-нибудь?

— Нет, — сказал Мазин.

Врать в духоте и оцепенении было легко.

— Я пришел к выводу, что Они транслируют некоторую обойму информации, — не двигая губами, сказал Егоров. — Последовательно знакомят с различными аспектами их жизни.

— Эпизоды повторяются, — лениво сказал Мазин, так же не двигая губами.

— Повторяются? Да? Я этого не продумал. Вероятно, Они дублируют наиболее важные сообщения.

— Я четыре раза видел «Поле с урнами». В ушах стоит это чавканье.

— Поле? — Егоров был озадачен. — Ну... нам пока трудно судить, что Они хотят сказать этим... А на кого был похож зверь?

— На крокодила. Только с крыльями.

— Алексей, — строго сказал Егоров. — Ты обязан подробно записывать каждую передачу.

— Бред!

На них оглянулись. Мазин сделал такое лицо, будто ничего не говорил. Не хватало только, чтобы Серафима приняла восклицание на свой счет.

— А может быть, твой крокодил — это и есть Они? — не оборачиваясь, в ладонь прошипел Егоров.

— Отстань, — сказал ему Мазин.

Откуда-то из-за разбегающихся путей поползли многоярусные тучи черной изнанкой. Закружили небо. Сразу потемнело. Кто-то зажег худосочный электрический свет. В комнате зашевелились. Серафима журчала. На лицах было покорное отчаяние.

Налетел ветер. Поташил скомканную газету. Столб листьев и соломинок, закрутившись над люком, поднялся выше окна. Как прибой, зашумели полновесные тополя.

Две школьницы, в хрупких бантах, в праздничных белых фартуках, с опаской посмотрели на небо и припустили через улицу, держа портфели на голове.

Упали первые крупные капли — щелчками. Заколотили серые точки в пыльный асфальт.

Чесануло дробью — хлынуло, загрохотало, охапками сбивая с деревьев широкие зеленые листья.

Мазин, высунувшись, потянул рамы на себя. В лицо ударило водой. Синяя ветвистая молния располосовала небо. Где-то далеко, на окраине города, обвалилось — тяжело и долго.

Поднявшиеся садились, кряхтя, будто на гвозди. Кто-то чихнул, кто-то кашлянул. Мазин смотрел вверх голов. Потолок был нечистый, в трещинах. Мел осыпался. Лампа в скучном пластмассовом абажуре надрывалась — одна на всю комнату. За окном была темь, полная дождя. Шипело в водосточных трубах. По пузырящейся мостовой бежали мокрые люди.

Рядом с лампой появилась крохотная белая искра. Горела отчетливо. Мазин сморгнул. Искра осталась. Словно в потолке была дырочка и сверху в нее направили прожектор.

Он закрыл глаза. Искра светила под веками. Как маяк. Мазин понял, что это.

— Ты совсем заснул, — прошептали спереди.

— Знак, — сказал Мазин, не открывая глаз.

— Что?

— Знак. Звезда на потолке. Слева от лампы.

— Ничего там нет, — сказал Егоров.

Мазин поднял веки. Искра горела — тихая, пронзительная. Вокруг нее, как при большом напряжении глаз, расплзалась серая дрожащая дымка, заслоняя собою лица, ряды, кульманы и шлепающую губами Серафиму.

***Устойчивый Контакт. Синхронизация изображений.
Передача первичного понятийного ряда***

Сначала это были невнятные, как бы моментальные, зарисовки, словно киноленту разрезали на мелкие куски, а потом склеили как попало. Кадры прыгали и наслаивались. Иногда картина была заштрихована вертикальными царапинами или пульсировала, расплываясь в нерезком тумане.

Первый связный сон был таким.

...Болото. Коричневая вода подернута радужной бензиновой пленкой. Из нее высовываются гнилые кочки в черной траве. Обгорелыми спичками вразнобой торчат редкие чахлые сосенки. Мазин бредет, выдирая ноги из чавкающей жижи. Идти трудно. Засасывает. В глубине, под пружинящим дерном, зыбкая и бездонная пустота. Жарко. Воздух едок и густ. Соленый пот щиплет глаза. Автомат с массивными магнитными кольцами на коротком дуле оттягивает плечо. Пахнет машинным маслом, соляжкой. Вместо неба над головой висит тяжелый мазутный дым. Плавает в нем бледный круг солнца. Мазин хватается за стволы бородавчатых сосенок, отдергивает руку: стволы железные и горячие, словно трубы парового отопления. Иглы на них металлические, с воронным отливом. Он трогает пружинистую кочку — трава тоже железная, горячая. Под ржавыми, скрежещущими листьями брусники гроздьями висят никелированные ягоды. От коричневой воды поднимается пар. С чмоканьем лопаются громадные пузыри, разбрасывая жирную нефть. На высокой кочке, поджав одну ногу, стоит тощая цапля, покрытая медными тусклыми перьями. На лысой голове ее — проволочная щетина. Цапля вытаскивает ногу из гремящих перьев, чешет голову — будто ножовкой пилит железо. Распахивает красные в белых пленках глаза. Это очень опасно. Смертельно опасно. Сердце сдавливают твердыми пальцами. Мазин выводит автомат из-за спины, остановившись, сразу уходит по колено в вонючую воду. Цапля приоткрывает длинный клюв и шипит, как змея. Зубы в клюве шевелятся. Стремительно выкатывается тонкий, раздвоенный на конце язык. Мазин стреляет дважды. Лиловая вспышка. Ключья мазута. Коричневый пар со свистом уносится вверх. На том месте, где стояла цапля, — ровная твердая площадка.словно на болото положили асфальтовый лепесток. Края площадки похрустывают, остывая. На них, выцарапывая искры, карабкается цапля. Перья ее вишневые от термического удара. Цапля стряхивает брызги горячей нефти и, взъерошенная, шипящая, растопырив облезлые крылья, бежит к Мазину, разеваая клюв. Злобой горят рубиновые глаза. Мазин опять стреляет дважды...

Но чаще возникала другая картина.

Бескрайняя равнина, поросшая короткой шелковистой пепельной травой. В траве ровными рядами, как ульи, стоят невысокие серые ящики с плоскими крышками. Мазин назвал их урнами. Урны тянутся до самого горизонта. Это напоминает кладбище. Вереницы аккуратных надгробий. Сумерки. Небо темно-синее, но видно хорошо: воздух прозрачен и тих. От ящика к ящику неуклюже ползет животное, похожее на крокодила: длинная бугристая морда с выступающими глазами, зеленая чешуя, гребенчатый стучащий о землю хвост. Желтое брюхо волочится по земле. На спине у крокодила перепончатые крылья алого цвета. Он с треском, как голубь,

бьет ими. Он какой-то ненастоящий: глаза у него голубые. Крокодил подползает к урне, шаркая мордой, не сразу откидывает крышку. Волна кисловатого запаха обдает Мазина. Внутри находится оранжевая студенистая масса, напоминающая слипшуюся икру. Крокодил выковыривает эту массу. Она, как тесто, шлепается в траву. Уминает лапами — икринки лопаются, шурша, словно пузыри в лимонаде. Он отрывает кусок, жует, жмуря от сладости фарфоровые глаза, чавкает громко, на всю равнину, слюна длинными каплями падает с челюстей. Кисловатый запах усиливается. В нем есть что-то притягательное. Бесконечные ряды урн светятся в темноте деревянными щеками. Покончив с одной, крокодил захлопывает крышку и, продолжая жевать пустым ртом, ползет к следующей. Так — час за часом, всю ночь: темное выставшее небо, уходящая за горизонт равнина, пепельная трава, неторопливое движение чешуйчатого тела, смачное чавканье, трескотня алых перепончатых крыльев.

Иногда Мазин летал среди блестящих алюминиевых облаков, которые на его глазах набухали и проливались, но не дождем, а серебряными монетами, или брел по улицам пустого, очень светлого города. Мостовая была стеклянная, стоэтажные дома были стеклянные, каждая улица выводила на площадь, и на каждой площади стояла стеклянная же, налитая светом ветряная мельница, вращалась, позвякивая привязанными колокольчиками, и солнце вспыхивало на прозрачных лопастях.

После таких снов Мазин просыпался в поту. Пугала реальность увиденного. Он еще несколько секунд чувствовал на плече тяжесть автомата, втягивал ноздрями едкую вонь кипящего мазута или слышал унылое мокрое шуршание раздавленной толстыми лапами икры.

Сны были не его. Чужие. Он не мог их видеть. И все-таки он видел их каждую ночь.

3

Устойчивый Контакт.

Передача первичного понятийного ряда.

Расширение зоны Kontakта за счет новых реципиентов

ГОВОРIT СЕРАФИМА. Не любят. Чувствую, знаю, улавливаю в неприязненных голосах. Не любят. Шеф, возвращая отчет, косится в сторону. «Надо переделывать. Согласно последней рубрики. Вы не вполне учли». Ему стыдно. Он краснеет и злится на самого себя. Потому что ничего переделывать не надо. Согласно рубрики. Все давно учтено. Не любят. Звонит Караслава: «Больше не приходи ко мне, никогда тебе не прощу». Что, почему, зачем — бесполезно выяснять, короткие гудки в трубке. Не любят. Бородатые институтские мальчики хихикают: Серафима совсем рехнулась, стоит посреди коридора и насвистывает гвардейские марши. Это не свист, это плач. Откуда наползает чужая мрачная тень? Не любят. Мать шевелит из угла синими беспомощными губами. Как пощечина. Нельзя подать стакан воды: не возьмет. Будет мучиться, а не возьмет. Придет дочь с работы — тогда. Дочь. Вздернутые брови, изумленные глаза, нарочито бестолковые жесты. Полное и абсолютное отчуждение. Будто впервые видит. Не могла умыть старуху. А старуха не хочет. Вся дрожит, если подойдешь к ней. Взгляд мутный от страха. Отравили. Запрещься у себя в комнате и сидишь, слушая, как вытекает время из будильника. Словно пленка легла на мир. Никогда такого не было. Не любят. Накапливалось незамет-

но, по крупице, день за днем, бесшумно, как седеют волосы: однажды посмотришь в зеркало, а голова уже белая. Или это возраст? Причуды старости? Молчит телефон. Кривятся знакомые. В автобусе отодвигаются, словно вся перепачкана мазутом. Одиночество. Другое измерение. Будто уже не человек. Иногда — тонкие, далекие, невнятные голоса. Станным холодом веет от них. Что-то объясняют, а не разобрать. Что-то очень важное, мучительно-знакомое. Галлюцинации? Бьешься, как муха, в невидимой паутине и только хуже запутываешься. А посредине липких теней притаился кто-то — бледный, невыспавшийся, помятый, равнодушный, непричесанный, с оттопыренными ушами. Он сутулится за своим столом и чертит, выставив худые локти, — даже не обернется, ни звука не издаст, но хрупкие настороженные нити протянулись именно от него и с каждым днем все крепче. Ерунда какая-то. Мистика. А вот не ерунда. Так, наверное, дикие племена ощущали приближение чудовищного бога с песьей головой и человеческим телом. Леденеют суставы на пальцах. Перехватывает горло. Чужая гипнотизирующая воля проникает в сознание. И начинаешь смотреть как бы со стороны, издалека и другими глазами. Мать — капризная старуха, вздорная пустая склочная умирающая женщина, дочь — глупая и злая курица, думающая только о себе, муж ее — самодовольный болван, шеф — идиот, а мальчики с козлиными бородами — ранние циники, карьеристы, собиратели дешевых сплетен, у которых ничего нет за душой. Даже страшно становится: ведь не так же на самом деле, ведь абсурдно и не может быть, ведь неправда все это...

ГОВОРIT ЕГОРОВ. Прежде всего Академия наук. Там есть Паша Молчакин — обратиться к нему, он подскажет. Нужны специалисты. Нужны математики, нужны лингвисты, нужны этологи, которые смогут грамотно расшифровать сообщение. Наверняка уже существует комиссия по Контакту. Хватит самодетельности. Можно упустить единственный шанс и безнадежно погубить всякую возможность понимания. Это не для дилетантов... Во-вторых. Он куда не пойдет. Он просто боится. У него нет сердцевины, внутреннего волевого стержня, который заставляет идти наперекор всему и наперекор всему побеждать. Он как петух, отыскивавший жемчужину. Случайность. Удар молнии. Дуракам везет. Только потому, что среди миллиардов нервных волокон в мозгу именно у него несколько штук сцеплены чуть-чуть иначе. Только потому, что нет внутреннего сопротивления. Только потому, что он никто — мягкая глина, пустышка, чистая доска, на которой можно писать все что угодно. Сочетание маловероятных факторов. Только поэтому. Даже нельзя взять за руку и вести силой. «Здрасте, вот это чуело, которое мямлит и запинается, видит необычные сны». Ну и видите себе на здоровье. Кто вам запрещает и при чем тут Академия наук? Нет никаких доказательств... И в-третьих. Главное. Будто чужой человек поселился под кожей. Будто слабый и почти неощутимый, но уже тянет к себе, настойчиво убеждает, нашептывает. Это не диалог. Диалог допустим лишь при абсолютном равноправии сторон. Хотя бы опорные элементы культуры должны быть едины, без этого невозможно доверие. Если же идет тайное просачивание на Землю, целенаправленная диффузия культуры, то ни о каком доверии не может быть и речи. Это не диалог. Это нечто иное. Лучше уж вообще отказаться от Контакта. Вплоть до крайних мер. Может быть, устранить саму материальную основу межзвездной связи — те несколько нейронов, которые сцеплены чуть-чуть иначе. Ужасно будет,

если придется сделать это. Но чаши весов ощутимо неравновесны: на одной стороне — он, а на другой — все остальное человечество.

ГОВОРIT ОЛЬГА. У Геры, кажется, кто-то есть. Точно, разумеется, ничего не известно, не настолько он глуп, чтобы болтать, но определенно кто-то есть: он не боится поссориться. И вот эта невысказанная, но отчетливо угадываемая готовность расстаться — лучше всяких доказательств. Значит, здесь что же? Значит, здесь все. Пустой номер. Не бегать же за ним как кошка. Дает обратный эффект. Уже есть опыт. Боже мой, сколько опыта! Лучше всего видаться как можно реже. Но не ссориться. Ни в коем случае не ссориться. Нет ничего противнее скандальных женщин. И не оставлять у себя. Только в исключительных случаях. Пусть добивается. Ценишь ведь только то, чего добиваешься. Но если Гера действительно отпадает, тогда это серьезно. Тогда вокруг холод и пустота. Тогда отпадает вся милая семейка: и Надин, и Валька, и Сержик, и придурковатый Аверьян. Потому что это его компания. Если они почувствуют, то больше — никаких приглашений, никаких сборищ, никаких лодок, никаких загородных увеселений. Через год они будут вспоминать, что была такая Олечка, которая без ума от нашего Геры. И будут заговорщически подмигивать. А Гера будет делать непроницаемое лицо и косить глаза на очередную подругу. Вот что противно: будут искренне думать, что без ума. А тут просто: пугающая безнадежность, двадцать восемь лет и никого нет рядом. Ведь нет же никого. Свободные одни придурки. А как не хочется придурка. Боже мой, как не хочется, до смертной тоски. Люди, где вы? Если Гера отпадает, тогда остается только он. Он, он и он. В единственном числе. Тянется уже три года — вяло и без перемен. Тоже придурок. Но — свой, ласковый, домашний придурок. Как ручной хомяк. Когда улыбаешься ему — не часто, — то он на седьмом небе от радости. Прямо слюни пускает. Он, конечно, будет носить на руках и сдвигать пылинки. Но ведь — придурок. Будто из творога сделанный. Сны какие-то дурацкие видит. А вдруг он со сдвигом? Эти тихие — с ними не угадаешь. Можно серьезно вляпаться. Вообще, странная ситуация: не люблю, не нравится, даже легкое отвращение к нему, а все равно притягивает. Какая-то душная черная сила. Особенно последние дни. Почему-то все время должна его видеть. Непонятно почему. Должна, и все. Если не увижу, хотя бы случайно, потом хожу, как больная. При том, что абсолютно не хочу. Неприятнейшее ощущение. Словно не сама решаешь, как жить, а кто-то за тебя. Словно гипноз. Словно висишь на пальцах у кукольника и прозрачные нити, уходящие вверх, властно дергают тело, заставляя двигаться в нужном направлении. Ужасно неприятно. Идешь, как во сне, и колдовское облако окутывает голову.

4

Расширение зоны Контакта. Неустойчивый Контакт с основным реципиентом. Смена донорской группы

Навалилась летняя жара. Ртуть ушла за двадцать. Тени не было. Асфальт размяк. Кирпичные стены испускали обжигающие волны. Трескалось стекло. Город словно прожаривался на каменной сковородке. Загусте-

вала медленная вода в каналах. Небо стало фиолетовым. Изнемогающие тополя выбрасывали охапки белого призрачного пуха, он лежал на карнизах, плыл по воде, невесомыми шарами парил над раскаленной мостовой.

Мазин боялся, что сойдет с ума. Голова болела и распухала. Он не читал мысли, это было невозможно, но он каким-то образом мгновенно понимал, чего хочет каждый, и это понимание облекалось в форму непрерывного монолога, звучащего прямо в мозгу. Избавиться от него было нельзя. Точно кто-то невидимый мерно, безостановочно, не сбиваясь ни на секунду, страницу за страницей читал ему чужие души и некуда было укрыться от тихого проникающего голоса.

Мир рушился. Не было ни одного человека. Ветер с песком ударил в лицо. Он не мог видеть скрупулезно-аккуратную Серафиму: под редкой сединой, под белой мраморной кожей старческого черепа расплывалось отчаяние. Подходила Ольга. Вспыхивали серые глаза. Кончик языка краснел между сахарными зубами. Мазин отворачивался, стискивал пальцами виски. Голос в мозгу звучал непрерывно. Строгий и внимательный взгляд Егорова преследовал его. Требовательные зрачки напоминали о долге перед человечеством.

Сидеть на работе стало невыносимо. Мазин уходил с утра — ему было наплевать, что подумают, — часами шатался по горячим улицам, наматывая пыльные километры, глотал сухой, обдирающий горло мутный воздух, чтобы невероятным зноем и духотой оглушить лихорадочный мозг.

Ему некуда было идти. Не с кем говорить. Пух, как сон, затопил город. Подошвы прилипали к асфальту. Деревья в агонии трубочками свернули вялые листья. Пахло бензином. Раздутые автобусы выбрасывали синие клубы.

Искра продолжала гореть. Мазин видел ее все время. Даже рядом с блистающим солнцем. Даже под зажмуренными веками. Даже затылком. Он мог ночью сквозь всю толщу Земли сказать, где она. В библиотеке он достал атлас звездного неба и, пользуясь еще школьными знаниями по астрономии, попытался определить ее. Кажется, это был Денеб, альфа Лебедя: светимость в пятьдесят одну тысячу раз больше, чем у Солнца, расстояние от Солнца — пятьсот парсеков.

Он больше не сомневался. Это был не бред. Сны приходили каждую ночь — яркие и пугающие. Он не понимал их. В человеческом мире не было подходящего адекватата. Сознание, как калейдоскоп, лепило случайную картину. Она могла не соответствовать. Его звали. Его спрашивали на неизвестном языке. От него ждали ответа. Он не знал: каково? Тонкая ниточка протянулась к Земле из громадной пустоты. Конец ее был в руках Мазина. Мгновенное понимание других, которое заставляло его избегать людей, тоже было знаком.

От него требовали. И требование это с каждым днем становилось все настойчивее.

Ему было страшно. В черной и тихой глубине Пространства, в невообразимой дали его, только для него одного непонятно зачем горела чужая звезда.

Мазин поднимал к ней лицо и, щурясь в жидком солнце, сухими губами говорил: «Не хочу...»

Голос был слабый и неуверенный.

5

Неустойчивый Контакт. Усиление сигнала. Развертка элементарной семантики

Это был железнодорожный тупик. Точнее, не тупик, просто рельсы здесь упирались в земляной бугор и поросли травой. Она пробивалась сквозь песок, засосавший черные шпалы.

Трава была светло-серого цвета в белых прожилках. Цвета пепла. Мазин оглянулся.

Справа, вплотную к рельсам, тянулся старый накренившийся забор с выломанными досками, за ним находился пустырь; слева, через несколько блестящих действующих путей, желтело продолговатое здание паровозного депо. Оттуда неслись тревожные гудки и лязг сдвинувшихся колес.

Он наклонился. Трава была шелковистая и такая холодная, словно из льда. На шпалах пузырями выступала смола. Песок был в угольной крошке. Мазин сглотнул, чувствуя во рту вкус шлака. Он ожидал чего-то подобного. С ходу зачастило сердце. Сзади возник и мгновенно вырос до неба громыхающий железный стук. Оглушительно свистя, между ним и депо пронеслась электричка. Окна ее слились в одну огненную черту.

Трава охватывала бугор, куда упирались рельсы. На деревянных ногах Мазин прошел за него и остановился. Вытащил из сбившегося кармана мятый платок. Вытер лоб. Платок сразу стал мокрый. За бугром вся земля поросла пепельной травой. Рельсы сияли в ней стальными ручьями. А между ними вереницами на одинаковом расстоянии друг от друга стояли приземистые деревянные урны с плоскими крышками. Будто ульи. Или надгробия. Это было похоже на кладбище. Мазин уронил платок. Трава сразу же пронизала его серыми острями, зашевелилась, растягивая, обрывки ткани секунду белели и растаяли. Лишь стебли на этом месте стали гуще — пучком.

Мазин кашлянул. Будто подавился. Хотелось бежать отсюда сломя голову, кричать и размахивать руками. С грохотом в каком-то метре от него пролетела еще одна электричка. Стук ударил в уши. Пахнуло горячим ветром. Шелковая трава пошла волнами, и в ней, в ледяных корнях ее, родился густой и низкий звук. Словно тронули басовую струну.

От желтого здания депо к Мазину прыгал по шпалам человек. Суматошно скидывал руки. Мазин в тоске пнул землю, поросшую чужой травой. Земля была как камень. Басовая струна угасала.

Человек добежал и схватил его за рукав.

— Тебе что?.. Тебе жить надоело?.. А вот оштрафую... Покажи документы!

От бега и от жары лицо у него было вареное. Он задышался.

— Нет у меня документов, — сказал Мазин. — Не кричите. Я уйду. Наверное, вид у него был странный, потому что человек мигнул мешками глаз.

— Или что-нибудь случилось?

Он был в форме. На лацканах пиджака, на зеленых выпушках, перекрещивались шпалы.

— Вон, — только и выдавил Мазин, показывая на ровные ряды урн.

— Ну что «вон»? Ну, ТТР, — сказал железнодорожник. Сдвинул выгоревшие брови на красном лице. — Откуда здесь ТТР?..

Присел. Со всех сторон оглядел ближайшую урну, постучал по стенкам. Звук был деревянный. Обернулся к Мазину.

— Это что же, а?.. Это откуда они взялись?.. Я же утром тут проходил. Ты что-нибудь понимаешь, парень?

— Вторжение, — мертвыми губами сказал Мазин, до боли в веках расширяя глаза.

Вколачивая рельсы в землю, опять пронеслась электричка. Закрутило горячий воздух. Из травы выплыл низкий поющий бас.

— Гудит что-то, — сказал железнодорожник. Снял фуражку с зеленым околышем. Открылась багровая лысина в свалывшемся детском пухе.

Мазин смотрел на нее как зачарованный. Вдруг показалось, что он тоже от туда, этот человек.

— Поглядывай, поглядывай, парень, — строго сказал ему железнодорожник, — попадешь под колеса — мне голову оторвут.

Фуражку, лежащую рядом с ним, пронзили пепельные травинки. Материя беззвучно расползлась. Околышек лопнул. Мгновение — и лишь одна жестяная кокарда блестела в траве.

Железнодорожник подсовывал лицо под крышку урны:

— Тэк-с... А вот тэк-с... — Напрягся. Морщинистая шея налилась кровью. Ноги поехали по траве. Крышка поднялась с ужасным скрипом. «Не делайте этого!» — хотелось крикнуть Мазину.

Он не мог.

Железнодорожник заглянул внутрь и отпрянул. Из урны, как тесто, выперла оранжевая влажная масса. Все было словно во сне. Масса походила на слипшуюся икру. Мазин сделал шаг назад — бежать. Волна кисловатого притягательного запаха обдала его. Железнодорожник затрепетал широкими ноздрями. Ему, видимо, тоже стало не по себе.

Замедляя ход, прошла электричка к городу. Требовательно прогудела. Вдали, на узких платформах, были видны люди.

— Это что такое, парень? — быстрым шепотом спросил железнодорожник.

— Пойдемте отсюда, — попросил Мазин.

Железнодорожник потыкал пальцем в оранжевую массу. Икринки лопались с тихим шелестом. Он сосредоточенно понюхал палец. Мазин зажмурился. В голове гудело. Ослепительная белая искра горела внутри нее. Денеб. Альфа Лебеда. Донеслись странные каркающие звуки.

Он открыл глаза.

Стоя на четвереньках, содрогаясь всем телом, хлопая по траве растопыренными ладонями, железнодорожник выворачивал содержимое желудка.

Мазин подхватил его под мышки.

— Гадость!.. Гадость!.. — давясь слюной, прохрипел железнодорожник.

Оранжевая масса, набухая, переваливалась через край ящика. Шлепнулся один мокрый кусок, другой. Травинки вокруг них задвигались, на глазах вытягиваясь вверх.

Знакомый треск крыльев донесся из-за урн. Мазин выпустил железнодорожника. Тот мягко сел. По проходу между рядами урн, стуча хвостом, полз крокодил, покрытый крупной зеленой чешуей. Волочился желтый живот. Метались на спине алые перепончатые крылья. Голубые кукольные глаза неподвижно смотрели на Мазина.

— Мать моя женщина!.. — кашляя в прижатую ладонь, сказал железнодорожник.

Крокодил открыл пасть. Ребристое небо было черное, а язык коричневый и бархатистый.

***Неустойчивый Контакт. Развертка элементарной семантики.
Совмещение локуса развертки и локуса реципиента***

— Идем быстрее. Неужели ты не можешь идти быстрее? — сказала Ольга.

— Слишком светло, я ничего не вижу, — сказал Мазин.

— Смотри изнутри.

— Это как?

— Боже мой, просто смотри изнутри.

— Я не могу.

— Ладно, я сейчас сделаю.

Она повернула его к себе. Ладони были жесткие, пластмассовые. Коснулась обоих висков — погрузила внутрь суставчатые пальцы. Что-то там умяла, исправляя. Натягивались и с тихой болью рвались какие-то нити. Свет изменился. Точно поставили фильтр. Вернулось зрение. Они шли по улице. Воздух сиял. Как над болотом, миллионами слабых искр переливался редкий солнечный туман. Мостовая поросла пепельной травой. Сплошь — низко поющим ковром. В летней тишине цепенели дворы, пустые и светлые, — колодцы без воды. Зияли черным нутром распахнутые окна. Мазин заглянул в первый этаж. Дохнуло горячим мазутом. Пола в квартире не было. Была трясина — коричневая вода, подернутая радужными бензиновыми хлопьями. Шкаф, диван и четыре стула, как при наводнении, ножками окунались в нее. Жирно булькало и сипело. Выходил газ. На ржавых обжигающих кочках блестели никелированные кустики брусники. Вытягивая из топи длинные ноги, гремя медными перьями, в проеме дверей появилась цапля, звонко щелкнула клювом, зашипела, вращая красный зрачок, замигала пленками. Мазин отшатнулся.

— Ну что ты останавливаешься? — нервно сказала Ольга. — Здесь нельзя останавливаться.

Потащила его за руку.

— Почему нельзя? — спросил Мазин.

— Боже мой, да иди же ты быстрее!

— Куда мы идем?

— Не бойся, все будет хорошо.

— Я не боюсь, но я хочу знать, — сказал Мазин.

Трава под ногами шептала басом — леденеющая, неземная. В покинутых дворах, в белизне пустынных улиц, на выпуклых широких перекрестках бесконечными веренищами стояли урны — светились деревянными щеками.

Ольга откинула ближайшую крышку.

— Ешь!

Выперла икра.

— Я не буду, — сказал Мазин.

— Ах, не спорь, пожалуйста!.. Делай, что тебе говорят...

Она зачерпнула оранжевую массу, ела с ладони, как кошка, жмуря неперепеливые глаза. Икра была теплая и очень сладкая. Походила на мед. Таяла во рту. Легко закружилась голова. Мазин вдруг понял: это счастье. Как он раньше не догадывался. Настоящее счастье — вдыхать кислотный запах, млеющим языком уминать вязкое податливое тесто, чувствовать на нёбе трепетное щекотание лопающихся икринок. Он заметил, что у других

урн тоже стоят люди. У каждой по человеку. Откуда только взялись. Жуют — молча и сосредоточенно. Лица у них оранжевые от налипшей икры. Мерное чавканье роится в полуденном воздухе.

— Хватит, больше нельзя, — с сожалением сказала Ольга, облизав пальцы. Заторопила его: — Нас ждут...

— Хочу еще, — глухо, с набитым ртом, сказал Мазин.

— Захлебнемся в информации — пойдут сразу несколько текстов.

— Очень вкусно...

— Нет, — сказала Ольга. — Уже пора.

Посредине улицы, взявшись за руки, застыли шестеро мужчин без одежды. Тела их из дымчатого стекла просвечивали: переплетались нервы и сосуды.

— Не смотри, они не любят, — опустив голову, прошипела Ольга. — Что ты все время глазеешь?

— Кто это? — спросил Мазин.

— Они так думают, — ответила Ольга. — Общая нервная система. Да не смотри ты на них, ради бога...

Мужчины, будто почувствовав, медленно и синхронно повернули к ним головы — синеватый ореол мерцал над морщинистой, как грецкий орех, поверхность каждого мозга.

— Вот видишь, — сказала Ольга. — Теперь они увянут. Но это не опасно, успеем...

Мужчины провожали их взглядами, пока головы двух задних не повернулись на сто восемьдесят градусов. Тогда вся группа, не расцепляясь, так же синхронно — шаг в шаг — тронулась за ними. Задние ступали пятками вперед, и сквозные лица их — зубы, уши, глаза, скрепленные невидимым каркасом, — висели над полупрозрачными лопатками.

— Идут, — сказал Мазин.

— Ничего, уже недолго, — сказала Ольга. — Только не оглядывайся ты, пожалуйста... И пошли быстрее. Не давай им коснуться. Ты как неживой, в самом деле...

— Я читал все твои мысли, — сказал Мазин.

— Ах, ерунда...

— Я действительно читал.

— Прибавь шагу. Держись за меня, можно провалиться, тут есть такие места...

— Ты меня обманываешь...

— Ах, ничего ты не понял. Это как звонок в квартиру. Один — второй — третий. Пришли гости. Тебя хотят видеть. Надо просто встать и отпереть дверь.

— А что за дверью?

— Откуда я знаю? Не останавливайся, вот бестолковый.

На перекрестке, зарывшись в траву, стоял автобус без колес. Стекла по всему борту были выбиты, бампер мятый, задняя дверца открыта.

— Уф... наконец-то, — сказала Ольга. — Забирайся.

— Зачем?

— Как все-таки с тобой трудно, — вздохнула она.

Мужчины, держась за руки, приближались: враз поднимают правые ноги, помядая немного — опускают, поднимают левые. Прозрачные мышцы хрусталем высверкивали на солнце. Мазин поднялся по ступенькам. Дверь закрылась — одной створкой.

Внутри на облезших креслах сидели люди. Смотрели в окна. Как истуканы. Никто не шелохнулся. Лица были знакомые. Мазин увидел Серафиму: брошь под жилистым горлом, гладкие седые волосы. Она продолжала смотреть. Даже не шевеля губами, строго произнесла:

— Вы всегда опаздываете, Алексей.

Два места были свободны. Ольга быстро уселась.

Егоров, облокотившийся на половинку разломанного руля, сказал:

— Давай причаливай, сейчас поедem.

— Он же без колес, — сказал Мазин.

— Ну и что?

— Разве можно без колес?

— Еще как! — сказал Егоров.

Дал длинный гудок.

Автобус закачался, как на волнах. Вниз ушли придвинувшиеся вплотную стеклянные лица мужчин. Они летели. Повернулись гигантским кругом крыши как ломаная черепица, сеть улиц с темными точками урн. Накренилась и утонула под блистающими облаками зеленая карта Земли.

Ольга, глядя в окно, окаменела наподобие остальных.

— Послушай, я хочу тебя спросить, — в затылок ей сказал Мазин. — Эта... дверь... Она не может как-нибудь отвориться сама?

— Не отвлекайся, — сказала Ольга.

Егоров вдруг захохотал как сумасшедший.

— Только вперед!

Рулил быстро и беспорядочно — невпопад. Автобус швыряло зигзагами. Пассажиры вросли в кресла — пылинки не шевельнулись. Синий цвет неба истончился и лопнул. В пустой черноте зажглись звезды. Громадная луна, сквозя провалами «морей», выплыла откуда-то справа — рукой достанешь.

— Тебя уволили! — крикнул Егоров. — Глава седьмая! Продолжение следует!

Серафима тоже засмеялась — дребезжащим голосом. Запустив пальцы в голову, как парик с куклы, стащила свои седые волосы. Круглый блик вспыхнул на голой коже.

— Я родилась вчера, — доверительно сообщила она. — И теперь буду жить сто пятьдесят тысяч секунд...

7

Спорадический Контакт. Усиление сигнала. Репликация элементарной семантики в зоне Kontakта

На кухне было душно. Горячий линолеум потел солнечной испариной. Хлюпало в раковине: чок!.. чок!.. Слабо гудел работающий холодильник.

Мазин растер лицо. Сколько он спал — минуту, две? Всего лишь прикрыл глаза. Вполне достаточно. После каждого сна где-нибудь на Земле появлялся еще один кусочек чужого мира. Этот мир сочился на Землю, как вода из крана: чок!.. чок!.. — неумолимо и безостановочно. Он вспоминал людей, согнувшихся над урнами. Блаженные и бессмысленные лица, перепачканные оранжевым. Вот, значит, как будет дальше. Теперь он знает как. Это хорошо, что он знает.

По столу были рассыпаны кофейные зерна. Мазин разгрыз сразу два. Содрогнулся от вкуса. Хотелось икры. Включил радио.

Поля пепельной травы медленно распространялись в глубь Австралии и Новой Зеландии. Япония в спешном порядке перекапывала побережья, создавая на островах кордон мертвой, пропитанной сильнейшими гербицидами земли. Одобрена общегосударственная программа глобального анализа флоры с обязательным уничтожением всех неизвестных растений. На Американском континенте проникновение началось в бассейне Амазонки и уже захватило обширные площади сельвы к востоку от Риу-Бранку. Взяты первые пробы. Применение современных методов исследования приводит к мгновенному распаду сложных органелл икры на молекулярные компоненты. Появление крылатых крокодилов. Попытки отловить. Стальные тросы, брошенные на панцирь, рвутся, как паутина, — крокодил продолжает движение от урны к урне. По предварительным подсчетам, масса каждого животного превосходит массу земного шара. Бронебойные пули отскакивают от чешуи. Напалм прогорает на ней, не оставляя следов. «Наблюдаемые изменения животного и растительного мира возникли, вероятно, в результате мутаций и не представляют серьезной опасности», — заключил диктор.

Чок!.. чок!.. — хлюпала вода в кране.

«Не представляет серьезной опасности», — повторил Мазин.

Чок!.. чок!..

Он посмотрел на часы. Стрелки показывали шесть. Это могло быть и шесть утра и шесть вечера. Времени не существовало.

По радио заиграла музыка. Мазин выдернул шнур. Кухня была тесной. Стены — давили. Холодильник щелкнул и замолк, будто умер. Что-то еще оставалось. Да, убедиться самому. Он встал. Твердая корка хрустнула под ногами.

Лестница была пуста. Двор был пуст. Плотная тишина до краев заполняла его. Наверное, все-таки шесть утра. Хорошо бы сейчас поспать часов восемьдесят. Чугунные веки тянуло вниз. Царапало сухую роговцу.

Он вышел на улицу. Дрожало голубое марево. Солнце сияло в плоских окнах. Метрах в пяти от подворотни начиналась трава — светло-серая в белых прожилках, цвета пепла. Мазин, как автомат, ступил на нее. Сразу почувствовал лед сквозь подошвы.

«Не представляет серьезной опасности», — сказал он.

Впереди, на середине мостовой, асфальт вспучился горбом и раскололся. Деревянная урна вылезла из земли. Трава сейчас же бесшумно обступила ее широким кольцом.

«Пожалуй, пора», — сказал Мазин.

Посмотрел в небо. В синеве растворялись тонкие перистые облака. Звезда горела.

«Мы слишком разные, — подумал он. — Может быть, это и не Вторжение, но мы слишком разные. Нельзя ездить без колес. Мы никогда не пойдем друг друга».

Повернул обратно. Пересек двор. На лестнице опять никого не встретил. Дверь была открыта. Он забыл про нее. Квартира дохнула жаром. Паркет в комнате скрипел. Окно распахнулось, содрал засохшую краску. У него был шестой этаж. Далеко внизу, в квадратике двора, уже появилась стеклянная мельница. Вращалась, позвякивая колокольчиками. Солнце весело вспыхивало на прозрачных лопастях.

Пора.

Он залез на подоконник. Сдвинутый поникший цветок упал на пол и разбился. Наружный карниз был грязный. В голубином помете. Очень хотелось икры. Мельница, разбрызгивающая по стенам солнечные зайчики, вдруг остановилась как вкопанная.

«Все правильно, — подумал Мазин. — Запереть дверь. По крайней мере, это я могу сделать».

И, закрыв глаза, помогая себе руками, перевалился через карниз.

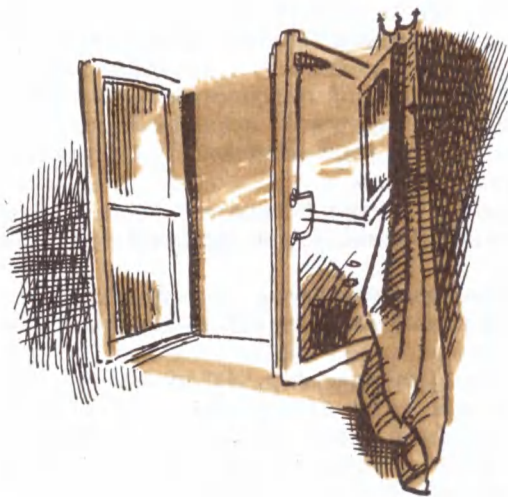
8

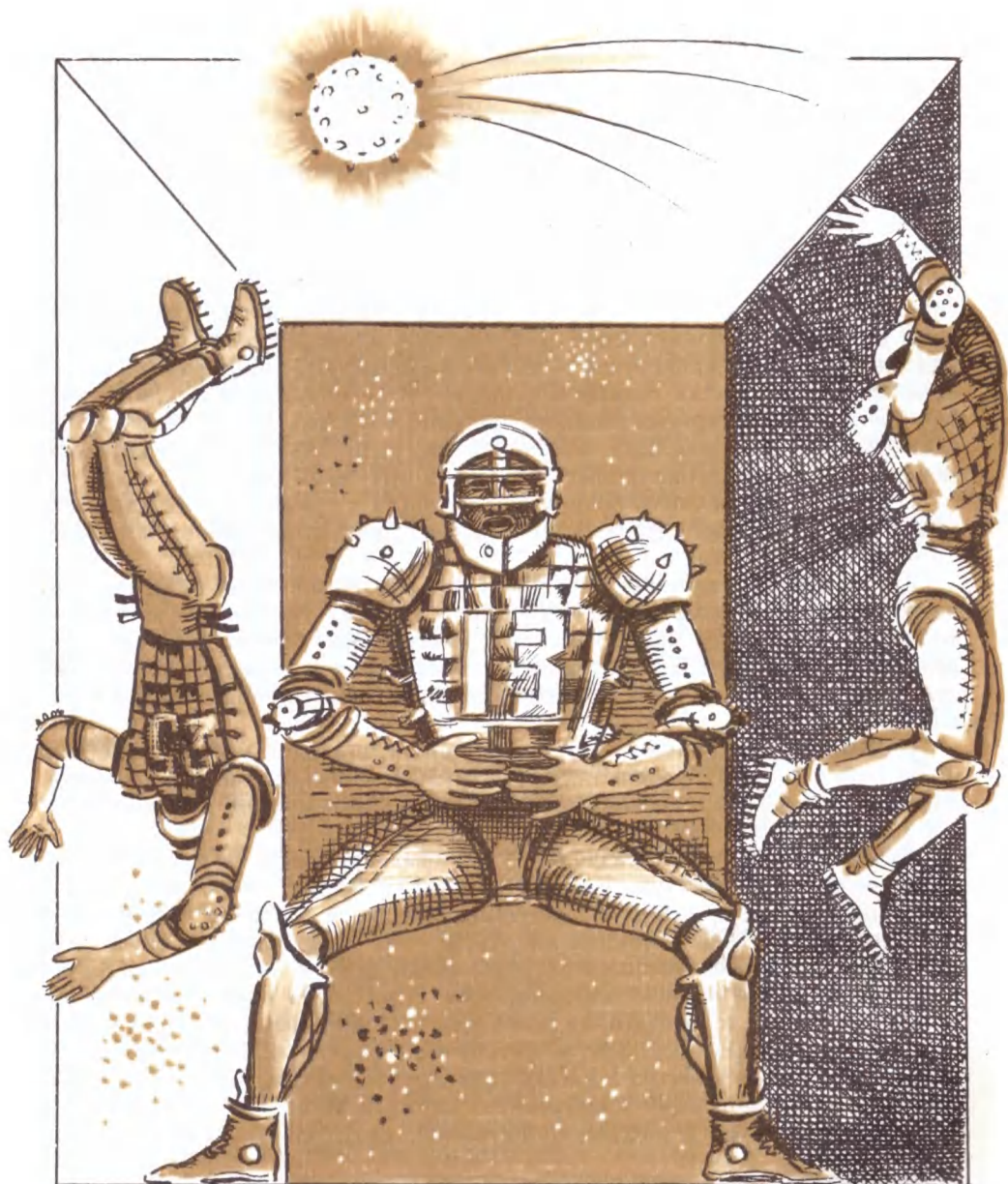
Потеря всей зоны Контакта.

Потеря пространственных координат.

Полное уничтожение семантики. Выход из зондажа.

Отключение донорской группы

**АНДРЕЙ
ИЗМАЙЛОВ**

**ТОЛЬКО
СПОРТ**

...«Вот как это было!» — на самой высокой ноте интригующе закончил комментатор и смолк. Далее слов не надо. Далее нужно было только смотреть. Экран прокручивал традиционную хронику ночи.

Камеры-видео, установленные в самых «горячих» секторах Города, фиксировали всё. Все, что происходило в самых темных закоулках, в самых заброшенных трущобах, в самых глубоких провалах ночи. Инфраобъективы выдавали вполне сносное изображение. Компьютер сам выбирал из километров пленки аппетитное — то, что каждый, уткнувшийся в экран утром, проглотит, желая острых ощущений, и не обманется в ожиданиях. Компьютер сам отстригал лишнее: пустынные часы площади, пока они были пустыни, случайных полуночников, если они были случайными, мелкие стычки конкурирующих банд, если они были мелкими.

И на этот раз хроника ночи, спрессованная в традиционные двадцать минут экранного времени, угодила каждому любителю нервной встряски.

«Вот как это было!»

Сектор Бича, по обыкновению, вымер на ночь. Мало кому взбредет в голову сунуться в сектор Бича, как только стемнеет. А если кто и сунется, то голове такого сумасброда недолго оставаться на плечах. Даже патрульные мобили блюстителей благоразумно объезжали этот сектор после рождественской бойни, когда блюстители решили навести свой порядок и навязать его Бичу.

Камеры-видео прошлой ночи фиксировали: шальной мобиль вывернул из-за угла в секторе. Мобиль не был патрульным. Это был частный мобиль. Это был очень хороший, классный мобиль. Такого мобиля не было даже у Бича... Не было, так будет!

Два мобиля Бича скользнули из боковых провалов, начисто отрезав гостя, — перегородили улицу и спереди и сзади. Вилка. Захлопали дверцы, загонщики мягко и уверенно двинулись к добыче. Четверо загонщиков, и среди них сам Бич. Подошли вплотную — по двое в лоб и с тыла. Для страховки — пятый, зависший сверху с флай-ранцем на спине. Он парил в воздухе, изготовившись для пикировки, если... если вдруг какая-то неожиданность. Да нет же! Какая может быть неожиданность?! Против четверых, среди которых сам Бич, не устоит никто. Даже если добыча ростом в шесть с половиной футов и двести сорок фунтов весом. Даже если добыча — столь мощногрудый джентльмен, который не спеша выгрузился из пойманного мобиля и шелкал зажигалкой, безуспешно пытаясь прикурить.

Ничего-о-о... Сейчас Бич и его парни так дадут прикурить, что мощногрудый джентльмен надолго запомнит. Если будет, чем запоминать. Бич и его парни да-авно изучили замашки подобных мощногрудых джентльменов... Так что удачная сегодня ночь. А то попрятались все в свои дыры! После рождественской бойни и дела-то настоящего не было. Скучно. А вот рискованный джентльмен — это чисто по-мужски. Еще какой рискованный. Не будь он таким — не направил бы свой мобиль через сектор Бича. Хороший мобиль... Если мощногрудый джентльмен спасует и отдаст его без лишних слов, то испортит все развлечение. Нет, не похоже. Значит, можно будет поразмяться! И риска никакого. Для страховки — пятый сверху.

Бич и его парни терпеливо дождались, когда мощногрудый джентльмен наконец-то раскурил сигарету под своим капюшоном. И приготовились. Бич и его парни съедали и не таких. Но таких они точно не съедали.

Огонек сигареты высветил лицо джентльмена. Они узнали это лицо. «Вляпались!» — мигнуло у Бича и его парней. «Вляпались!» — было последнее, что мигнуло у них в головах.

Потом в головах у них сверкнуло. Потом погасло. Навсегда.

...На экране момент избиения шел рапидно. Это был действительно только момент, миг — и все. Даже рапидный показ не дал времени осознать — как, что, каким образом...

Пятый сверху щелчком тумблера перевел флай-ранец на форсаж — пике! Он обрушился на затылок мощногрудого джентльмена. Попал! Пятый сверху вцепился одной рукой в этот затылок, другой — в подбородок и, привычно взвизгнув, привычно провел свинч. Но голова мощногрудого не дернулась, шея не обмякла. И пятый сверху взвизгнул уже непривычно. И смолк... Флай-ранец скрежетнул по мостовой. Джентльмен, так и не ставший добычей, помассировал затылок. Повернулся лицом к камере-видео, чуть задрал голову, чтобы попасть в фокус, и сбросил капюшон.

Это — Кэп! Тринадцатый! Кэп! Вот это да! Сам Кэп! Звезда спейсбола!.. Давно не было такой хроники ночи!.. Кэп!

Джентльмен, глядя прямо в камеру-видео, раздвинул губы в привычной и столь знакомой всем поклонникам спейсбола улыбке. Поднял руку, приветствуя каждого зрителя хроники ночи привычным жестом — кольцо, сложенное из большого и указательного пальцев.

Экран погас.

— Это победа! — приподнято сказал Вице, ловя взгляд Босса. — Это настоящая победа! Сегодняшней хроникой ночи мы сломаем хребет каждому слюнтяю, который хоть заикнется против спейсбола!

— Гм! — уронил Босс. — Гм-гм! — Лицо блином: незрелое, плохо пропеченное, круглое — не выразило ничего, но в междометии мелькнуло удовлетворение.

У спейсбола — масса поклонников, но есть и слюнтяи, которые помнят чуть ли не гладиаторские бои, требуя распустить федерацию, а спейсбол объявить вне закона. Их не так много, этих «нежно-розовых», но лучше бы их не было вообще! При чем здесь гладиаторы?! Любой участник спейсбольного финала не раб. Он сам свободен выбирать: да или нет, быть ему саттелитом в финале или отсиживать всю жизнь в кресле перед экраном, потягивая тоник и разбужая от малоподвижности, пока под ним это кресло не подломится. Спейсбол не каждому по плечу. Спейсбол — спорт настоящих парней. Да, только спорт! Только спорт. Да, травмы в спорте неизбежны, можно даже стать безнадежным, но именно потому финал собирает на спейсбольном полигоне самых, самых, самых... Вот Кэп. Хроника ночи показала всем, каких парней делает спейсбол! Если бы не было таких парней, то кто бы навел порядок в горячих точках Города?! Да сунь свой нос в тот же сектор Бича хоть один из «нежно-розовых», разглагольствующих о жестокости, зубодробительности, кровопролитности и о чем-то там еще... спейсбола, — и где бы сейчас был тот слюнтяй?! И в каком виде?! А Кэп... Да, Кэп продемонстрировал всем и каждому: только тот, кто причастен к спейсболу, способен защитить себя! Способен справиться с любой бандой, даже с парнями Бича! Способен положиться

на самого себя! А на кого еще можно положиться в Городе ночью? Не на блюстителей же, сникших после рождественской бойни, потерявших половину патрульного состава.

Да, сегодняшняя хроника ночи — лучшая реклама спейсболу. Этот спорт готовит ко всему! Да, это — спорт, и только. Только спорт. Босс был удовлетворен. Но отнюдь не желал показывать это Вице: пусть тот, как обычно, чувствует дистанцию. Вице хоть и Вице, но Босс есть Босс.

— Гм! — еще раз уронил он. — Зачем Кэпа понесло среди ночи через сектор Бича?! Утром — финал, а его носит по сомнительным секторам...

— Он заявил, что хочет срезать кусок пути, — виновато, сразу сникнув, проговорил Вице. — Он заявил, что не собирается тратить лишнее время на объезд каких-то там секторов. Я пытался его удержать, но... — и Вице снова вырुлил на восторженную интонацию, — разве нашего Кэпа кто-нибудь может удержать?! Его не удержит никто! Его, нашего Тринадцатого, не удержит вся эта свора из «Оранжа». Вот увидите, Босс, сегодня он положит в финале Кровожада и всех его саттелитов.

— Гм-гм... М-да, между тем пора на полигон. Гм.

Полигон был готов. Ряды скамеек забирались круто вверх, под небо. Скамейки ломились от жаждущих видеть. Видеть финал.

Рев!!! Началось!!!

...Кэп мгновенно рванул вбок. Реакция у него была отменная. Если бы Кэп не был готов, если бы он не поймал срабатывания клапана у Шара, то... свежезаряженный Шар — это пятьдесят фунтов. Плюс ускорение. Но Кэп не зря Тринадцатый, Кэп не какой-то там саттелит. Кэп был готов к срабатыванию Шара. И когда тот все же смазал его по шлему, Кэп одновременно с рывком резко крутнул головой. Затылок чуть потрескивал после вчерашнего ночного приключения, но бит у Кэпа прошел неплохо. На подобный бит попадались все. И Кровожад тоже попался. Шар вильнул — зигзаг — и врезался Кровожаду в живот. Кровожад скорчился в безнадежном, зажав Шар между животом и пахом. Рискованно. Шар имеет более ста клапанов, и срабатывает каждый клапан-сопло произвольно, периодизации не подлежит и не поддается.

Если бы Кэп до сегодняшнего финала не видел Кровожада в деле, то поверил бы, что сейчас, вот сейчас Кровожад выбыл, стал безнадежным. Спейсбол есть спейсбол, и Шар есть Шар: он может сработать каждую секунду. Прижимать Шар, который может смять тебя в лепешку, к животу?! Такое возможно, если действительно стал безнадежным.

Но Кэп видел Кровожада в деле на полигоне до сегодняшнего финала и знал, на что тот способен. Кровожад был Тринадцатым высокого класса. Кэп уловил последнее движение, гасящий контрбит Кровожада. Кэп понял: Кровожад скорчился в безнадежного, выжидая. Конечно, Шар мог сработать, и тогда Кровожаду не помогли бы никакие гасящие контрбиты. Но в спейсболе ты или рискуешь и уходишь с полигона победителем, или ты не рискуешь — и тогда тебе нечего делать в спейсболе.

Кровожад умел рисковать. Шар сработал. Но за миг до того Кровожад раскрылся и нагрудником подрезал Шар в Кэпа. Кэп ждал и увернулся волчком. Его саттелит справа зазевался, и Шар превратил саттелита в безнадежного — Шар чмокнул саттелита пониже шлема и вмял забрало внутрь.

«Оранж» взвыл — все семеро саттелитов Кровожада: еще один из «Маренго» свален! Но тут же Кэп подхватил Шар и четко провел свой корон-

ный бит-маятник. Шар ударился, сработал, попал в плечо саттелиту «Оранжа», еще раз сработал, уже падая вниз, и взмыл навстречу второму саттелиту, прикрывавшему Кровожада слева, — скрежетнул в бедро. Отлично! Пусть эти двое и не стали безнадежными, но надлом уже есть. Во второй фазе Кэп их доделает. Хорошо бы доделать их еще в первой фазе. Но Шар высветился и затих, иссяк. Шар нуждался в подзарядке.

...Кэп стянул бронезилет «Маренго», спустил кольчужные гетры, подняв забрало, сел. За дверью раздевалки был шум. Дверь раздевалки прогибалась: Кэпа жаждали видеть, жаждали потрогать, жаждали спросить, доволен ли Кэп сегодняшним финалом.

Кэп был доволен сегодняшним финалом: восемь саттелитов «Маренго» против семерых из «Оранжа» — и это результат уже первой фазы! Остальные выбыли бесповоротно. Да еще двое в «Оранже» уже с надломом! Двое, которых Кэп в первую минуту второй фазы превратит в безнадежных. Так что можно считать — восемь против пяти. Блестящий финал! Кровожаду, Тринадцатому «Оранжа», не помогут все его хитроумные биты. Кровожад еще может попытаться поразить Мишень и все-таки выиграть финал. Победа на полигоне достигается либо поражением Мишени, либо превращением в безнадежных всех противников до единого. Какой путь будет избран — решает Тринадцатый. И Кровожад, Тринадцатый «Оранжа», во второй фазе будет целить в Мишень — кованый обод, зависший в центре на невидимых тросах. Кровожад будет целить в Мишень, чтобы отделаться малой кровью. Но Мишень остается непораженной вот уже который финал подряд. И Кэп, Тринадцатый «Маренго», постарается сделать так, чтобы сегодняшний финал не стал исключением...

Так что Кэп был доволен сегодняшним финалом. Но Кэп был недоволен шумом за прогибающейся дверью раздевалки. И Кэп пошевелил пальцами. И хотя его саттелитам в первой фазе очень досталось и отдых был им нужен, но пальцами пошевелил Кэп. Кэп есть Кэп, он выигрывает не первый финал спейсбола. А саттелиты — это только саттелиты. Если Кэп заработал право на передышку между фазами, то саттелиты — еще нет. Если они хотят чего-то добиться в спейсболе, то должны слушать Кэпа. Вот когда хоть один из них хоть близко подобрется к сумме Кэпа за финал, тогда конечно... А пока делай, как хочет Тринадцатый.

Кэп хотел, чтобы не было шума за дверью, он хотел отдохнуть. И семеро саттелитов «Маренго» поднялись из своих шезлонгов. Еще четверо саттелитов не поднялись — те, что стали безнадежными в первой фазе финала. Их принесли, их положили. И они лежали, они уже не делали того, что хочет Кэп. Они уже ничего не делали, не могли сделать — даже согнать мух. Этот финал спейсбола стал для них последним.

— Э, падаль! — сказал Кэп и снова шевельнул пальцами.

Саттелитов было двенадцать. Из них четверо — безнадежные, семеро поднялись, чтобы выполнить желание Кэпа. Но еще один остался в шезлонге. Этот саттелит неплохо провел первую фазу, у него даже прошел бреющий против Шара. Но лучше бы ему не сидеть в шезлонге, лучше бы ему встать вместе с остальными и с остальными убрать шум за дверью.

— Э, падаль! — повторил Кэп. Он не любил повторять.

Саттелит, откинувшись в шезлонге, приоткрыл глаза.

— Меня зовут Завр! — сказал он.

Бунт? Знакомый бунт. До того как Кэп стал Тринадцатым, до того как его стали каждый вечер показывать по визиону, до того как Кэп добрался до своей суммы за каждую победу в финале и выбил право набирать себе саттелитов, — до всего этого он сам был саттелитом. Когда он вот так же сказал своему Тринадцатому: «Меня зовут Кэп!» — тот просто поднял брови. И остальные одиннадцать саттелитов чуть не превратили Кэпа в безнадежного там же в раздевалке. И Кэп усвоил, что надо уметь выбрать время и место. Кэп выбрал время, когда Шар скосил Тринадцатого «Маренго» на полигоне. Кэп выбрал место, где им никто не мог помешать. И тогда-то Кэп еще раз сказал: «Меня зовут Кэп!» И стал Тринадцатым. И вот теперь какая-то падаль вякает...

— Тебя зовут падаль! — сказал Кэп, выгружаясь из шезлонга. Затылок все потрескивал, но Кэпу было наплевать на какой-то там затылок.

Саттелит тоже встал и напряжился. Ему, саттелиту, было что напряжинивать — саттелиту, возмнившему себя Тринадцатым и прилепившему себе «Завра». Саттелит был посерьезней вчерашних ночных пятерых. Те просто разминочная мелочь. И Кэп сделал вид, что затылок у него не потрескивает, он его просто почесал, прикидывая, как поступить с наглцом.

Остальные семеро саттелитов отвлеклись от прогибающейся двери, чтобы видеть урок Кэпа и... чтобы «подсказать» Завру. Саттелиты прошли у Кэпа неплохую школу, они помнят уроки Кэпа. Они помнят, как на тренинге Кэп вместо холостого Шара подкинул им Шар заряженный, как они сшибались с Шаром, как потом утирали кровавые сопли. Они помнят, как Кэп ставил их по одному на малом полигоне и говорил: «В спейсболе превращают в безнадежного так...» И показывал.

Саттелиты, прошедшие все уроки Кэпа, с удовольствием сделали бы из него безнадежного, но... Тогда им не видеть процентов с его суммы — без Кэпа им не выстоять против Кровожада и семерых саттелитов «Оранжа». Завр этого не учел, он еще не научился выбирать время и место. Рановато ему, Завру, быть Тринадцатым. А вот среди саттелитов он, Завр, конечно, лучший. И калечить его перед второй фазой нерационально. Поэтому Кэп сделал ложный бит. Завр попался на него, но все же успел нырнуть и отделался легким грогги.

— Так что тебя все-таки зовут падаль! — сказал Кэп уверенно. Хотя как раз уверенность потерялась. От ложного бита еще никому не удавалось уйти. А Завр ушел. Остальные семеро даже не заметили этого. Но Кэп-то знал. И Завр тоже знал. Почувствовал, что Кэп рассчитывал отнюдь не на грогги — Кэп рассчитывал на более серьезный результат, но не получилось.

Может быть, из-за того, что затылок все еще зудел?..

Но саттелиты видели то, что видели: Завр взбунтовался — Кэп его усмирил. Время, чтобы «подсказывать» Завру, еще не пришло. Зато пришло время второй фазы. Потом придет время получить процент с суммы Кэпа, когда он им сделает победу в финале спейсбола.

— Какую сумму они предлагают за Кэпа?! — переспросил Вице.

Босс задумчиво ковырял в ухе. Старательно, сосредоточенно. Потом поднял голову и, глядя сквозь Вице, сказал:

— Что?

Вице раскинул умом и не стал спрашивать еще раз. Какую бы сумму ни предложили за Кэпа, она никогда не перекроет суммы сумм, которую на-

работает Кэп для «Маренго» во всех финалах спейсбола. Особенно сейчас, когда звезда спейсбола, настоящий парень Кэп, Тринадцатый «Маренго», прекратил существование банды Бича — банды, против которой были бесстрашны все блюстители Города! Какая сумма может перекрыть уход Кэпа?! Вице подумал, что своим вопросом поставил под сомнение собственную лояльность к «Маренго». Вице подумал, что лояльность к «Маренго» надо срочно проявить. Вице кинулся к бронежалоузи, поднял их до неразумного предела, высунулся по пояс и восторженно заголосил, указывая в центр полигона:

— Вышел!!! Уже вышел!!! Кэп вышел!!! Он покончит с Кровожадом еще во второй фазе!!! Хей! Хей!

В ответ ему обрушился рев трибун — они тоже отметили появление Кэпа на полигоне.

Вице обернулся к Боссу и на этот раз вложил в вопрос максимальную порцию издевки:

— Так какую сумму они предлагают за Кэпа?! — Чтобы Босс не усомнился, Вице сопровождал фразу характерным жестом.

Босс принял игру Вице и приподнял краешек рта. Потом прикрыл бронежалоузи так, чтобы обзор был полным, но Шар с полигона не влетел ненадолго в бункер.

Шар уже стоял в захватах на центре полигона. К Шару приближался Кэп и восемь саттелитов «Маренго». С другой стороны — Кровожад и семь саттелитов «Оранжа».

Захваты разжались и освободили Шар. Вторая фаза спейсбола...

Кэп дышал тяжело. Кэп никогда раньше не дышал так тяжело. Потому что раньше во всех финалах спейсбола он был спокоен за свою спину. Спину всегда прикрывали трое-четверо саттелитов. Во второй фазе этого финала за спиной Кэпа оказался Завр.

Когда Шар взвинтился спиралью, Кэп сильно выпрыгнул, закрывшись весь, кроме спины. Ведь спину страховал саттелит. Но Шар вывернулся, сработал и... должен был столкнуться с тем, кто страховал спину Кэпа. Шар попал Кэпу в затылок. Завр ушел от страховки, и Шар задел Кэпа по затылку! Завр возомнил себя Тринадцатым и ушел от страховки!!!

Кэп не обернулся. Обернуться в начале фазы, когда Шар заряжен до предела, — такое может себе позволить только саттелит, которому надоело все. И жизнь в том числе. Кэп не обернулся, но понял: саттелит, назвавшийся Завром, ищет время и место.

Поэтому Кэпу не удалось покончить с Кровожадом и его саттелитами уже во второй фазе. Кэп доделал тех двоих из «Оранжа», которые попали на бит-маятник в первой фазе. Потом саттелит, назвавший себя Завром, провел косящий бит сразу против трех саттелитов Кровожада. Те стояли треугольником — спина к спине. Кэп отрезал их от Кровожада, и, пока Кровожад продирался сквозь заслон, Кэп ухватил Шар и метнул его в эту тройцу. Шар сработал в воздухе, брызнув огнем, и отскочил к Завру. Завр среагировал — поймал и провел косящий бит. Шар сделал свечу и рухнул в центр треугольника из спин саттелитов Кровожада. И застрял в треугольнике, срабатывая и срабатывая.

Уже не стало треугольника — стало на трех безнадежных «Оранжа» больше. Кровожад и двое — «Оранж». Кэп и восемь — «Маренго». «Вторая фаза — без потерь, — думал Кэп. — Значит, сумма — на четверть

больше. Если покончить с «Оранжем» во второй фазе. А для этого прежде всего надо сосредоточиться на Кровожаде». Восемь саттелитов Кэпа справятся с двумя саттелитами Кровожада. А Кэп должен справиться с Кровожадом, должен не допустить, чтобы Кровожад метнул Шар в Мишень и отделался малой кровью. А это последний шанс Кровожада.

И Кэп сосредоточился...

Они оба были настороже. Тринадцатый «Маренго» и Тринадцатый «Оранже» — Кэп и Кровожад. Оба выставили пластинчатые рукавицы, страхуясь от срабатывания Шара. Кэп уже не пытался поймать Шар. Кровожад уже не рисковал своим гасящим контрбитом. Гасящий контрбит годен, если на полигоне относительное равенство. Ни один саттелит не будет атаковать Тринадцатого, пока тот на ногах. А если Тринадцатый будет снесен при гасящем бите, то его прикроют свои саттелиты. Кровожад теперь не мог рассчитывать, что его прикроют. Некому. Двое против восьмерых, у них своя забота — не превратиться в безнадёжных.

И Кровожад кружил. У него был шанс перехватить Шар и метнуть его в Мишень. Кровожаду не хотелось превращаться в безнадёжного.

Но Кэп-то мог применить гасящий контрбит, выдайся такая возможность и необходимость. У Кэпа оставалось восемь саттелитов — Кэп мог рассчитывать, что его прикроют. Но Завр не прикрыл его. Не прикрыл. Вот тогда Кэп стал дышать тяжело. И он тоже стал кружить.

Кэп не видел под забралом лица Кровожада, но Кэп отлично его себе представлял. У Кэпа в подобной ситуации тоже бы вытянулось лицо: если бы против Кэпа был Кровожад и восемь саттелитов и Кровожад, вместо того чтобы покончить с противником, вдруг стал бы кружить... Может быть, Кэп так же растерялся бы и пропустил нырок Кровожада, как пропустил его Кровожад, забыв о Мишени. Да, Кровожад пропустил нырок, и оранжевый шлем Тринадцатого сорвался, покатился, громыхая, по полигону. Голова Кровожада осталась незащищенной. Шар сработался полностью. Еще клапан-другой — и Шар высветится, иссякнет.

Кэп прижал Шар рукавицей, огладил его сверху вниз, сажая себе на ладонь, и — метнул. Шар попал. Голова Кровожада, Тринадцатого «Оранже», была незащищенной. Шар подкатился к оранжевому шлему Тринадцатого и высветился...

«Не получилось», — подумал Кэп. Не удалось покончить с «Оранжем» во второй фазе: на полигоне оставался еще один саттелит Кровожада. Уже с надломом, но не безнадёжный. Всего один бит — и очередной финал спейсбола кончился бы уже второй фазой!

Но Шар высветился. И времени для последнего бита не осталось. Теперь только в третьей фазе...

Но уж до того!.. Кэп представил, что он сейчас устроит своим саттелитам в раздевалке. Какого холода он напустит в штаны этим червякам, не сумевшим обработать всего-то двоих саттелитов «Оранже»! Этим червякам, из-за которых он, Кэп, потерял прибавку в четверть суммы. Этим восьмерым червякам, включая так называемого Завра, который должен был прикрыть ему спину и не сделал этого. А вот Кэп сейчас выяснит в раздевалке, почему этот восьмой червяк...

Боль толкнулась от затылка, куда попал Шар во второй фазе, куда попал вчерашней ночью пятой сверху из банды Бича. Боль хлынула вниз: плечи, грудь, живот, пах, ноги.

Он замер, пытаясь контролировать. Не смог. Надлом... Он еще смог ше-

вельнуть пальцами. И саттелиты, окружив его, подняли на руки и вынесли с полигона. Они вынесли Кэпа как победителя, как Тринадцатого «Маренго». Кэп был Кэпом. Он смог скрыть надлом от саттелитов. От всех восьмерых — от Завра тоже. А в раздевалке Кэп, пожалуй, не будет напускать холода в штаны своим саттелитам. Пожалеет... И выйдет в третьей фазе как ни в чем не бывало. У него надлом, но восемь саттелитов «Маренго» справятся с одним саттелитом «Оранжа» без своего Тринадцатого. Разве нет?..

— Какую сумму они предлагают за Кэпа?! — еще раз проорал Вице, изо всех сил демонстрируя лояльность к родному «Маренго».

Теперь Босс не принял игры Вице. Босс снова стал задумчиво ковырять в ухе. Босс не был бы Боссом, если бы не уловил того, что прозевал Вице. Босс видел, что произошло с Тринадцатым «Маренго». Босс взвешивал. Босс поднял голову и сказал, глядя сквозь Вице:

— Мы отдадим Кэпа за эту сумму. «Оранж» получит Кэпа. Контракт — немедленно. Думаю, они не заметили.

— Что не заметили? — Вице был ошарашен.

— Делай то, что сказано!.. Третью фазу Кэп должен провести уже за «Оранж»... Спорт есть спорт. Нужно уметь... выигрывать.

Оранжевый бронежилет Кровожада немного жал под мышками Кэпу. Спину Кэпа страховал единственный саттелит «Оранжа», у которого тоже был надлом. Шар уже стоял в захватах.

Кэп подумал, что может на прежнем авторитете отпугнуть «Маренго» и накрыть Шар. И метнуть его. И поразить Мишень. И даже выиграть финал. Малой кровью. Но выиграть. А потом набрать саттелитов для себя теперь уже в «Оранж». Через месяц он уже будет в полном порядке и сможет показать «Маренго» в следующем финале спейсбола... Через месяц «Маренго» не отделается от Кэпа малой кровью. Он припомнит им всем и каждому — вплоть до Босса. Они еще узнают, каково это — бросаться Кэпом!

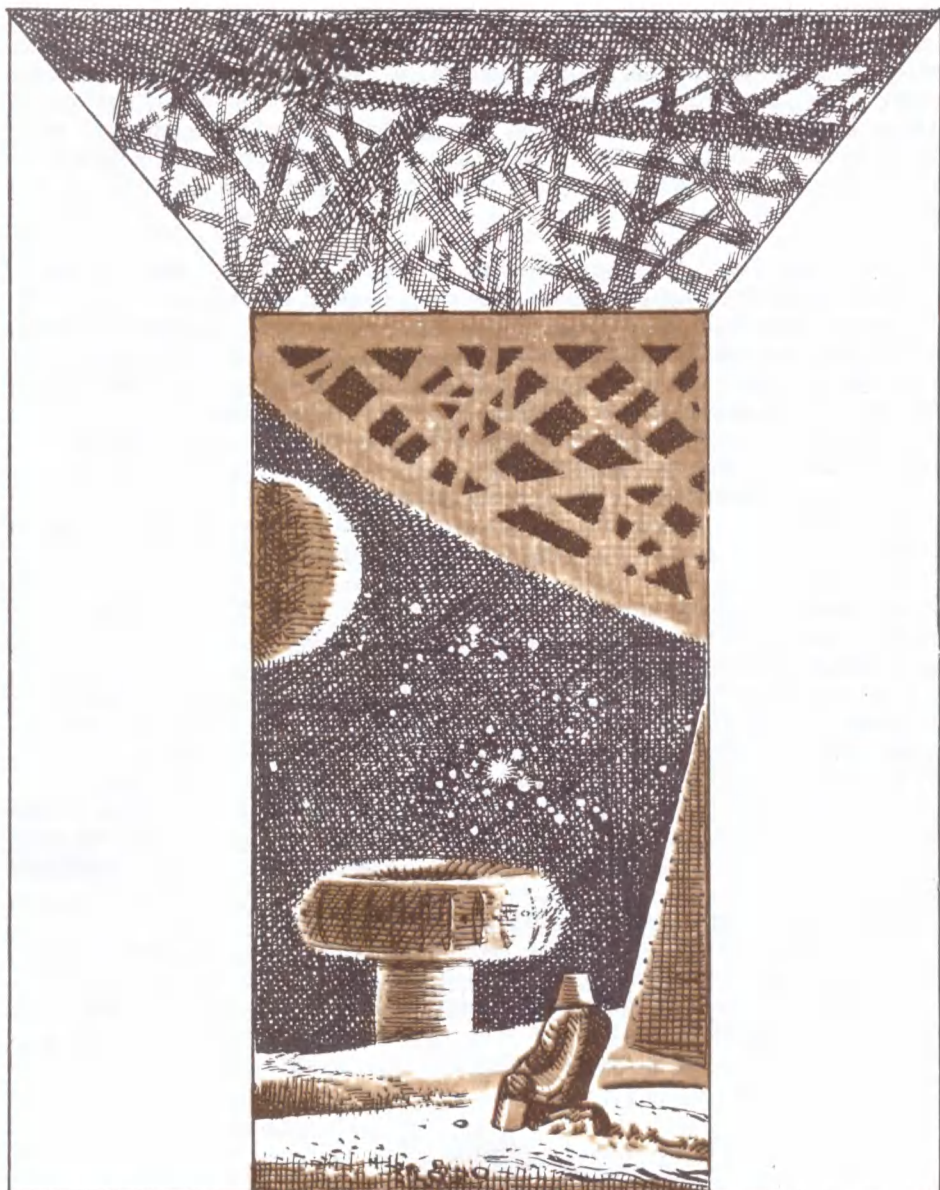
Кэп сделал шаг — затылок ответил порогом боли.

Восемь саттелитов «Маренго» выжидали. Нет. Семь саттелитов «Маренго» — Завр в бронежилете Кэпа отныне был Тринадцатым...

Они выжидали. Они тоже хотели поразить Мишень. Но не ту, которая дает победу малой кровью. Все они нацелились на другую Мишень...

Захваты щелкнули и выпустили Шар...

**ОЛЬГА
ЛАРИОНОВА**

**КОРОТКИЙ
ДЕЛОВОЙ ВИЗИТ**

— Петр Падыч, а Петр Палыч! — Левров, не осмелившийся зажечь свет, пытался на слух определить, проснулся Дашков или требуется дополнительное воздействие.

Дашков дышал бесшумно. Дополнительное воздействие, несомненно, требовалось, но... Уже сам факт пробуждения старейшего члена Высшего Координационного Совета в четвертом часу утра был событием вопиющим. В свое время Элжбета Ксаверьевна, давая свое согласие на избрание мужа в Совет, строго оговорила неприкосновенность его покоя с полуночи и до шести. «До первого петуха, так и передайте вашему Совету! — безапелляционно заявила она тогда Леврову, совершенно забыв, что во всей Москве существовал только один петух, да и тот кричал только по знаку дрессировщика, а отнюдь не в положенное ему природой время. — Так и передайте вашему Совету. В конце концов, это единственная привилегия, которой я требую!»

С ней согласились, потому что сам Дашков не требовал никаких привилегий. Договор соблюдался строго — до сих пор не было причины, которая заставила бы его нарушить.

Знал это и проснувшийся Дашков, у которого в голове невольно и тревожно проносились все гипотетические беды, способные обрушиться на Землю.

— Петр Палыч!.. — В голосе Леврова было неподдельное отчаяние.

Дашков не любил своего секретаря, неприметного молодого человека с редкой, но почему-то не запоминающейся фамилией. Было в Леврове что-то раздражающе несовременное, и Дашков, подозревая за этим качеством оправдание своей антипатии, старался изо всех сил быть с Левровым любезным. Каждый, кто хотя бы раз говорил с членом главнейшего в Солнечной системе Совета, согласился бы, что Леврову оказывают непомерную честь.

— Ну, что там? — Дашков облек наконец свое недоразумение в максимально любезную (для него, разумеется) форму.

— Прилетели! — выдохнул Левров. — Прилетели...

— Кто еще?

Глаза Дашкова, уже привыкшие к темноте, различали неуклюжее движение, словно огромный журавль хлопал полураскрытыми крыльями, — это Левров разводил руками.

И тут вдруг Дашкову стало страшно, вернее, сначала жарко и только после этого — осознанно страшно. Он вдруг понял, кто должен был прилететь, чтобы его разбудили посреди ночи. И как любой обыкновенный человек на его месте, он тут же не поверил:

— Включите свет и извольте докладывать связно!

От волнения он забыл, что Элжбета Ксаверьевна блокировала на ночь освещение всего этажа. Левров, человек врожденной фантастической пунктуальности, помнил это и потому не двинулся с места.

— Где? — спросил Дашков упавшим голосом. — Сколько?

— На Луне, шестьсот метров от купола «Шапито». Один.

— Корабль или член экипажа?

— Один корабль и, по-видимому, единственный пилот.

Дашков замолчал на целых двадцать секунд. Затем резко поднялся, протянул руку и безошибочно нашел на ночном столике муаровую ленточку.

Завязать тугим бантиком свою всемирно известную «суворовскую косицу» и накинуть тренировочный костюм было делом еще пяти секунд, а затем Дашков уже мчался по квартире легкими частыми прыжками — только двери успевали автоматически распахиваться тысячной долей секунды раньше, чем их могли коснуться его острые коленки. Элжбета Ксавьеревна стояла у последней двери, прижимаясь к стене.

— Знаешь? — спросил на лету Дашков.

— Знаю.

Кажется, он даже успел поцеловать жену, выпрыгивая на утренний снежок, над которым зависла тупорылая рыбина сверхскоростного мобиля. Иначе и быть не могло: должен же был Левров на чем-то примчаться из Калуги. Дашков нырнул в люк.

— Какой космопорт оповещен? — спросил он, поворачивая острый профиль к секретарю, не отстававшему от него ни на пядь.

— Чаршангинский. Там ракета под парами, остальные члены Совета кто вылетел, кто — вот-вот...

Маленький мобиль пошел вверх так, что уши заложило. Весь центральный массив Москвы с пепельно светящимися предрассветными улицами стремительно проваливался под ними, темнея и сливаясь в один человеческий муравейник, и только ярко-алый контур Кремля светился четко и привычно — Дашков знал, что он будет виден даже с орбиты. «Мы уже привыкли, двух веков не прошло — привыкли, и трудно представить себе, какими глазами должно смотреть на все это разумное существо, подлетающее к Земле извне...»

— Слушай, — вдруг каким-то будничным, совсем не академическим тоном проговорил Дашков, — а они на нас-то хоть похожи?..

— Не-е... — так же растерянно, словно извиняясь за неведомого гостя, протянул Левров. — Со стороны глянуть — чушка какая-то... У диспетчера Чаршангинского видеозапись есть.

— Почему не доложили сразу?! — Тон был уже стандартный.

Левров потянулся было через его плечо к пульту управления, но Дашков нетерпеливо дернул головой, так что серебряная косица испуганно метнулась по спине, и плохо гнущимся костлявым пальцем принялся набирать шифр связи.

Леврову казалось, что клавиши вот-вот расколются под точными сильными щелчками, словно ореховые скорлупки. Но клавиши

выдержали, а на потеплевшем экране проступило миловидное личико космодромного андроида.

«Дайте-ка, что у вас там с Луны...»

А с Луны было вот что...

На обоих лунных космодромах чужой корабль попросту не заметили. В Пространстве одновременно болтается слишком много кораблей; если же сюда прибавить космические станции, дрейфующие буйки и вообще весь массив Подлунных Верфей, то станет очевидным, что уследить за всем скромный типовой кибер-наблюдатель космопорта Луна-II (на космическом жаргоне — Байконаверал) был просто не в состоянии. Если бы это был обыкновенный земной грузовик, он должен был послать посадочный вызов; если же это было космическое тело, то ему следовало перемещаться с совершенно иными скоростями.

Чужак плавно сманеврировал, словно нацеливаясь на сверкающий купол «Шапито», и только с этого момента началось форменное и закономерное светопреставление. Панические предупреждения, адресованные предполагаемому экипажу; команды, приказы и угрозы в тот же адрес; одновременная связь со всеми диспетчерами Земли, приземелья и ближнего Пространства — то есть вплоть до Сатурна; распоряжения всему экспедиционному составу, разместившемуся в комплексе «Шапито»: укрыться на нижних горизонтах противометеоритного бункера, выслать вспомогательную бригаду на космодром, обеспечить полноту наблюдения и отключить все приборы и механизмы, кроме аварийного жизнеобеспечения.

Аналогичный пакет абракадабры получил и персонал космодрома.

Все было естественно: ни одна служба ни на Земле, ни вне ее не имела четких инструкций на случай приближения инопланетного корабля. Впрочем, нечетких тоже.

Что касается населения «Шапито», то они навидались таких различных моделей, что ни у кого не возникло и тени сомнения: перед ними — жертва необузданной фантазии экспериментаторов, вышедшая из повиновения. Бывает. К тому же были они в большинстве своем астрономами — недаром Луна, как известно, астрономическая столица Солнечной системы — и в космолетах разбирались гораздо хуже, чем в цветовых оттенках всех дыр, от черной до белой. Они организованно проследовали в бункер, не преминув разбудить космодромную смену, отдыхавшую после суточного дежурства, без лишней спешки подключили всю систему жизнеобеспечения и только тогда сосредоточили внимание на экране внешнего обзора.

Станный корабль, более всего похожий на гигантскую волнушку, вел себя крайне суетливо: подрагивая и приплясывая, как пчела над незнакомым, но лакомо пахнущим цветком, он кружил над площадкой, только что выровненной для закладки нового корпуса гравитонного телескопа. Казалось, он не уверен в прочности фундамента, и у многих сложилось впечатление, что он вот так покружит-покружит да и улетит восвояси.

Но он вдруг нырнул вниз и сел. Вроде приключение закончилось благополучно, тем не менее что-то непривычное было в этой посадке. Какая-то насекомая легкость.

И тут с порога бункера раздался уверенный голос:

— Ну, поздравляю, земляне: корабль-то не наш!

Все разом обернулись — на пороге стояли Габорги, близнецы из космодромных ремонтников. Кто из них произнес знаменательные слова — было, в сущности, неважно: они думали и действовали одинаково. Каждый из присутствующих знал, что эти братья, неразлучные до такой степени, что даже их имена слились в одно целое, в системах космических кораблей являются знатоками академического уровня. Тем не менее в ответ раздалось — мгновенно и безапелляционно:

— Иди, иди! Мы о пришельцах уже два века слышим. Ажажист!

Это был единственный и традиционный ответ ученых, и то, что финальное выражение давно утратило какой-либо смысл, не умаляло заключенной в нем пренебрежительности.

Но Габорги не стали продолжать дискуссию двухсотлетней протяженности: их уже не было в бункере. Там, где они исчезли, раздавался грохот дверей, лязг лифта и топот — похоже, что они увлекали за собой всю только что пробудившуюся смену. И только тут вслед им зазвучал раскатистый рык Миграняна, начальника космодрома: «Принимаю командование на себя! Квадраты с шестого по двадцать третий объявляю закрытыми с введением чрезвычайного положения. Всем оставаться на местах. Команды и распоряжения киберов считать недействительными. Ждать распоряжений».

Каждая шлюзовая камера вмещает четверых; в шлюзовой номер шесть находились Габор, Ги, Первеев и Фаттах. Трудно, а точнее, невозможно определить, сколько времени прошло между этим распоряжением и спокойным ответом Первеева: «Есть оставаться на местах. Тем более что отступать некуда».

Все невольно оглянулись — титанированная дверь шлюза матово леденела у них за плечами. Впереди была накатанная вездеходами дорога, а левее, метрах в пятистах, — нелепый толстоногий гриб размером чуть помнее наших транспортников. Дорога шла под уклон, так что корабль был виден как на ладони. Солнце освещало его справа, а слева висела Земля, внимательно наблюдая за пришельцем из-под кисей облаков.

Четверка, как по команде, присела на камни, привалилась плечами к основанию купола. Все они, не сговариваясь, готовы были поклясться, что приказ «оставаться на местах» получили сразу же после того, как покинули шлюз. Сейчас они, откровенно говоря, уже жалели, что в их распоряжении нет телеобъективов и прочих средств детального наблюдения, сейчас бывших бы нелишними. Но что сделано, то сделано.

Около часа в шлемофонах то взрывалось многоголосие импровизированных переключек, то с цепенящим спокойствием звучал командирский бас Миграняна: «Ждем распоряжений с Земли. Оставаться на местах». Затем следовали томительные паузы — оставалось только догадываться, с кем и каким тоном совещается начальник Байконаверала. Да, за всю эпоху освоения космоса так называемых нештатных ситуаций случалось пруд пруди, а вот к такой, долгожданной, желанной, никто, как выяснилось, готов не был.

И уже окончательное тихое смятение воцарилось над истоптанной космическими башмаками поверхностью спутницы Земли, когда из-за толстой ножки инопланетной волнушки, прочно вросшей в грунт, медленно показалась тускло поблескивающая фигура.

Отсюда, от подножия купола, она была бы незаметна, если бы не перемещающийся блик. Первым его заметил дальнотзорный Ги:

— Глядите-ка, киба спустили!
— Нормально, — отозвался Габор, — мы на их месте поступили бы точно так же.

— Они же не на минуточку прилетели, — засомневался Первеев. — Могли бы оглядеться, пробы взять... А то так вот сразу и вытряхнули добро. А если бы напоролись на агрессивную цивилизацию? Тут их кибчика испекли бы в один момент!

— Агрессивная цивилизация жрет друг дружку на собственной планете, а не выходит в космос! — фыркнул Фаттах.

Впрочем, это тоже был академический спор, продолжавшийся два столетия: может ли агрессивная цивилизация стать покорительницей космоса?

— М-да, в смелости этим парням не откажешь, — констатировал Ги. — В какой-то степени Первеев прав: могли бы их жакнуть противометеоритным оружием, причем без всякого злого умысла, а на бездумно-кибернетическом уровне. Их счастье, что они подлетали медленно... Века полтора назад, подберись они вот так к поверхности Земли — без радиосигналов или каких-нибудь фейерверков, — страшно подумать, что могло бы произойти...

— Братцы, а о том ли мы думаем? — проявил вдруг несвойственное ему глубокомыслие Габор. — Ведь он, по-моему, идет на контакт...

Насчет контакта было еще неясно, но он несомненно приближался. Поблескивающее массивное тело не менее двух метров в высоту плавно скользило по дороге, словно на воздушной подушке; отсюда было не разобрать деталей, но движение это отнюдь не напоминало целеустремленную прямолинейность робота. Напротив, фигура подплывала то к левой, то к правой обочине, временами останавливалась и, кажется, наклонялась.

— Ну прямо как на прогулку вышел! — восхитился простодушный Первеев. — Тоже мне... луноход.

Между тем «луноход», не дойдя до купола метров сто пятьдесят, неожиданно присел на камешек. Это было так по-человечески, что никто даже не удивился. Странно было только то, что смотрел он не на сверкающее полушарие «Шапито», а куда-то в сторону. Сейчас уже можно было рассмотреть, что у робота две передние конечности, призматическое подобие головы, впрочем, без шеи, и все это сгибается мягко, без острых углов, словно неведомое существо было вылеплено из пластилина.

— Куда он уставился? — недоуменно протянул Первеев. — Перед ним архитектурное детище неевоной цивилизации, а он нос воротит!

— Балда, — дружелюбно заметил Габор, — он же на Землю смотрит.

— Я, когда в первый раз тут высадился, тоже вот так смотрел... — Фаттах вздохнул. — Привыкли мы, братцы, очерствели, а ведь красота-то какая!

Они замолкли. Неведомый пришелец сидел и смотрел. Время тянулось.

У Габора затекли ноги, он поднялся во весь рост, за ним и остальные. Задумчивый гость переменял позу, словно и у него появилось желание устроиться поуютнее, и продолжал глядеть. Перед ним, чуть прикрытые облачной растущевкой, проплывали прелестные в своей законченности контуры Африки. Гость нагнулся, словно что-то нашаривал у своих ног.

— Он рисует! — завопил Ги. — Репей мне под скафандр, братцы, если он не рисует!

— Интересно, чем он это делает? — Первеев поднял руку, словно намекаясь почесать гермошлем.

— Не чем, а что...

Короче говоря, кто из них сделал первый шаг — неизвестно.

Дашков отсмотрел фрагмент, чаршангинский андроид вежливо осведомился, не переключить ли линию на непосредственную трансляцию с Луны, благо приемник на правительственном мобиле это позволял.

«Чуть погодя, — сказал Дашков. — Все члены Совета в воздухе?» — «Ласкарис уже приземлился».

— Полагаю, что пора провести селекторное совещание. Задача номер один — этим рейсом захватить с собой максимум специалистов. Слава, голубчик, по параллельному каналу свяжитесь с Луной-I, пусть немедленно начинают эвакуацию астрономов из этого... «Шапито». Оставить только персонал, имеющий непосредственное отношение к проблеме контакта.

— Гм... — позволил себе Левров.

— В чем дело?

— По какому принципу должен определяться круг этих специалистов?

— По принципу пригодности. Передайте — на усмотрение Миграняна. Лингвисты, вирусологи, кибермеханики и робопсихологи...

У него перед глазами невольно возник последний кадр только что просмотренного сообщения с Луны — массивная фигура, скромно притулившаяся на камешке и задумчиво глядящая на Землю.

«Начнем совещание, товарищи», — проговорил он, досадливо замечая, как садится голос, всегда так, когда раньше времени разбудят...

А они продолжали идти навстречу друг другу, и между ними оставалось не более сорока метров. Шли молча, напряженно вслушиваясь в дыхание друг друга; с каждым шагом все яснее обозначалась неслыханность происходившего — и невозможность вернуться к исходной ситуации. Нужно было срочно придумывать, что же, в конце концов, делать, когда они столкнутся нос к носу, но никому из них не пришло в голову попросту посоветоваться с космодромным начальством, которое их пока, по-видимому, не замечало: все телеобъективы, ближние и дальние, передавали крупным планом героя дня и ничего другого.

— Ребята, — не выдержал простодушный Первеев, — неудобно как-то вчетвером на одного...

— Верно. Я впереди, вы страхуете в шести метрах. — В такие минуты Джанг Фаттах, как никто из них, умел принимать молниеносные и безошибочные решения.

Кроме того, он был старшим как по возрасту, так и по должности. Первеев и Габорги — близнецов, когда они действовали в паре, иначе никто

не называл — придержали шаг. И только теперь сухошахая фигурка Фаттаха, стройная даже в скафандре, появилась в поле зрения Миграняна.

«Что там за четверка?! — загремел в шлемофонах его голос. — Я же сказал — стоять!!! Мушкетеры нашлись! Кто?»

Он прекрасно видел кто. Цвет скафандров — космодромные ремонтники, по номерам он знал каждого. Впрочем, и без номеров. Вот только Ги и Габора он путал — даже в душевой, не то что в скафандрах. Кричал он от отчаяния, потому что тоже не знал, что делать дальше.

«Назад!..»

— Нельзя, Карен Месропович, — негромко проговорил Фаттах, замедляя шаги, но не останавливаясь. — Теперь уже нельзя.

Тусклая оловянная громадина катила прямо на него, выписывая едва уловимую синусоиду, как конькобежец. Две тумбы, чтобы не сказать — ноги, не шагали, а едва заметно пружинили, плавно выгибаясь то вправо, то влево. Фаттах подумал-подумал да и передразнил — тоже повел коленками туда и сюда. Гость увидел — хотя чем бы ему видеть? — притормозил и верхнюю призму, голову то бишь, наклонил к правому плечу. Они приближались друг к другу теперь совсем медленно и наконец выжидающе замерли. Между ними оставался один шаг, не больше. Выдержка у Фаттаха была железная, у пришельца, по-видимому, нет. Он первый поднял руку и неожиданно гибким движением коснулся нижней части гермошлема, словно взял Джанга за подбородок. В этот миг Фаттах успел отметить, что дыхание в шлемофоне исчезло — стояла абсолютная, космическая тишина.

Фаттах заставил себя улыбнуться, но улыбка никак не хотела держаться на узком сухом лице, окаменевшем от напряжения. Прозрачный шлем с обязательным номером на макушке позволял видеть небольшую изящную голову, как у большинства инопланетников, бритую наголо. Именно голова, а не лицо, почему-то чрезвычайно заинтересовала пришельца. Фаттах почувствовал, что его разворачивают влево, — он повернулся в профиль; упершееся в подбородок шупальце (или все-таки рука?) произвело обратное движение — он повернулся вправо; тогда пришелец откатился чуть-чуть назад и, как показалось Фаттаху, беспомощно оглянулся на висевшую над ними Землю — и опять на Фаттаха — и снова на Землю...

А потом он присел, выгнув опорные тумбы колесом, и принялся что-то чертить на одной из каменных плит, предназначенных для фундамента новой обсерватории. Фаттах нагнулся — на сером камне ярко-розовым мелком был нарисован не то череп, не то Африка.

— Уф-ф-ф... — облегченно выдохнул Джанг. — Есть контакт!

Они выпрямились и стояли теперь друг напротив друга совершенно спокойно. Фаттах только теперь заметил, что где-то в глубине маслянисто-оловянного покрытия пришельца угадывается чрезвычайно тонкая ячеистая структура, — именно эти ячейки, сжимаясь, позволяли ему совершать движения.

— Он меня разглядывает, — проговорил он негромко, улыбаясь уже без принуждения, — на голове у него строчечка крошечных линз, вертикальных, словно кошачьи зрачки. Мелок утоплен в это самое... Олово. Или каучук. Мне бы кусочек мела...

Чего не было, того не было.

— Ну что, пошли посмотрим твой кораблик? — обращаясь к пришельцу, будто к старому знакомому, проговорил Джанг. — К тебе, к тебе!

Он протянул руку в направлении межпланетной «волнушки». Гость

полуобернулся, — значит, обзор у него был не круговой — и точно таким же движением показал на купол «Шапито». Потом согнул левую руку — нет, все-таки это воспринималось как щупальце или на худой конец пожарный шланг — и розовым мелком нарисовал на своей «голове» человеческие губы.

Нарисовал — и стер.

— Вам видно, Карен Месропович? — негромко, словно гость мог его услышать, проговорил Фаттах. — У него сверху вроде ведерка вверх донышком, но мне почему-то чудится, что оно... как бы сказать... с настроением. То на нем удивление, то нетерпение, то телячий восторг...

«На ведре?»

— Не верите? Вас бы сюда, Карен Месропович...

«Вот уж воистину — меня бы туда! Только от меня до вас — шестнадцать километров. Пока я долечу, вы там такую самодеятельность развернете... А сейчас — хватит. Дашков со всем Советом уже летит, вот им и карты в руки. А ты — давай сворачивай контакт, первая беседа не должна быть продолжительной».

— А как?

«Как», «как»... Тактично. Сам заварил — сам расхлебывай».

Мигранян не хотел объяснять подробно все то, что понимал интуитивно: каким-то чудом первый контакт налажен, скорее всего решающую роль сыграла удивительная чуткость и естественность поведения Фаттахы — недаром он любимец всей Солнечной. Видимо, эти качества наилучшим образом кореллируют с программой, заложенной в этого кибера. Так что пусть продолжает действовать и дальше, руководствуясь собственной интуицией, а не советами со стороны.

Джанг же воспринимал все это несколько иначе. Нарисованные и стертые губы — «я не могу говорить, как вы». Кибер не мог бы так просто и естественно поступить. И потом, у кибера обязательно был бы круговой обзор.

— Ладно, — согласился Джанг. — Сейчас я попытаюсь объяснить ему, что нам — сюда, а ему — туда.

И он попытался. Человек эти жесты понял бы однозначно, но пришелец снова наклонил свое ведерко к правому плечу, вскинул руку и нарисовал маленькую Африку прямо на скафандре Фаттахы. Потом решительно скользнул вбок, описал дугу и приблизился к Первееву. Вид у того, надо признать, был наиглупейший: круглый полуоткрытый рот на круглом лице.

Гость вскинул мелок — на скафандре Первеева появились два маленьких концентрических кружка.

А вот Габорги, с их одинаковыми неумными шевелюрами и пышными усами, его нисколько не тронули. Он как-то походя изобразил на груди Ги одну звездочку, а на том же месте у Габора — две. И, совершив такое дело, уверенно покотил к шлюзовому створу.

Четверка людей неуверенно двинулась за ним. Приблизились к двери.

«Ни-ни!» — угрожающе произнес Мигранян.

Это они и сами понимали. Только было как-то неловко. Сейчас и остальная троица могла бы поклясться, что на абсолютно гладкой поверхности «ведерка» отразилось разочарование и недоумение. Затем гибкое щупальце протянулось к Первееву и чрезвычайно осторожно извлекло у него из кармана носовой платок (про Первенча недаром говорили, что он чихает внутри шлема, а протирает его снаружи). Так же медленно, вероятно де-

монстративно, гость провел платком по своему лицу и торсу; платок положил у ног Фаттаха. Потом нарисовал у себя на животе несколько головастиков с хвостиками и тут же медленно, торжественно их стер. А потом величаво развернулся и покатил назад, стремительно наращивая темп. Тусклый зайчик метнулся к подножию чужого звездолета и исчез.

— Обидели хорошего человека, — убежденно проговорил Фаттах.

«Ве-ли-ко-лепно!!! — заглушая его голос, проревел Мигранян, у которого камень с души упал. — Все великолепно! Все скафандры — на дезинфекцию третьей степени, образец ткани поместить в камеру анализатора, но до прилета Дашкова не трогать!»

А сам Дашков в это время неуклюже выбирался из мобиля: за три часа полета ноги, привыкшие к обязательной утренней пробежке, немилосердно затекли. Но Дашков тоже был доволен: селекторное совещание, длившееся весь перелет, закончилось вполне результативно. Основные узловые моменты первого контакта были обсуждены, рекомендации подготовлены, специалисты вызваны и тоже сейчас мчались со всех концов света на Чаршангинский космодром.

Теперь можно было пробежаться до диспетчерской и посмотреть наконец, что там непосредственно транслируют с Луны.

За восемь с половиной часов практически ничего не изменилось. Корабль с членами Совета и целым сонмом специалистов находился на подлете к Байконавералу, из «Шапито» были изгнаны его законные обитатели — астрономы, и на весь комплекс, глубоко зарывшийся в лунный грунт, осталось только три биолога, которые с разрешения Дашкова и Вепке провели самый дотошный таможенный досмотр первеевскому платку, но не обнаружили ни единого контрабандного микроба или вируса. Поверить в стерильность такого громадного объекта они, естественно, не могли, поэтому собирались сидеть до победного конца, то есть до прибытия сме- ны. И естественно, нужно было оставить кого-то из ремонтников. Выбора не было — осталась бригада Фаттаха. Сейчас они все сидели в холле астрономического купола — место, как нельзя лучше приспособленное для проведения авральных рабочих совещаний. На бильярдном столе были разостланы чертежи, а большой игровой дисплей, по вечерам, как правило, превращавшийся в хоккейное поле, сейчас был перегружен хитроумными схемами перестройки изоляторных боксов в вакуумные камеры на тот случай, если пришелец начнет выгружать на поверхность какое-нибудь оборудование и представится возможность эти сокровища исследовать — хотя бы манипуляторами.

Кроме ремонтников, подчинившихся строжайшему приказу и проспавших часа три, присутствовал здесь и Мигранян, вообще не сомкнувший глаз, — правда, не собственной персоной, а на экранчике АДО, или автоматического дистанционного оператора. Проворный многоманипуляторный «адик» мог служить полномочным заместителем своего хозяина, как бы далеко тот ни находился. Миграняновский же путался под ногами и не помогал, а вносил панику, поминутно сообщая, сколько минут остается до прилунения ракеты с членами Совета.

Вместо декораций для этой сцены по всем стенам светились экраны с изображением «волнушки» — телеобъективы стерегли ее со всех точек и расстояний. Но там ровнешенько ничего не происходило.

— Чем мудрить с уплотнителями, проще снять люки с типового грузовика, — сказал Габор.

— И где это валяются космические грузовики, которые разрешается разбирать на запчасти? — съязвил Сежест.

Он, а с ним Памва и Соболек простить себе не могли, что вчера не догадались выскочить на поверхность и встретиться с пришельцем лицом к лицу — или по крайней мере скафандр к скафандру.

— Грузовик, на котором мы инжектор меняли, простоит на приколе еще недели три, — заметил Фаттах.

«Разрешаю использовать люки, — торопливо подал голос Мигранян. — Под мою ответственность...»

Клацнули двери тамбура — кто-то еще вошел в шлюзовую.

— Раз уж вы такой щедрый, подкиньте практика по электронной оптике, — попросил Джанг, обращаясь к экранчику «адика».

«Уже вызвал с той стороны, из «Колизея». А от себя могу подкинуть идею: найдите энергетический волновод...»

Дверь из шлюзовой чмокнула и съехала в сторону. В холл неторопливо въехал пришелец.

«Адик», располагавшийся задом к двери, продолжал вещать густым миграняновским басом, но никто из семерых уже не слышал ни звука. Немая сцена длилась около минуты. Затем гость приблизился к Фаттаху, Первееву и Габоргам поочередно, словно вспоминая их, а потом обернулся к остальным и мгновенно расставил у них на комбинезонах розовые значки: Сежесту — вертикальный штрих, Памве — что-то вроде знака бесконечности, Соболюку — две точки.

«О-о-о... Да падет Арарат на мою голову...»

Гость проворно обернулся — гораздо живее, чем можно было ожидать от такой массивной туши, — и, не задумываясь, нарисовал на экране «адика» чрезвычайно затейливый иероглиф, напоминающий пляшущего человечка о девятнадцати конечностях.

Совершив такое дело, он скромно сдвинулся в сторону и, согнув ноги в полукружья, присел прямо на пол.

«Всем ясно? — спросил с экрана Мигранян. — Только абсолютный де-

бил не догадался бы, что нужно нажать на красную клавишу, которая торчит у створа...»

— А дебилов в космос не посылают, — глубокомысленно подытожил Первеев.

— Пальцем в небо! — не удержался Ги и ткнул пальцем — не в небо, разумеется, а в панельку дисплея.

Компьютерная память, повинуясь приказу, выдала на экран картинку — вход в «Шапито». Гость «вытянул шею» — верхняя часть туловища стала уже и длиннее. У всех появилось такое ощущение... нет, определить его никто не смог бы, но зато любой подтвердил бы под присягой, что на гладкой поверхности «ведерка» появилось выражение крайней заинтересованности.

— Вход, — негромко сказал Фаттах.

Пальцы его забегали по клавишам, задавая нехитрую программу, и на экране поплыли, то удаляясь, то приближаясь, различные уголки «Шапито».

— Дверь. Тамбур. Скафандры. Панель управления. Дверь. Холл. Дисплей. Диван. Стол. Апельсин...

«Хватит!..» — осторожно подал голос Мигранян.

Наступила тишина. Все стояли и смотрели на неподвижно сидящего гостя. Он, казалось, тоже чего-то ждал.

— Ох... — вырвалось вдруг у Первеева.

На плоском лице, там, где полагалось бы находиться губам, четко очерчивался темно-серый кружок. Казалось, крошечные ячейки, с трудом угадываемые в глубине загадочного вещества, не то уплотнились, не то вообще изменили свою структуру.

— Дверь. — Прозвучало отчетливо и невыразительно.

Голос был чистый, четкий и почему-то напоминал не Фаттаха, а Левушку Первеева.

— Почему он повторил именно это слово? — негромко спросил Сежест.

«Потому что Джанг произнес его дважды, — так же тихо подсказал Мигранян. — Мальчики, я отключаюсь: спецрейс прибывает».

Экранчик на брюхе «адика» угас.

— Надо понимать, конец нашей самостоятельности, — печально проговорил Соболек, который, в сущности, проявлять самостоятельность еще только-только собрался. — Ну, давай, бригадир, включай посадочную — пусть гость полюбуется!

Суперскоростная ракета уже вошла в гравитационный колодец и теперь мягкими толчками, словно пробуя под собой почву, присаживалась на причальное кольцо.

Гость заинтересовался пуше прежнего.

— Космодром. Ракета. Посадочная. Радар. Мигранян... — Джанг то увеличивал изображение, то отдалял, чтобы показать общим планом, то выхватывал какую-то деталь...

Если бы его спросили, чем он руководствуется, выбирая тот или иной объект, он, по-видимому, ответил бы: «Вероятно, я точно так же показывал бы все это вашему пятилетнему сынишке...»

Он сам не подозревал, что корень его успеха именно в этом: комиссия специалистов наверняка исходила бы из того, что перед ними — взрослое существо. Но бывают моменты, когда со взрослым полезнее обращаться,

как с маленьким. Короче, когда распахнулся парадный люк и штормлифт начал по одному спускать на ледяной бетон членов Совета, пришелец должен был иметь порядочный запас информации, касающейся космической техники землян.

Догадываясь, что за ними наблюдают, члены Совета, прежде чем погрузиться в мобиль, приветственно помахали руками.

— Тебе махать не обязательно, — простодушно заметил Первеев, наблюдая за тем, как самые различные специалисты, если судить по многоцветью скафандров, высыпают из лифта вслед за ведущей пятеркой. — Их много, а ты один.

— Ле-евушка, — укоризненно протянул Джанг.

И тут же на большом экране высветилась командная рубка Байконаверала. Прибывшие сняли только шлемы и, не присаживаясь, ринулись к передатчику: Дашков, Соня Деа, Ласкарис, Хори Хасэгава. Их слишком хорошо знали в лицо, чтобы они теряли время на представление. Не хватало только Вепке, которого они видели на посадочной, — видимо, с ним было что-то неладно, как-никак двадцать лет Земли не покидал.

Но Дашков и не собирался никому отдавать бразды правления. В Совете все были равны, но превосходство в возрасте и тот факт, что именно Дашков курировал вопросы большого и малого Космоса, давали ему право на такую узурпацию.

«Рад всех приветствовать!» — заговорил он, обращаясь преимущественно не ко всем, а именно к тому, кто воспринимал его приветствие как-то не так.

Во всяком случае, при первых звуках его речи массивная фигура пришельца начала плавно отъезжать к двери, затем гость наклонился и принялся быстро-быстро рисовать сложные, запутанные линии, пока не получился хаотический клубок. Затем он выпрямился, как показалось всем, выжидающе глядя на Фаттаху.

— Выпусти человека... — шепнул Первеев.

Джанг вместе с пришельцем вышел в шлюзовую, и теперь на малом интерьерном мониторе было видно, как он спешно натягивает скафандр, а гость, присев на корточки, беззастенчиво рассматривает все причиндалы туалета.

«Воздух обратно в помещение не закачивайте!» — поспешно крикнула Соня Деа, крупнейший вирусолог планеты, за фантастическую придирчивость, противостоять которой не мог сам Дашков, введенная в состав Совета.

Вот уже два века эпидемиологи страшились призрака «космической чумы», но ни разу такая опасность не стала реальной. И вот этот первый и единственный случай возник, как всегда и бывает, неожиданно и неотвратимо.

«Да, — подтвердил Дашков, — вы уж там постарайтесь проявить максимум осторожности... только без демонстративной трусости, чтобы не стыдно было. Надеюсь, вы понимаете, что некоторое... э-э... время вы посидите там, в «Шапито». Какой-то компенсацией вам может послужить разве что тот факт, что вы на данный момент — в центре внимания всей планеты». — «Всей Солнечной!» — радостно подсказал Ласкарис. «С вашей стороны разрешаю любую связь, никаких лимитов. Обеспечьте им нулевой коридор! — обернулся он к Миграняну. — Мама, папы, дети, любимые девушки... Можно и в его присутствии. Это входит в намеченную нами

программу. Мы тут на подлете наблюдали, как вы общаетесь... Не будем даже вмешиваться. Только придадим вам программиста-мультипликатора, дистанционно, разумеется. У гостя, похоже, незаурядные лингвистические способности. Ведь надо же нам выяснить, зачем он или они сюда пожаловали. На розовом мелке далеко не уедешь...»

Зашипело и лязгнуло — монитор показал, как двое вышли «на солнышко».

«А он не помчится сюда?» — не скрывая испуга, проговорила Соня Деа. «Может. Как мог и раньше. — Дашков вернулся к своему привычному ла-конизму. — Нет. Свернул к своему кораблю». — «А вдруг — улетит?» — резонно спросил Ласкарис.

— Нет! — хором ответила бригада Фаттаха.

«Откуда такое единодушие?» — несказанно удивился Дашков.

— Он же пытался объяснить... вот... — робко подал голос Соболек, впервые так близко видевший Дашкова.

Он подошел к тому месту, где на полу была изображена розовая пу-танка, и встал так, чтобы возвращающийся Джанг ненароком не наступил бы на инопланетный иероглиф.

«Действительно, друзья, — включился в беседу Хори Хасэгава, — если бы это был, извините, человек, я взял бы на себя смелость предполо-жить, что нарисованное должно символизировать перенасыщение семан-тического поля». — «Убедительно, — согласился Дашков. — Отсюда вы-вод: если он вернется, разбейтесь на две группы, человека по три. И про-должайте, как начали. Ваша задача — никакой информации не получать, только учить его говорить... Условно. Как только почувствуете, что пере-стало получаться, немедленно поставите в известность нас. Сейчас — ан-тракт, мы тут покопаемся в уже отснятом... и позавтракаем». — «Не поко-паемся, а покупаемся», — вставил Ласкарис — он весь лучился от сча-стья, чего нельзя было сказать о Дашкове. «Я бы со своей стороны просил... Извините, если вы найдете для этого несколько минут, — включился Хасэ-гава. — Я прошу каждого, не общаясь друг с другом, записать свои ощу-щения, каким вам представляется наш высокий гость. Счастливым, оди-ноким, голодным... Очень простыми словами. Моя просьба понятна?»

Просьба была понятна.

«Тогда, прошу вас, сделайте это не откладывая».

Когда просит член Высшего Координационного Совета, откладывать как-то и в голову не приходит. Поэтому к тому моменту, когда Фаттах спу-стился в столовую, все разбрелось по углам и, прихлебывая дымящееся ка-као, трудились в поте лица: не так-то просто даже «обыкновенными слова-ми» изложить впечатления от оловянного ведерка. Ну, если бы хоть чем-то оно напоминало лицо, пусть даже не человеческое, а какой-нибудь химе-ры... М-да.

Джанг вытащил из стенного зажима лист плотной бумаги и попытал-ся сосредоточиться. Как объяснить членам Совета свои впечатления? Ведь не поверят. Слишком уж это будет отличаться от того, что напишут остальные...

Хори Хасэгава сидел перед монитором и просматривал последний тайм кокиб-бу, где в синем играли ребята Джанга Фаттаха. Если хочешь быстро и с максимальной точностью составить представление о человеке, не ли-

стай записи о годе и месте рождения, образовании, состоянии здоровья... Посмотри его в игре. И увидишь, что этот длинный, Сежест, — индивидуалист и задавака, жертва дурного воспитания, ему все время приходится ломать себя и он этого перестал стыдиться: не первый год у Фаттаха, научили; Соболек — удивительное соответствие своей фамилии: необычно пластичен, реакция молниеносная, не то что у Сежеста; и уникальные Габорги, которые всем кажутся одинаковыми, а на самом деле один культивирует внешнее сходство, а другой не знает, как от него избавиться...

— Мальчиков смотришь? — Дашков подошел стремительно и бесшумно — тощая белая птица, в своем полете даже не колеблющая воздух. — Ответ тебе пришел. Данные уникальны.

Он подал семь жестких листочков, только что отпечатанных космодромной «елочкой», как звали на местном профессиональном жаргоне ЕЛИ — Единый лунный информаторий. Впечатления семерых парней уже легли в его бездонную память.

— Так... Первеев: «Гость прилетел один, это парень моего возраста, если переводить на земной эквивалент, не путешественник и не освоенец, с юморком, фантазией и без страха. Тем не менее его что-то тяготит или пугает, но только не мы. Не задается. Наверное, в жизни одинок. Когда снимет скафандр, вряд ли окажется похожим на нас. Торопится, но виду не подает».

— Многовато, не так ли? — спросил Дашков. — Читай дальше.

— Пожалуйста. Сежест: «Пришелец аналогичен любому из нас, кроме, вероятно, внешности. Цель прилета — специфическая, не разведывательная. Бесстрашен и осторожен. Весел наперекор тоске — не от одиночества ли? Спешит». Они что, действительно не сговаривались?

— Ты же следил по монитору, — фыркнул Дашков. — Ребятам можно верить не меньше, чем нам самим: это ведь моя «золотая бригада», я их еще по Верфям знаю.

— Соболек — это самый младший, не так ли? Посмотрим: «Он выше меня на голову, но мне все время кажется, что мы одного роста. И в остальном похожи. Только лицо у него будет... Не знаю какое, но не человеческое. А жалко. Когда он заговорил голосом Левы, мне стало завидно. Но это не его собственный голос, потому что у него настоящий голос должен быть очень грустным...» Так. Дальше все идентично. У остальных... у остальных никаких отклонений от общей схемы. Петр, это серьезно.

— Да. Потому что я всегда диву давался, какие же они совершенно разные люди... Вот что, Хори, попробуем внести, так сказать, заключительный штрих.

Он подошел к микрофону.

«Минуту внимания: прошу ответить мне, что вы собираетесь делать дальше, — прошу ответить одним словом, написать на бумаге и показать мне. **ОДНИМ СЛОВОМ!**»

На экране монитора взметнулось семь листков бумаги. И на каждом стояло одно-единственное слово: «Помогать!».

Даже восклицательный знак стоял у каждого.

«Спасибо, ребята, — сказал Дашков. — Вот и действуйте согласно намеченному плану!»

И отключился. Ободряющая улыбка сошла с его лица, когда он обернулся к Хасэгаве:

— Ты допускаешь, что они находятся под гипнотическим воздействием?

— Я все допускаю. Поэтому настаиваю на том, чтобы никто из нас в непосредственный контакт пока не входил.

А между тем Земля, а с нею и вся Солнечная изнывала в ожидании. Пять тысячелетий люди ждали пришельца с небес, поначалу соглашаясь не меньше чем на бога; затем требования стали скромнее: мечты ограничились кругом людей, затем просто разумных существ, а вскоре согласны были и на робота. Да пусть хоть просто зонд! Лишь бы не быть одним во Вселенной.

И вот — пожалуйста. Сидит себе долгожданный на Луне, а дни идут, идут, идут... Зачем он прилетел? Почему не рассказывает о себе, о своем мире? Неужели не понимает, как жадно ждут от него малейшей информации?

Совету посчастливилось, что он отбыл на Луну, иначе его просто захлестнула бы волна писем и обращений. От жалостливых просьб прекратить просвещенческие упражнения на, возможно, потерпевшем аварию или больном существе до категорических требований перестать снабжать неизвестно кем и с какой целью заброшенного к нам робота всеми данными нашей техники и науки. Правда, в такую крайность впали немногие. Но бывало. Позднее подсчитают, что одних приглашений в свой дом пришелец получил не менее полутора миллиардов!

Но Совет надежно заэкранировался от этого потока, а бригада Фаттах, недаром названная «золотой», уже на третий день буквально взмолилась оградить ее от внимания всей Солнечной, ибо для простых, нормальных людей быть в центре внимания просто неорганично.

Дашков распорядился оставить их в покое и свести репортажи к двум пятиминуткам в день. Все (похоже, что и сам гость) вздохнули свободно, и это благостно отразилось на их способностях. Памва взял на себя камбуз, и все с удивлением признали, что ни разу в жизни так не пиروвали, — и это на космических-то концентратах! Правда, оно и аукнулось: за первую же неделю все, кроме Сежеста, прибавили в весе. А он обнаружил вдруг склонность к тележурналистике: его ежедневные репортажи были загадочны, остроумны и профессиональны — чего ж еще? Наконец-то он мог проявить свою индивидуальность, не боясь прослыть выскочкой.

С дисплеем и «елочкой» мудрил Джанг Фаттах: нужно было выудить из информатора сведения первой необходимости и преподнести в наиболее доступном виде. Разумеется, половина всех специалистов, привезенных Дашковым с Земли, наперебой давала ему советы, но, как только приходил гость и советчики тактично отключались, все наставления шли прахом. Прежде всего Джанг почувствовал, что сам дисплей является для пришельца элементом чуда. Как разумное существо, прилетевшее на космическом корабле, могло оказаться незнакомым с простейшей кибернетикой? Азы программирования прозвучали для него чистейшей абракадаброй. Знакомство с планетолетом вызвало точно такую же реакцию, что и заочная экскурсия по Нотр-Дам. Окончательно добило Фаттаху неподдельное изумление гостя, когда перед ним возникла схема Солнечной системы. Он словно не мог поверить в реальное существование Марса, Венеры, Юпитера, не говоря о их спутниках. Все, что касалось Земли, он рассматривал

с восторгом, остальные поселения землян в Солнечной, похоже, вызывали у него недоумение. Сохранять полнейшую невозмутимость с таким невеждой, умудрившимся как-то заделаться космическим пилотом, мог только такой гений самообладания, как Джанг Фаттах.

А Первеич оказался незаменимой нянькой. Он как-то научился распознавать, когда гость устает, что его раздражает; однажды, путешествуя по «Шапито», они набрели на камбуз. Первеев начал демонстрировать процесс питания и под этим предлогом изничтожил все пончики с персиковым вареньем; гость заинтересовался чрезвычайно, набрал полный пакет образцов человеческой снеди и помчался к себе домой. Первеев с ума сходил от тревоги: а вдруг отравится? Гость заявился раньше обычного, попросил жестами проводить его туда же и снова набрал пакет: теперь его интересовали исходные продукты. Мука, соль, сухофрукты и молоко стали перекочевывать к нему на корабль ежедневно, и Левушка уже готовил к его приходу «сухой паек». Неужели гость съедал все это? Его пытались спрашивать, но он никогда не отвечал на вопросы.

Соболек убивался, подозревая себя и своих товарищей в полнейшей неспособности к полноценному общению с представителем инопланетной цивилизации. Чтобы хоть как-то исправить положение, он принялся рисовать вспомогательные схемы, потом — картинки, а оттуда уже недалеко было и до стенной росписи. Пластиковые панели холла украсились «буйной босховщиной», как изволил выразиться Сежест, предложивший Соболюку переключиться на наскальную живопись. Остальные только недоумевали, как это они могли проглядеть в своем товарище столь яркое дарование.

А веселее всех было Габоргам, которые взяли на себя роль игровиков-затейников. Сидеть без разминки в закрытом помещении — удовольствие ниже среднего, и на второй же день гостя, чтобы не терять времени, потащили в спортзал. Правила баскетбола он освоил на удивление быстро, причем в точности попаданий с ним не смог бы соперничать и чемпион Солнечной: он просто не делал ошибок. Послушав свою «няньку», он так же громко, но совершенно невыразительно стал кричать: «Шайба!!!» — чем наводил ужас на остальных игроков. Так, в процессе игры, он понемногу заговорил. Похоже, он автоматически запоминал каждое слово, но пользовался ими совершенно варварски: «Я стулю» — это он сидел на стуле — или «Лева супит», то есть Лева ест суп. Родной язык, по-видимому, у него не страдал структурной изощренностью. Но Дашков строго-настрого запретил его поправлять. «Вам понятно, что он имеет в виду? Мне тоже. Пока пусть все так и остается, а то вырабатаете у него сороканожий комплекс, он начнет задумываться и вовсе замолчит».

Не похоже было, чтобы гость мог замолчать: его невыразительный голос с Левушкиным тембром и четкостью кибер-чтеца звучал теперь постоянно, — как говорится, игра не доводит до добра. А игры разнообразились с каждым днем, дошло дело и до дисплея, но гость освоил только самые незамысловатые: «горячо — холодно», «кирпич на голову», «крестики-нолики».

На восемнадцатый день, отдыхая после обеда (гость к себе домой не пошел, а выпросил у «няньки» горсточку пшена, которую, как хоботом, втянул в себя правым шупальцем, — тоже пообедал), все расположились в креслах возле дисплея. Габор, почесывая за ухом, растолковывал гостю специфику «казаков-разбойников». Все позевывали.

Светлая юркая звездочка непредсказуемыми зигзагами ускользала от условного преследователя. Гость неторопливо поднял руку, ткнул мелком в экран, так что на нем осталась розовая точка, и лаконично произнес:

— Я.

— Ты, ты, — заверил Габор. — Дослушай до конца, потом будем играть. Вот этот казак...

— Я казак, — повторил гость и, потянувшись, по-хозяйски выключил дисплей.

Все ошеломленно молчали, глядя на него.

Он нагнулся, нарисовал на полу розовое лубочное солнышко, поодаль — крошечный кружочек.

— Мое Солнце. Моя Земля, — констатировал он.

Еще дальше и с полнейшим несоблюдением масштаба уносились прочь два ракетных грибка — шляпками вперед.

— Разбойник убежал. Я казакую, — с истинно дашковским лаконизмом прокомментировал он свои рисунки.

У всех одновременно появилось ощущение, что температура в холле разом понизилась градусов на десять. Звездный гость, посланец «братьев по разуму»...

Сыщик. Полицейский. Всего и навсего.

— А где ж твой разбойник? — растерянно проговорил Первеев.

Гость выпрямился, линзочки-зрачки поочередно остановились на каждом из присутствующих. Потом он плавно развернулся и, как лебедь белый, гордо выехал за дверь — открывать шлюзовую он давно уже научился самостоятельно.

На экране внешнего обзора было видно, как тускло поблескивающая массивная фигура устремилась к чужеземному кораблю и еще через несколько минут этот корабль взлетел.

Джанг обреченно вздохнул и вызвал центральный пост Байконавера-ла. Члены Совета, по двадцать часов не вылезавшие из командного пункта, благо это обеспечивало им любую связь, рассматривали какие-то диаграммы.

— Добрый день, — мрачно и покаянно проговорил Фаттах, — пожалуйста, просмотрите безотлагательно нашу последнюю запись.

«А в чем дело?» — спросил Дашков.

— Дело в том, что он улетел.

Дашков только глянул исподлобья и, не тратя больше времени на вопросы, включил экран.

Всю сцену с «казаками-разбойниками» они просмотрели в гробовом молчании.

«Ну?» — спросил еще раз Дашков.

— Ну и все...

«Нет, не все. В настоящий момент он над нами... Делает круг над административным корпусом... Все. Теперь улетел».

Но он не улетел. Часа через полтора раздался экстренный вызов с обратной стороны — докладывало Ласточкино гнездо, как окрестили тамошний космодром, начальником которого был некто Каплунов, нелюбимый за исключительно занудство: «Он над нами! Кружит, но не садится... Может, успеть выложить какой-нибудь знак прямо на посадочной...» — «Не нужно. Ждите», — сказал Дашков и, как всегда, оказался прав.

Через четыре часа гость вернулся, прилунился на прежнем месте под бочком у «Шапито» и буквально через несколько минут уже стоял перед всеми двенадцатью — члены Совета откровенно не отключали экран: у сыщика должны быть крепкие нервы.

На сей раз гость не возразил против присутствия многочисленной аудитории. Он остановился посреди холла и бесстрастно произнес, словно продолжая разговор:

— На Луне его нет.

«А где же он?» — естественно вырвалось у Сони Деа.

— А где же он? — точным эхом отвечивал пришелец.

Наступила ужасающая пауза.

«Этого ни в коем случае нельзя ретранслировать по общей передающей сети...» — пробормотал Хасэгава.

«Ради всех небес, Хори... — простонала Соня Деа. — Скажите, вы уверены, что он — на Земле? Ведь есть же поселения и на Марсе, и на спутниках Юпитера...»

— Спрятаться всю жизнь. Комфорт.

Дашков посмотрел на него с невольной завистью: эх, стервец, в четырех словах объяснил абсолютно все. Кроме...

«Но рано или поздно люди обнаружат его. Ваш скафандр известен, а то, что под скафандром... Не думаю, что условия различных планет могут позволить сформироваться идентичным высшим формам...»

— Один скафандр. Два скафандра.

И опять он дал сто очков вперед по емкости информации! Выходит, он может поменять скафандр и тем самым принять облик...

«В таком случае как же собираетесь разыскивать его вы?» — логично спросил Ласкарис.

— Не вид. Мысль.

Когда-то это называлось «запах мысли». Пока люди возились с телепатией, периодически открывая и снова закрывая ее, они придумали массу реальных и фантастических терминов. Но некоторые отражали самую суть.

«Но тогда на что же он надеялся?» Если гость был детективом, то Ласкарис в своей непреклонной логике вполне мог претендовать на профессию, которая в старину, пока на Земле еще существовали преступления, называлась «прокурор».

Но гость не уступал ему в последовательности. Он нагнул и нарисовал на полу ту же розовую путанку, как и в момент первого знакомства с Советом.

— Шум, — пояснил он.

Дашкову стало совсем тоскливо: обследование целой планеты на предмет выявления замаскированного преступника грозило затянуться на неопределенное время... Ловить разбойника — это ведь забава для детишек дошкольного возраста. Для взрослого же населения целой планеты — игра скверная, способная разбудить самые низменные, атавистические чувства.

Вепке, страдавший одышкой — нельзя ему было лететь, нельзя, да и что за радость — контакт с полицейским, — впервые подал голос: «А вы уверены, дорогой друг, что ваше посещение не вызовет какой-нибудь неожиданности? Скафандр продезинфицировать легко, но на Земле вы его, вероятно, снимете. Ваш, если только вы меня понимаете, бактериальный мир... Не вызовет ли он непредвиденных болезней? Впрочем, по этому поводу лучше послушать специалиста...» Он обернулся к Соне Деа.

Но гость не стал дожидаться мнения специалиста. Всем почему-то показалось, что на плоскости жестяного «лица» проскользнула снисходительная улыбка:

— Если разбойник там.

Вот именно: если. Если он уже на Земле, то все прелести инопланетной инфекции уже налицо. А если его нет?

— Бесстрашьте, — сказал, словно сжалился над всеми, гость. — Корабль...

Счастливый парень, он не знал глагола «убивать». Он просто нарисовал несколько крошечных букашек и демонстративно стер их. Всем припомнилось, что этот знак он подал им в первый свой визит. Ну, понятно, у них в шлюзовой камере предусмотрена автоматическая дезинфекция.

Соня Деа медленно-медленно выдыхала воздух — с того момента, когда она представила себе, что по ее планете разгуливает непродезинфицированный инопланетянин, она, похоже, вообще не дышала.

— Лететь! — скомандовал он, и члены Совета послушно поднялись со своих мест.

«Приземляться придется на Сахарском космодроме, — сказал Дашков. — Там все условия для таких вот экспериментов. Скажите, вы сможете посадить ваш корабль вот сюда?»

На экране возникла карта северной части Африки, и яркая стрелка указала на самый крупный космический полигон.

— Скажу кораблю. Он сядет.

«Разве вы не пилот?» — поразился Ласкарис.

— Я думать. Корабль лететь.

— Ну и техника у вас! — невольно вырвалось у Первеева. — Управление кораблем на чистой психотронике!

— У другой звезды.

— Постой, постой, ты хочешь сказать, что этот корабль... Что его создали в другой звездной системе? — переспросил Джанг.

— Да.

Члены Совета разом сели. Кто-то застонал.

— Почему ты никогда об этом не рассказывал? — обиженно проговорил Первеев.

— Вы не интересоваться. — Он помолчал и совсем тихо добавил: — Обидно.

— Слушай, — сказал Джанг, — так вас там, выходит, много... В том смысле, что с разных планет? Мы об этом еще только мечтаем, а вы уже друг к дружке запросто летаете...

— Мы нет.

«Ничего не понимаю, — искренне признался Дашков. — Вы прилетели, и вы, оказывается, не летаете. Может быть, вы объясните нам, что к чему, хотя бы в общих чертах?»

— Трудно, — сказал гость. — Пробую.

И, тщательно подбирая слова, а порой переходя к привычным респираторам на полу, он рассказал...

Цивилизация на его планете была типично биологической и достигла достаточно высокой ступени, в технологическом плане оставаясь где-то на уровне бронзового века. Планета не знала перенаселения, методы аутоконтроля позволяли бороться с болезнями, культура достигла лучезарных вершин.

И тут буквально свалились с неба непрошеные пришельцы. Это была энергичная щедрая раса звездoproходцев, которая уверенно несла дары своей цивилизации с одной планеты на другую: Их корабли располагали техникой, способной с большой степенью вероятности разыскивать звезды, обладающие планетными системами, пригодными для зарождения жизни. А найдя таковую жизнь, они впадали в такой восторг, что буквально задаривали «братьев по разуму»: автоматические металлургические комплексы, преобразователи энергии, комбинаты автоматического клонирования, информационно-вычислительные центры, космические корабли и индивидуальные левитаторы. И все это, как сказал бы землянин, «с подгонкой по фигуре», то есть приспособленное для использования именно на этой планете, со всеми ее физико-химическими параметрами, и притом на нулевом уровне эксплуатационного примитива: ткни пальцем в кнопку...

«Дерни за веревочку — дверь и откроется», — пробормотал себе под нос Ласкарис. Гость не расслышал, но Дашков на всякий случай грозно нахмурился.

С дарами инопланетной технологии было просто: оставили в неприкосновенности, за редким исключением. Гораздо хуже было с информацией. Рассказы о жизни далеких миров, проиллюстрированные неразрушимыми объемными миражами (вероятно, без голографии не обошлось), пленили сердца молодежи. До сих пор на единственном кольцевом материке все было единообразно: одна цивилизация и, следовательно, одна культура, один язык, один образ жизни (на данный момент, во всяком случае, — недаром божеством было единое солнце: до прилета пришельцев считалось, что оно освещает всю Вселенную) и одна, возведенная в ранг богини, планета.

Недаром в переводе на язык землян эта планета называлась Айна или, если угодно, Уана.

Айниты, от природы наделенные способностью менять свою внешность, до сих пор придерживались строгого единообразия, не говоря уже о манерах и обычаях. Все было едино.

Но вот с некоторых пор у молодежи стала наблюдаться чуть ли не поголовная тенденция подражать инопланетянам, и не только тем, что посетили Айну, но всем, фигурировавшим в рассказах пришельцев. Словом, изощрались кто во что горазд. Сначала на это смотрели снисходительно: упражнения в мимикрии — это возрастное, пройдет. Ан, не проходило. Через несколько десятилетий спохватились: за формой пришел черед содержания. Попирались обычаи и приличия, забывался язык, под угрозой была культура — многовековая, собственная. На смену пришел хаос подражательства. Старшее поколение представило себе, что случится еще лет через двадцать (айниты живут примерно одинаковое число лет), и приняло чрезвычайные меры: все инопланетное было категорически запрещено.

И только теперь жизнь на Айне вернулась в свое естественное русло.

«Хэппи энд», — буркнул Ласкарис. Остальные молчали, но чувствовалось, что всех томит какая-то недоговоренность.

«Ну, с историей мы разобрались, большое вам спасибо за впечатляющий рассказ, — откашлявшись, словно у него першило в горле, заговорил Дашков. — Но при чем здесь ваш преступник, за которым вы гнались через всю Галактику?»

Было видно, что гость устал невероятно, напрягая свои лингвистиче-

ские способности. Поэтому паузы между словами достигали порой нескольких секунд:

— Он... преступал... против... детей.

В третий раз за этот день члены Совета продемонстрировали фантастическое единодушие: они ринулись к своим скафандрам.

«Миграня! — Голос Дашкова гремел так, словно он командовал Полтавской битвой. — На всей планете — чрезвычайное положение! Обращение сформулируем сразу после взлета. Держите связь с нашим кораблем, чего бы это ни стоило! Команду Фаттаха — следующим рейсом, как только будет готов корабль. Проконтролируйте!..»

— Остановить... — Гость смотрел на экран, на котором сустились члены Совета, неловко влезая в скафандры: как-никак это случилось с ними далеко не каждый год. — Ваши дети... опасность нет.

— В самом деле, Петр Павлович, — не выдержал Фаттах. — Если бы это было опасно для нас, он предупредил бы с самого начала... Человек ведь.

«Человек? — Дашков прыгал на одной ноге, не позволяя никому помогать себе: это было его нерушимым правилом. — Человек... Человек... Внимание: авральный старт отменяется. Команда Фаттаха, прибыть поелику возможно быстрее сюда. Э-э-э... гость с планеты Айна, вы летите одновременно с нами?»

— Лететь.

«Вы запомнили точку, которую я показал вам на карте? Или повторить?»

— Лететь.

«Само собой... То есть счастливого пути!»

Два корабля — земной и инопланетный — стартовали одновременно.

На Сахарском экспериментальном космодроме опустился только один корабль — наш.

Чрезвычайное положение на всей планете объявлено не было, но еще в полете Дашков успел распорядиться, чтобы все следящие системы космодромов, обсерватории, метеостанции, а пуще всего — Служба охраны озонового слоя, или, как ее коротко называли, СООС, не утروили, а удесятерили свою бдительность. Как чувствовал старик. И когда Хори Хасэгава в купе с Соней Деа принялись скорбеть по поводу отбытия инопланетянина в родные края, он пожал плечами и коротко велел: «Ищите лучше».

Искать принялись на славу, и не прошло получаса, как с Земли Королевы Мод, из городка Санта-Фэ и окрестностей поселка Щебетовка на восточном побережье Крыма уже пришли сообщения о посадке неопознанного тела. В первом и втором случаях это были обычные аномалиты, или, как их называли в старину, «летающие тарелочки», а вот в третьем деваться было некуда: это был он, голубчик. Дашков даже руки потер, хотя обычно не допускал ни лишних слов, ни жестов.

— Как давно он сел? — спросил Ласкарис, не разделявший оптимизма своего друга.

«Один час двадцать три минуты назад, — пророкотал кибер-ответчик. — С момента приземления наблюдение снято».

— Вот именно, — сказал Ласкарис. — Теперь ищи ветра на Черноморском побережье...

— Чтобы его искать, надо еще до указанного побережья добраться, — резонно заметил Вепке. — Хотя... Наш гость проявлял завидную резвость на Луне, а вот каково ему будет в многопудовом скафандре здесь, в условиях земной тяжести?

— Увидим, — лаконично заключил Дашков. — Ты все равно останешься, вон что с тобой посадка сделала. Нельзя тебе больше летать. А мы сейчас выжмем из машины... машина готова?

Все было готово.

«Внимание, Щебетовка! — Дашков задержался перед микрофоном. — Может, он уже покинул корабль — я бы на его месте так и сделал, — но если нет, то постарайтесь все время держать его под наблюдением... Почетную встречу организуйте, что ли. В национальных костюмах, с цветами и песнями. У вас же там полно студентов на летней практике — пусть проявят сообразительность. Но чтобы ни к одному ребенку его не подпускать!»

С тем суперскоростная машина и взмыла в воздух. Но там, куда они направлялись, все было тихо и спокойно: корабль-«волнушка» стоял в тенистом ущелье, заросшем орешником, но известная уже всему миру массивная тускло-серая фигура ни вблизи его, ни на побережье не появлялась.

Добровольцы из студенческих отрядов и окрестных детских лагерей уже оцепили импровизированный «космодром», а с минуты на минуту должны были прибыть карантинные и аварийные службы — так называемые штурмовые бригады, подчиненные лично Дашкову. Он вызывал людей, технику; если бы на Земле еще существовали войска, он направил бы сюда... как это называлось... несколько дивизионов. Или дивизий? Странное, визгливое понятие, несомненно относящееся к области ручного пиления чего-то душистого, оставляющего оскомину во рту, а на ногах — тончайшую осыпь еще теплых опилок... Клейкость обломанного сучка... Паутина протянувшейся от среза смолки...

Он вздрогнул и очнулся. О чем это он? Вот уже несколько десятилетий он не позволял себе не только лишних слов или движений — посторонней мысли. Он, Петр Дашков, член Высшего Координационного Совета.

Вот именно. Все эти распоряжения отдавал не Петр Павлович Дашков, это выполнял свои функции член Совета. Дашков ли, Иванов или Сидоров — не имеет значения. А Петр Павлович, привалившись надкрыльями острых лопаток к амортизирующей спинке, прекрасно знал, что все это бесполезно: гость давно и результативно ускользнул от их непрошеного внимания, он честно делает свое дело — ищет следы своего неуловимого и грозного, но совершенно не опасного для землян «разбойника». Если бы он нуждался в помощи, он так и сказал бы Фаттаху или Первееву: помогите, мол, братцы. Да, именно так: Джангу или Левушке, а не ему, члену Совета. А может быть, это и правильно: встретились впервые парни с разных планет и обошлись без всяких там представительств и церемоний, а сразу же принялись за дело.

Но всего этого не объяснишь двадцатилетним энтузиастам, расположившимся в наскоро разбитом палаточном городке вблизи корабля пришельца. Эти будут упорно ждать — и день, и два, и десять, и двадцать...

Дашков ошибался на два дня.

Двадцать второй день пребывания на крымском берегу начался как обычно: пробежка в сопровождении окрестных собак, купание в похоло-

давшем сентябрьском море, безнадежная переключка со всеми постами слежения, которым почти месяц назад были выданы характеристики чужого корабля. Автоматические спутники работали тщательно, всего поступило шестьсот девяносто четыре сигнала обнаружения, но все — щебетовский вариант. По-видимому, корабль беглеца, которого весь мир привык называть старинным словом «разбойник», на нашей планете вообще не появлялся.

Сколько же времени понадобится пришельцу, чтобы убедиться в бесплодности своих поисков? Дашков бесчисленное число раз задавал себе этот вопрос. Бригада Фаттаха, изнывая от затянувшегося внепланового отпуска, поначалу обсуждала это каждый день, но мало-помалу у всех нашлось занятие. Соболек рисовал Карадаг со всех точек и при различном освещении, не подозревая, что за последние пятьсот лет не осталось ни единого клочка земли в окрестностях этого усопшего вулкана, где хотя бы один раз не стоял мольберт самодеятельного художника. Сежеста приняла группа симферопольских голографокомментаторов. Первеев подался в малышовую группу слета юных лунопроходцев. Габорги, тяготевшие к крупным масштабам, организовали Всекрымскую осеннюю карагдиаду — грандиозные соревнования по всем видам спортивных, не совсем спортивных и абсолютно не спортивных игр. Памва чудил в знаменитой «Генуэзской таверне», воскрешая рецепты малосъедобных блюд XV века. И только Джанг Фаттах неизменно пребывал в «штабе СЕТИ», как шутливо окрестили Карадагскую биостанцию, где обосновался Совет.

Собственно говоря, от всего Совета к этому утру на Карадаге оставался один Дашков. Да и биостанция вот уже полтора века как перестала существовать. Сначала ее расширили и превратили в поликлинику для дельфинов, но по мере того как все побережье превращалось в один сплошной летний детский курорт, стало ясно, что дельфины будут чувствовать себя здесь дискомфортно, и их перевели в Пицундский аквасанаторий. Правда, слухи о том, что возле заповедных скал можно подкормиться даровой рыбешкой, прочно укоренились среди черноморских афалин, и свободные от дежурства связисты, как правило, торчали на пирсе, развлекаясь примитивным рыболовством в пользу веселых тупорылых гигантов.

Вот и сейчас Фаттах сидел над водой, свесив ноги в резиновых сандалиях, и внимательно наблюдал за тем, как к голому крючку нехотя шла толстолобая тригла. Джанг играл с кнопочкой манка, подавая на крючок ритм «Танца маленьких лебедей»; от смертоносного острия разбегались по воде волны призывного сигнала, против которого не могла устоять ни одна рыбка, от морского конька до крупного катрана, — на каждую породу надо было только изменить настройку.

Дашков подошел бесшумно и встал так, чтобы его тень не падала на воду. Он посмотрел на триглу, которая отчаянно топорщила плавники, сопротивляясь неодолимому зову механической противоестественной приманки.

— Да погоди ты!.. — неожиданно для себя самого сказал он не то Фаттаху, не то обреченной рыбке и, повернувшись, упругим мальчишеским шагом устремился на берег.

Он ринулся в пожухлую осеннюю траву, где неосторожно стрекотал согрешивший к полудню кузнечик, отловил его, дивясь собственной резвости, ухватил за отчаянно дергающиеся жесткие лапки и понес на пирс.

— На-ка, — сказал он, протягивая Джангу желтобрюхого кузнечика

и заранее отворачиваясь, потому что когда-то, лет так семьдесят тому назад, он тоже не мог сам насадить на крючок вот такую сучащую лапками зеленую «кобылку».

Джанг отключил манок и закинул удочку с приманкой; теперь двое сидели на корточках, затаив дыхание и глядя на великолепную скумбрию в синем тигрополосом уборе, нацелившуюся на кузнечика. По-июльскому яркое солнце, как это бывает на несколько дней сбора винограда, рассчитывалось с побережьем последними горстями бесшумно сыплющегося в волны золота, ветер доносил сзади тонкий дух лимонного бессмертника, осторожный прибой хрумкал бесценной карадаг-

ской галькой, выбирая заточенные в серую невзрачную скорлупку винно-красные сердолики... Дашков медленно вздохнул, поднимая под теплой курткой тощие стариковские плечи, и вдруг подумал, что все эти дни, начиная с пробуждения у себя в квартире на Таганке, он жил в каком-то черном белом мире — без запахов, шорохов, волшебства непрошено возвращающегося детства... Да жил ли? Он фиксировал, координировал, функционировал, моделировал...

Жуть какая-то.

Кто-то в высшей степени деликатно подошел и встал над ними, глядя в воду. Дашков ревниво покосился — незнакомец был без удочки. С минуту он, выставив вперед ассирийскую бородку, благодушно наблюдал за сомнениями скумбрии, принимающей к кузнечику; затем ноги его, обтянутые узкими брюками, неестественно выгнулись, обнаружив полное отсутствие костей, и образовали правильный круг, на котором, покачиваясь, как на рессоре, сидел незнакомец.

Дашков вдруг подумал, что он даже не испытал облегчения.

— Я убедился в том, что моего соотечественника на вашей планете нет, — приятным баритоном сообщил гость.

Говорил он совершенно свободно, и интонации его были задушевные и доверительные, как у диктора передачи «Полуночные новости».

— Нет — и слава богу! — естественно вырвалось у Фаттах.

— Да, — кивнул гость. — Ведь в этом случае ему всю жизнь пришлось бы провести в скафандре...

— Ну, это лучше, чем одному в корабле, — возразил Джанг.

— Несомненно. Притом люди вашей Земли обладают свойствами, столь редкими у нас: они все доброжелательны, ненавязчивы и... такие разные. И кроме того, у вас все, абсолютно все любят детей.

— А разве может быть иначе? — как можно мягче проговорил Дашков.

Пришелец живо обернулся к нему:

— У нас их кормят, воспитывают и защищают, — этого достаточно. Любовь — это редкое исключение.

— Слушай, дружище, — перебил его Фаттах, — раз ты освободился, то расскажи нам поподробнее о своей планете, то есть не нам двоим, а всем... Ждут же. Так, Петр Павлович?

Но гость, не дожидаясь ответа Дашкова, решительно покачал головой:

— У меня есть дело, которое я не могу откладывать. Я отправляюсь дальше. Если же... — Он замялся, словно раздумывая, стоит ли быть откровенным до конца. — Если же следом за мной прилетит еще один корабль с такими же, как я... «казаками», подтвердите, что я улетел. Был и улетел.

Дашков внимательно посмотрел на него:

— А если они захотят проверить? Вы ведь рассказывали: так называемый запах мысли...

— Вы бывали когда-нибудь там? — Смуглый перст четко указал на массив лагеря юных лунопроходцев, раскинувшийся в Лисьей бухте. — Треск цикады в многотысячной стае чаек...

— У вас есть дети? — совсем тихо спросил Дашков.

— Таким, как я, не позволяют иметь своих детей... — еще тише ответил космический гость.

Наступила тяжелая пауза.

Гость медленно опустил руку и заговорил, глядя на носки своих туфель:

— Мне не хочется рассказывать подробно о своей родине... Когда-нибудь жизнь на ней переменится. Иначе и быть не может. Но на один вопрос я отвечу. Вы спрашивали, в чем же заключается преступление того, за кем я послан... Так вот. Я уже рассказывал вам, что моя планета была не готова к контакту с высшими цивилизациями. От даров щедрых звездоплавателей мы отказались и даже память о них постарались вытравить. Лучше всего это удавалось храмителям... церквушникам...

— Жрецам, — подсказал Фаттах слово, неизвестное пришельцу, потому что на Земле оно уже давно не звучало.

— Да, жрецам. И постепенно они захватили всю власть в свои руки. По их предписаниям все одинаково одевались, говорили одними и теми же словами и читали одинаковые молитвы, ели за общими столами и занимались только строго предписанным трудом. Искусство было столь же жестко регламентировано и в конечном счете сводилось к религиозным обрядам. Легко представить, как в таких условиях воспитывались дети...

Да, представить было нетрудно.

— И вот один человек... вы не возражаете, что я называю его человеком? Мой соплеменник, которого я хорошо знал, сначала в силу наследственного дара, а потом и по собственному убеждению стал воздействовать на детей. Это не было обучение наукам или ремеслам и даже добру или злу; он просто помогал детям быть разными... Вы ведь знаете, что такое аспергилус фла-вус?

Дашков с Фаттахом переглянулись.

— Не-ет, — протянул Джанг. — К своему стыду — нет.

— Я услышал об этом, когда бывал в нижнем течении Нила. Там

имеются могилы — древние, позднее раскопанные. Но оказалось, что тех, кто спустя тысячелетия вскрывал эти могилы, поражал какой-то рок: все вскоре умирали, но от разных причин.

— Вспомнил! — воскликнул Дашков. — «Проклятие Тутанхамона». Это вирус, который не возбуждает какую-то одну, определенную болезнь, а находит в человеке самое слабое место и бьет именно туда, иницируя самые различные заболевания.

— Да, — подтвердил гость. — Но мой «разбойник» обладал прямо противоположным даром — он находил в каждом самое лучшее и это лучшее заставлял звучать с удивительной силой. А ведь лучшее есть в каждом... Очень скоро он понял удивительную закономерность: люди, каждый из которых жесток по-своему, все равно одинаковы; нельзя быть индивидуальностью во зле. А вот совершенные в прекрасном — о, как они отличаются друг от друга... и от окружающих! Но когда в одном округе возникает сразу целая плеяда талантов, этому начинают искать причину. Некоторое время этому человеку удавалось ускользать от внимания жрецов, переезжая с места на место; но до бесконечности это продолжаться не могло. Его выследили, и он захватил один из кораблей инопланетян, благо этот корабль сам находил звездную систему с разумной жизнью, не требуя целого экипажа.

— И ты согласился его преследовать? — вырвалось у Фаттаха.

Гость быстро поднял голову и пристально поглядел прямо в глаза, но не Фаттаху, а Дашкову.

— У каждого свое дело, — медленно проговорил Дашков.

Гость отступил на шаг и склонил голову:

— Я сказал все. Мне пора.

— Пойдите! — Дашков требовательным движением протянул руку к Фаттаху: — Связь, быстро!

Джанг вытащил из кармана коробочку среднестанционного фона и вложил ее в протянутую ладонь.

«Оцепление! Вызываю оцепление корабля! Ларломыкин? На связи Дашков. Отставить все и немедленно покинуть взлетную зону. В радиусе километра не должно остаться ни единого человека. Аппаратуру слежения отключить. Даю пятнадцать минут. Все. — Он еще немного подумал и добавил: — Под мою ответственность».

— Спасибо, — сказал гость. — Прощайте, и — каждому своего счастья!

Он развернулся и покатился прочь, словно на роликах, мягко пружиня резиновыми бескостными ногами.

По мере того как его фигура отдалялась, краски костюма серели и приобретали металлический отлив; вот он завернул за угол старинного корпуса биостанции и пропал из виду. В этот же миг над Шебетовским перевалом замельтешили разнокалиберные гелиглайдеры, мобили и даже дельтапланы — приказ Дашкова выполнялся неукоснительно. Через несколько минут исчезли и они.

А Дашков с Фаттахом снова опустились на разогретые солнцем доски, невесело усмехаясь собственным мыслям, — бригадир космических монтажников без бригады и член Совета, который никогда уже не вернется к тому, чтобы манипулировать, формулировать, моделировать и функционировать... Оба молчали.

— М-да, — первым не выдержал Фаттах, — это, конечно, прекрасно —

развивать в каждом свое, индивидуальное, но ведь должно же быть и что-то общее, иначе нельзя...

— Общее будет всегда. Можно одинаково любить вот это все, — Дашков развел руки, словно собираясь обнять Карадаг вместе с бухтой, — но один из этой любви пишет картину, другой собирает камешки, а третий отправляется на Луну — найти там такую же горушку и назвать обязательно тем же именем, а не своим, заметь.

Они замолчали и стали глядеть в сторону перевала. Минут двадцать прошло в томительном ожидании, а затем откуда-то снизу выпрыгнула серебристая «волнушка» и, не рыская, вертикально пошла вверх, не оставляя за собой следа.

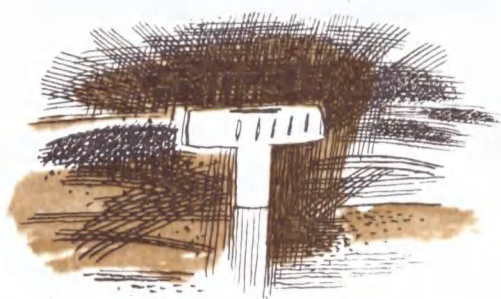
— Петр Палыч! — ахнул вдруг Джанг. — Мы ведь даже не спросили, как его зовут! Может, я попытаюсь с ним связаться, пока он еще не вышел за пределы атмосферы?

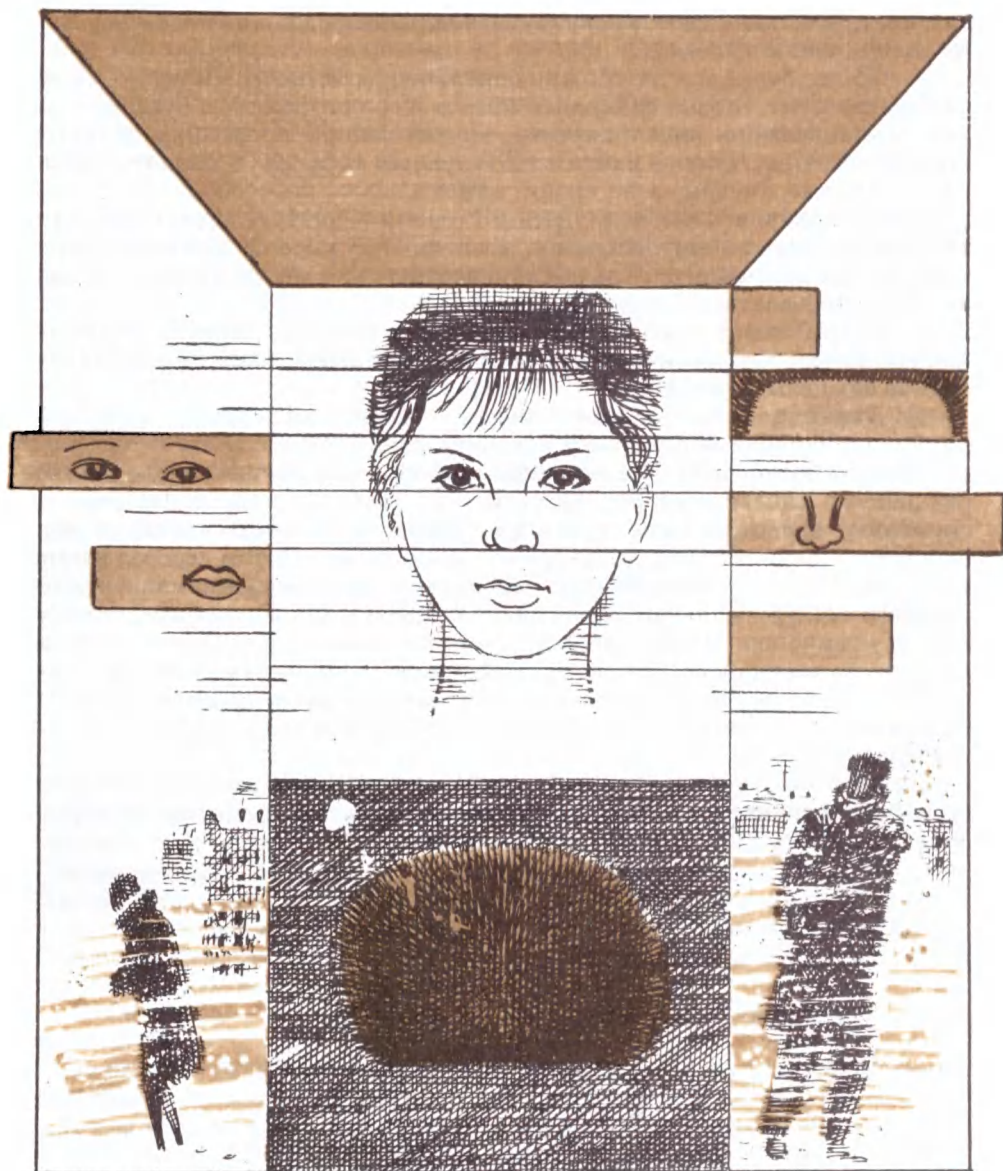
— Давай, давай, — сказал Дашков. — Отличная мысль!

Фаттах со всех ног ринулся в кабину связи.

Дашков больше не глядел на небо, в котором уже не было видно растворившейся в синеве серебристой точки, а с любопытством рассматривал скумбрию, продолжавшую крутиться вокруг кузнечика: голову и ноги она благополучно объела, но на крючок не попала. Потом перевел взгляд в сторону перевала. Редковатую зелень уже тронула роскошная накипь осеннего пурпура. Дороги отсюда видно не было, но он хорошо представлял себе эту темно-синюю, как спинка скумбрии, асфальтовую ленту, которая уводила на запад, чтобы к вечеру сомкнуться с заходящим солнцем. Стояла полуденная тишина, и только из полуоткрытой двери домика связистов доносился монотонный голос Джанга, призывавшего пришельца откликнуться.

Дашков наклонил голову набок и, представив себе невероятное упорство Фаттаха, усмехнулся: ведь сколько еще времени этот славный парень будет вызывать совершенно пустой корабль...

**МАРК
ГОРДЕЕВ**

**УЛЫБКА
КОРОЛЕВЫ**

В школе пропала шапка. Лежала на подоконнике в учительской и исчезла. Пострадавшая — молодая учительница — позвонила в милицию.

Кражи, независимо от размеров, хотя и составляют «будни милиции», нередко оказываются более трудным орешком, чем иные убийства. Ведь они всегда совершаются тайно. Вор надеется на свою ловкость, хитрость, опыт, неуловимость...

Направляясь в школу, оперативный уполномоченный уголовного розыска Глеб Горин настраивался на трудный поиск. Он шагал по засыпанной февральским снегом улице, нахлобучив до самых глаз меховую черную шапку с козырьком. Ветер швырял в лицо хлопья колючего снега и заставлял время от времени поворачиваться спиной и переводить дух. В один из таких моментов Глеб столкнулся с какой-то девушкой. Лицо ее было закрыто воротником почти до глаз. Глеб извинился и пошел быстрее.

В учительской Глеб застал двух женщин: молодую и пожилую. Глаза у молодой были красные. Она чувствовала себя виноватой: и потому, что оставила свою дорожную шапку без присмотра, и потому, что вызвала милицию. Она была расстроена не только пропажей шапки, но и явным неудовольствием маленькой женщины со злым лицом — завуча школы, как узнал вскоре Глеб.

— Шапку могли украсть только наши ученики, — резким, визгливым голосом сказала завуч. — Теперь такие дети пошли, просто ужас, — добавила она.

— Вполне возможно, — согласился Глеб. — Когда она пропала?

— На втором уроке, — ответила пострадавшая. — Я уходила — шапка лежала на подоконнике. Пришла с урока — ее уже не было... Сперва подумала, что кто-то пошутил, но... Наталья Степановна, — учительница наклонила голову в сторону завуча, — сказала, что зашла в учительскую перед звонком, шапки уже не было... Так жалко! Только купила за четыреста рублей! — еле сдерживая слезы, добавила учительница.

Пока Горин расспрашивал учительницу о приметах шапки и возможных ее похитителях, завуч вышла. Вскоре она вернулась, ведя за руку длинноногую девочку лет тринадцати.

— Зина Лукашова из седьмого «а». Ходила на втором уроке в учительскую. — Произнесла эти слова, завуч усмехнулась, как бы говоря: «Ну что? Разве я не права? Разве в школе нужна милиция? В школе я, завуч, всё, в том числе и милиция!»

Девочка стояла возле двери и теребила рукой конец черного передника.

Подойдя вплотную к Горину, завуч тихо сказала:

— Девчонка из плохой семьи и уже замечалась в краже...

Горин внимательно посмотрел на девочку, испуганно жавшуюся к косяку, и спросил:

— Зина, ты была в учительской на втором уроке?

— Да... Меня Анна Андреевна посылала за указкой...

— Кто был в учительской?

— Никого не было.

— А... шапку ты видела?

— Нет... — Зина посмотрела на учительницу математики, новую шапку которой хорошо знали все девочки, и только тут поняла, зачем ее привели. Краска залила лицо девочки.

— Лукашова, не ври, говори следователю правду, пока тебя не увезли в милицию, — повысила голос завуч. При этом она оперлась руками о стол, прищурилась и, почти сладострастно растягивая слова, в упор глядя на девочку, добавила: — Признавайся. Отдай шапку, пока не поздно. Отдай похорошему!

Девочка зарыдала.

Горин подошел к ней, обнял за плечи и вышел вместе с Зиной в коридор.

— Ладно, не брала так не брала. Перестань реветь, вытри слезы. Смотри, какая сразу стала некрасивая... Скажи мне лучше, ты ходила за указкой сразу, как начался урок?

— Нет... Нас спрашивали, а потом учительница меня послала.

— Ладно. Успокойся и жди меня здесь.

В учительской Глеб застал высокую блондинку, известную всему городу Екатерину Федоровну, директора школы.

— Я не верю, что шапку украли наши ученики. Этого не может быть. И Зина Лукашова, которую вы подозреваете, шапку не брала, — твердо сказала Екатерина Федоровна, обращаясь к Глебу.

— Я никого не подозреваю. Девочка была в учительской. Кроме того, говорят, что она замечалась в кражах...

Директриса метнула сердитый взгляд на завуча. Та съежилась, отвела глаза в сторону, пробормотала:

— И зачем приходите в школу в норковой шапке и бросать ее где попало...

— Лукашова унесла чужой новогодний подарок. И все. Девочка из трудной семьи, соблазнилась сладким... Она не воровка... Дежурный ученик видел сегодня в школе постороннюю женщину. Вы говорили с ним?

— Нет. Я только начал работу. Где этот ученик?

— Пойдемте ко мне. Я его приглашу.

Девятиклассник, дежуривший в вестибюле школы, растерянно смотрел то на Глеба, то на Екатерину Федоровну.

— Кто чужой был сегодня в школе? — спросил Горин.

— Заходила какая-то молодая женщина. Я думал, что она по делу. Вошла. Ничего не спрашивала, сразу поднялась по лестнице.

— Как она была одета?

— Вроде в зимнем пальто и шапке... Не обратил внимания.

— А как выглядела? Какого роста, сложения?

— Да так, обыкновенная... Я книгу читал. Только взглянул на нее и все... Молодая, кажется.

— Узнать ее сможешь?

— Не... Лица не разглядел, не запомнил.

— Не густо... Ладно, позови девочку, Лукашову Зину. Она стоит напротив учительской в коридоре, — пояснил Глеб.

Зина вошла, чуть сутулясь. Она прятала глаза и кусала губы, чтобы не разреваться.

— Зина, когда ты входила в учительскую, тебе не попадалась посторонняя женщина?

Зина подняла голову. В ее глазах появился блеск робкой надежды. Она наморщила лоб, припоминая.

— Одна девушка заходила в продленку.

— Куда?

— В класс продленного дня. Это рядом с учительской. Там утром дети со второй смены занимаются, — пояснила Екатерина Федоровна. Она сидела за своим столом и делала вид, что читает.

— Ты рассмотрела девушку?

— Нет... Она отвернулась от меня. В зимнем пальто и шапке — это заметила, а лицо не видела...

— В руках у нее было что-нибудь?

— Не заметила...

— Похожа на старшеклассницу?

— Не... Вроде как вожатая. Я даже подумала, что, может, вожатая новая или кто...

— Свидетели! Горе одно, а не свидетели, — взорвалась директриса.

— Зря вы их ругаете, — сказал Горин. — Запомнить случайного встречного трудно, очень трудно.

Глеб улыбнулся. Он вспомнил, как преподаватель криминалистики юридического факультета университета дал предметный урок студентам. Во время семинара в аудиторию неожиданно вошла незнакомая женщина. Она извинилась, передала преподавателю записку и вышла. Минут через двадцать после ее ухода студенты получили неожиданное задание: описать неизвестную по методу словесного портрета. Преподаватель сказал: «Только что сообщили, что эта женщина совершила преступление и скрылась. Надо помочь милиции ее задержать. Опишите ее».

Смеялись до конца учебного года. Незнакомка, по показаниям «свидетелей», была молодой и средних лет, высокой и низкой, стройной и полной, брюнеткой и шатенкой, курносой и с прямым носом, и в платье и костюме, в туфлях и сапогах...

Горин вышел из кабинета директора школы, поднялся на второй этаж и толкнул дверь с надписью «Продленный день».

В классе группа малышей занималась шахматами. Занятия вел пожилой мужчина в очках с толстыми стеклами. Это был старый знакомый Глеба, преподаватель шахмат из Дома пионеров Лев Антонович. Поздоровались. Глеб спросил:

— Говорят, к вам примерно час или полтора назад заглядывала молодая женщина. Вы ее не видели?

— Кто-то заходил, какая-то женщина, но она тут же и вышла. Я ее не рассмотрел, — виновато улыбнулся старый мастер. — Ребята, кто видел тетеньку, которая на прошлом уроке заходила к нам в класс?

— Я видел! — вскочил вихрастый черноволосый мальчик.

— Миша всегда все хочет знать и быть везде первым. Увы!

— Ты запомнил ее? Сможешь узнать? — спросил Горин.

Миша молчал, опустив голову.

— Ребята, кто рассмотрел и запомнил женщину? — повторил вопрос Горин.

Руку подняла маленькая кареглазая девочка с венчиком косичек на голове.

— Ты запомнила?

— Да, — встала девочка.

— Знаете, Глеб, если Танечка сказала, что сможет узнать, это заслуживает внимания. На нее можно положиться, — сказал Лев Антонович.

Шахматный урок закончился. Дети шумно расходились. Только мастер, Горин и Танечка остались на своих местах.

— Таня, женщина, что заглядывала в ваш класс, моложе или старше вашей учительницы?

— У нее губы и глаза накрашены. Она некрасивая, — покраснев, ответила Таня.

Глеб понял, как осторожно и точно надо задавать вопросы девочке, которая свою учительницу видит богиней.

— Таня, а почему ты обратила на нее внимание? — спросил Лев Антонович.

— Она улыбнулась, как королева...

— Какая королева? — удивился Горин.

— О, я должен объяснить это, — сказал учитель.

Он достал из своего потертого, набитого книгами портфеля небольшой альбом, раскрыл его и спросил Таню:

— Эта королева?

— Да, — ответила Таня.

Глеб с любопытством посмотрел на фотографию картины. На ней была изображена дама с короной на голове. Королева торжествующе, злорадно улыбалась.

— Перед вами альбом фоторепродукций картин очень интересной, самобытной художницы из Казани Галины Сатониной. Картины Сатониной необычны, содержат неожиданные аллегории и выполнены удивительно талантливо и искусно. Если хотите, посмотрите весь альбом.

— Спасибо, с удовольствием посмотрю, но... немного позже. Танечка, что, эта женщина была похожа на шахматную королеву?

— Нет, но она вот так улыбалась...

— Ты смогла бы узнать ее? — еще раз спросил Горин.

— Я ее запомнила, — просто ответила Таня.

Из кабинета директора школы Глеб позвонил в научно-технический отдел управления милиции Ленинграда. Уговорил специалиста по композиционным портретам эксперта Петрову сделать работу с Таней срочно.

Договорившись с учительницей, Глеб повез Таню в Ленинград. В электричке вспоминал, как над первыми фотороботами молодого специалиста Люси Петровой все посмеивались. Говорили, что они не имеют индивидуальных черт и по ним никого узнать нельзя. Горин, как и все в то время, тоже относился к фотороботам отрицательно. Но однажды, когда Петрова составила очередной фоторобот девицы, подозревавшейся в краже, Глеб с его помощью моментально раскрыл преступление. В соседнем с местом кражи общежитии Глеб показал фоторобот. По нему узнали одну из бывших жилищек общежития. Глеб в тот же день ее задержал и даже смог вернуть все похищенные ею вещи.

С тех пор Глеб стал ярым защитником Петровой и поклонником ее фотороботов.

Прямо с вокзала Глеб и Таня проехали к Петровой. Кабинет ее был заставлен разными приборами. Петрова не разрешала никому присутствовать при составлении портретов.

«Мне нужен контакт со свидетелем, его полное доверие ко мне и высокая степень сосредоточенности, чтобы вспомнить мелкие подробности...» — говорила Люся

Глеб все это знал. Оставив Таню в кабинете, он спросил, когда приходить за результатом.

— Через два часа... И с букетом цветов, — улыбнулась Люся.

Когда через два часа двери кабинета открылись и Глеба впустили, портрет был готов.

Таня подружилась с Петровой и весело болтала, рассказывая какую-то смешную историю из школьной жизни.

— Все бы у меня были такие помощники. — Люся погладила девочку по голове. — Наблюдательна, серьезна, самокритична, умеет сосредоточиваться и работать с большим напряжением... Многим взрослым даст фору... Да, а где цветы?

— Извини, цветов не нашел. Вместо них купил торт. Будете пить чай с тортом, — сказал Глеб, протягивая Люсе коробку.

— «Не нашел»... Скажи лучше, что и не искал. Разве можно сравнить торт и цветы! Ты бы что выбрала, Таня?

— Не знаю... Я люблю розы...

— О! Чем отличается девочка от мальчика? Девочка — это маленькая женщина, а мальчик, даже и большой мальчик, — это ребенок.

Она поцеловала Таню в лоб и добавила:

— Что возьмешь с сыщика, откуда ему быть романтиком!

— Вот уж не согласен. Настоящий сыщик — романтик чистой воды. Он всегда живет несбыточными мечтами... Переходи лучше к прозе, а то нам ехать далеко. Угощай Таню чаем...

— А то я не знаю. Чай сейчас закипит, и будем пить все... Ну, любуйся, вот твоя прекрасная дама... — Петрова показала Глебу свою работу.

На следующий день Глеб стал обладателем пачки фотографий композиционного портрета, сделанного Петровой.

Прежде чем показывать фотографии в школах, Глеб разыскал Таню.

— Таня, как по-твоему, эта фотография похожа на ту женщину, которую ты видела в школе?

— Похожа, но как-то не очень.

— Я так и думал... Жизни в ней маловато... Что, если мы с тобой сходим к одному художнику и попросим вдохнуть жизнь в нашу королеву? Это не очень далеко, с учительницей я договорюсь.

— Я согласна.

Даже когда по фотороботу удалось найти девицу, Глеб видел, что между роботом и фотографией была «дистанция огромного размера». Робот отличался от фотографии еще больше, чем фотография от портрета.

С художником, к которому Глеб собирался вести Таню, он сам познакомился при необычных обстоятельствах. В прошлом году весной возле кинотеатра какой-то хулиган избил двух человек. К приезду милиции хулиган, как обычно это бывает, убежал. Свидетели путано и сбивчиво описывали приметы преступника. Вдруг к Глебу подошел один из очевидцев и сказал: «Хотите, я нарисую вам портрет этого типа?»

Пришли в милицию. В кабинете Горина художник нарисовал по памяти портрет хулигана, которого сразу и опознали. Так Глеб познакомился с художником Иваном Суратовым. Они понравились друг другу, но встречались редко. Оба были заняты своими делами.

Глеб понимал, что надо торопиться, пока образ неизвестной еще живет в Таниной памяти.

Иван встретил Глеба не очень приветливо. Он был явно чем-то расстроен и огорчен. С трудом Глебу удалось узнать, что накануне у Ивана не приняли картину на какую-то выставку и он поссорился с начальством.

Если бы Глеб пришел один, ему не удалось бы быстро улучшить настроение Ивана, но с Глебом была маленькая девочка, и Иван махнул рукой на свои неудачи, вновь, как обычно, начал шутить. Заметив, с каким интересом Таня рассматривает наброски, этюды, картины, висевшие на стенах, разложенные на столах и стульях, стоявшие на мольбертах, как долго она изучает картину «Озеро», ту самую, что вчера забраковали и не приняли на выставку, Иван спросил:

— Нравится?

— Страшная очень... Рыб жалко... И детей. Им купаться хочется, а нельзя...

— Что-нибудь надо или так пришли? — спросил Иван, с уважением посмотрев на Таню.

— Надо. Понимаешь, Таня видела женщину, которую мы ищем. С ее слов сделан композиционный портрет, но он очень схематичен. Его надо как-то оживить. Ты не возьмешься? Как в прошлый раз...

— Тогда я рисовал человека, которого видел сам. Эту девушку ведь я не видел. — Говоря, Иван скосил глаза на фото, выложенное Глебом на стол.

— Теперь тебе поможет Таня...

— Ладно, попробуем, — сдался Иван. — Давай рисовать, раз так, — сказал он, повернувшись к Тане. — Если настроение плохое, надо рисовать, рисовать, рисовать.

Иван достал пачку бумаги, карандаши и сел за стол.

— Что натворила девица? — спросил Иван.

— Подозреваю, что украла дорожную норковую шапку...

— У кого?

— У молодой учительницы.

Иван начал делать наброски, спрашивая у Тани, так ли выглядела девица, что не похоже, какие детали надо заменить или изменить.

Таня сидела рядом с художником, делая изредка какие-то замечания. Вдруг, когда Иван еще даже не закончил портрет, она вскочила:

— Вот так, теперь похоже, очень похоже!

Портрет, на котором девушка, чуть скосив глаза, злорадно улыбалась, был одновременно похож и не похож на фоторобот, лежавший на столе перед Иваном.

— Ваня, гениально. Сделай только пожирней, почернее, чтобы нам перефотографировать и размножить, — попросил Глеб.

Теперь, имея в руках портрет, надо было действовать.

«И все же она вряд ли случайно оказалась в школе. Ведь в нашем районе давно таких краж не было. Шла ли она специально, чтобы совершить кражу? Или по делу, но, увидев прекрасную шапку, соблазнилась?.. Начать придется с проверки всех двадцати четырех школ района. Придется просить помощи участковых инспекторов».

Горин принадлежал к числу тех людей, из которых редко получают

хорошие начальники. Он был плохим руководителем и организатором, так как любил все делать сам. Ему казалось, что другие не смогут сделать дело так, как он. И потому, что только он знает все детали, и потому, что он более всех заинтересован в успехе... Но тут выхода не было. Глеб раздал всем инспекторам фотокопии портрета, сделанного Иваном, чтобы они показали его в школах района.

Надежды Глеба оправдались. Сперва позвонил участковый инспектор из Верани и сказал, что по портрету опознали учительницу пения, первый год работавшую в этой школе после училища. При проверке, правда, выяснилось, что учительница эта в день кражи была дома, из Верани не выезжала и кражу совершить не могла.

История повторилась, когда в школе в Нестеровке опознали пионервожатую Асю. Бедная Ася в тот злополучный день как раз была в Ямске, ездила в районный Дом пионеров на совещание. Но работники Дома пионеров уверили Глеба, что Ася всю первую половину дня сидела на совещании, в школе не была и кражу совершить не могла.

Глеб стремился сам обойти как можно больше школ, особенно в Ямске, где была совершена кража, и в ближайших деревнях и поселках.

Удача пришла тогда, когда ее совсем не ждешь. В совхозной школе-восьмилетке, расположенной в пяти километрах от Ямска, в поселке со странным названием Мушки. Глеб, как обычно, начал работу с разговора с секретарем школы. Полная добродушная женщина долго рассматривала портрет, то придвигая его к глазам, то отодвигая и прищуриваясь. Потом спокойно сказала:

— Приходила она к нам по осени, просилась в лаборантки...

— Вы уверены, что это была она? — спросил Глеб. Сердце его усиленно забилося. Сколько раз вот так возникает и рушится надежда, когда идет поиск.

— Похожа... Может, и не она, очень похожа, — повторила секретарь.

— А кто она такая, как ее фамилия?

— Фамилию не называла. Сказала, что ищет работу, так как переехала жить в Ямск. Раньше тоже работала в школе лаборанткой. Собиралась учиться, кажется...

— Откуда она переехала?

— Не помню. Вроде бы откуда-то из нашего района. Мне ведь ни к чему было запоминать. Говорили с ней недолго. Молодая, совсем девчонка, лет восемнадцать-девятнадцать...

Теперь было проще. Глеб обзванивал все школы и спрашивал, где увольнялась в связи с переездом лаборантка. Такую школу найти удалось довольно быстро. Это была школа в поселке кирпичников. Туда Глеб и поехал. И первое, что он выяснил, была поверхностная работа его коллеги, участкового инспектора. Впрочем, теперь главное было в другом. Да, это была она, их бывшая лаборантка Женя Шпонкина. Ее опознали по портрету и секретарь, и директор, и даже уборщица.

Директор школы так охарактеризовал Шпонкину: «Знаю ее с детства. Нашу школу и кончала. После школы два года поступала в институт. В торговый институт в Ленинграде. Недобирала баллы. Работала у нас лаборанткой. Неплохая девчонка, только какая-то несамостоятельная и очень... завистливая. Завидовала подруге, которая поступила в институт... Поссорилась с лучшей подругой, когда та удачно вышла замуж. Позавидовала чужому счастью...»

Женя Шпонкина, войдя в кабинет Горина, повела себя так, как и предполагал Глеб. Она все отрицала. В школе в Ямске не была вообще. Не понимает, зачем ее «таскают по милициям», возмущается нелепыми подозрениями и оскорблениями...

Однако спокойный тон, уверенное поведение, а главное, тщательное выяснение мелких деталей постепенно охлаждали пыл и уменьшали показное возмущение Шпонкиной. Рассказ о том, где она была и что делала в то время, когда в школе совершалась кража шапки, оказался противоречивым и сбивчивым. Четкие вопросы Горина, не допускавшие уклончивых ответов, ставили Женю в тупик. Но пожалуй, самый сильный удар нанес ей портрет. Она смотрела на него с каким-то суеверным ужасом.

— Портрет этот сделан по описанию свидетеля, видевшего в школе женщину. Не правда ли, получилось удачно? Человека можно узнать...

Шпонкина не была профессиональной преступницей. Она была обыкновенной неудачницей. Между прочим, искать таких случайных неудачниц подчас сложнее, чем известных милиции людей. Горин это знал и к разговору со Шпонкиной тщательно готовился. Теперь, когда он увидел, что Шпонкина уже не имеет сил лгать, но еще и не может заставить себя рассказать правду, Глеб спросил:

— Как вы думаете: что скажет бабушка, если узнает это все?

Это был удар ниже пояса... Бабушка жила в деревне одна. Хотя ей было изрядно за шестьдесят, она сама вела все хозяйство. Правда, весной и осенью приезжали дети и внуки, помогали обрабатывать огород. Летом всегда жили внуки, но зиму она коротала одна. Женька с пяти лет жила в деревне. Там пошла в школу и кончила три класса. Потом умер дедушка, инвалид войны, и Женька перебралась к матери, в поселок кирпичников, в городскую квартиру. И все равно, проводя каждое лето у бабушки, своим настоящим домом считала ее дом в деревне. Женька любила и этот дом, и ухоженный огород, петлявшую вокруг деревни речку, сосновый бор с пахучими земляничными полянами за рекой, бабушкиных куриц и знаменитого драчливого петуха Степку...

Бабушка жила по-старому. Не любила телевизор, но читала газету и журнал «Крестьянка», который выписывала много лет подряд. Но больше всего бабушка любила радио. К нему она привыкла, его почти не выключала.

Женьку бабушка любила. Пела ей песни, которых знала превеликое множество. Умела толковать сны и предсказывать погоду по самым неожиданным приметам. Словом, была настоящей деревенской бабушкой.

Когда Горин вспомнил о бабушке, Женька вспыхнула. На глазах у нее появились слезы, она разрыдалась...

Успокоившись, Женька рассказала, что ходила в эту школу. Хотела поговорить о работе, надоело мотаться каждый день в Ленинград, а работы в Ямске найти не могла. Когда вошла в школу, то сразу поднялась на второй этаж и пошла в учительскую. Школы все одинаковые, канцелярию и учительскую найти легко. В учительской никого не оказалось. Женька стояла и думала, что делать, ждать или уходить, как вдруг увидела на подоконнике шапку. О такой прекрасной норковой шапке она мечтала два года. Но воровать Женька не собиралась. Не за этим она шла в школу. Думала тогда только о работе. Откуда ей было знать, что в учительской лежит без присмотра такая шапка... Воровать не собиралась и никогда не воровала... Но ничего не могла с собой сделать. Это было сильнее ее. Сперва реши-

ла только потрогать шапку, просто поддержать ее в руках, помять мех, погладить... Как шапка оказалась под пальто, как она вышла из учительской, а потом из школы — не помнит. Все было как в тумане. Очнулась дома. Увидела шапку, стало страшно. Хотела бежать назад, вернуть, положить на место. И побежала, но не дошла, вернулась обратно. Не знала, что делать, боялась сойти с ума. Ночью не спала, прислушивалась, не идут ли за ней... Мучилась, ни о чем думать не могла, все валилось из рук. Мама решила, что Женька заболела...

— Как долго вы меня искали, как долго... Я ведь ждала. Я не хотела, так вышло, я не воровка. Вы мне верите? Это было какое-то наваждение... Женька говорила быстро, то срываясь на крик, то переходя на шепот.

— Вы верите мне?

— Верю... А где шапка?

— Шапка дома. Я ее ни разу не надевала и никуда не носила. Можно, я сейчас же принесу ее? Сию минуту принесу! Будь проклята и эта шапка, и эта школа, и эта жизнь! — рыдала Женька.

— Скажите, кроме учительской заходили вы в школе еще куда-нибудь, в какой-нибудь класс, например?

— В класс? Зачем?.. А-а, заглядывала.

— Испугались девочки?

— Кто-то шел. Не помню. Я тогда сама не своя была.

— А потом, когда бежали по улице, закрывались от ветра и столкнулись с мужчиной, шапка при вас была?

Шпонкина со страхом посмотрела на Глеба, а он смеялся.

— Это я как раз в школу шел шапку искать. Я отвернулся от ветра и налетел на вас. Жаль, что не знал, с кем столкнулся, а то б сразу шапку забрал...

— Нет, у меня шапки не было.

— Как не было?

— Шапка была дома, а я снова побежала в школу. До школы не дошла и вернулась. Бежала просто так, не знала, что делать...

Глеб радовался успеху, тому, что так удачно и быстро нашел и шапку, и преступницу. Радовался и одновременно жалел эту непутевую Женьку. Позднее, разговаривая с матерью Женьки, Глеб поразился точности характеристики, какую ей дал директор школы.

— Невезучая она у нас. Все с нею что-то случается, — рассказывала мать Женьки. — То вдруг загорится, срочно нужны ей джинсы. Бегаешь, ищешь, добывает. Когда наденет, такие уж из моды выйдут. То решила в торговый институт поступать, как подруга одна ее. Того не сообразила, что ту ее подружку репетиторы готовят, да и родители у нее в торговле работают, все ходы и выходы знают... Подруга поступила, а Женька пролетела. Так вот всегда... Но все же чужого никогда не брала. Что это с нею — ума не приложу...

— Понимаю, верю. Надеюсь, что суд учтет это... Конечно, нелегко будет Жене, но что поделаешь...

Передавая все материалы следователю, Горин вернулся в кабинет. Наклеил на лист картона фоторобот Люси Петровой. Рядом поместил портрет, нарисованный Иваном, а затем приклеил и фотографию Шпонкиной. Сделав подписи-пояснения, Глеб понес лист в кабинет начальника уголовного

розыска Мудрова. Вскоре туда собрались оперативные уполномоченные и следователи.

— Что ни говори, а душа у человека — главное. В работе ее не видно, а в портрете появилась, — сказал следователь Борис Никитин.

— Душа? Ерунда. Просто повезло Горину, а то б ни в жизнь не найти эту девицу, — проворчал немолодой оперативник Сергеев. Сергеев никогда не улыбался, всегда был хмур и чем-то озабочен и недоволен.

— Горину повезло, — согласился начальник уголовного розыска майор Мудров, внимательно рассматривая при этом фотографии. — Горину повезло, потому что он не терял ни минуты, а сразу начал розыск. Ему повезло найти и расположить к себе наблюдательную девочку. Потом ему повезло, когда он догадался изготовить фоторобот, и повезло вдвойне после встречи с художником. Потом ему вновь повезло найти секретаря школы, узнавшую по этому портрету посетительницу. Словом, забудем глупости, отбросим везение и поздравим старшего лейтенанта милиции Горина с ювелирной работой!

— Присоединяюсь к вашему поздравлению, — поднялся со стула Борис Никитин.

Он пожал руку Горину и добавил:

— И все-таки мне еще предстоит ответить на вопрос, почему она пошла на кражу... Кажется, обыкновенная девушка, неспособная на такое...

— Просто ей на роду написано сидеть в тюрьме, — проворчал Сергеев.

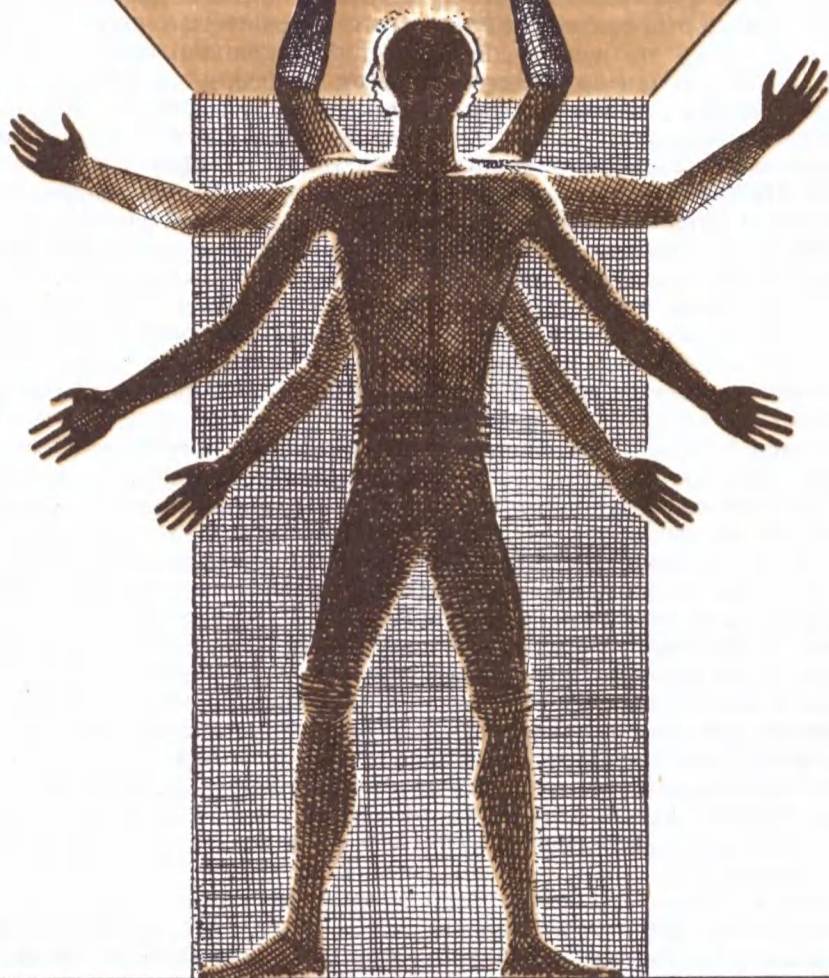
— Ну, это ты брось. На роду такое никому не пишется, врожденных преступников не бывает, — возразил ему Никитин.

— Думаю, причина в том, что Женю не научили самостоятельно противодействовать злу. Мы водим детей за руку, поэтому, когда они попадают в трудное положение, не всегда находят выход, — вступил в разговор Мудров. — Главное — это научить детей, подростков, молодых людей и девушек говорить себе «нет». Зовут мальчишку или девчонку, например, курить. Смеются над ней, подначивают. Некоторые сдаются, чтобы не выглядеть трусом. Так им кажется.

Слушая разговоры, Глеб вглядывался в фотографию Шпонкиной. Сейчас на ее лице не было злорадной улыбки. С фотографии смотрела на него испуганная и усталая девушка, мечтавшая, как и все, о простом человеческом счастье... Увы! Как легко все потерять и трудно, очень трудно найти и завоевать его!

ЛАБОРАТОРИЯ
№ 9
ИЗ ВОДС()
ИСК()ВЕННОГО КЕСТВА

**СЕРГЕЙ
СНЕГОВ**

**ОСТРОВ,
НЕ ОТМЕЧЕННЫЙ
НА КАРТЕ**

Доктор Альфред Сток узнал, что им заинтересовалось учреждение, именуемое НИО, и что он должен представить в отдел кадров этого учреждения справку о происхождении и список напечатанных работ. Сообщив Альфреду Стоку эту новость, Верховный Скакун акционерного научного товарищества «Кони Армагеддона», он же профессор экспериментальной метафизики Норман Ковальский, с воодушевлением добавил: «Вы знаете, как я вас люблю, доктор Сток. И можете не сомневаться: я сделал все возможное, чтобы обрисовать вас в пронзительно благоприятном свете. Экспертов НИО буквально ошеломило, когда я сказал, что, по вашей собственной оценке, разработанная вами теория острого внутримолекулярного резонанса нигде, никогда, никем, никоим образом и ни для какой цели не может быть применена и что в данном пункте я с вами полностью согласен. Знаменитый Л. Г. Гордон, профессор абстрактной модалистики, радостно воскликнул: «Это как раз то, что нам нужно». Можете считать, доктор Сток, что ваше научное будущее обеспечено. Но надо постараться, дорогой Альфред, предупреждаю со всей дружеской категоричностью: надо постараться!»

Доктор Альфред Сток написал в автобиографии с тонко рассчитанной откровенностью: «Мой отец был помесь норвежца и эфиопа, мать из древнего испанского рода, но кое-что взяла и от своих индейских предков. Родился я на греческом теплоходе под либерийским флагом, который (теплоход, но также и флаг) в момент моего рождения плыл во французских территориальных водах, что мне кажется весьма существенным. Восприимчивыми у постели матери были капитан-голландец, судовой врач-китаец, акушеркой пригласили корабельную посудомойку из эскимосок. Впрочем, это не слишком отразилось на моем генотипе. Признаюсь попутно, что учился в Дюссельдорфе и считаю немецкий своим родным языком. В университете, приняв магометанство, вступил в тайное общество «Мечи ислама», но не ужился с Куртом Попельманом, ведущим мечом товарищества. На последнем курсе я сменил «Мечи ислама» на «Коней Армагеддона» и с тех пор числюсь в этой научной ассоциации Грузовой лошадей № 6, то есть без предварительной стажировки удостоился весьма высокой ученой степени».

Спустя несколько дней доктора Стока пригласили на собеседование к профессору абстрактной модалистики Л. Г. Гордону, которого Верховный Скакун ассоциации «Кони Армагеддона» считал знаменитым, но о котором сам Альфред Сток до этого не слыхал ровным счетом ничего. Л. Г. Гордон сидел в обширном кабинете, носил на плечах генеральские погоны, был молод и важен и слегка смахивал на бульдога. Некоторые слова он не произносил, а пролаивал.

— Весьма удовлетворительная биография. — Генерал-профессор одобритительно похлопал по бумаге, написанной Стоком. — Порода — всекосмополитических кровей. Теперь Армагеддон. Это тоже подходит. Наши консультанты говорят, что Армагеддон, по библейским преданиям, место последней битвы человечества. До последней битвы еще далеко, но плацдарм нужно подыскивать заранее. Впрочем, это шутка, доктор Сток. Коро-

че, мы предлагаем вам поработать на НИО. Я имею в виду ИВН, хотя кое-кто его называет ИНВ, что, как вы понимаете, довольно остроумно, но вместе с тем не очень основательно.

Профессоров в генеральских погонах Альфред Сток еще не встречал и со свойственной ему осторожной любознательностью пожелал узнать, чем вызвано приглашение в загадочное ИВН, или ИНВ, как выразился эксперт по не менее загадочной модалистике. Генерал, вероятно, считает, что доктору Стоку хорошо известно значение терминов НИО, ИВН и ИНВ, но, к сожалению, это далеко не так.

— Прекрасно, — сказал генерал. — Скажу сильней: было бы очень печально, если бы вам без пояснения стала ясна природа каждого нашего наименования. Это бы свидетельствовало о плохой работе службы камуфляжа, разве не так? НИО — это не термин, а остров в океане, и потому его надо писать не НИО, как обычно важно пишут, а гораздо проще и скромней: Нио. Можно, конечно, назвать его и Научно-исследовательским островом, на это мы согласны. Что до ИВН, то это Институт Возможных Невозможностей, а ИНВ, наоборот, Институт Невозможных Возможностей. Теперь вам понятно, что оба наименования в сущности столь различны, что остроты по этому поводу, с одной стороны, нетактичны, а с другой и даже со всех других сторон — поверхностны.

— Совершенно верно, поверхностны и нетактичны, — поспешно согласился доктор Сток, стараясь судорожно скрыть, что впадает в тихое обалдение. Обалдение ему удалось не показать, но другие недостатки своего характера, в прошлом причинявшие ему немало огорчений, он преодолеть не сумел и, колебавшись, бросился в рискованное продолжение: — Но... не кажется ли вам, генерал-профессор, что есть какая-то логическая неувязка в высказывании «невозможная возможность», а равно и в противоположном «возможная невозможность»?

Генерал-профессор не рассердился, а скорей одобрил, что собеседник решает на скептические замечания. Он так широко осклабился, что на расстоянии, отделявшем его от Стока, это надо было воспринять не как попытку укусь, а как улыбку.

— В школьной логике одинаково невозможны и возможные невозможности и невозможные возможности, доктор Сток. Но на Нио препарируют законы природы без обращения к школьной логике. Природа, как доказал один популярный древний деятель, допускает то, что и не снилось нашим мудрецам. Наш долг — воспользоваться ее щедростью. Теперь вы понимаете, какой восторг у всех нас вызвало известие, что вы совершили открытие, которое никто, нигде, никогда, никоим образом и ни для какой цели не сумеет использовать. Остальное узнаете на острове. Вы еще не бывали в так называемом раю? Уверен, наш благословенный Нио превосходит ваши самые смелые мечты о рае. Кстати, настоящий рай от острова недалеко, за нешироким проливом. Но там такой ералаш и сумятица... Впрочем, это другая проблема. Я больше не задерживаю вас, доктор Сток.

Доктор Альфред Сток не переставал удивляться неожиданному повороту своей жизни, пока отнюдь не радовавшей удачами. В самолете, принимая лицом к окошку и разглядывая меняющиеся краски океана, он мыслен-

но выстраивал длинную таблицу своих неудач. В этом мартирологе прошлогодний разрыв с женой, не пожелавшей дольше испытывать лишения, числился не самым крупным, но одним из самых обидных событий: доктор Сток имел глупость — так он сам определил это для себя — чрезмерно любить эту красивую, своенравную женщину. «Каждый умирает в одиночку, — сказала жена на прощание. — Вся ваша жизнь, Альфред, — это непрерывное умирание хороших начинаний. Ведите такую жизнь без меня».

Океан был тот же и разный. Доктор Сток впервые летел над столь обширной водой, его поразило, как меняется цвет океана с каждым часом полета: на рассвете он был светлее неба, потом, к полудню, темнел, становился из желтовато-зеленого зеленовато-синим, просто синим, почти черным и снова, уже к вечеру, высветился. Теперь небо темнело, а вода светлела, она отливала золотом, и все в мире как бы перемещалось, небо уходило вниз, океан раскидывался наверху.

Устав от разглядывания океана и неба, доктор Сток рассматривал пассажиров. Внешний вид соседей не располагал к общению. Все десять мужчин были безукоризненно одеты, но доктор Сток дал бы голову на отсечение, что, будь они в каком-нибудь тряпье, можно было бы подумать, будто все они недавно бежали из тюрьмы и в скором времени будут водворены туда обратно. Интересней других выглядел сосед справа — рослый мужчина с плечами штангиста, руками боксера и лицом Мефистофеля: на бычьей шее высилась удлинненная голова с бледным морщинистым лицом, острыми глазами, могучим носом и тонкими, синеватыми, кривыми — легкой синусоидой — губами. Облик завершала выдвинутая копьём борода и седая распатланная шевелюра, пучки жестких волос на висках вполне сходились за рожки. Мефистофель заметил, что доктор Сток нет-нет да и бросит в его сторону взгляд, и заговорил первым.

— Что я хотел сказать вам, доктор... — сказал он глуховатым чугунового звона баском.

— Альфред Сток, — подсказал доктор. — Химическая физика.

— Профессор Арчибальд Боймер, экспериментальная астрология, — представился Мефистофель. — Хотя наши научные интересы далеки один от другого, уверен, вы слышали обо мне.

Об Арчибальде Боймере доктор Сток, конечно, слышал. Верховный Скакун научного товарищества «Кони Армагеддона» Норман Ковальский, друг и начальник Альфреда Стока, отозвался о Боймере кратко и содержательно: «Жуткий болван!» И тут же разъяснил свою не так доказательную, как ругательную квалификацию: «Дорогой Альфред, опыт в нашу эпоху завоевывает все позиции. Я создал экспериментальную метафизику, и в том сверхъестественного нет. Ибо метафизика — что? Нечто за физикой, так ведь по значению слов, то есть учение об общих свойствах бытия. А любую форму

бытия можно сегодня промоделировать в программе компьютера, а стало быть, и подвергнуть экспериментальному исследованию. Но астрология! Это же учение о влиянии небесных светил на жизнь человека! Экспериментировать с расположением светил? Искусственно отгонять Марс от Юпитера? Приближать Венеру к Меркурию? Чушь, не правда ли?» Доктор Сток вспомнил энергичную научную ругань своего руководителя, и это отразилось на его беседе с постаревшим Мефистофелем.

— Итак, вы хотели мне что-то сказать, профессор Боймер?

— Хочу сделать маленькое предложение. Не продадите ли одну имеющуюся у вас вещицу?

Доктор Сток знал, что с незнакомыми рискованно крупно шутить, но не справился со своим дурным характером.

— Вы хотите купить мою душу? А за какую цену?

— У вас есть душа? — холодно поинтересовался специалист по экспериментальной астрологии. — И давно вы это обнаружили?

— Всю жизнь чувствовал, что за душой у меня есть только душа и никаких других достояний. Но я ее высоко ценю, — возможно, за отсутствием более ценного имущества.

— Людям свойственно самообольщаться, — непреклонно установил Мефистофель. — К вопросу о вашей душе мы вернемся позже. Нет, я хотел бы приобрести нечто гораздо более примитивное, к тому же не вполне законно вами захваченное. Я говорю о наполняющем вас ощущении благодатности.

— Ощущение благодатности? Я вас правильно понял?

— Абсолютно правильно. Открою вам маленький секрет, доктор Сток. Генерал-профессор Лесли Говард Гордон известил меня, что моим соседом в полете будете вы, и любезно дал прочесть вашу автобиографию. Несложные вычисления с применением тензорного анализа показали, что вашу судьбу определяет противостояние Венеры Юпитеру, осложняемое бесцеремонным вторжением Марса и диким хаосом проносящегося неподалеку астероидного облака. А ведь от шальных астероидов хорошего не ждать. Короче, эн-мерная матрица вашего бытия засвидетельствовала, что определяющие свойства вашей психики — уныние, подавленность и неверие в свои интеллектуальные способности. Между тем вот уже одиннадцать часов вы пребываете в радужном настроении: у вас радостно блестят глаза, когда вы смотрите в мутную темь океана, будущее — я это хорошо разглядел — предстает вам неправомочно сияющим. Непорядок, не правда ли? Короткое вычисление на моем карманном компьютере установило, что на вас случайно и незаконно снизошло то, что по расположению светил принадлежит не вам, а вашему будущему начальнику Джону Паолини. Добавлю, что лечу на Нио исключительно для того, чтобы ввести Паолини в принадлежащее ему благорасположение. Но поскольку вы...

— Ничего не я! У меня свое настроение, у Паолини — свое. Ничего не имею против того, чтобы оба мы пребывали в добрых чувствах.

Что ученый-астролог, так сильно смахивающий на Мефистофеля, шагает в своих рассуждениях за грань простой логики, Сток понял сразу. Дальнейшая беседа лишь укрепила это убеждение. Астролог пространно доказывал, что количество благоприятных комбинаций светил ограничено и потому число людей, пребывающих в благодущии, не может превзойти предельную для данного времени норму; соответственно, имеется верхний предел и для людей, коим силой небесных светил суждены на эти часы неуда-

чи, горе и дурное расположение духа. В этих условиях очень нежелательны искусственные перепутывания судеб, а это, к сожалению, случается: человек, назначенный на вполне обоснованное уныние, вдруг беспричинно впадает в восторг. Он, профессор Арчибальд Боймер, убежден, что и сам доктор Сток понимает неосновательность своего благодушия и, следовательно, столь же отчетливо должен понимать, что это благодушие, собственно, не его, а чужое и захвачено ценой обделения другого человека добрым настроением.

— Мое доброе настроение основано на личных причинах, — возразил доктор Сток. — Ибо я лечу в место, которое охарактеризовано мне как рай, и буду вести там интереснейшие исследования.

Рожки на висках Мефистофеля встопорчились, чугунные звоны голоса стали глуше.

— Условимся о значении терминов «рай» и «ад». Вам, надеюсь, ясно, что рай для дьявола — ад для святого. Люди — мешанина из святости и чертовщины. Не откажите в любезности сообщить: как вы относитесь к числу «тринадцать»?

— «Тринадцать» для меня счастливое число.

— Значит, черта в вас больше, чем ангела, доктор Сток. Хорошим людям не везет по тринадцатым числам, а плохим тринадцатого все удается.

Доктор Сток сделал попытку обидеться.

— Мы с вами еще как следует не познакомились, а вы уже обзываете меня дурным человеком, профессор Боймер!

— Я знаю вас, — хмуро сказал астролог. — На вас бросил взгляд приближающийся к Венере Марс. У Марса тяжелый взгляд, можете мне поверить. Столько зла ждешь от этой зловерной планеты!

3

Доктор Сток заметил, что остальные пассажиры самолета не прислушиваются к его странному разговору с ученым-астрологом, так смахивающим на Мефистофеля. Все молчаливо покоились в креслах, каждый был погружен в раздумье или похрапывал. У тех, кто дремал, лица, освобожденные от предписанных мин, еще сильнее становились похожими на рожи закоснелых обитателей тюрем. Доктору Стоку не нравились пассажиры. И если он со внутренним смешком вспоминал забавные разглагольствования профессора Боймера, а сам облик специалиста по экспериментальной астрологии порождал насмешку, то внешность остальных пассажиров вызывала беспокойство: доктору Стоку чудилось, что он попал в скверную компанию.

Стюардесса объявила, что самолет приблизился к месту посадки, но внизу простирался все тот же темный, а сверху казавшийся еще и немного выпуклым океан. Доктор Сток спросил Мефистофеля: где же, собственно, остров? Не на воду же им спускаться!

— Остров сейчас откроют, — проворчал астролог.

Только теперь доктор Сток понял, что самолет давно уже кружится над одним местом в океане: солнце быстро перемещалось справа налево, обходило самолет сзади и снова накатывалось с правого бока. Но внизу по-прежнему ничего не было, кроме выпуклой — дном вверх — чаши темной воды. Астролог счел нужным успокоить Стока:

— Нио прикрыт силовым экраном. Установят, что мы — те, кого ждут, и раскроют объятия. Через час будем в гостинице.

Внизу разлился широкий голубоватый свет. Вначале он был просто шаром сияющего тумана, шар взметнулся из недр океана, вздымался вверх, достиг самолета, окутал самолет, ушел в небо. Под самолетом открылся город нарядных зданий и парков. Самолет сел на желтую гравийную площадку. Пассажиры чинно выходили наружу. К доктору Стоку подошел высокий средних лет мужчина с приветливым лицом и с такой величавой фигурой, что казался древней статуей, сошедшей с пьедестала.

— Меня зовут Спадавекия, — проговорил он звучным, торжественным голосом. — Хирон Спадавекия, если не возражаете, доктор Сток. В гостинице вас ждут. Вы хотели номер тринадцатый, не правда ли? Мы освободили его.

— Я не высказывал желания, чтобы для меня освобождали занятый номер, — заметил доктор Сток.

— Вы объявили, что «тринадцать» у вас счастливое число. Такое объяснение равносильно приказанию. Наша обязанность создавать всем на Нио радость существования.

Доктор Сток поискал глазами Арчибальда Боймера: сказать о тринадцатом числе мог только он. Но профессор экспериментальной астрологии пропал, словно его и не было. Хирон Спадавекия усадил Стока в роскошный лимузин, сам повел его. Для человека, величественного, как античный бог, он неплохо управлялся с рулем. Гостиница выглядела королевским дворцом, а не обителью случайных приезжих. Номер тринадцатый складывался из трех комнат, не считая ванной, та тоже могла сойти за кабинет: в ней кроме мраморного бассейна стоял диван, столик и два кресла.

— Вы, мне показалось, искали профессора Боймера, — сказал Хирон Спадавекия. — Ровно в шестнадцать часов вас пригласят в ресторан. Там вы увидите профессора. В ресторане у каждого свой столик. Его номер — одиннадцатый, а ваш...

— Естественно, тринадцатый, — иронически подсказал Сток.

— Вы не ошиблись, — торжественно подтвердил Спадавекия. — Ресторан, доктор Сток, на Нио служит не только для принятия пищи, но местом встреч. Он вроде единого для всех клуба.

— Единого для всех? На Нио так мало жителей?

— Когда мы говорим «всех», это означает «всех удостоенных особы». У нас много званных, но мало избранных. Кстати, код вашей особы тоже тринадцатый.

— Я, стало быть, отношусь к избранным?

— Совершенно справедливо, доктор Сток, — величаво ответил Хирон Спадавекия и учтиво поклонился.

До шестнадцати оставалось больше двух часов. Доктор Сток с наслаждением поплескался в бассейне, полчаса вздремнул. Переодевшись, он направился в ресторан. Ресторан занимал весь нижний этаж. В обеденном зале стояло около двадцати столиков, но только одно сиденье у каждого столика показывало, что здесь пищу вкушают в одиночестве. Тринадцатый столик поместили у окна. За одиннадцатым, в глубине, уже сидел профессор экспериментальной астрологии. Доктор Сток поклонился, Арчибальд Боймер хмуро моргнул, — это, вероятно, было эквивалентно покло-ну. За столик номер двенадцать села мужиковатая дама лет тридцати, —

впрочем, лицо ее, составленное из одних крупных деталей, уродливым не было. Доктору Стоку даже понравились темные глаза под широкими мужскими бровями и большой красивый рот — полные губы были не то подкрашены багрово-красной помадой, не то обладали природной вампирной окраской. Дама с равнодушием отнеслась к тому, что ее разглядывают, и доктор Сток счел нужным обратить на себя внимание иным способом:

— Доктор Альфред Сток, химическая физика, особость тринадцатая, с вашего разрешения, сударыня.

— Разрешаю, — сказала дама. Приятный, мелодичный голос не очень вязался с грубоватой фигурой и резкими чертами лица. — Протяните мне вашу правую руку, Сток!

Требование было столь неожиданно, что доктор Сток какую-то секунду колебался. Дама наклонилась и, не дотрагиваясь до руки Стока, внимательно ее оглядела. Доктор Сток натужно пошутил:

— Уверю вас, она чистая.

— Это несущественно. Ваша рука мне подходит, беру ее.

Доктор Сток не упустил возможности пошутить:

— Надеюсь, вместе с сердцем? Вы требуете моей руки и сердца, я так вас понял, сударыня?..

— Агнесса Коростовская. Зачем мне ваше сердце? У меня отличный набор сердец. А рука хорошая. Давно не видела красивых мужских рук. Именно такую я хотела бы иметь для своего ребенка.

Только большим усилием воли Сток не разрешил себе парировать неожиданное предложение какой-нибудь остротой. Он постарался, чтобы новый вопрос звучал серьезней:

— Вы хотите меня в отцы вашего ребенка, Агнесса?

— В частичные отцы. На одни руки. — Она с тем же вниманием, с каким только что осматривала руку, оглядела голову доктора Стока. — Лицо у вас заурядное, но голова интересна. Не удлинненная, а шароподобная. Голову, пожалуй, я тоже возьму.

— Если я разрешу, — сказал он. Его начал раздражать разговор. Агнесса Коростовская искренно удивилась:

— Вы возражаете? Разве я предлагаю что-либо плохое?

— Во всяком случае, непонятное. К вашему сведению, я уже ровно три часа на острове, но пока еще...

— Ах, так! — воскликнула Агнесса и засмеялась. Смеялась она хорошо. Доктор Сток верил, что улыбка — это дверь души, а смех — выход души наружу. У плохих людей не может быть добрых улыбок, у злодеев и смех зловещий, доказывал он на ученых собраниях «Конец Армагеддона». Если это было верно, то профессора Арчибалда Боймера следовало зачислить в плохие люди, а мужиковатую Агнессу — в хорошие. — Ах, так! — повторила она уже спокойней. — Вам, стало быть, не разъяснили, чем мы занимаемся на острове?

— Меня интересует, чем занимаетесь вы, Агнесса, и почему вам понадобилось лишать меня рук, а заодно и головы?

— И руки, и голова останутся при вас и после того, как я их заберу. Моя научная тема — усовершенствование человека. Я создаю Бриарея. — Бриарея? В детстве я читал легенду о сторуком великане...

— Нет, сто рук — конструктивное излишество. Я сторонник умеренности. Я остановилась на восьми руках — две передних, четыре боковых, две задних. Ваша рука подойдет в боковые, на них меньше нагрузки, зато

эстетические требования к ним больше. Мой ребенок должен быть красив, без этого я его не выпущу в свет.

— Мне льстит, что возглавлять туловище вашего красавца сына будет моя голова.

— Две головы, только одна из них — ваша. Бриарей создается двухголовым. Отсутствием заднего обзора — большая конструктивная недоработка человека. К тому же художественное впечатление от одноголовости невелико. Разве вы не согласны, что мы с вами выглядим уродами?

— Благодарю за оценку. Вы сказали, Агнесса, что создаете Бриарей. Если я правильно понял...

— Вы правильно поняли, доктор Сток. Лаборатория номер двенадцать специализируется на геноусовершенствованиях человека. Инженерные схемы наших аппаратов животворения разработал еще великий Томас Габа, но лишь на острове Нио спустя тридцать два года после безвременной кончины Габы удалось построить производственную модель. Я, кажется, отвлекаю вас, доктор Сток? Заказывайте блюда, пульт-меню перед вами.

Только сейчас доктор Сток заметил, что на столе лежит красиво оформленная табличка снейд и около каждой надписи кнопочка. Сток нажал на кнопки: «Суп с гренками», «Баранья отбивная», «Мороженое», «Кофе». Заказанную еду подкатил благообразный робот. Доктор Сток, прожевывая пищу, размышлял об Агнесе Коростошевской. Дама с огромными глазами под широкими бровями, видимо, многих знает на острове, это надо использовать. Доктор Сток оглядел зал. Среди обедающих были и два вчерашних пассажира — из самых зверообразных.

— Вы, насколько я понял, специалист по инженерной генетике, верно? — обратился Сток к Коростошевской.

— Геноконструктор.

— Остальные работники Нио тоже геноинженеры?

— Нет, конечно. На острове полный комплект специальностей. Главные — физики, химики, астрономы, геологи. Из геноинженеров только два кроме меня, вон те красавцы. — Она кивнула на вчерашних пассажиров, они сидели по соседству один от другого. — Тот, длинноносый, узкощекий, малоинтересен, он не поднялся выше одноклеточных реконструкций. Зато второй, Арнольд Густавссон, заслуживает внимания и опасения. Не знаю более наглого субъекта. Он создает божество.

— Божество?

— Да, господа бога со всеми его обличьями в едином телесном воплощении. И с теми же функциями управления действиями людей. Только умение создавать что-то из ничего и обращаться что-то в ничто божеству Арнольда Густавссона не дано, это чрезмерно усложнило бы модель. Бог среди людей, а не бог во Вселенной — так он сформулировал. И с успехом выполняет свой мерзкий замысел!

— В чем, собственно, мерзость его замысла?

— Вы хорошо знаете, доктор Сток, что высшее существо имеет три обличьа: отца-вседержителя, сына-спасителя и духа святого. Во всяком случае, так нас учили в школе. И никто не сказал ни слова против, когда Арнольд объявил, что сконструирует своего биоробота по числу божественных ипостасей многоголовым. Но его киборг четырехголовый! Можете это понять?

— Пока не понимаю.

— У божества Густавссона четыре головы. Передняя — седовласый

и седобородый отец. Эта голова удалась, она на всех производит хорошее впечатление. Еще лучше сын-спаситель, очень милый юноша с кротким взглядом и доброй улыбкой. Эта голова справа от отца. Левая голова, дух святой, похуже, в ней лишь умело сделано льющееся из золотого нимба радиоактивное излучение, оно заставляет самосветиться все, что напротив него. Зато внутри нимба никаких твердых очертаний, даже силуэта... Арнольд говорит, что дух святой бестелесен, просто лучи. С этим можно и примириться. Но Густавссон к трем ипостасям божества добавил и четвертую, заднюю. И знаете, что изобразил? Нечто зверомордатовое, с клыками, с рогами, заросшее шерстью. На ученом совете было столько споров! Арнольд с пеной на губах доказывал, что сатана и есть четвертая божественная ипостась, три другие — парадные, праздничные, а задняя — повседневная, рабочая. «Покажите мне такого бога, у которого не было бы своего черта? — кричал он. — Разве вы не видите глубочайшего смысла в том, что никакой бог без собственного дьявола не существует?» Модель четырех-ипостасного божества все же приняли, ибо на Нио несурзности котируются. Подробнее это растолкует наш директор Джон Паолини, когда он зовет вас. Подготовьте заранее вопросы к нему.

— За вопросами дело не станет, — сказал Сток.

4

В этот же день доктор Сток попросил у Хирона Спадавекия свидания с директором Нио, уважаемым Джоном Паолини, если, конечно, правомочно называть владетеля острова директором. Хирон Спадавекия отвечал, что наименование «директор острова» точно отвечает административному значению Джона Паолини, но самого его видеть пока нельзя. Директора могут видеть лишь те, кого он пожелает видеть. Он еще не выразил желания встретиться с доктором Стоком. Время, остающееся до встречи, доктор Сток может использовать для знакомства со своей лабораторией. Неплохо было бы, если бы доктор Сток приступил к постановке самых простых экспериментов. Для предстоящей беседы с директором острова деловое опробование аппаратуры сослужит немалую пользу.

— Можете также продолжить знакомство со своими коллегами, доктор Сток. У нас нет закрытых лабораторий. Остров в целом закрыт, но внутри защитного экрана ни для кого нет тайн.

Доктор Сток на всякий случай осведомился, не боятся ли руководители Нио, что секреты острова будут разглашены людьми, покидающими это прекрасное место. Сколько он понимает, силовые защитные экраны можно наложить на любой клочок земли, но не на рты! И мысли неплохо экранируются, и на любой неумный рот накладываются прочные замки, только в этом нет нужды. Еще никто из прибывших на Нио не покидал его. Ибо все, что может пожелать для своего творчества ученый, он на Нио находит. Здесь ему гарантирована абсолютная свобода мысли и полный произвол в выборе научных тем. Никакого принуждения, никакого понукания, никакого ограничения — таков священный девиз Нио.

— И здесь вы вправе требовать для выполнения своих научных прихотей всё, что вам вздуруется на ум... Доктор Сток, глагол «вздуриться» не ругательство, а формула высокого научного уважения, ибо дурь — это способность разума выйти за узкие межи обыденности. Дурь — душа истин-

ной науки. Нет, ни один благомысленный человек по собственной воле никогда не покинет Нио, где созданы такие условия для осуществления любой его вдохновенной дури!

Хирон Спадавекия, видимо, принадлежал к ораторам, он вспыхивал от собственных слов. Доктор Сток не захотел спорить. Интеллектуальные скáчки в научном товариществе «Кони Армагеддона» приучили его к остротности. Он знал, что о любое слово можно запнуться сильнее, чем о камень. Ибо камень видно издалека и, перескочив через него, с ним можно далее не считаться. А слово... слово порой и угрожающе увеличивает свое значение. Поэтому доктор Сток бодро сказал:

— Очень интересно, благодарю вас. Я хочу теперь познакомиться с предоставленной мне лабораторией. Ее номер, конечно, тринадцатый?

— Мы не осмелились бы предложить вам иной.

В одном Спадавекия был полностью прав: лаборатория номер тринадцать являла собой совершенство. Все, что доктор Сток мог пожелать для своей научной работы, имелось в лучшем исполнении. Лаборатория состояла из одного экспериментального зала и двух подсобных комнат. Хирон Спадавекия, проведя доктора Стока по всем помещениям, продемонстрировал отличное знание методики предстоящих опытов.

— Биологические растворы приготавливают в заготовительном цехе. Оттуда же получите живые ткани. В качестве подопытных используются кролики и мыши. Впрочем, можете требовать других животных, любые требования будут удовлетворены. Единственное исключение — человек. — Хирон Спадавекия засмеялся, приглашая и доктора Стока повеселиться. — Человека мы не препарируем. Заказы производятся набором цифр на пульте, он стоит на вашем столе. Есть вопросы, доктор Сток?

Вопросов у доктора Стока не было, и Хирон величественно удалился — именно так про себя доктор Сток охарактеризовал его походку. Спадавекия не ходил, не шагал, не передвигался, не перемещался, а шествовал. Если бы статуя античного бога оживила, она, наверно, двигалась бы с такой же неторопливой величавостью. Хирон к тому же был кудряв, как бог, правда, не золотоволос, а черноват. Сток мысленно позавидовал над ним и сел опробовать аппаратуру.

И спустя несколько минут для доктора Стока больше не существовало ни Хирона Спадавекия, ни таинственного директора острова, с которым еще неизвестно как установятся отношения, ни других ученых на Нио, ни даже самого острова. Доктор Сток углубился в живую клетку, лавировал в путанице межмолекулярных связей, испытывал на прочность сложнейшие конструкции из сотен тысяч атомов. Все, о чем он мог только мечтать в своей жалкой университетской лаборатории, здесь полностью осуществлялось. Расчеты, которые так покорили специалиста по экспериментальной метафизике Нормана Ковальского, Верховного Скакуна боевого научного товарищества «Кони Армагеддона», — эти казавшиеся столь смелыми и столь зыбкими расчеты обретали сейчас силу факта. Теория, выношенная в долгих борениях мысли, превращалась в реальную практику. «Невозможное стало возможным!» — подумал доктор Сток и сам удивился, что для формулы своего научного торжества выбрал оценку, какой генерал-профессор Лесли Говард Гордон охарактеризовал основное направление исследований на острове Нио. В совпадении был некий смысл, но доктор Сток не стал углубляться в него.

Он прервал опробование аппаратуры и, взволнованный, прохаживал-

ся по лаборатории. В нем противоборствовали мысли несовместимые. Он радовался и огорчался своему успеху. Радовался тому, что его гипотезы оправдались и осталось верным утверждение, что никто, никогда, нигде, никоим образом и ни для какой цели не использует его научного открытия, ставшего теперь экспериментальной реальностью. И огорчался тому, что первые же эксперименты в новой лаборатории доказали окончательно печальную истину, что все организмы на Земле сконструированы небрежно. Природа имела два миллиарда лет, чтобы довести до совершенства живую материю, выбрав какой-нибудь организм и методически дорабатывая его. Но она заторопилась рассеять по Земле бесчисленные виды жизни, множа в каждом одну и ту же недоработку. Если бы природа была разумным существом, доктор Сток строго прикрикнул бы на нее: «Не халтурь!» Он чувствовал себя правомочным столь резко классифицировать несолидность конструкторского творчества природы. Ведь так просто было сделать любую жизнь бессмертной, если бы природа задала себе изначально такую цель! И столь трудно ныне выправить допущенную в незапамятные времена небрежность. О бессмертии живой клетки свидетельствует — он выразится сильнее: кричит! — каждый сегодняшний эксперимент. И он же, каждый эксперимент, скорбно утверждает: ничего не поправить! Если, конечно, не приступить заново к работе, которую природа начала два миллиарда лет назад, и не проделать ту работу снова да ладком. И не размазывать ее в миллиардолетия, а сгустить в десяток, ну, в два десятка лет!

Доктор Сток был исследователем честным и самокритичным. И, немного успокоившись, сказал себе: «Я по-настоящему еще не экспериментировал, я только опробовал аппаратуру. Первые результаты подтвердили мое ожидание. Но лишь многократно повторенные опыты дадут надежную основу для выводов. Завтра начну систематические исследования».

И чтобы преодолеть соблазн воротиться к рабочему столу, доктор Сток вышел из лаборатории. Он еще не познакомился с островом, надо пошгать по Нио. Острова — это клочки суши, повсюду окаймленные водой. Он выйдет на берег и пройдет вдоль воды. Если остров небольшой, он обойдет его кругом. Морским воздухом дышать полезно. Он слишком часто забывал совершать полезные прогулки.

Но, еще не выбравшись на берег — океан виделся в конце улицы, — доктор Сток позабыл, что намеревался проделать полезную для здоровья прогулку. Он остановился перед зданием, похожим на обширный сарай, с вывеской «Лаборатория № 9. Производство искусственного божества». Доктор Сток вспомнил, что на Нио нет ничего тайного, и двинулся внутрь.

В помещении Сток увидел Арнольда Густавссона — вчерашнего самолетного пассажира, так сильно смахивавшего на преступника, выпущенного из тюрьмы в краткосрочный отпуск на волю.

— Любопытствуете, Альфред Сток? — спросил Густавссон хмуро. Он, оказывается, знал доктора Стока. Спустя еще немного времени Сток убедился, что его знают все, кого он встречает на острове.

— Немного есть, — осторожно признался Сток.

— Тогда идите за мной. Не высказывайте восторга громко. Божество легко раздражается. Эта единственная недоработка не дает возможности выпустить наше уникальное творение в свет.

Арнольд Густавссон быстро зашагал в дальний угол и говорил таким мрачным голосом, словно давал не научные разъяснения, а угрожал.

В углу стояла четырехголовая скульптура. Она выглядела точно так, как ее описывала Агнесса Коростошевская. Доктор Сток загляделся на отца-вседержителя, он был похож на Зевса. А сатана привел его в ужас — воплощение нечистой силы. Густавссон угрюмо любовался своим созданием. Доктор Сток с некоторым разочарованием произнес:

— Я-то думал, что божество ваше живое, а это мрамор.

— И мрамор на Нио оживает, — зловеще отпарировал Густавссон и, подняв правую руку, громко щелкнул пальцами.

Статуя ожила, потянулась, сошла с пьедестала и направилась к доктору Стоку. Шагая, искусственное божество поворачивалось. На доктора Стока сперва благожелательно поглядели темные глаза отца-вседержителя, потом ему ласково и грустно улыбнулся сын, а после на него стала надвигаться клыкастая пасть сатаны. Судя по всему, божество собиралось не то проглотить, не то разорвать доктора Стока. Он отшатнулся. Арнольд Густавссон, насладившись испугом гостя, щелкнув пальцами, вернул божество на «исходные позиции».

— Каково?

— Неплохо, — сказал Сток, переводя дух.

Он побледнел, коленки подрагивали, перспектива неведомо почему угодить в пасть дьявольской бестии ужаснула его. Но, взяв себя в руки, Сток продолжил, ибо всегда хотел доискаться до сути:

— Но непонятно.

— Что непонятно, доктор Сток?

— Зачем вам понадобилось создавать такое диковинное существо? Для какого оно, так сказать, реального употребления?

Густавссон, пожав плечами, признался, что еще не думал о практической пользе своего замечательного творения. Просто захотелось сконструировать агрегат, аналога которому нет в природе. Ибо что такое божество в его философском понятии? Некий высший стимулятор человеческих действий, не так ли? Нечто толкающее на творчество созидания и творчество разрушения, на добрые и злые поступки. В искусственное божество встроен электронный блок активности, который и убежденного лежебоку заставит прыгать, а самого спокойного человека вгонит в ярость, воодушевление, ненависть, умиление. Не хочет ли доктор Сток на себе проверить силу излучаемого его созданием стимулятора динамизма?

— Спасибо, доктор Густавссон, на недостаток активности я не жалуюсь, — ответил доктор Сток и поспешно удалился.

Доктор Сток уже понимал, что разрешение осуществлять любую научную прихоть, о чем поведал величавый Спадавекия, неминуемо породит разработки, немислимые в других научных центрах. И он загодя подготовил себя к встрече с невероятным. Ожидание неожиданного было так сильно, что он несколько разочаровался, вступив в следующую лабораторию. В ней слышались собачьи визги и лай, потому что в этой лаборатории наращивали у собак пятую ногу.

— Посмотрите, какое чудо! — восторженно похвалился руководитель лаборатории, полненький старичок с узкими плечами, розовощекий, подвижный, веселый. И показал на шотландскую овчарку: у нее с правого бока были две естественные ноги, а с левого — еще и средняя, искусственная, по виду неотличимая от своих натуральных соседок.

— По слухам, пятая нога собаке не нужна, — сказал Сток.

— Вот это и надо выяснить! Мы собираемся окончательно установить,

сколько правды в шаблонной поговорке «Нужна как собаке пятая нога». Уверен, что предстоят открытия.

— Ваша собака будет хромать и скашиваться на тот бок, где хранится скудное двоеножие, — заметил доктор Сток, оглядывая рослого пса.

Старичок не ожидал такой критики и заметно огорчился.

— Вы думаете, что нужна и шестая нога, доктор Сток? — И он знал, кто явился к нему. — Нет, вы серьезно предлагаете шестую ногу?

— Оставляю это на ваше квалифицированное рассмотрение, — уклончиво сказал Сток, поворачиваясь к выходу.

Какое-то время ему казалось, что основные интересы исследователей, собравшихся на Нио, сконцентрированы на конструировании живых уродцев, — к ним вполне можно было отнести и восьмирукого, двухголового сынка Агнессы Коростошевской, и массивную божественную конструкцию Арнольда Густавссона, и эту пятиногую собаку, и говорящую кобру, какую он еще увидел в одной лаборатории, и бычка, питающегося камнями, — попался и такой, и творцы этого чуда уверяли, что хоть стопроцентного переваривания камней достигнуть не удалось, но пятидесятипроцентное усвоение гарантировано. Все это было интересно, но не ошеломяло. Но лаборатория № 5 его ошеломила. Здесь трудились над созданием способности у воды литься не вниз, а вверх.

— Задача технически весьма трудная, но выполнимая, — бодро объяснил руководитель лаборатории. — Вот поглядите на этот ручеек. Он вначале просто течет из трубы по земле, но потом, набирая мощь, приподнимается над ложем потока. Нам еще не удалось заставить воду круто взмывать в высоту, но она уже не течет у наших ног, а свободно проносится над головой. Сейчас вы в этом убедитесь сами, доктор Сток.

И прежде чем доктор Сток успел хотя бы посторониться, творец летучей воды нажал какую-то кнопку — и прямо на доктора Стока устремился белопенный поток. Вода вполне могла смести со своего пути и не такое препятствие, как довольно тщедушный доктор Сток, но метрах в двух от него поток взмыл вверх, пронесся поверху, упал на землю где-то дальше и там загрохотал — беззвучная водяная змея снова превратилась в обыкновенную воду, гремющую на камнях.

— Десять метров полета, пять метров подъема, — констатировал руководитель лаборатории. — А сколько затрачено энергии! Открою вам тайну: проще превратить в воду глыбу гранита, чем заставить устремиться в полет. Воодушевляющая сложность, не правда ли, доктор Сток?

— Очень! Неподалеку от вас собаку обогащают пятой ногой, тоже воодушевляет — и замысел, и исполнение.

— Я знаю об этой работе, доктор Сток. И не намерен порочить ее, ибо вдохновенный смысл пятиножия ясен каждому. Но не будете же вы спорить, доктор Сток, что выведение летящей воды...

— Не буду, не буду! — заверил доктор Сток и поскорее убрался из лаборатории, где воде приделали крылья.

Ему теперь казалось, что остров Нио населен людьми талантливыми, но начисто лишенными того, что называется здравым смыслом. Он прошел мимо двух лабораторий, не заглядывая в них. В этих лабораториях, возможно, выводили лошадей с шипами на спине или конструировали автомобили с сиденьями в форме клещей, впивающихся в бока пассажиров. Он готов был заранее восхититься остроумием замысла, но на близкое знакомство с подобными творениями не претендовал.

Доктора Стока остановил вынырнувший из одного здания ученый-астролог, подозрительно смахивающий на забывшего перегримироваться Мефистофеля. Профессор экспериментальной астрологии держал в руке ящичек, напоминавший дамскую бонбоньерку.

— Знаю, — изрек Мефистофель. — Вы побывали в дьявольском вертепе, где толкут воду в ступе. Я хотел сказать — в автоклавах. Вижу по вашему лицу, что вы оттуда, доктор Сток.

— Там не толкут, а возносят воду, — возразил Сток. — Делают ее летящей, парящей, уносящейся на высоты.

Отвращение исказило лицо астролога.

— Ничтожные люди! Сколько раз я доказывал им, что только хорошо истолченная вода способна на потерю веса. Чудовищное упрямство!

— Что у вас в руке, профессор Боймер? — поинтересовался Сток.

— Ваша душа, доктор Сток, верней, пока лишь ее астрологическо-механическая модель. Я хотел проверить ваше рискованное утверждение, что вы наделены душой. То, что мне удалось построить модель вашей души, говорит в вашу пользу. Будь вы бездушны, эта конструкция не удалась бы. Теперь мы можем возобновить разговор о цене вашей души. Помните, я обещал возвратиться к этому вопросу. Итак, я вас слушаю, доктор Сток.

— Раньше я выслушаю вас, профессор. Расскажите, как вам удалось смоделировать мою душу и какое это вообще имеет значение?

Профессор экспериментальной астрологии с секунду поколебался: наверно, не хотел выдавать профессиональные секреты. Но потом его увлекла возможность похвастаться успехами. Вот здесь, в правой стороне ящика, — электронно-позитронный блок, имитирующий суммарное влияние небесных светил на жизнь доктора Стока, — за исключением влияния солнца, оно слишком огромно, его не воспроизвести в небольшом приборчике. А слева — интегральная схема тех способностей, влечений, опасений и ожиданий, которую можно было бы условно назвать душой доктора Стока. Условно, ибо схема рассчитана по одним внешним признакам. Когда доктор Сток согласится предоставить свою душу в экспериментальную проверку и — он не побоится и такой ответственной формулировки — в научную доработку, все условности расчета станут безусловностями реального факта. Дело за малым...

— Зачем вам нужна моя душа? — бесцеремонно прервал доктор Сток обстоятельное объяснение Арчибальда Боймера.

Астролог, так разительно похожий на Мефистофеля, впал в некоторую растерянность. Плавное изложение вдруг превратилось в меканье. Ну, как сказать зачем? С одной стороны, сугубо теоретический интерес, так сказать, благородная свобода в выборе темы... А с другой стороны и даже со всех других сторон... В общем, владение довольно сложной душой уважаемого доктора Стока, известного каждому как главная грузовая лошадь в могучем косяке «Коней Армагеддона»... Ну, и то немаловажное обстоятельство, что экспериментирование с моделью души доктора Стока даст возможность установить обратную связь, то есть выяснить, как действуют выдающиеся свойства души на движение небесных светил...

— Вы серьезно уверены, профессор Боймер, что на бег Юпитера или Марса может повлиять, с какой ноги я сегодня встал, веселое у меня настроение или вконец поганое?

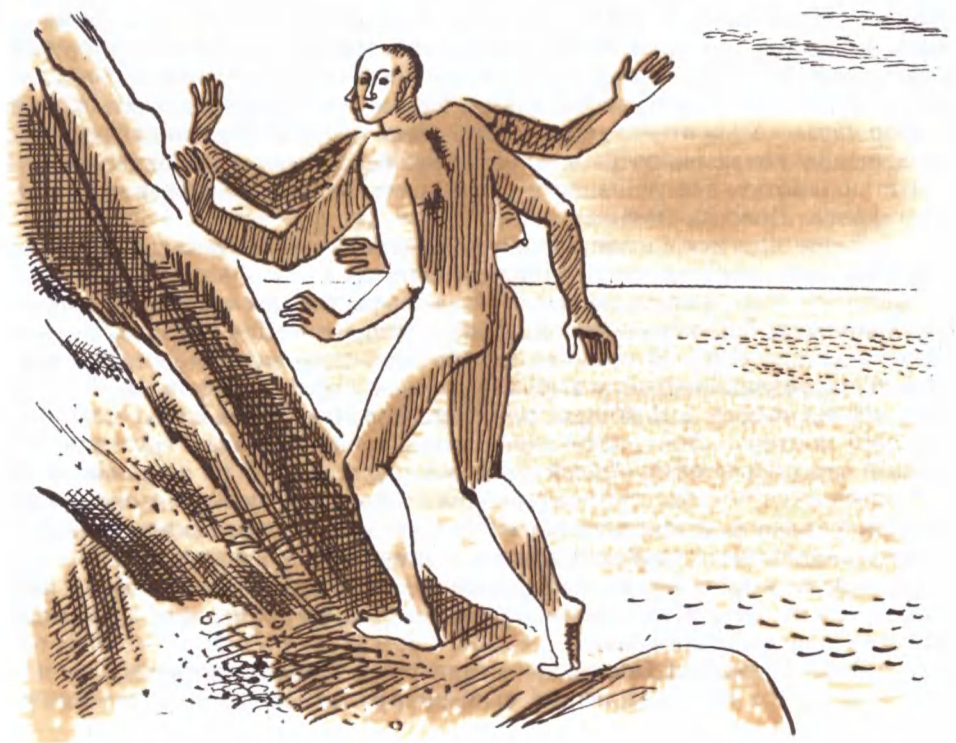
— Не сомневаюсь! Сомнения в силе влияния вашего душевного настроения на ход Юпитера по небесной орбите незаконны и недопустимы.

Существует непреложный астрально-космический смысл в, казалось бы, неприязнительном факте — с какой ноги, правой или левой, вам захотелось сегодня сойти с постели. И заранее предвижу, что воздействие вашего настроения на поведение небесных светил в космосе...

— Буду размышлять о вашей любопытной теории, профессор Боймер, — объявил доктор Сток и, удаляясь, приветливо помахал рукой ученому специалисту по экспериментальной астрологии: тот выглядел несколько озадаченным бегством собеседника.

5

Доктор Сток сознавал, что надо не только знакомиться с работами других лабораторий острова, но и завоевывать дружеское расположение местных ученых. Но дружеские отношения не складывались. Насмешливая оценка странностей («Проклятый характер, надо всем издеваюсь», — корил себя доктор Сток) мешала дружбе. Ибо от доктора Стока ожидали восторгов, а не иронии. Только с темноглазой мужиковатой Агнессой Коростовешской Сток немного сошелся. Ему даже нравился ее Бриарей, исполненный кибернетический организм, выглядевший так гармонично, что ни две головы, ни восемь рук не создавали впечатления уродства. И он очень походил на свою создательницу — недаром Агнесса называла его сыном, а не киборгом. Она предупредила доктора Стока, что и ему не разрешается называть это вдохновенное творение техническим наименованием.

«Именно вдохновенное, — доказывала она. — Вы, как частичный отец моего сына, способны оценить это лучше другого. Я уже не говорю о красивых боковых руках, точно скопированных с ваших, и о задней голове, так совершенно повторяющей вашу пленительную шароголовость: к рукам и голове у вас может быть родственное пристрастие. Но взгляните в его переднюю голову, пожмите его передние руки, дайте обнять себя задними руками, поговорите с ним о погоде, он ощущает все нюансы нашего климата... Пойдите с ним на прогулку и поглядите, как он карабкается по отвесным скалам!.. Прелестен, разве вы не согласны, доктор Сток?»

Чтобы угодить Агнессе Коростошевой — а ему хотелось ей угодить, — доктор Сток ходил с тяжело шагавшим Бриареем в недалекие прогулки и с удовольствием следил, как тот всеми руками не так даже цепляется за неровности скал, как вливается в них и взбирается на отвесные стены быстрее, чем сам доктор Сток бежит вверх по лестнице; и выслушивал с удовлетворением, как точно многорукий гигант определяет хитрые особенности погоды. «Вчера дождь был на шестнадцать с половиной процентов сильнее, чем сегодня утром, зато после обеда солнце светило на треть ярче и на одну десятую жарче», — изрекал медным голосом Бриарей, быстро произведя в мозгу — компьютер, именовавшийся мозгом, помещался в районе живота — все необходимые подсчеты. Только обниматься с сыном Агнессы Коростошевой доктор Сток не сумел привыкнуть: никак не мог отделаться от мысли, что даже для двурукого дружеского объятия Бриарей использует лишь одну пятидесятую своей мощности и что если ему явится шальное желание пообняться чуть сильнее, то все кости доктора Стока тут же превратятся в набор обломков.

Та же мужиковатая Агнесса дала понять Стоку, что у него иное положение на острове, чем у других ученых: «Вас ждет что-то чрезвычайное, Сток. Меня смущает номер вашей особы — тринадцатый. Не верю лукавому Хирону, что вам присвоили эту особость потому, что «тринадцать» счастливое число для вас. Номером тринадцать закодированы не столько ваши личные свойства, сколько отношение к вам администрации. Держите меня в курсе ваших новостей, у меня к вам сильное влечение — научное, естественно...» Доктор Сток чувствовал душевную признательность к соседке за добрые чувства.

Однажды величественный Хирон возвестил доктору Стоку, что сегодня после обеда его примет директор. Вероятно, ни к одному деловому свиданию Сток не готовился с таким волнением, как к этому. Тем сильнее он был разочарован, когда вошел в кабинет Джона Паолини.

За внушительным столом сидел толстый, краснотечный, лысоватый старичок с крохотными глазками на мясистом лице. Старичок мигнул, вскочил, когда доктор Сток появился в дверях, и проворно засемячил навстречу, издали протягивая руку, — и ноги у него были коротки для массивного туловища, и короткие пальцы крохотной ладошки неправдоподобно толсты и несомкнуты: кисть походила на раскрытый веер. Джон Паолини вяло ответил на почтительное, но твердое рукопожатие доктора Стока и пропихнул — в довершение к общей неблагообразности он обладал и тонким голосом, — что давно жаждал познакомиться со столь знаменитым ученым. Если в мире и существовал человек, внешность которого не внушала никакого почтения, то этого человека звали Джоном Паолини.

А вошедший вместе с доктором Стоком величавый Хирон Спадавекия внушительно намекнул, чтобы Сток не полагался на первое впечатление.

— Господин директор острова Нио, — заговорил Спадавекия, — имею честь представить вам доктора Альфреда Стока, единственного в мире специалиста по острому внутримолекулярному резонансу. Доктор Сток готов выслушать ваши указания и выполнить ваши предписания.

— Отлично, отлично! — бодро попискивал директор. — За указаниями дело не станет, хи-хи, не станет, указания будут, можете не тревожиться, дорогой Сток. Но раньше я хотел бы узнать кое-что у вас самого, я хотел бы, хи-хи! Я был бы весьма благодарен, если бы вы объяснили мне самым популярным образом, что это за чертова штука — ваш острый внутримолекулярный резонанс, внутримолекулярный, ха-ха! Я весь превратился в слух, замечательный доктор Сток, я весь превратился, хи-хи-ха!

Доктора Стока немного смутила не совсем обычная манера разговаривать у директора острова — и не столько даже то, что Джон Паolini повторял отдельные слова и части предложений, сколько сопровождавший их смехок, напеминавший и похрюкивание, и короткие всхлипы, издаваемые спящим, когда у них закладывает нос. Впрочем, это не помешало доктору Стоку сосредоточиться на теме. В любой молекуле живого вещества каждый атом скреплен со своими соседями — другими атомами — физическими силами стяжения, превращающими разнородные атомы в единую крепкую молекулу. Эти факты были известны и раньше, но только он впервые научился количественно определять крепость любых связей в живой молекуле. Дело в том, что связь атомов в молекуле очень схожа с резиновой нитью: она никогда не бывает в покое, то усиливается, то ослабевает, атомы то сближаются, то раздвигаются. Он, доктор Сток, заставляет межатомные связи молекулы резонировать от излучения из особого приборчика — он назвал его импульсатором. При некоторых значениях резонансного импульса связь разрывается. Величина разрывающего импульса — мера крепости связи. И в каждой молекуле есть связи, которые можно разрушить только, так сказать, орудийными импульсами, но есть и такие нежные скрепления, что разрываются при легком дуновении силового ветерка из импульсатора.

— Очень интересно, доктор Сток, очень интересно! — с воодушевлением воскликнул толстый директор острова. — Ну, и какой вы делаете основной вывод, какой вы делаете?

Сток сделал тот вывод, что им раскрыта тайна продолжительности жизни. При разрыве любой межатомной связи в молекуле сама молекула гибнет. Следовательно, продолжительность жизни определяется наиболее слабыми связями в живой молекуле. Иная связь атомов может существовать и тысячу лет, но если соседней связи хватает только на семьдесят, то вот он, потолок существования — жалкое семидесятилетие. У моряков скорость флота определяется скоростью самого тихоходного корабля, у живой клетки срок бытия определен прочностью самой непрочной внутримолекулярной связи.

— Я слышал, доктор Сток, вы говорили, что ваша теория практически бесперспективна, вы говорили, хи-ха. Не откажите в любезности сообщить почему? Я хотел бы знать, чем вы гордитесь, чем?

Да, все верно, Сток неоднократно высказывался, что его теорией никто, нигде, никогда, ни для какой цели и никоим образом не сможет воспользоваться. Но он говорил это с сокрушением, а не с гордостью. Ибо он открыл секрет бессмертия живой клетки, но бессилён практически создать это бессмертие. Он научился определять крепость любой межатомной связи, но лишен возможности сделать эту связь более крепкой. Ибо импульсы, генерируемые его резонансным аппаратом, не укрепляют, а разрушают связи. Его теория интересна, но бесполезна — таково мнение автора о своей собственной теории.

— Нет, доктор Сток, нет! — воскликнул Джон Паолини. — Вы несправедливы к себе, вы несправедливы! Наш великий эксперт, профессор абстрактной модалистики Лесли Говард Гордон, мне написал, что вы создали научный шедевр, мне написал. Вы смотрите на свою теорию только с одной стороны, а надо — всесторонне. Нет лучшего места, чем остров Нио, чтобы смотреть со всех сторон, нет лучшего места. Вы подошли к живой клетке со стороны ее жизни, вы подошли. Но всякая жизнь есть постепенное умирание, доктор Сток. Подойдем с задней, а не с парадной стороны. Изучим, как умирает клетка, и тогда поймем, как она живет, тогда поймем.

И толстый Джон Паолини изложил доктору Стоку свое понимание проблемы. Нужно сосредоточиться для начала на способах разрыва внутримолекулярных связей. Он предложил бы дополнить интереснейшую таблицу внутримолекулярных прочностей, составленную доктором Стоком, второй таблицей — импульсов, разрушающих эти связи. Ибо, как преодолеть смерть, если предварительно не овладеть, так сказать, ее производством?

— Логично, не правда ли, доктор Сток, хи-ха-хи!

— Некоторая логика есть, — согласился Сток. — Вы сказали, что всесторонность — характерная черта работ на острове? Как это понимать? Доктор Гордон говорил, что ваше учреждение называется Институтом Возможных Невозможностей и что иные остряки обзывают его Институтом Невозможных Возможностей, а также что подробное разъяснение этих терминов я получу на Нио. Не пришло ли время получить их?

— Вы их получите немедленно, вы их получите! Слушайте меня внимательно, доктор Сток, слушайте меня.

И Джон Паолини с торжественностью в голосе объяснил, что генерал-профессор Гордон — он, впрочем, в ту пору был не генералом и не профессором, а безусым студентом, и некоторые преподаватели подозревали, что у него не все в порядке в голове, — так вот, научный создатель острова Нио Л. Г. Гордон разработал науку о соотношениях возможного и невозможного и назвал новосотворенную науку абстрактной модалистикой. Он установил, что возможное и невозможное укладывается в четыре класса соотношений: возможная возможность, возможная невозможность, невозможная возможность, невозможная невозможность.

Различия между этими, так сказать, модальностями существования не только принципиальны, но и огромны. Он покажет это на одном примере.

— Скажем, например: этот человек — мыслитель. Это возможная возможность, ибо мыслительные способности присущи каждому человеку. Теперь скажем так: вон тот человек — божество. С одной стороны, божест-

венность в человеке вполне возможна: с другой стороны, человек никогда еще не был богом даже самого примитивного образца. Короче говоря, стать божеством — возможная невозможность. Дальнейших разъяснений не требуется, не правда ли? Скажем по-иному: человек — нечто двухголовое. Это, во-первых, невозможность, ибо двухголовых людей не существует. Однако двухголовость не противоречит природе человека, и при известных условиях можно у людей выращивать две головы. Стало быть, эта невозможность возможна, но реальность ее осуществления требует высокого уровня науки и техники.

— Бриарей, двухголовый сынок Агнессы Коростошевской, следовательно, относится к разряду невозможных возможностей, — промолвил доктор Сток.

— Именно так, Бриарей — существо третьей категории модальности, — подтвердил директор острова. — И наконец, выскажем утверждение: вот этот блондин — резиновая галоша. Или еще сильнее: он — планета Юпитер или...

— Навозный жук, — подсказал доктор Сток.

Навозного жука Джон Паолини отверг.

— Человек, ставший навозным жуком, относится ко второй модальности. Именно такую возможную невозможность в древности описал писатель по имени Кафка — и читателей доводила до слез мрачная трагедия его героя, превратившегося у себя в доме в насекомое. Но статья резиновой обувью или гигантской планетой вроде Юпитера — это воистину совершенно невозможная невозможность. Без тонкого различия четырех модальных различий немыслимо понять, чем занимаются ученые на острове Нио. Дело в том, что первая категория относится к задачам обычных наук. То, что в принципе возможно, но пока не реализовано, осуществляют земные ученые и инженеры. Четвертая модальность — невозможная невозможность — является прерогативой самого господа бога, ибо осуществление невозможной невозможности есть чудо, а самый могучий ученый чуда не сотворит, сколько бы нам ни твердили, что он чудит. Итак, для сотрудников острова остаются две средних модальности. У нас либо преодолевают невозможность возможного, либо реализуют возможности невозможного. Все удивительно просто, не так ли, доктор Сток?

У доктора Стока ум постепенно заходил за разум. Простота объяснений директора острова была из тех, что, по древней поговорке, хуже воровства. Но не в натуре доктора Стока было прекращать научную беседу с темными пятнами недосказанности. Он продолжал спрашивать:

— Вы сказали, что чудо есть прерогатива господ, господин директор, и поэтому на острове чудеса не творят. Но разве двухголовый и восьмирукий человек или искусственное божество в четырех совмещенных на едином туловище ипостастях...

Джон Паолини прервал доктора Стока категорическим взмахом руки, похожей на распахнутый веер. Нет, и тысячу раз нет! В древности чудом считали все, что выходило за пределы скудных материальных и духовных средств. Выстрел из пистолета тоже сочли бы чудом в мудрых Афинах. Ныне чудом будет только осуществление невозможной невозможности. Если человек превратится в галошу или обернется небесной планетой — да, это чудо, здесь присутствует рука господ. Но превратить человека в осла — проблема уровня науки. Доктору Стоку в ассоциации «Кони Армагеддона», кажется, присвоили почетный разряд грузовой лошади. Но там,

на материке, ему не придали ни двух дополнительных ног, ни копыт, не вытянули его привлекательное лицо в лошадиную морду. Однако если доктор испытывает внутреннюю потребность обогатиться еще двумя ногами, четырьмя копытами и приобрести мужественную морду боевого жеребца, то на острове об этом можно поговорить, ибо подобная трансформация облика относится ко второй модальности, то есть является простой возможной невозможностью. Впрочем, некоторые ученые Нио, наверно, нашли бы в реальном олошадении доктора Стока третью модальную категорию, то есть невозможную возможность. К какой категории, кстати, сам доктор Сток отнес бы свою потребность в олошадении — ко второй или третьей?

— Ни к какой, ибо у меня нет такой потребности. Я вполне удовлетворен своим внешним обликом, господин директор. Еще один вопрос, если позволите. Итак, проблема чуда. Поскольку чуда нет, а есть лишь совершенные технические средства...

Директор острова снова прервал доктора Стока взмахом веерной руки. Ни один здравомыслящий ученый не станет отрицать чуда, то есть возможности невозможной невозможности. Подобное отрицание свидетельствовало бы о неверии в Высшую силу. Но богу — богово, а человеку — человеческое. По агентурным данным, бог продолжает трудиться на своем производственном полигоне, именуемом в просторечии раем.

— Кстати, доктор Сток, вы, конечно, не разделяете мещанского представления о рае как о некоем санатории для уставших от земного бытия праведников? По сведениям нашей разведки — а в точности их сомневаться не приходится, — рай — грохочущая промышленная площадка и ангелы на ней отнюдь не официанты и санитары небесного дома отдыха, а промышленные трудяги. У самых знатных архангелов крылья постоянно черны от пыли и копоти. Ибо на божественной промплощадке такие создаются комбинации, такие творятся чудеса, что человек в образе резиновой калоши никого из крылатых работяг особенно бы не удивил. Вам, естественно, ясно, к чему приводит исполинская потенция творить и творить — любое из любого, все из всего, не считаясь ни с какой целосообразностью, ни с какими запретами и ограничениями. Да, печально, но нигде нет такого низкого коэффициента полезного действия, как в раю. Из тысячи созданных там комбинаций только одна годится в тиражирование, как способная к самостоятельной жизни. Чудо всегда эффектно, но очень редко бывает эффективным. Недавно на Нио доставили прелюбопытный пейзаж одного из райских уголков, издалека сфотографированный нашим агентом. Вам ведь сообщали, доктор Сток, что рай от нас весьма близко, всего в нескольких милях по океану. Но никого из нас туда не влечет, ибо разве можно сравнить райский хаос с правильной научной организацией Нио! Поверьте, мы у себя значительно улучшили все райские потенции. Скажу сильнее: волосы дыбом встают при одном взгляде на творимые в раю несообразности, как они выглядели на той фотографии. К сожалению, она быстро выцвела и сейчас на ней ничего не рассмотреть. Таким образом, — продолжал директор острова, — не отрицая в принципе чуда, мы у себя чудес не творим и даже запрещаем их творить. Мы ограничиваемся тем, что предоставляет нам наука и технические средства. Но конечно, мы несравненно превосходим не только райский, но и земной уровень полезного творчества. Кое-кто из ученых невежд клеветал на нас, что мы нечто вроде филиала рая, так сказать, научный форпост на дороге к райским вратам. Мы с негодованием отвергаем подобные инсинуации! Ибо Нио —

продолжение и усовершенствование рая, дорога не к нему, а от него. Иначе говоря, осуществление того разумного и реального, что можно обнаружить на райских полигонах. Мы завершаем райские проекты, которые там остаются совершенно нереальными, таково наше научное назначение.

— Теперь вы понимаете, высокочтимый доктор Сток, как важно переоборудование вашего импульсатора, освещающего возможности жизни клетки, в орудие, прерывающее ее жизнь. Ибо смерть есть высшее завершение жизни и без овладения смертью нельзя ни познать, ни усовершенствовать жизнь.

Это произнес Хирон Спадавекия, и доктор Сток покорно ответил:

— Да, вполне понимаю, — и дотронулся рукой до головы: почудилось, что голова, поскрипывая, медленно вращается на шее.

6

Доктор Сток погрешил бы против истины, если бы сказал, что мысли, столь сильно полонившие его на другой день после беседы с директором острова, возникли сразу в логическом завершении. Вначале он испытывал только растерянность и беспокойство. Ему не нравилось назначение, предписанное его открытию. Но он не мог бы выдвинуть других аргументов, кроме того, что ему жалко расставаться с убеждением в абсолютной бесполезности своей работы. Доктор Сток и сам понимал, что такого рода аргументы прозвучали бы весьма несолидно.

Он уселся за пульт и механически заиграл на клавиатуре импульсатора. Резонансные импульсы бомбардировали мишень. В мишени — колбочке с биологическим раствором — резвились живые клетки. На счетчике появлялись цифры резонансных напряжений в молекулах клеток. Доктор Сток усилил резонансные импульсы, и слабые внутримолекулярные связи стали рваться. Клетки уже не резвились, а судорожно подергивались в растворе. Он еще усилил импульсы — теперь рвались и более прочные связи. В колбочке прекратилось всякое движение, кроме бессмысленно-механического перемещения клеток. Доктор Сток провел рукой по лбу, стирая легкую испарину. У него возникло ощущение, что он совершил убийство, а не провел научный опыт.

«Сушая же чепуха! — вслух сказал он себе. — Успокойся. Ты и раньше, проверяя резонансные пределы межатомных связей, убивал живые клетки. Ничего нового не произошло. Возьми себя в руки!»

В руки он взять себя смог, но успокоения обрести не сумел. Раньше он убивал проверяя, сейчас убил, чтобы убить. Это было нечто иное.

Время подошло к шестнадцати, и доктор Сток ушел в ресторан.

Он хмуро ел, не обращая внимания на соседей. Ему показалось, что Арчибалд Боймер вопросительно поглядывает на него и при этом так гримасничает, словно дает знак, что хотел бы пообщаться. Сток повернулся спиной к специалисту по экспериментальной астрологии. И тут до него дошло, что его соседка, мужиковатая, но приятная дама, тоже, как и он, пребывает в состоянии угрюмого сосредоточения: она ела, не глядя на еду, хмурилась, ее темные глаза пристально вглядывались в какую-то точку на столе, а в той точке ничего не было. Только собственная душевная подавленность не дала Стоку сразу разглядеть, что с Агнесой Коростошевской нехорошо. Он постарался загладить свою невнимательность.

— Добрый день, Агнесса! Что у вас случилось?

Ее ответ прозучал непривычно глухо:

— Почему вы думаете, что со мной что-то случилось?

— Вы не похожи на себя.

Она оглянулась на зал. Большинство сотрудников уже удалилось. Но номер одиннадцатый не торопился. Доктору Стоку показалось, что астролог не так пережевывает пищу, как прислушивается к его разговору с Агнессой. Она, вероятно, тоже подумала об этом, потому что понизила голос.

— Что вы делаете по вечерам, доктор Сток?

— Чаше всего сижу в лаборатории, иногда читаю в гостинице старые книги.

— Вы не любите ночные прогулки по берегу океана?

— Никогда не прогуливался.

— Приглашаю вас погулять со мной сегодня вечером.

— Согласен. Но вы не ответили на мой вопрос. Что с вами случилось?

— На прогулке отвечу. Зайдите за мной перед заходом солнца.

— Вы живете в номере двенадцатом?

— Естественно. Теперь давайте кончать еду в молчании, чтобы не возбуждать постороннего любопытства.

Ровно в восемь доктор Сток постучался в соседнюю дверь. Агнесса была уже одета для прогулки. Он хотел заговорить, она приложила палец к губам и показала глазами на стену. Он понял, что она опасается, как бы номер одиннадцатый, профессор Арчибалд Боймер, не стал подслушивать.

На улице доктор Сток спросил:

— Наша встреча, я догадываюсь, чем-то для вас опасна, Агнесса?

— Для вас тоже, доктор Сток.

— Вы побоялись и слово вымолвить в номере, но совсем не боитесь того, что нас видят прогуливающимися.

— Опасность не в том, что мы вместе, а в том, какой поведем разговор. Слово важней прикосновения рук. Помолчим, пока не выйдем на берег.

Доктор Сток много раз видел океан в конце их улицы, но ни разу к нему не выбирался. И, восхищенный, он несколько молчаливых минут только вглядывался в морской простор и вдыхал морской воздух. Солнце заходило справа, оно стало большим и красным — и золотисто-красным стал весь океан. Озаренный и преображенный, он беспокойно шевелился от берега до горизонта, в нем вздымались и распадались широкие волны, и все в нем было игрою золота и огня: ложбины волн сияли темной вишней, склоны валов сверкали красным и желтым, а гребни извивались шарфами дымно-розовой пены. Доктор Сток проговорил скорей для себя, чем для спутницы:

— Волны вспыхивают и гаснут.

— Вы что-то сказали, доктор Сток? — переспросила она. — Пойдемте подальше. Я знаю местечко, где скала нависает и над водой, и над землей. Там хорошо сидеть в одиночестве.

До скалы было с полкилометра. Сток шел за быстро шагавшей Агнессой и спотыкался: берег был усеян валунами, а доктор Сток не мог оторвать глаз от волшебства света, рождавшегося в океане, и не глядел под ноги. Он молчаливо корил себя: почти месяц прожил на острове, мог много раз видеть закат, но и не подумал ни разу об этом. Зато сегодня жадные глаза с лихвой вбирали в себя красоту, которую он раньше не замечал.

Агнесса остановилась у высокого гранитного валуна.

— Я пойду впереди, а вы взбирайтесь осторожно, тропка крутая.

На вершине она уселась лицом к городу, а не к океану. «Хочет видеть, не подбирается ли кто посторонний», — догадался доктор Сток. Он уселся так, чтобы видеть ее лицо и буйство красок в океане.

— Я вас слушаю, Агнесса.

Она сухо сказала, все так же всматриваясь в линию берега:

— Хочу стать детоубийцей. Вы должны мне помочь, доктор Сток.

Доктор Сток успел привыкнуть к тому, что на Нио все содержит в себе одновременно два утверждения: «возможно» и «невозможно». И поэтому заранее настроил себя на то, что здесь надо ожидать любых неожиданностей. Но признание Агнессы Коростошевской было все же из тех, о коих он не мог помыслить.

— Детоубийцей, я не ослышался, Агнесса?

— Вы не ослышались. Я хочу убить своего сына, свое единственное творение — Бриарея. Без дружеской помощи я не справлюсь.

— Объясните, Агнесса, что все-таки случилось?

— Доктор Сток, расскажите, каким вам видится наш Нио? Можете говорить откровенно: наступает темнота, а в темноте никто к нам не подберется на вершину скалы.

Стоку показалось, что небольшая доза иронии и пара-другая шуток весьма облегчат столь драматично начавшийся разговор. Он вспомнил, что ему говорили о Нио — и генерал-профессор Лесли Говард Гордон, и специалист по экспериментальной астрологии Арчибальд Боймер, и толстый Джон Паолини с руками, похожими на распахнутые веера, и величественный Хирон Спадавекия, и сама мужиковатая, но милая Агнесса Коростошевская, и все другие научные сотрудники.

— Что такое остров Нио? Это ИВН, то есть Институт Возможных Невозможностей, который иные именуют Институтом Невозможных Возможностей, хотя генерал-профессор Гордон отдает приоритет возможности невозможного. Здесь любой специалист имеет широкий простор в выборе исследовательской темы — только личная прихоть определяет, кто над чем трудится. Руководители Нио гордятся, что они обеспечили абсолютную свободу творчества, лишь в раю можно найти еще большую раскованность, зато в раю, по агентурным сведениям директора острова, вседозволенность любого поиска часто смахивает на мучительное выдумывание уродств. Правда, и на Нио хватает конструирования уродов. Он не все здесь может одобрить. Он скорее бы вырастил у свиньи рога, чем умножал собачьи ноги, рога были бы свинье гораздо полезней, чем пятая нога собаки: она перекапывала бы рогами землю. Но он никому не навязывает своих оценок. И конечно, он не собирается порочить Бриарея, у него в мыслях не было осуждать творение Агнессы Коростошевской.

— Также и ваше, доктор Сток. Не забывайте, что вы частичный отец моего сына — в масштабе одной задней головы и четырех боковых рук. Так вот, директор острова уведомил меня, что Бриарея считают законченным, вполне удавшимся и будут тиражировать. Допустить этого я не могу.

— Тиражировать? Как это понимать?

— Буквально. Воспроизводить точными копиями в большом количестве экземпляров. Из одного сотворенного мной Бриарея сделают сто, двести, тысячу. На западной стороне острова размещается тиражный завод. Все создания, принятые администрацией, направляются в тиражирование. Их очень мало, принятых в тираж, но зато из одного оригинала возникает много копий. Тиражированные изделия транспортируют в специальные

подземелья — живых существ или полуживых киборгов консервируют холодом и нейтральным газом, а механизмы просто складируют. Заготовка впрок... Неужели вы об этом не знали, Сток?

— И слухом не слышал! Вы не верите мне, Агнесса?

— Верю. У вас поверхностное представление о Нио. Вы только что излагали мне те басни об острове, которые вдальбливают в каждого из нас директор, и его лакеи вроде Хирона Спадавекия или Арчибальда Боймера. Но я старожил острова. Я вижу и то, что они стараются скрыть.

— Что именно они скрывают, Агнесса?

— Секретное назначение Нио — вот о чем они не говорят. Здесь готовят оружие будущей войны. Задумайтесь, и это станет ясно.

— Но если есть однозначная цель, зачем на Нио царствует такое своеволие тем, зачем такая вакханалия проектов, зачем такая прихоть задумок, такие несуразности выполнения?

— Полная свобода в выборе тем кружит голову исследователям, для каждого из нас нет ничего привлекательней, чем работать по вольной своей прихоти. И осуществление любых несуразностей обогащает, а не обедняет арсенал замыслов, ибо заранее не всегда предугадаешь, что пригодится, а что нет. «Работайте над чем хотите и как хотите, дайте волю фантазии — в тиражирование мы потом направим только то, что нам полезно». Вот такой дьявольский план.

— Теперь я понимаю, зачем я понадобился со своей теорией внутримолекулярного резонанса! — сказал доктор Сток. — Они превратят мой невинный импульсатор в боевое оружие, сокрушающее все живые клетки!

Скажите, Агнесса, давно вы узнали о секретном назначении острова? Вы раньше даже не намекали на это.

— Догадывалась я давно, но откровенничать побаивалась. Мне с самого начала не понравилось, что моим соседом стал Арчибальд Боймер. Вначале я думала, что он просто шпионит, но теперь мне кажется — у него задания серьезней, только не соображу какие.

Доктор Сток тихо засмеялся. Океан гас. Солнце нижним краем коснулось горизонта, и с океаном совершилось удивительное преобразование: он стал светлее неба. Небо потемнело, было багровым на западе, темным на севере, черным на востоке, а океан сиял последним, проникновенным сиянием. Солнце уходило вниз, сияние тускнело, теперь и океан был смутно-багровым на западе, черным на севере и востоке. Сток сказал:

— Могу вам объяснить, кто такой этот специалист по экспериментальной астрологии. Возможно, он и астролог, но экспериментирует не с небесными светилами, а с психикой. Мы для него подопытные объекты... Он предлагал мне купить мою душу и показывал приборчик, будто бы моделирующий свойства моей души. Уверен, что то был психокомандный аппарат. И если бы я разрешил настроить этот аппарат на мою психику, то Боймер получил бы возможность втихую управлять мною, диктовать мне мои настроения: робость, подавленность, ликование, покорность... Я стал бы для него таким же подопытным, какими, вероятно, являются все сотрудники. А разговоры об экспериментальной астрологии, покупке души, даже облик потрепанного Мефистофеля — камуфляж, нагнетание несуразностей. Без дичи поведение Боймера сразу породило бы подозрение. Сумасбродство — неплохая форма обмана.

— Вы не ответили на мою просьбу, — напомнила Агнесса. — Мне переносима мысль, что мой Бриарей, тиражированный в тысячах экземпляров, станет ударной армией в войне. Я совершенствовала его способности не для того, чтобы он истреблял людей. Хорошо бы его взорвать, но где достать взрывчатку? А разобрать его мне попросту не дадут. Да и собрать его снова не составит труда. Его надо просто уничтожить, доктор Сток.

— Я помогу вам, Агнесса, — сказал Сток. — Вы обратились по тому единственному адресу, который вам нужен. Ваш Бриарей — киборг, верно? Может ли он существовать без живых клеток?

— Нет, конечно. Живая ткань — главный элемент его конструкции. Механические элементы в нем — вроде арматуры, они лишь скрепляют живую ткань в целостную систему.

— Прекрасно. Я сконструировал орудие, уничтожающее любую живую клетку. Приводите завтра Бриарея ко мне, и мы превратим его в кучу хлама. Я намерен испытать свое изобретение дважды — в первый и в последний раз. Толстый Джон Паолини и генерал-профессор Гордон не получат ни вашего Бриарея, ни моего резонансного импульсатора.

— Пойдемте домой, мне холодно, — печально сказала Агнесса Коростовская.

7

— Через час у меня, — сказал доктор Сток за обедом.

— Буду через час, — ответила Агнесса Коростовская.

Доктор Сток осторожно огляделся. Арчибальд Боймер успел пообедать и уйти, другие посетители ресторана не прислушивались к разговору у сто-

ликов номер двенадцать и тринадцать. Доктор Сток с сочувствием смотрел на свою соседку. Она выглядела больной. Она первой встала из-за стола и ушла не оглядываясь.

В лаборатории доктор Сток проверил еще раз импульсатор. Все утро он настраивал свой прибор на многоканальное излучение. Теперь это было подлинное оружие уничтожения, а не научный аппарат для тонких исследований. И доктора Стока не беспокоила мощь резонансного излучения: он был уверен в его губительности. Он проверил схему взрыва импульсатора — схема работала безотказно. Достаточно нажать на маленькую красную кнопку в самом конце клавиатуры — и пламя мигом превратит его изобретение в горку расплавленного металла и плазменное облачко над горкой. Доктор Сток не печалился и не ощущал себя детоубийцей. Древние римляне были правы. Чудищ нельзя плодить. Если дитя урод — головой его вниз на камни Тарпейской скалы! Что будет с ним самим и Агнессой Коростошевской после уничтожения Бриарея и импульсатора — Сток не гадал. Собственная их судьба была не столь важна, как судьба их изобретений. Увидев в окно, что к лаборатории приближается двухголовое, восьмирукое чудовище, доктор Сток вышел наружу. Агнесса Коростошевская шагала рядом с Бриареем, она, сама высокая, не достигала до плеча исполина.

— Ставьте его посредине, я сфокусировал импульсатор на это место, — сказал доктор Сток.

Агнесса приказала двухголовому исполину подойти к указанному месту. Бриарей неторопливо передвинулся туда. Фокусировка была безукоризненной. Доктор Сток поглядел на Агнессу Коростошевскую. Она стояла в нескольких шагах от своего создания, закрыв глаза. Доктор Сток догадался, что она боится предсмертного крика своего создания. Он усмехнулся. Она привела Бриарея без колебания на гибель и, несомненно, вынесет без истерики, когда он рухнет, почти безжизненный, на землю. Но последнего крика исполина она могла не вынести. Доктор Сток порадовался, что заранее подумал об этом.

— Агнесса, отойдите на два шага. Вот так. И не мучайте себя. Импульс будет такой силы, что Бриарей не успеет и крикнуть.

Он еще раз посмотрел на стоявшего неподвижно исполина — тот повернул на доктора Стока обе свои головы, закрепляя в памяти картину, которую ему не объяснили, хотя раньше Агнесса Коростошевская голосом давала подробные объяснения каждой заданной операции. Сток поднял руку, но не успел опустить палец на кнопку пуска, как кто-то с силой толкнул его. Внезапно появившийся Арчибальд Боймер пытался помешать. Доктор Сток с яростью возвратил удар. Боймер пошатнулся, но не выпустил плеча Стока и снова не дал ему дотянуться до кнопки. В лабораторию ворвались толстый Джон Паолини и Хирон Спадавекия. Оба бежали к пультам.

— Включайте, Сток, включайте! — отчаянно закричала Агнесса Коростошевская и кинулась на помощь Стоку.

Свирепым ударом ноги в живот Сток отбросил закричавшего от боли Арчибальда Боймера и стукнул кулаком по кнопке пуска. И в то же мгновение он с ужасом увидел, что Агнесса Коростошевская, на какую-то долю секунды заслонившая собой исполина, даже не крикнув, — как он и предполагал, — повалилась на пол. Доктор Сток кинулся к ней, пытался ее поднять и почуствовал, как под его рукой еще теплое тело, всего мгновение назад крепкое и упругое, превращается в подобие бесформенного те-

ста. Так и должно было происходить, когда в человека ударяет резонансный импульс большой мощности: все соответствовало расчетам, какие доктор Сток сам производил.

— Доктора, скорей доктора! — кричал Джон Паолини. — Я не перенесу этого ужаса, я не перенесу! Хирон, что-нибудь сделайте, что-нибудь!

Доктор Сток поднялся с колен и медленно оглядел лабораторию. Посреди нее стоял неподвижно двухголовый исполин и невозмутимо ждал указаний и приказов. На полу лежала мертвая Агнесса Коростовская, ее лицо расплывалось и чернело. Взмолванный толстый директор острова что-то выкрикивал, брызгая слюной и размахивая руками, кисти которых были похожи на распахнутые веера. Рядом величественно возвышался молчаливый Хирон Спадавекия — статуя, неведомо как дошедшая из древности в наши дни. А позади, хватаясь за пульт руками, корчился и стонал от боли Арчибальд Боймер — профессор экспериментальной астрологии, соглядатай администрации и тайный похититель душ. И хотя доктор Сток никогда не верил в реальность своей души, сейчас ему показалось, что она точно есть, ибо он почувствовал, как всю ее сводило от горя и ненависти.

— Врача вызывать бесполезно, — спокойно сказал Сток. — Но почему не попросить палача? Палач — это единственное, что нужно для нас и для наших адских изделий.

И доктор Сток сделал быстрый шаг к пульту. Но его опередил Арчибальд Боймер. Профессор экспериментальной астрологии судорожно ударил рукой по кнопке пуска. Миллионы игл пронзили тело доктора Стока. И, падая на пол, Сток успел услышать в предсмертной вспышке сознания, как Джон Паолини, толстый директор острова, чуть не с рыданием прокричал:

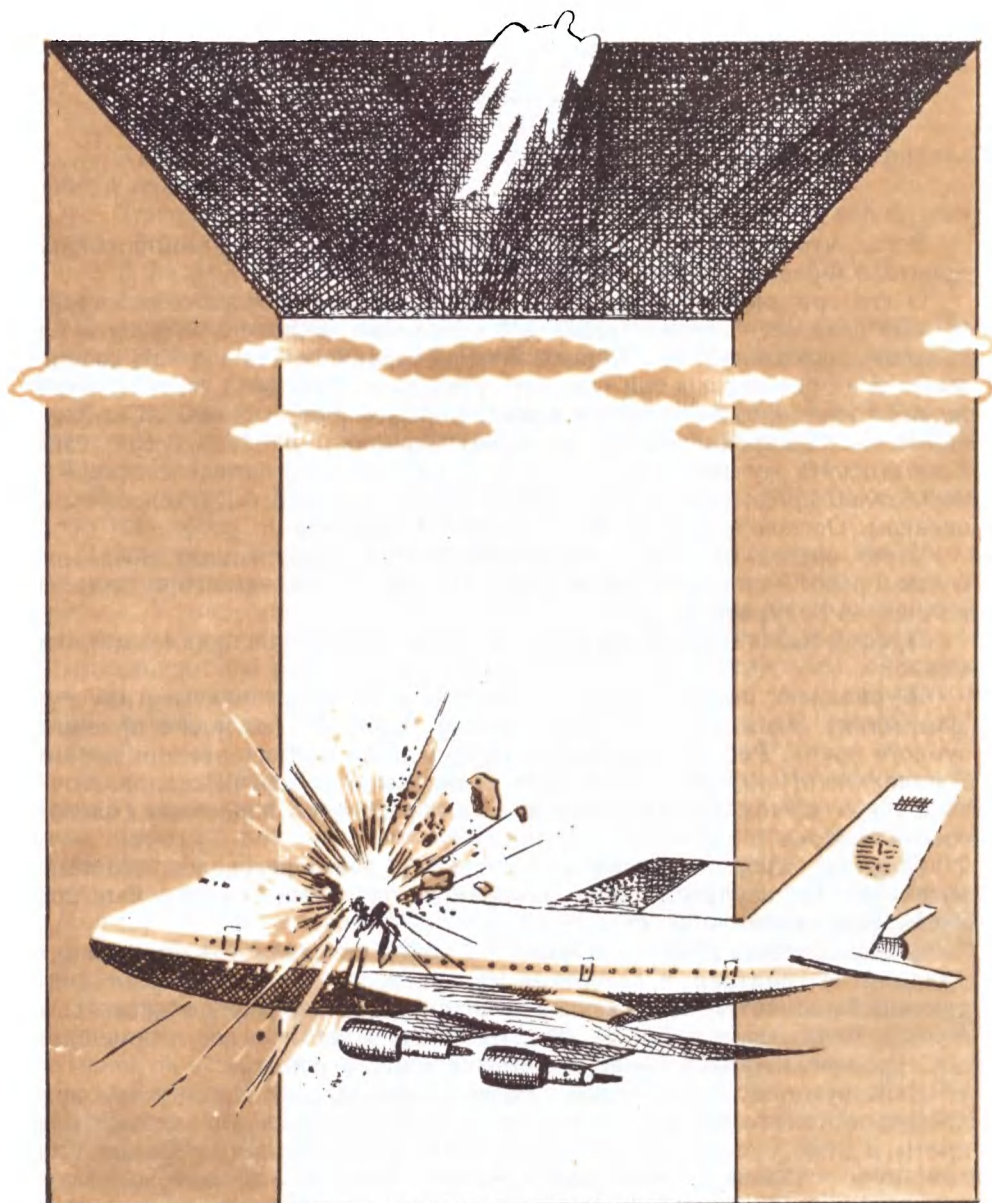
— Это ужасно, говорю вам, это ужасно! Столько несчастий сегодня, столько несчастий!

И ему величаво отвечивал Хирон Спадавекия:

— Всего лишь два маленьких несчастья. И большой успех: Бриарей и импульсатор не повреждены. Я думаю, дорогой Джон...

Что думает Хирон Спадавекия — доктор Сток уже не мог расслышать.

**АЛЕКСАНДР
ШАЛИМОВ**

**ОТПУЩЕН
ДО ОСОБОГО
РАСПОРЯЖЕНИЯ**

В том, что нахожусь там, где нахожусь сейчас, виноват мой покойный приятель Фред Вильерс...

О его трагическом конце я узнал в редакции «Вечерних новостей».

«Не повезло, — сказал редактор, дописывая некролог. — Летел в Австралию, вылез зачем-то в Карачи. Вчера отправился дальше. Его «боинг» вылетел в полночь, а в три тридцать утра диспетчерский пункт международного аэропорта в Джакарте принял обрывок радиограммы: «Самолете взрыв, пассажирский салон разгерметизирован... падаем...» Вот так... Еще сто пять мучеников прогресса». — «Может, кто-нибудь спасся?» — неуверенно предположил я. Редактор пожал плечами: «Катастрофа над океаном. Островов близко нет. В океане акулы...»

Через несколько дней «Вечерние новости» опубликовали последний очерк Фреда о производстве пробки в Ливане. Фамилия автора была заключена в траурную рамку.

Прошло около года. И вдруг этот рассказ... Почему он привлек мое внимание?

Журнальчик был так себе. Из тех, где печатают комиксы и научную фантастику. Читиво на случай бессонницы. Я листал его, сидя в приемной зубного врача. Рассказ назывался «Отпущен до особого распоряжения». Я начал читать и... забыл о неприятностях, которые меня ожидали. Дочитывая уже в стоматологическом кресле, когда врач, покачивая головой, готовил шприц и щипцы...

Позднее я снова разыскал этот журнал и поинтересовался, кто автор рассказа. На титульном листе фамилии не оказалось, рассказ был подписан инициалами — В. Ф.

В последующих номерах журнала — новые рассказы под теми же инициалами. И тематика, и авторская манера необычны: этакий ультрасовременный вариант «Божественной комедии». Далекие миры, межзвездные полеты, библейские рай и ад, ангелы, люди и черти — все перемешано, но... производит впечатление репортажа с места событий.

Действующие лица не только рядовые земляне, рядовая потусторонняя нечисть и обитатели иных планет, но и высокопоставленные земные бюрократы, и даже, смешно сказать, разные чины райской администрации. Словом, чушь собачья, а написано здорово. Читаешь — невозможно оторваться.

О рассказах заговорили; о них стали упоминать даже профессиональные критики.

Как-то в Ночном клубе меня познакомили с редактором этого журнала. Мы разговорились. После третьей рюмки бренди я прямо спросил его о В. Ф. Он начал было бубнить о конкуренции, редакционной тайне, но, опрокинув еще рюмку,дохнул мне в ухо:

— Вильерс... Фред...

Я, конечно, не поверил. Я-то хорошо знал, что Фред не писал ничего, кроме посредственных репортажей о пробке, джуте и кокосах.

— Фред, — повторил редактор. — Он, и никто другой...

— Журналист?

— Кажется, раньше занимался журналистикой...

— Когда же он успел написать? И как вы все это раздобыли?

— Когда успел — не знаю, а раздобыли — обыкновенно... Он прислал, просил подписывать инициалами.

— Так это старая история, — сказал я. — Значит, вы это заполучили еще до его гибели.

— А разве он погиб? — вытаращил глаза редактор. — Когда?

— Года три назад...

Несколько мгновений редактор с любопытством разглядывал меня. Потом приподнялся, похлопал по плечу и посоветовал ехать спать. Затем он, пошатываясь, удалился.

На следующее утро я на всякий случай позвонил в редакцию «Вечерних новостей» и поинтересовался, не поступало ли каких-либо новых сведений о Фреде Вильерсе.

«Вы имеете в виду — с того света? — помолчав, любезно спросили в трубке. — Нет, пока не поступало... Будьте здоровы».

Между тем новые рассказы В. Ф. выходили один за другим. Вскоре их стали печатать многие журналы. Потом появилась книга, за ней — другая, третья... У моего покойного приятеля объявился не только талантливый, но и весьма трудолюбивый тезка. Во всем, кроме имени, он был полной противоположностью моего Фреда: тот в свое время не отличался ни талантом, ни трудолюбием, ни иными добродетелями. Однако сомнения точили меня. А что, если?.. В конце концов удалось узнать адрес автора рассказов.

Жил он в городе Кумбакале на Соломоновых островах. Немалого труда стоило связаться с Кумбакале по телефону. Когда я наконец дозвонился туда, приятный женский голос сообщил, что мистер Вильерс два дня назад отправился в кругосветное путешествие. Ближайший пункт, где он задержится некоторое время, — Мерида в Мексике. Пришлось послать письмо в Мериду. Потом я писал в Асунсьон, Сан-Паулу, на остров Святой Елены, в Дакар, Касабланку, Таормину на Сицилии, в Каир, Дамаск, Стамбул, Ялту, снова в Каир и так далее без конца.

Некоторые мои письма возвратились с пометкой «Адресат выбыл», однако другие не вернулись, следовательно, кое-что он мог получить. Тем не менее он не отвечал. Я перешел на телеграммы и отправил их в разные города и страны на весьма приличную сумму... Только врожденное упрямство (моя прабабка родилась в Ирландии) заставляло меня продолжать этот странный поиск...

И вот, когда все возможности, казалось, были исчерпаны и оставалось либо самому отправиться в погоню за неуловимым Вильерсом, либо признать себя побежденным, я получил телеграмму. Она была из Кайруана в Тунисе, всего четыре слова: «Отвяжись тчк приеду зпт все объясню тчк». И подпись: «Фред».

Итак, смутное предчувствие меня не обманывало. Это был он. Я вооружился терпением и стал ждать...

Фред позвонил месяца через полтора. Он уже находился в нашем городе и назначил мне встречу в ночном клубе.

Мы встретились в полночь. Фред выглядел великолепно. За минувшие семь лет он нисколько не постарел, наборот, помолодел и посвежел. Он

дружески обнял меня, я же от волнения не мог вымолвить и слова. Даже заикаться начал.

— Ну т-так как же, Ф-фред? — было первым моим вопросом.

Он развел руками:

— Вот пишу... Как будто получается. Приобрел некоторую известность...

— «Некоторую» — слишком скромно, дружище! Но я не об этом... Как тебе удалось тогда?..

— Труден первый шаг. А потом пошло...

Он явно не хотел понимать.

— Я не о фантастике, дорогой. Как ты выкарабкался из этой истории с самолетом... Ну, семь лет назад...

Он отвел глаза:

— Ах, это... Забавная вышла история... Довольно редкая. В общем, так получилось... Пошли в бар.

Я начал догадываться... Мы выпили виски с содовой, и я, наклонившись к самому его лицу, тихо спросил:

— Значит, катастрофа, некролог тоже фантастика? Так сказать, сенсация ради рекламы?

Он покачал головой:

— Не совсем. Понимаешь, одно с другим связано...

— Не понимаю. Что с чем?

— Катастрофа с фантастикой.

— Значит, катастрофа все-таки была?

— Конечно.

— И кто-нибудь еще спасся, кроме тебя?

— Никто...

— А как же ты?

— Что я?

— Как тебе удалось тогда выкарабкаться?

— Кто сказал, что мне удалось?

Я почувствовал легкое головокружение и попросил налить себе чистого виски. Фред, насмешливо поглядывая на меня, стал насвистывать арию Маркиза из «Корневильских колоколов».

— Давай поговорим серьезно, — предложил я, отодвигая пустую рюмку.

— А я вовсе не шучу, — пожал плечами Фред.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что побывал там, — я указал пальцем себе под ноги, — и возвратился...

— Не хочу, — возразил Фред. — Потому что я побывал там. — Он указал пальцем на потолок.

— Где это? — не понял я. — В космосе?

— Можешь называть так, хотя это особый «космос».

Я снова почувствовал головокружение и поспешил снять его новой порцией виски. На этот раз Фред последовал моему примеру. Некоторое время мы пили молча.

Наконец я не выдержал:

— Ты мог бы быть со мной пооткровеннее, Фред. Когда-то мы были друзьями... Ведь я считал тебя погибшим...

— Все правильно, — вставил Фред.

— Объясни же, в конце концов, что произошло, — продолжал я, не обращая внимания на его дурацкую реплику. — Даю слово сохранить все в тайне, — добавил я на всякий случай.

— А я не делаю из этого особой тайны, — возразил Фред. — Тем более что пока мне не верят... Я побывал на том свете...

— Фред, я, конечно, чуть-чуть пьян, но не настолько...

Он резко перебил меня:

— Этот разговор начал ты. Поверь, мне ничего не стоило отделаться какой-нибудь небылицей. Но ты мой старый друг... Кроме того, настойчивость, с которой ты слал письма и телеграммы, заставила меня предположить, что ты догадался кое о чем... Давай оставим эту тему...

— Не обижайся, Фред! Пойми, то, что ты говоришь... несколько странно и... не вполне уместается в голове. В моей, во всяком случае... В век ядерных реакторов и космических перелетов...

— В век ядерных реакторов и космических перелетов, — подхватил Фред, — ничто не может и не должно казаться странным... Впрочем, я тоже понял это не сразу... На первых порах многое меня удивляло.

— На первых порах?

— Да... В начале пребывания там. — Он снова указал пальцем на потолок.

— Гм, интересно, и сколько же времени тебя там продержали? — Я решил включиться в игру, которую он предлагал.

Фред сделал вид, что не заметил иронии.

— Сколько?.. В переводе на земное время — около восьми месяцев. Точнее, двести сорок шесть дней.

— Это норма? Или некоторых держат дольше?

Он прищурился, что-то вспоминая, потом сказал:

— Понимаешь, мне трудно ответить на твой вопрос. Там такой балаган! Некоторых они вообще отказываются принимать. Ты не представляешь, какое там столпотворение. Нас с Земли там сейчас столько болтаются неприкаянных...

— Но тебя все-таки приняли?

Он вздохнул.

— Видишь ли, получилось недоразумение. Какой-то тип в небесном управлении кадров — есть там такое, — Фред снова указал пальцем вверх, — все перепутал... Было забронировано персональное место для одного индийского праведника из йогов. В свое время этот праведник дал себя замуровать и просидел в темноте в подземелье десять лет, постигая искусство самосовершенствования. Потом он вылез и стал учить самосовершенствованию других... Началось перепроизводство праведников. Это, в общем-то, скандал. Любое перепроизводство — явление кризисное, а уж праведников... — Фред развел руками. — Ну, так вот, чтобы прекратить это дело, решили взять йога туда. — Фред указал глазами на потолок. — Место ему забронировали по третьей категории. Учти, это очень высокая категория. Раньше ее давали только дипломированным пророкам. Правда, с категориями последнее время и там изрядная каша, но, в общем, третья пока одна из самых престижных. Йог должен был лететь персональным самолетом на Филиппины. А самолет не выпустили из аэропорта Карачи по техническим причинам... Йог давай скандалить. Его посадили к нам. Ну, а там, — Фред снова кивнул на потолок, — не разобрались и хрястнули наш «боинг»... Представляешь, сюрприз! Ждали одного йога с пилотом, а нас вышло сто пять душ. Регистратор в бюро приема чуть с ума не сошел. «Вы, — говорит, — не запланированы. Куда вас девать?» Йог на свою персональную бронь прихватил одну пассажирку — американочку из балета на льду. А нас — остальных сто три — до выяснения направили в общебытие...

— А это что такое?

— Общебытие?.. Место, прямо скажу, малопривлекательное. Туда посылают тех, с которыми не все ясно... Вроде карантинных бараков. Выйти нельзя, удобств никаких. Мы там просидели необмундированные довольно долго. Скучища — жуть...

— А йог?

— Я его больше не видел. Его вместе с балеринкой направили по месту постоянной прописки... Рай третьей категории — где-то в окрестностях Волея...

— А ты не путаешь, Фред? Йога — в рай?.. Разве он принял христианство?

Фред взглянул на меня с изумлением:

— Так ты что, ничего не слышал?..

— О чем?

— О реформах... На этот счет и папа римский уже что-то объявлял... Они там кооперировались... Рай теперь объединенный. Его убрали подальше от Земли. Расширили. Включили в райскую зону еще несколько галактик. Из тех, что поновее... Говорят, там неплохо устриваются... Но попасть без протекции сейчас практически невозможно...

Фред вздохнул и налил себе виски.

— Ад, вероятно, тоже объединили? — спросил я не без ехидства.

Фред покачал головой:

— Ну, ты, оказывается, совсем ничего не знаешь... Ад ликвидирован уже несколько десятилетий назад... Несовременно, и, кроме того, эта фирма давно изжила себя. Те, кто там торчал давно, ко всему привыкли, а те, которые попадали сравнительно недавно, буквально лопались со смеху... Наивно, пошло, примитивно... После наших земных лагерей выглядело,

как цирк. В конце концов организовали объединенную конференцию на высшем уровне и постановили: ад упразднить, а чистилище перенести на Землю... Место для этого вполне подходящее, особенно в связи с загрязнением среды обитания.

— Куда же девали грешников? — не выдержал я.

— Вообще-то, с меня взяли подписку... — Фред многозначительно потер подбородок, — не разглашать и прочее... Но тебе по секрету могу сказать... Большинство реабилитировали, даже административные должности дали в райских кругах невысоких категорий. Иуде, например, разрешили бар безалкогольных напитков открыть где-то на периферии. Нерона — в показательную пожарную команду. Александра Македонского, Вильгельма Завоевателя, Наполеона и еще там кое-кого — в НАИ — небесную автоинспекцию; ее в связи с ростом скоростей расширяют... Ну, а если обратиться к нашим общим знакомым... — Фред вдруг замялся. — Нет, впрочем, не буду, извини... Все-таки обещал. Дело не в подписи. И не подумай, что боюсь...

— Однако в своих фантастических рассказах ты...

— Совсем иное дело, — быстро перебил Фред. — Там я выступаю как автор... Читатель вправе верить или не верить. Поскольку фантастика, конечно, никто не верит. А кроме того, — он многозначительно поднял палец, — учти, цензура.

— Каким образом?

— Через редакторов.

— Есть какие-то связи? — По примеру Фреда я указал пальцем на потолок.

— У редакторов есть все необходимые связи, дорогой. — Фред потрепал меня по колену и налил виски. — Ты просто не представляешь, как у них все организовано... Иначе ни один не удержался бы больше месяца. И учти, многие ведь оттуда... В курсе всех инструкций — и райских и бывших адских...

— Оставим в покое редакторов, — предложил я. — В их потусторонние связи еще можно поверить... Но как все это получилось у тебя? Если мне не изменяет память, раньше оттуда никто не возвращался.

— Ну, я не стал бы утверждать с такой категоричностью, — задумчиво произнес Фред. — Бывало и раньше... А сейчас это явление довольно распространено... Так что я отнюдь не исключение... Понимаешь, мы тут на Земле перепутали им все планы: непредусмотренный рост поголовья, непрерывные войны, бесконечные катастрофы на дорогах, на морях, в воздухе; терроризм, убийства в больших городах, наркомания, СПИД... Народ к ним валом валит. А у них даже паршивых нимбов не хватает, не говоря уже обо всем остальном. К этому добавь территориальные трудности. Раньше они были практически недосыгаемы. Кое-кто из небесной администрации нет-нет да и заглядывал в окрестности Земли, иногда даже на Землю спускался. А после пятьдесят седьмого года никто и близко подходить не хочет; и понять их нетрудно... Кому приятно угодить под секретный спутник или получить по нимбу обломком ракеты-носителя. Уверяю тебя, этого космического барахла там сейчас столько, — Фред воздел к потолку обе руки, — не протолкнуться.

— Тебя послушать, так получается, что они оказались в ситуации непредвиденной и никем не предусмотренной.

— Абсолютно, — подтвердил Фред, отхлебывая виски.

— Но ведь там, наверно, полным-полно всяких специалистов по предсказаниям, прогнозам, предвидениям. Одних пророков сколько!

— Кто из классических пророков возьмет на себя смелость что-нибудь предсказывать в эпоху научно-технической революции? — прищурился Фред. — Ты что, совсем их за дураков считаешь? Мне рассказывали — там у них один специалист прогорел на прогнозах в начале этого века, так теперь все, кто поумнее, молчат, словно святой воды в рот набрали.

— Неужто совсем отказались от предсказаний, от прогнозирования?

— Не совсем... Используют некоторые земные прогнозы: принимают по радио через спутники связи. Кое-что подвергают дополнительной обработке на электронно-вычислительных машинах. У них сейчас тоже неплохая техника. В общем, стараются не отставать. Кстати, имей в виду, специалистов по электронике, по радиации они принимают вне очереди. У них пока этой братии недостаточно, а старшие поколения в технике ни бельмеса не смыслят. Между прочим, в связи с техническим перевооружением у них возникли свои трудности... Там ведь старики тоже за места держатся. А приходят новые кадры со своими методами. Кое-кто из новых рвется к руководству. В некоторых сферах такая перестройка началась...

— Что же думает начальство?

Фред усмехнулся:

— Начальство, прежде всего, о себе думает. Чтобы самому не вылететь.

— Разве там высшие должности не постоянные?

— Постоянного, дружище, в мире ничего не было. Все течет, все изменяется. О переводе на пенсию и там поговаривают...

— Ты, я вижу, в курсе всех тамошних дел.

— Еще бы. Понаслышался, пока гоняли по инстанциям.

— Подожди, подожди... Ты же говорил что-то об общепитии.

— Это только первое время... Потом нас попытались пристроить. Меня, как журналиста, направили в региональные заоблачные «Новости».

— А это что за штука?

— Есть там такие... Пережиток, конечно... Понимаешь, сферы разбиты на регионы, и над каждым своя куча облаков, чтобы не очень жарко было. Ну, а в облаках скрыты разные приспособления. В том числе и это: сидят несколько типов и поют последние известия. Менее важное — на один голос, что поважнее — хором. Снизу ничего не видно, только слышны голоса. Похоже на наши радиопередачи.

— А что поют?

— Разное... Больше славословят. Но бывают и критические псалмы. Я, между прочим, на этом и погорел. Мне на третий день главный — а там тоже был свой главный — подсунил один материальчик. «Ты, — говорит, — это в самом конце отбарабанишь». Дошла до меня очередь, я сижу, заливаюсь; только что-то, чувствую, очень уж тихо внизу стало. Но ничего, допел до конца и вниз в дырку в облаке глянул. Оказывается, внизу под мной целая толпа собралась и все вверх на мое облако глядят. Мне как-то не по себе стало... А тут вдруг один из толпы выходит — нимб у него вроде пошире и вся фигура как-то посolidнее, чем у других. Вышел он, руки на груди сложил и говорит: «Братья, не верьте. Чист как слеза. А это все брехня... Наглейшая! Вот я сейчас полечу и выясню, что за сукин сын там райским голосом разливался...»

И выяснил... Меня на другой же день с облаков поперли. Прихожу опять в управление кадров. Попадаю к какому-то херувимчику женского

пола. Сидит и лакированными ноготками по клавишам электронно-вычислительной машинки постукивает. Увидела меня и загрузила... Чувствую, пришел не в добрый час, но что делать?.. «За новым направлением», — говорю. Она, не глядя, по клавишам своей райской машинки постучала, вынимает карточку и протягивает. «Что это?» — спрашиваю. «Новое направление». — «А куда?» — «Разве это так важно?» — «Конечно, — говорю, — для меня важно, я знаете кем там был — специальным корреспондентом...» — «Э, — прерывает херувимчик, — здесь это не имеет никакого значения. У вас какая категория?» — «Категория? — повторяю растерянно. — Пока никакой». — «Так вас еще не приобщили?» — «Нет, — говорю. — Тянут...» Херувимчик даже побледнела: «Что же вы мне душу морочите и работать мешаете? Я шефу пожалуюсь». — «Я полагаю, вы сами поняли. Ведь нимба-то у меня нет». Херувимчик как затараторит: «Меня не интересует, что вы полагаете. Откуда я знаю, почему вы без нимба? Может, вы его в химическую чистку отдали». И пошла, и пошла... «Извините, — говорю, — право, не хотел...» Она только крылышками трепещет. «Идите, — говорит, — и пока не приобщат, не приходите сюда...»

— Слушай, Фред, а что такое приобщение?

— Как тебе объяснить... Ну, это официальное признание прав гражданства, что ли?.. Нечто вроде прописки по месту постоянного жительства... Собирают толпу новичков — по заранее утвержденному списку, конечно. Какой-нибудь архангел читает речь, потом всех разом поздравляет и каждому в отдельности жмет руку и вручает нимб. Нимбы разные, в зависимости от категории, которую тебе там присвоили... Категорий множество. В общем, система хитрая. Бюрократия — не дай боже!

— Земные образцы используют? — не удержался я.

— Обмен опытом, конечно, осуществляется. — Фред говорил очень серьезно. — Чины земной администрации в конце концов все туда попадают. Там даже нового святого высокой категории недавно утвердили. Назвали святым Бюрократием. А вот кем он на Земле был — узнать не успел... Не исключено даже, что из мелких бюрократов... А там они это для рекламы могли устроить.

— Значит, реклама и там процветает?

— Еще какая! — Фред даже зажмурился. — Там все, дорогой, зависит от рекламы, ну и от саморекламы, конечно. Без нее ни шагу. Если ты человек от природы скромный, шума вокруг своей души поднимать не любишь, там лучше не появляйся. Ничего не добьешься. Самого паршивого нимба не дадут. Я уже не говорю о должностях. А без должности и там не сладко. На одном нимбе тоже далеко не уедешь. Кстати, ты это имей в виду в будущем...

У меня вдруг как-то не по-хорошему засосало под ложечкой, и я снова потянулся за виски. Но бутылка уже опустела.

Фред перехватил мой взгляд и понимающе кивнул:

— С этим надо смириться, дружище... Рано или поздно все подходит к концу.

— Слушай, Фред, а тебя они надолго... отпустили?

— До особого распоряжения.

— И ты не знаешь на сколько?

— Нет. Как любой из вас. Как ты сам, например.

— При чем тут я?

Фред усмехнулся:

— Разве забыл: «Не ведаете дня и часа...» Так, кажется?

— Хотя ты и оттуда, — сказал я очень серьезно, — тебе не подходит роль проповедника. Расскажи лучше, как ты оттуда выбрался...

— Нет, не могу... Я уже и так сказал слишком много... Мы ведь не знаем, кто тут вокруг околачивается.

— Пойми, Фред, — я наклонился к самому его уху, — это так важно для меня... Твой опыт мог бы оказать мне неоценимую услугу. Я имею в виду — там... — Я указал глазами на потолок.

— «Опыт», «опыт», — раздраженно повторил Фред, — если узнают, что я тут болтал, черта с два мне еще раз выездную визу оттуда дадут...

— Значит, это бывает не один раз! — воскликнул я с восхищением.

— Тс, тише ты, кретин... — Ладонь Фреда появилась возле моих губ. — Молчи, прошу тебя...

Но мне терять было нечего.

— Если ты, райский выкидыш, не объяснишь ясно, как все это получилось, — заорал я, — завтра же я...

Я не успел докричать, что сделаю завтра, потому что Фред зажал мне рот.

На какое-то мгновение мне удалось избавиться от его ладони.

— Завтра же я...

Фред легонько ткнул меня в солнечное сплетение. Пока я пытался перевести дыхание, Фред что-то объяснял любопытным, которые окружили нас. Я разобрал лишь последние слова:

— Недавно выписали из нервной клиники... Нет-нет, он не опасен... Сейчас уведу...

— Не давайте ему больше пить, — посоветовала какая-то седая дама в оранжевых «бананах».

— Ни в коем случае, мадам.

Фред подхватил меня под руку и увлек в дальний угол бара. Здесь он довольно небрежно швырнул меня на свободный столик. Сам сел напротив и принялся раскуривать сигару.

— Завтра же... — начал я, переводя дыхание.

— Завтра ты сможешь сделать все, что захочешь, — спокойно сказал Фред, — а сейчас посиди несколько минут тихо и постарайся не привлекать ничего внимания. Иначе пожалеешь...

Кажется, я всхлипнул.

— Я расскажу тебе еще кое-что, — продолжал Фред, — но после этого ты оставишь меня в покое и дашь возможность уйти без скандала. Терпеть не могу скандалов. Они осточертели мне еще там... — Он указал глазами на потолок.

— Хорошо, — пробормотал я и опять всхлипнул, а может быть, просто икнул. По-видимому, я постепенно терял способность самоконтроля.

— Так вот, — начал Фред, глубоко затянувшись и пуская кольца голубого сигарного дыма, — на чем же мы остановились?

— Ты говорил о важности рекламы, — пробормотал я, ощупывая то место, куда он ударил меня.

— Но это следует делать умно, — подхватил он, продолжая пускать дым. — Рекламу надо базировать на знании реальной обстановки. Нельзя, например, добившись приема у какого-нибудь архангела, прийти и объявлять о своей гениальности. Во-первых, тебе, конечно, никто не поверит.

А во-вторых, с гениальностью вообще надо поосторожнее... Там не любят гениев, как и тут. Хлопот с ними много, с этими гениями... О способностях и талантах, если они у тебя были, тоже лучше помалкивать. Архангелы в подавляющем большинстве — дубы. К способностям и талантам у других относятся подозрительно... Рекламирывать надо типичность, усредненность, даже второсортность, если угодно... Я, к сожалению, раскусил это слишком поздно... Понимаешь, при неудержимом росте поголовья праведников тамошнее начальство просто вынуждено ориентироваться на середнячка. Сейчас идеалом является так называемый усредненный праведник, который мог бы рассматриваться в качестве наиболее типичного представителя эпохи. А попробуй-ка усредни современного самого среднего американца со средним африканцем или средним обитателем джунглей Амазонии. Да и само понятие «средний африканец» тоже крайне абстрактно... Вот чиновники-ангелы там и маются... Ведь теоретически права и желания у всех праведников должны быть одинаковы. А на деле выходит, что одному подавай коктейли и стриптиз — он без них не мыслит райского блаженства, — а другому это ни к чему, он и так всю жизнь ходил голым и пил в основном воду... А вот когда ты появишься и станет ясно, что ты и есть один из самых средних представителей своей эпохи, тут все будет к твоим услугам. Именно на таких небесная машина и настроена. И приобщат вне очереди, и должностишку подкинут, и вообще на виду будешь у начальства...

— Значит, лучше сразу брать крен на второсортность?

— Постепенно, без торопливости и нажима... Реклама и там требует некоторого времени, чтобы дошла... В анкетах полезно подчеркивать свою типичность, ограниченность... В разговорах лучше поддакивай. И не вздумай показывать эрудицию, если она, конечно, у тебя есть. В небесных канцеляриях старайся не спорить, ни в коем случае не вступай в пререкания. Особенно на первых порах... В общем, это правила элементарные... Они всюду сохраняют силу... И никогда не забывай, что рядом с тобой самый паршивый ангел последней категории все-таки ангел... Вот так, дружище!

— И после того как ты разобрался во всем, они тебя отпустили? Фред усмехнулся:

— Не совсем... В конце концов меня приобщили. После приобщения дали кандидатскую категорию, но, учитывая земную специальность и то, что на первых порах я всюду твердил о своих способностях, послали на краткосрочные курсы.

— Для переподготовки?

— Для усреднения.

— Ну и что?

— Ничего особенного. Это были краткосрочные курсы. Низшая ступень. Там есть еще курсы нормальные, высшие, академические... Но туда особый отбор. Я не подошел бы по анкетным данным.

— И самореклама не помогла?

— Видишь ли, она годится только до определенной границы. Дальше все происходит автоматически, но для этого нужны некоторые особые обстоятельства, а главное — рука... Впрочем, это уже те райские сферы, где мне не удалось побывать.

Фред вздохнул и замолчал.

Я чувствовал, что должен узнать что-то еще крайне важное, но никак не мог собраться с мыслями...

На всякий случай я попросил:

— Рассказывай дальше, Фред.

— Пожалуй, все... Если ты творчески воспользуешься моим опытом и учтешь советы, тебе будет легче приспособиться к райской действительности, чем это получилось у меня. Главное, будь скромн, тих, настойчив, но не зевай и, когда можно, веди себя понахальнее... Постарайся обзавестись поддержкой какого-нибудь архангела, лучше из молодых, и, уверяю, ты устроишься там совсем неплохо и сможешь подняться до вполне приличных райских сфер.

— Подожди-ка, Фред... Я хотел еще кое о чем спросить... Кстати, ты упомянул о кандидатской категории после приобщения. Что это за категория?

Он пренебрежительно махнул рукой:

— Самая низшая. Кандидат в праведники. А можно было сразу отхватить категорию праведника или даже низшую ангельскую, но я слишком поздно сообразил, как это делается. Ты с самого начала капай им на души своей типичностью и приобщишься что надо... Ну, кажется, все... И мне уже давно пора.

Он хотел встать, но я схватил его за руку.

— Подожди, вспомнил. Последний вопрос — самый важный... А как с возвращением? Как это делается?

Он развел руками:

— Не могу же я раскрывать всего. Ну, делается... Я тому наглядный пример. А как? Попадешь — узнаешь...

— Пойми, Фред. Ведь это же главное... Все остальное ты мог и не рассказывать. Ничего принципиально нового... Самый минимальный жизненный опыт...

— Вам телеграмма, сударь, — сказал официант, подходя и протягивая Фреду серебряный поднос.

Фред взял телеграмму, прочитал ее, скомкал и сунул в карман. Потом молча принялся раскуривать сигару. Руки у него заметно дрожали, и он никак не мог справиться со спичками. Официант поднес ему зажигалку.

— А где машина? — спросил Фред, жадно затягиваясь.

— Ждет у подъезда.

— К сожалению, мне действительно пора, — сказал Фред, вставая. — Мы, пожалуй, продолжим разговор... при следующей встрече...

— Где и когда?

— Не знаю. Но где-нибудь мы встретимся обязательно.

— Нет! — решительно крикнул я. — На мой последний вопрос ответь сейчас! Это, конечно, трюк — с телеграммой и срочным отъездом... Может, придумаешь еще что-нибудь?

Фред внимательно взглянул на меня, потом повернулся к официанту:

— Идите и скажите шоферу, что я немного задержусь...

Официант удалился.

Где-то вдали пропел петух.

— Слышишь, еще сигнал, — серьезно заметил Фред, гася сигару в пепельнице, — мое время кончилось. Отзывают обратно...

— Придумал-таки! — Я едва сдерживал закипающее бешенство. — Ты, действительно, специализировался в фантастических трюках. Так как же все-таки с возвращением оттуда?

— Есть три возможности, — бледно улыбнулся Фред. — Поехать в ко-

мандировку, достать туристскую путевку или... воспользоваться протекцией какого-нибудь архангела... Как видишь, тоже ничего принципиально нового...

— Издеваешься?

— Нисколько...

Я до сих пор не понимаю, откуда у меня в руках очутилась пустая бутылка из-под шампанского. Я ударил его... По голове... Всего один раз... Он даже не пытался увернуться и сразу упал.

Сообразив, что случилось, я склонился над ним, хотел помочь, но было уже поздно. Я едва уловил его последние слова:

— Скотина же ты... Теперь придется... топать черт знает куда пешком. А мог доехать... на машине...

Впрочем, может, это мне почудилось...

Меня судили за непреднамеренное убийство в состоянии алкогольного опьянения. Единственным смягчающим обстоятельством, по словам прокурора, являлось то, что убитый — писатель-фантаст... Однако когда я объяснил суду, кем был в действительности Фред Вильерс, рассказал его историю и содержание нашей последней ночной беседы, дело прекратили, а меня поместили сюда...

Правда, тут тоже решетки на окнах и сад огорожен высокой стеной, но зато здесь тихо, много зелени и меня окружают милые, приветливые люди. Иногда я рассказываю им удивительную историю Фреда, и они мне верят... У меня множество свободного времени; я живу не торопясь и спокойно жду новой встречи с Фредом. Она обязательно состоится. Жду без тревоги, потому что, надеюсь, у Фреда нет серьезных оснований сердиться на меня...

СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

АГЕЕВ Леонид Мартемьянович. Родился 21 ноября 1935 года в Ленинграде. Окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института имени Плеханова. Работал в проектном институте, участвовал в геологических экспедициях, в НПО «Рудгеофизика». Член Союза писателей СССР.

В литературе дебютировал как поэт в 1958 году. Автор книг «Земля», «Лица встречных», «Мой человек», «Заботы дня», «Жизни — сорок сороков», «Пора приобретений», «Протяженность» и других.

Как фантаст дебютировал в 1977 году рассказом «Анюта» в коллективном сборнике «Кольцо обратного времени». С тех пор им опубликовано несколько научно-фантастических рассказов в сборниках и периодике.

ГАЙ Артем Ильич. Родился 16 сентября 1930 года в Харькове. По окончании в 1955 году Первого Ленинградского медицинского института имени академика Павлова работал в Восточном Казахстане, служил на ККФ. Хирург, кандидат медицинских наук, в настоящее время — начальник легочно-хирургического центра МВД.

В литературе дебютировал в 1966 году на страницах журнала «Звезда» повестью «В полях, под снегом и дождем...». С тех пор им опубликовано еще семь повестей и несколько рассказов, частично объединенных авторским сборником «Все-го одна жизнь».

Как фантаст дебютировал в 1982 году повестью «Гук, Гиви и другие». «Наследники» — третья фантастическая повесть писателя.

ГОРДЕЕВ Марк Григорьевич. Родился 28 июня 1926 года в Ленинграде. По окончании в 1949 году юридического факультета ЛГУ тридцать два года проработал в прокуратуре и уголовном розыске. Уволен в запас в 1982 году в звании подполковника милиции.

Кандидат в мастера спорта по шахматам, председатель шахматной федерации Ленинградской области, член президиума шахматной федерации РСФСР. Ему принадлежит более девятисот статей о шахматах, опубликованных в различных сборниках и периодике, а также ряд статей и очерков о работе милиции.

В литературе дебютировал в 1974 году рассказом «Золотые часы». Большинство его детективных рассказов так или иначе связано с шахматами.

ЖИЛИН Виктор Павлович (1946—1986). Родился в Тарту. В 1956 году переехал в Ленинград. В 1970 году окончил Ленинградский механический институт. Несколько лет работал инженером-конструктором в Красноярске, потом — в одном из НИИ Ленинграда.

В литературе дебютировал в 1984 году рассказом «Абсолютный гороскоп», опубликованным в альманахе «Молодой Ленинград». Первая его повесть — «День свершений» — увидела свет уже посмертно. Рассказ «Тест на совместимость» — четвертая публикация В. Жилина.

ИЗМАЙЛОВ Андрей Нариманович. Родился 5 июня 1953 года в Баку. Работал гидрологом на научно-исследовательских судах на Каспии. В 1974 году переехал в Сосновый Бор и работал на ЛАЭС. В 1981 году заочно окончил факультет журналистики ЛГУ, работал в районных и многотиражных газетах. В настоящее время — консультант по вопросам литературы ленинградской писательской организации.

В литературе дебютировал в 1975 году фантастическим рассказом «Холодно — горячо» в газете «Балтийский луч». С тех пор им опубликован ряд фантастических, сатирических и детективных повестей и рассказов в различных коллективных сборниках и периодике.

ЛАРИОНОВА Ольга Николаевна. Родилась в Ленинграде. Училась в ЛГУ. По образованию — физик. С 1967 года — профессиональный писатель. Член Союза писателей СССР.

В литературе дебютировала в 1964 году рассказом «Киска», опубликованным в коллективном сборнике «В мире фантастики и приключений». Автор книг «Остров мужества» (1971), «Сказка королей» (1981), «Знаки зодиака» (1983), «Соната моря» (1985), «Чакра Кентавра» (1989) и ряда повестей и рассказов.

В 1987 году за книгу «Соната моря» О. Ларионовой была вручена премия «Аэлита».

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович. Родился 9 октября 1951 года в городе Уссурийске Приморского края. С 1952 года живет в Ленинграде. В 1973 году окончил химический факультет ЛГУ. Работал научным сотрудником, чернорабочим, инженером, начальником Бюро охраны природы на заводе, грузчиком, учителем в школе.

В литературе дебютировал в 1975 году рассказом «По грибы» в журнале «Уральский следопыт».

ОРЛОВСКАЯ Татьяна Петровна. Родилась в Москве. По окончании кафедры журналистики филологического факультета ЛГУ работала в газетах «Смена», «Вечерний Ленинград», «Восточно-Сибирская правда», на Ленинградском телевидении.

В литературе дебютировала в 1965 году рассказами в иркутской газете «Советская молодежь». С тех пор ею опубликован значительный ряд рассказов в различных периодических изданиях.

Повесть «Ниша забытой жизни» — первое обращение Т. Орловской к научной фантастике.

СМИРНОВ Игорь Арсеньевич. Родился 25 марта 1928 года в селе Вогнема, Кирилловского района, Вологодской области. Окончил Ленинградское общевойсковое военное училище имени С. М. Кирова. Восемь лет служил в Советской Армии. После увольнения в запас в 1954 году работал живописцем на Ленинградском фарфоровом заводе имени М. В. Ломоносова, потом — художником-оформителем на одном из ленинградских автобусных предприятий.

В литературе дебютировал в 1978 году рассказом «Близкая Со-Леста», опубликованным в сборнике ленинградской фантастики «Талисман». С тех пор им опубликовано несколько повестей и рассказов в различных коллективных сборниках и периодике.

СМИРНОВ Леонид Эллиевич. Родился 17 апреля 1960 года в Ленинграде. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт. Работает ведущим инженером в одном из конструкторских бюро Ленинграда.

«Проигрыш» — первая публикация автора.

СНЕГОВ Сергей Александрович. Родился 5 августа 1910 года в Одессе. По окончании в 1932 году Одесского химико-физико-математического института пере-

ехал в Ленинград, где до 1936 года работал инженером на заводе «Пирометр». В 1936 году был репрессирован. С 1936 по 1957 год работал на разных инженерных должностях на Норильском горно-металлургическом комбинате.

С 1957 года — профессиональный писатель. Живет и работает в Калининграде. Член Союза писателей СССР.

В литературе дебютировал в 1957 году романом «В полярной ночи», опубликованным журналом «Новый мир». Автор многих реалистических, научно-фантастических и художественно-документальных книг.

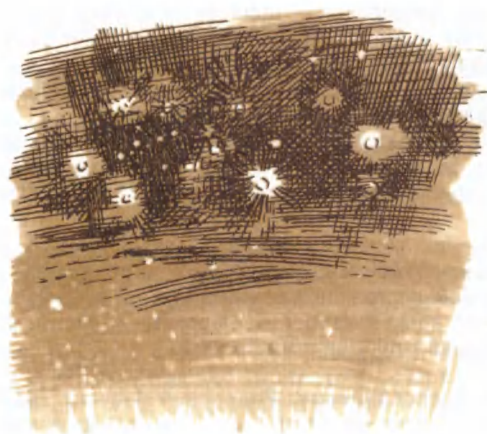
В 1984 году за роман «Люди как боги» С. Снегову была присуждена премия «Аэлита».

СТОЛЯРОВ Андрей Михайлович. Родился 20 октября 1950 года в Ленинграде. По окончании в 1973 году биолого-почвенного факультета ЛГУ работал научным сотрудником в Институте экспериментальной медицины, а затем — в Институте геологии и геохронологии докембрия. Автор нескольких научных работ. С 1987 года — профессиональный писатель.

В литературе дебютировал в 1984 году научно-фантастическим рассказом «Сурки», опубликованным журналом «Знание — сила». С тех пор вышли две его книги — «Аварийная связь» (1988) и «Изгнание беса» (1989), а также ряд повестей и рассказов в коллективных сборниках и периодике.

ШАЛИМОВ Александр Иванович. Родился 12 апреля 1917 года в Тамбове. В 1940 году окончил Ленинградский горный институт по специальности инженер-геолог. Кандидат геолого-минералогических наук, автор и соавтор более чем ста научных публикаций. Действительный член ряда научных обществ. Член Союза писателей СССР.

В литературе дебютировал в 1956 году. Ему принадлежат научно-художественные книги «Пульс Земли», «Горный компас», «На пороге великих тайн», «Набат тревоги нашей», фантастические книги «Тайна Гремящей расщелины» (1962), «Когда молчат экраны» (1965), «Тайна Тускароры» (1967), «Охотники за динозаврами» (1968 и 1970), «Странный мир» (1972), «Окно в бесконечность» (1980), «Возвращение последнего атланта» (1983), «Тайна атоллы Муай» (1986) и «Пир Валтасара» (1986).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>АНДРЕЙ БАЛАБУХА, АНАТОЛИЙ БРИТИКОВ.</i>	
Отражения жизни	5
 <i>АРТЕМ ГАЙ.</i>	
Наследники. Повесть	13
 <i>ТАТЬЯНА ОРЛОВСКАЯ.</i>	
Ниша забытой жизни. Повесть	54
 <i>ИГОРЬ СМИРНОВ.</i>	
Повесть о белом скитальце... Повесть	85
 <i>ЛЕОНИД АГЕЕВ.</i>	
С доставкой на дом. Рассказ	117
 <i>ВИКТОР ЖИЛИН.</i>	
Тест на совместимость. Рассказ.	137
 <i>ЛЕОНИД СМИРНОВ.</i>	
Проигрыш. Рассказ	146
 <i>СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ.</i>	
Взгляд долу. Рассказ	158
 <i>АНДРЕЙ СТОЛЯРОВ.</i>	
Дверь с той стороны. Рассказ	163
 <i>АНДРЕЙ ИЗМАЙЛОВ.</i>	
Только спорт. Рассказ	179
 <i>ОЛЬГА ЛАРИОНОВА.</i>	
Короткий деловой визит. Рассказ	188
 <i>МАРК ГОРДЕЕВ.</i>	
Улыбка королевы. Рассказ	216
 <i>СЕРГЕЙ СНЕГОВ.</i>	
Остров, не отмеченный на карте. Рассказ	227
 <i>АЛЕКСАНДР ШАЛИМОВ.</i>	
Отпущен до особого распоряжения. Рассказ .	255
Справки об авторах	268

Литературно-художественное издание
для СРЕДНЕГО и СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

Составители
Владимир Николаевич Дружинин
и Александр Иванович Шалимов

Ответственный редактор *О. В. Давтян*
Художественный редактор *А. П. Гасников*
Технический редактор *О. Е. Иванова*
Корректоры *В. Г. Арутюнян и Т. Г. Янина.*

ИБ 12205

Сдано в набор 06.10.89. Подписано к печати 12.04.90. М-15065.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,1. Усл. кр.-отт. 44,85. Уч.-изд. л.
22,58. Тираж 100 000 экз. Заказ № 594. Цена 1 р. 30 коп. Ленин-
градское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Друж-
бы народов издательства «Детская литература» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Дет-
ская книга» № 2 Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград,
2-я Советская, 7.

Д 23 Дверь с той стороны: Сборник фантастики и приключений/Вступ.
ст. А. Балабухи и А. Бритикова; Рис. и оформл. В. Филипенко. —
Л.: Дет. лит., 1990. — 271 с., ил.

ISBN 5—08—000254—9

Сборник фантастических произведений ленинградских писателей. В круг тем сборника входят проблемы
контакта, машинного интеллекта, экологии, освоения космоса.

Д 4803010201—146
М101(03)—90 без объявл.

Р 2

1р. 50к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ